МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Материалы международной научно-практической конференции

Москва, 2026

УДК 34
ББК 67
А 43
А 43 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ/ Материалы международной научно-практической конференции (для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, специалистов). Смоленск, 04 декабря 2025 г./ Под общ. редакцией А.А. Березиной, В.В. Пучковой. – М.: Международный юридический институт, 2026. – 487 с.

Рецензент:
Лопатина Татьяна Михайловна, д.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Международного юридического института.

Редакторы:
Березина А.А., директор Смоленского филиала Международного юридического института
Пучкова В.В., к.ю.н., доцент, научный сотрудник Смоленского филиала Международного юридического института

Члены редакционной коллегии:
Сирик Н.В., к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса;
Сенкевич В.В., к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса (отделение Смоленского филиала);
Ревенко Я.Д., к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин (отделение Смоленского филиала);
Васильева С.В., к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин (отделение Смоленского филиала).

04 декабря 2025 года в Смоленском филиале Международного юридического института состоялась Международная научно-практическая конференция «Теоретические и практические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения».

В сборнике представлены научные доклады и статьи студентов бакалавриата, магистратуры, аспирантов, профессорско-преподавательского состава вузов, практических работников органов правоохранительной системы, принимавших участие в работе конференции.

Адресуется преподавателям, аспирантам, студентам юридических вузов, научным и практическим работникам.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторской редакции. Редакторы не вносили коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

В НОМЕРЕ

РАЗДЕЛ 1. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Авдеева Лилия Александровна
Кабанова Алина Аркадьевна
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА УМНОГО ДОМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ *11*
Акимова Олеся Александровна
ФРАНКФУРТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1849 ГОДА И ЕЕ НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ: УПУЩЕННЫЙ ШАНС НЕМЕЦКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА *19*
Байкуш Владислав Ильич
Пушкарева Валерия Витальевна
РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОПРАВОК 2020 ГОДА *26*
Барахоев Ибрагим Сафарбекович
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСВТЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕДУРЫ *32*
Бутин Алексей Максимович
АДМИНИСТРАТИВНО–ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ ПОД ИНОСТРАННЫМ ВЛИЯНИЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ... *38*
Белоглазова Светлана Андреевна
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМИНЕНИЯ В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ *44*
Ворошнин Владимир Владимирович
К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА *50*
Гашникова Татьяна Дмитриевна
ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ – ЖЕРТВ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ *55*

Гузева Александра Данииловна
БОЙКОТ КРУПНЫХ СПОРТИВНЫХ СОБЫТИЙ И ПРИНЦИПЫ СУВЕРЕНИТЕТА И НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ *64*
Дрюпина Владислава Борисовна
АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ *72*
Должонкова Елизавета Андреевна
СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВВ. *80*
Даков Николай Степанович
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ СУДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ *86*
Зимин Тимур Важаевич
МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИСДИКЦИИ *93*
Крестьянинова Виктория Александровна
СТАНОВЛЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В АНГЛИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ *98*
Карелин Артём Сергеевич
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ *106*
Каплунович Яков Ильич,
ИНОАГЕНТЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА *112*
Ласточкина Маргарита Сергеевна
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ *119*
Медуница Виктория Константиновна
Смирнова Регина Сергеевна
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА *126*
Флянтикова Екатерина Викторовна
НОТАРИУС КАК СУБЪЕКТ ОКАЗАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ *133*
Федоренко Виктория Валерьевна
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА: ПРИНЦИПЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА *138*

Чернегова Виктория Владимировна
РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ.....147
Шелаева Любовь Алексеевна
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ВЫЗОВЫ.....153

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Акимова Екатерина Алексеевна
Комарова Леона Андреевна
АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ДОПУСТИМЫХ ВИДОВ РАБОТ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ РАБОТНИКОВ 161
Бугаева Кристина Сергеевна
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕКРЕТНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ В РФ.....169
Ботнарь Алеся Георгиевна
ТРУДОВАЯ ЗАЩИТА РАБОТНИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.175
Виниченко Александр Александрович
Ширяева Ангелина Алексеевна
ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ 181
Вечканова Ангелина Ивановна
Пашкова Ксения Сергеевна
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ 189
Васильева Полина Дмитриевна
СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В СПОРАХ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВАХ: ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ СИП И ИХ РОЛЬ ДЛЯ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ 195
Гайдуков Дмитрий Андреевич
ХАРАКТЕРИСТИКА ФИНАНСОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ 202
Добында Светлана
ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ 213

Дрогалина Екатерина Алексеевна
ПРОБЛЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА *218*
Заречнев Никита Сергеевич
ПАРАДОКС ДОБРОСОВЕСТНОГО ПОКУПАТЕЛЯ: ПОЧЕМУ В РОССИИ ПЕРЕСТАЛИ ЗАЩИЩАТЬ ЗАКОННЫЕ СДЕЛКИ *225*
Иванов Кирилл Игоревич
Ершов Никита Андреевич
ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СДЕЛОК КУПЛИ-ПРОДАЖИ БИЗНЕСА *232*
Комаров Руслан Юрьевич
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА «ФИНАНСОВАЯ АРЕНДА (ЛИЗИНГ)» В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПРАВОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ *239*
Казакова Диана Андреевна
ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОСУДИЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ *248*
Кожекина Ангелина Сергеевна
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ РЫНКОВ *257*
Кравцов Илья Павлович
Деркач Диана Александровна
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА ... *263*
Ломов Сергей Андреевич
К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ВИКАРНОГО И ПАУЛИАНОВА ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ *270*
Лыткин Константин Викторович
Наймушин Даниил Алексеевич
О ПЕРСПЕКТИВАХ ВЛИЯНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ *279*
Митин Даниил Владимирович
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАХОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ РИСКОВ *286*
Одуденко Виктория Юрьевна
ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ *293*
Поль Алёна Денисовна
СЕРВИСЫ ФИКСАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ БОРЬБЫ ЗА АВТОРСКИЕ ПРАВА *300*

Поспелов Александр Алексеевич
Федоров Дмитрий Сергеевич
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ОТ НАВЯЗЫВАНИЯ НЕСПРАВЕДЛИВЫХ УСЛОВИЙ В ДОГОВОРАХ ПРИСОЕДИНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ *308*
Посадская Дарья Антоновна
СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ *317*
Поляничев Николай Алексеевич
СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ *323*
Синиченкова Светлана Сергеевна
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ *332*
Холод Сергей Дмитриевич
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ХРАНЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТ РЕАЛЬНОГО К КОНСЕНСУАЛЬНОМУ И ЕЕ ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ *340*
Хаимов Ашир Илягуевич
ЛИЦЕНЗИОННЫЕ (ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЕ) СОГЛАШЕНИЯ В СФЕРЕ ВИДЕОИГР И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ *348*
Чжао Жуньфэн
МЕХАНИЗМЫ СПРАВЕДЛИВОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ ВТО В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: МРІА КАК МОСТ МЕЖДУ ПУБЛИЧНЫМ И ЧАСТНЫМ ПРАВАМИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ *355*
Шлыкова Валентина Владимировна
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ *360*
Юсупова Асия Наилевна
Москалёва Анастасия Владиславовна
УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ СДЕЛОК НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ И ПРИМЕНЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НИЧТОЖНОЙ СДЕЛКИ *368*

РАЗДЕЛ 3. КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН: ОТ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА ДО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Васеловская Александра Викторовна
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОДГОТОВКИ ОСУЖДЕННЫХ К ОСВОБОЖДЕНИЮ ИЗ УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ НАКАЗАНИЯ, В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ.....377
Глушков Кирилл Евгеньевич
Попов Дмитрий Алексеевич
ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ СТ. 318 УК РФ, В 2025 ГОДУ.....383
Гольдштейн Адара Алексеевна
ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СОГЛАСИЯ DE LEGE FERENDA.....390
Коваленко Татьяна Сергеевна
ПЕРСПЕКТИВЫ БОРЬБЫ С ДРОППЕРСТВОМ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ И ИНЫМИ СРЕДСТВАМИ.....397
Курносова Аделина Вячеславовна
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СТАДИИ ПЕРЕСМОТРА ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПРИГОВОРОВ: ПРОБЕЛЫ И КОЛЛИЗИИ.....403
Кравцов Илья Павлович
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УЯЗВИМОСТЬ КАК КРИМИНООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР И ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИНУЖДЕНИЕМ К АУТОАГРЕССИИ.....410
Колмыкова Олеся Анатольевна
Щербаков Иван Антонович
ВОЗРАСТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ УЖЕСТОЧЕНИЯ ИЛИ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ГУМАНИЗМУ?.....416
Каменева Мария Сергеевна
Лунев Даниил Геннадьевич
DEEPFAKE-ТЕХНОЛОГИИ КАК ВЫЗОВ ГОСУДАРСТВУ И ПРАВУ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....431
Макаров Иван Александрович
ТЕОРИЯ «РАЗБИТЫХ ОКОН»: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ.....440
Моисеев Артем Дмитриевич
ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ДИПФЕЙКОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ.....447
Новокшонов Дмитрий Вячеславович
ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ.....454

Одуденко Виктория Юрьевна
КИБЕРСТАЛКИНГ И ЦИФРОВОЕ НАСИЛИЕ: ПРОБЕЛЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ *459*
Сидоров Максим Александрович
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА *468*
Тарасик Ольга Игоревна
«БЕСПИЛОТНЫЙ ОБХОД»: НЕОБХОДИМОСТЬ УЧЕТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БПЛА В КАЧЕСТВЕ КВАЛИФИЦИРУЮЩЕГО ПРИЗНАКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 215.4 УК РФ *477*

РАЗДЕЛ 1. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Авдеева Лилия Александровна
студентка 4 курса,
Тульский государственный университет,
г. Тула, Россия

Кабанова Алина Аркадьевна
студентка 4 курса,
Тульский государственный университет,
г. Тула, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА УМНОГО ДОМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ[1]

Avdeeva Lilia Alexandrovna
4rd year students
Tula state university
Tula, Russia
Kabanova Alina Arkadyevna
4rd year students
Tula state university
Tula, Russia

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Тульский государственный университет, Бессараб Наталья Сергеевна

SMART HOME'S LEGAL FEATURES IN MODERN RUSSIAN LAW: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Аннотация*: данная статья посвящена комплексному исследованию и анализу одной из наиболее дискуссионных тем в современном отечественном праве — межотраслевым регуляторным проблемам правового статуса умного дома и обеспечивающих его деятельность систем. Практическая значимость работы заключается в разработанных рекомендациях по созданию сбалансированной, гибкой и полной законодательной базы для формирования и установления надлежащего правового режима умного дома. Авторы статьи не только выделяют существующие проблемы регулирования, но и обращаются и исследуют их первопричины.*

Abstract*: this article is devoted to a comprehensive study and analysis one of the most controversial topics in modern Russian law that is the intersectoral regulatory problems of the legal status of a smart home and the systems that support its operation. The practical significance of this study lies in the developed recommendations which can help to create a balanced, flexible and complete legislative framework for the formation and establishment of an appropriate legalisation for smart homes. The authors of the article identify existing regulatory problems, and address and investigate their root causes.*

Ключевые слова: *умный дом, правовой статус умного дома, жилищное право.*

Key words: *smart home, smart home's legal standards, law housing law.*

Трудно отрицать тот факт, что современный этап развития общества характеризуется стремительным ростом информационных технологий. Они проникают во все сферы жизни человека, не исключая его повседневную деятельность. В частности, достаточно популярной стала автоматизации бытовых функций посредством установки систем умного дома.

Технологии действительно способны сделать пребывание в жилище более комфортным. Использование систем умного дома позволяет людям не участвовать в части наиболее востребованных бытовых сферах деятельности — работе систем обеспечения жизнедеятельности (например, температурный контроль в помещении, очистка и увлажнение воздуха, автоматизация кормушек для домашних животных и т.д.) и обеспечение контроля за безопасностью жилища (интеллектуальные камеры и системы безопасности, интеллектуальные дверные замки) [10, с.117]. Среди преимуществ использования данных систем можно отметить увеличение уровня безопасности, простота управления, широкий функционал. Наиболее социально важным аспектом является возможность облегчения повседневного

быта посредством использования систем автоматизированного управления для пожилых и маломобильных граждан.

Однако в силу технической сложности данного типа оборудования жилых помещений они, несомненно, имеют свой специфический правовой статус. Актуальность настоящего исследования обусловлена стремительной цифровизацией бытового пространства и формированием новой технологической реальности, которая опережает развитие действующего законодательства. Правовое поле демонстрирует значительное отставание в регулировании отношений, возникающих в связи с эксплуатацией интеллектуальных киберфизических систем, что создает правовые риски для всех участников данных правоотношений. Налицо формирование устойчивого правового вакуума в вопросах квалификации, оборотоспособности и ответственности, требующего безотлагательного доктринального осмысления и последующей законодательной конкретизации. Также необходимость исследований в сфере нормативного регулирования правового статуса умного дома исходит из того, что, в основном, системы «Умный дом» используют многоквартирные дома и частные коттеджи, т.е. в целом используют активно частные лица, в то время как государственные учреждения не применяют активно данную систему. Объясняется это отсутствием законодательного регулирования в сфере систем «Умный дом», что значительно усложняет на практике применение автоматизированных систем [9, с.41].

Прежде чем переходить к исследованию правового статуса умного дома, необходимо разобраться с понятием и сущностью данной категории. Важно отметить отсутствие легального закрепления данного определения; в науке же часто цитируется определение, выработанное В.А. Алехиным, согласно которому умный дом — это система, в которой распознаются конкретные ситуации, происходящие в доме и сценарии реагирования на них, что обеспечивает жильцам безопасность, комфорт и ресурсосбережение [8, с.139]. Иными словами, это комплекс технологий, позволяющих человеку продуктивно и эффективно использовать свое жилое пространство.

Кроме этого, определение систем умного дома получило свое закрепление в национальных стандартах. Оно установлено в ГОСТ №71199-2023 [5]. Стоит отметить, что в данном акте понятие системы умного дома и сам умный дом разделены:

Система умный дом — это программно-аппаратный комплекс умного дома (в т. ч. на основе облачных и/или иных технологий) или автоматизированная система управления зданием, обеспечивающие автоматизацию управления инженерными системами, оборудованием, процессами и/или сервисами здания.

Умный дом — это:

Здание, сооружение, жилой дом или жилой комплекс, оснащенные системами УД, предназначенными для эффективной, безопасной и

комфортной эксплуатации, а также для предоставления сервисов резидентам УД, посетителям УД и/или другим заинтересованным сторонам.

Система УД для предоставления сервисов резидентам УД, посетителям УД и/или другим Национальный стандарт российской федерации. Системы киберфизические УМНЫЙ ДОМ. заинтересованным сторонам. При этом в документе отмечается, что термин «система умного дома» является достаточно многозначным, и его смысл зачастую окончательно может быть ясен только из контекста.

Элементы системы умного дома сейчас есть почти у каждого: к ним, в частности, могут быть отнесены системы кондиционирования, отопления, охраны, освещения, механизация гаражных ворот, освещения садового участка, музыкальные системы, автоматизированные жалюзи, бытовая техника и многое другое. Обобщая, ученые отмечают несколько основных групп функций, который может выполнять умный дом на сегодняшний день:

управление освещением (создание новых сцен в зависимости от окружающей обстановки);

управление инженерными системами (контроль и предотвращение протечек воды, утечки газа, сообщение о происшествии хозяину квартиры и др.);

управление температурным режимом (контроль теплых полов, бассейна, общей температуры в жилом помещении);

управление электророзетками;

озвучивание дома (система «мультирум» и перемещение аудио в пространстве);

автоматизирование процессов обслуживания дома (автоматическое проветривание, автоматический полив, датчики движения, автоматический обогрев и др.);

дистанционное управление всеми системами умного дома [11, с.84].

Изучение правового статуса умного дома в науке жилищного права особенно важно, т.к. система умного дома часто может затрагивать переоборудование жилого помещения или же изначально быть сложным техническим объектом, к которому должны быть предъявлены куда более серьезные требования по установке, проверке и эксплуатации. Многие умные дома (или же его элементы) могут включать сложные киберфизические комплексы, программное обеспечение и сетевую инфраструктуру.

Правовое регулирование систем умного дома предусмотрено непосредственно Жилищным Кодексом РФ, который в ст. 161 устанавливает общеобязательные требования к обеспечению надежности и безопасности в многоквартирном доме, а также требования о безопасности инженерных систем, распространяющиеся и на интеллектуальные компоненты [1]. Кроме того, в России существуют уже упоминавшиеся ранее специальные национальные стандарты, содержащие подробную и четкую регламентацию

различных аспектов установки и эксплуатации систем умного дома. В настоящий момент среди таких ГОСТов можно назвать следующие: это ГОСТ 71200-2023 «Системы киберфизические. Умный дом. Общие положения» [4], ГОСТ Р 71868-2024 «Системы киберфизические. Умный дом. Классы многоквартирных домов» [3], ГОСТ Р 71199-2023 «Системы киберфизические. Умный дом. Термины и определения. Таким образом, данные стандарты устанавливают: конкретные технические требования к системам умного дома; положения о совместимости устанавливаемого оборудования и стандартизации интерфейсов; положения о типовой инфраструктуре умных домов; перечень пользователей систем и вопросы их взаимодействия; классификация зданий по уровню оснащенности, порядок оценки для возможности признания многоквартирного дома умным домом и др. Особое значение имеет запрет на «залоченность» оборудования к конкретным производителям, направленный на предотвращение монополизации рынка и обеспечение свободы выбора для потребителей [12, с.239].

Сложность применения классического вещно-правового режима заключается в цифровой составляющей системы, которая не является статичным объектом, а представляет собой динамический комплекс алгоритмов и данных. Правовая природа такой системы колеблется между статусом сложной вещи, программного комплекса и цифрового актива. Отсутствие легальной дефиниции и однозначного места в системе объектов гражданских прав создает правовой вакуум, заполняемый судами по усмотрению, что ведет к разнородной судебной практике.

В России в 2011 году были утверждены два технических регламента таможенного союза, которые касались именно оборудования системы «Умный дом»:

ТР ТС 004/2011 «О безопасности низковольтного оборудования» [7];

ТР ТС 020/2011 «Электромагнитная совместимость технических средств» [6].

Разработка технических регламентов позволила применять данные системы, но они носят исключительно технический характер и документы не носят нормативно-правового характера. Следует отметить, что не все автоматизированные системы управления «Умный дом» являются сертифицированными на соответствие определенным техническим регламентам, что соответственно создает ряд проблем в части их применения в рамках действующего законодательства [13, с.352].

Одним из основных аспектов нормативно-правового регулирования внедрения автоматизированных систем управления зданием «Умный дом» является система взаимодействия между участниками этого процесса. Отсутствие четкой регламентации отношений на данном рынке приводит к путанице, так как участники не осведомлены о своих правах и обязанностях. Это может вызвать спорные ситуации, разрешение которых в рамках

правового поля будет затруднительным из-за недостатка нормативной базы. Например, иллюстрацией данной проблемы служит ситуация, регламентированная ст. 238 УК РФ, когда в случае возникновения аварийной ситуации или наступления смерти человека, к уголовной ответственности может быть привлечено лицо, занимавшееся установкой датчиков утечки газа за оказание услуг, не отвечающее требованиям безопасности. Однако в условиях отсутствия отраслевых стандартов и детализированных требований к услугам, доказать вину или, наоборот, свою невиновность становится крайне сложно для всех сторон. Таким образом, недостаток в правовом регулировании данной сфере влечет правовые риски и неопределённость ответственности: для успешного развития этого рынка и минимизации правовых рисков необходима незамедлительная разработка комплексной нормативной базы, которая четко определит права, обязанности и зоны ответственности каждого участника — от производителя оборудования до монтажной организации и конечного пользователя.

Правовой статус персональных данных, обрабатываемых умным домом, требует отдельного анализа в контексте соблюдения требований Федерального закона «О персональных данных» [2]. Биометрические данные, получаемые системами распознавания лиц и голоса, данные о распорядке дня и поведенческих паттернах жильцов образуют обширный массив информации, подпадающей под специальный правовой режим. Неясность в определении оператора и обработчика персональных данных в распределенной архитектуре системы создает риски нарушения законодательства, особенно в части трансграничной передачи данных и получения надлежащего согласия субъекта.

Необходимо отметить, что регулирование систем умного дома представляет собой сложную и многоярусную систему, которая включает в себя положения различных отраслей законодательства. Это создает свои определенные сложности в правовом регулировании, так как полноценно легализовать и законно обусловить весь объем отношений, возникающих при установке, проверки, эксплуатации и ответственности за нарушения в данной сфере в рамках одной или даже двух-трех отраслей невозможно. Современные интеллектуальные жилые системы требуют особого подхода к правовому регулированию, сочетающего технические стандарты, требования безопасности и защиту прав пользователей.

Регуляторные пробелы и межотраслевые барьеры в законодательстве создают системную проблему для формирования последовательного правового режима умного дома. Отсутствие технико-юридических стандартов, определяющих минимально необходимые требования к безопасности, совместимости и ответственности, приводит к фрагментарному регулированию на уровне отраслевых актов. Перспективы развития правового регулирования в этой сфере связаны с необходимостью решения нескольких

ключевых задач: разработки единых стандартов безопасности, создания эффективной системы сертификации, гармонизированной с международными требованиями, четкого распределения ответственности между участниками рынка и развития механизмов страхования рисков.

Цифровизация жилищного сектора в настоящее время возможна лишь на основе гибкой и сбалансированной нормативной базы, которая могла бы полноценно обеспечивать защиту прав и интересов граждан, не препятствуя при этом развитию технологического прогресса и улучшению качества жилищных условий. Такая задача требует координированного сотрудничества между органами государства, научного сообщества и бизнеса. Особую роль в этом процессе также должны играть саморегулируемые организации и отраслевые объединения, способные оперативно реагировать на технологические изменения. Именно такой комплексный подход к данной проблеме позволит создать в России устойчивую нормативную базу для развития и внедрения технологий систем умного дома.

Библиографический список

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СЗ РФ. — 2005. — № 1.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. — 2006. — № 31.
3. ГОСТ Р71868-2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы киберфизические. Умный дом. Классы многоквартирных домов. Часть 1: дата введения — 2025-02-01 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://docs.cntd.ru/document/1310939638 (дата обращения: 22.10.2025). — Текст: электронный.
4. ГОСТ Р71200-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы киберфизические. Умный дом. Общие положения: дата введения — 2024-09-01 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://docs.cntd.ru/document/1304634008 (дата обращения: 22.10.2025). — Текст: электронный.
5. ГОСТ Р71199-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы киберфизические. Умный дом. Термины и определения: дата введения — 2024-09-01 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://docs.cntd.ru/document/1304634007 (дата обращения: 22.10.2025). — Текст: электронный.
6. Технический регламент Таможенного союза. ТР ТС 020/2011. Электромагнитная совместимость технических средств (Утвержден Решением Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 879) //

Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://docs.cntd.ru/document/902320551 (дата обращения: 22.10.2025). — Текст: электронный.
7. Технический регламент Таможенного союза. ТР ТС 004/2011. О безопасности низковольтного оборудования (Утвержден Решением Комиссии Таможенного союза от 16.08.2011 № 768) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://docs.cntd.ru/document/902299536 (дата обращения: 22.10.2025). — Текст: электронный.
8. Алехин В.А. Специализация научной и профессиональной деятельности: учебное пособие. — М.: РТУ МИРЭА, 2019. — 178 с.
9. Китаев А.Е., Миронова И.И. Маркетинговое исследование рынка Умных домов в цифровой экономике // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – Т. 5, № 10. – С. 34-46.
10. Мельник О.Н. Умный дом: возможности и технология // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. — 2021. — № 4. — С. 115-118.
11. Невмержицкий В.Л. Умные дома // Управление инновациями: теория, методология, практика. — 2016. — №15. — С. 83-88.
12. Петреноква С.Б., Натарин Д.Д. Правовое регулирование систем «Умный дом»: аспекты стандартизации и кибербезопасности // Вопросы российского и международного права. — 2025. — Т. 15. — № 3А. — С. 328-334.
13. Шугунов Т.Л., Жуков А.З. Проблема нормативно-правового регулирования использования системы «умный дом» в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. — 2020. — Т. 2. — № 2. — С. 351-353.

Акимова Олеся Александровна
студентка 2 курса,
Северо-Западного филиала
Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
г. Санкт-Петербург, Россия

ФРАНКФУРТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1849 ГОДА И ЕЕ НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ: УПУЩЕННЫЙ ШАНС НЕМЕЦКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА[1]

Akimova Olesya Alexandrovna,
2nd-year student,
North-West Branch
of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev,
Saint Petersburg, Russia

THE FRANKFURT CONSTITUTION OF 1849 AND ITS UNREALIZED CRIMINAL LAW PRINCIPLES: A MISSED CHANCE FOR GERMAN LIBERALISM

Аннотация*: статья посвящена анализу уголовно-правовых принципов, заложенных во Франкфуртской конституции 1849 года, и их нереализации в контексте политической и правовой ситуации Германии второй половины XIX века. Рассматриваются основные принципы Конституции, такие как принцип законности, отмена смертной казни, презумпция невиновности и суд присяжных, а также их системное значение в структуре Конституции. В статье исследуется связь принципов с доктриной либерального правового государства и степень их соответствия основным идеям либерализма. Также*

[1] Научный руководитель- кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Потапов Юрий Алексеевич

анализируются причины нереализации данных принципов, включая политическую нестабильность, сопротивление консервативных сил и восстановление монархической власти. Оценены последствия их отсутствия для развития германского уголовного права и доминирования консервативных реформ. В заключение сделаны выводы о важности политической воли и институциональной поддержки для успешной правовой реформы и уроках, которые можно извлечь из упущенного шанса немецкого либерализма.

***Abstract**: the article is dedicated to analyzing the criminal law principles enshrined in the Frankfurt Constitution of 1849 and their non-implementation within the political and legal context of mid-19th century Germany. The key principles of the Constitution, such as the principle of legality, abolition of the death penalty, presumption of innocence, and trial by jury, are examined along with their systemic role in the Constitution's structure. The article explores the connection between these principles and the doctrine of the liberal rule of law and their alignment with core liberal ideas. It also analyzes the reasons for their non-implementation, including political instability, resistance from conservative forces, and the restoration of monarchical power. The consequences of their absence for the development of German criminal law and the dominance of conservative reforms are assessed. Finally, conclusions are drawn about the importance of political will and institutional support for successful legal reform and the lessons to be learned from the missed opportunity of German liberalism.*

***Ключевые слова:** Франкфуртская конституция, немецкий либерализм, уголовно-правовые принципы, Rechtsstaat, революция 1848-1849 гг., историческая альтернатива.*

***Key words:** Frankfurt Constitution, German liberalism, criminal law principles, Rechtsstaat, 1848-1849 revolution, historical alternative.*

Франкфуртская конституция 1849 года представляет собой уникальный для немецкого конституционализма документ, в котором отражён наивысший подъём либеральной правовой мысли середины XIX века. Э.-В. Бёкенфёрде справедливо отмечал, что это была первая серьёзная попытка закрепить в общегерманском масштабе модель демократического правового государства на либеральной основе [6, с. 45]. Особое место в Основном законе занимают уголовно-правовые положения: они закрепляли ряд прогрессивных для своего времени принципов, но так и не были реализованы в правопорядке германских государств. Конституция была подготовлена в ходе революционных событий 1848–1849 гг. и должна была стать правовой рамкой объединённой Германии. Однако отсутствие политической поддержки привело к тому, что содержащиеся в ней уголовно-правовые принципы остались нереализованным проектом и не смогли в полной мере повлиять на эволюцию немецкого уголовного законодательства.

Актуальность обращения к Франкфуртской конституции сегодня связана с тем, что её уголовно-правовой раздел демонстрирует мало изученную альтернативу развитию немецкого права. Закреплённые в нём положения предлагали иной вектор реформ – гуманизацию наказаний, приоритет защиты прав личности и усиление судебных гарантий. Анализ этих принципов позволяет по-новому оценить «упущенный шанс» немецкого либерализма и лучше понять, почему реформы середины XIX века не привели к устойчивому утверждению либеральной модели правосудия. В условиях современной дискуссии о границах государственного принуждения и защите прав человека исторический опыт Франкфуртской конституции остаётся востребованным ориентиром [4].

Научная новизна работы заключается в целостном рассмотрении уголовно-правовых норм Франкфуртской конституции как связанной системы, ориентированной на построение либерального Rechtsstaat. Принципы законности, отмены смертной казни, презумпции невиновности и суда присяжных рассматриваются не изолированно, а в их взаимосвязи и в контексте доктрины правового государства. Несмотря на наличие обширной историографии революции 1848–1849 гг., вопросы уголовного права в тексте конституции обычно освещаются фрагментарно; их связь с либеральной программой и последствия нереализации для дальнейшего развития германского уголовного права раскрыты в литературе лишь частично [3;7].

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:
1) Охарактеризовать историко-политический контекст принятия Франкфуртской конституции и место в нём уголовно-правовых норм;
2) Проанализировать содержание ключевых уголовно-правовых принципов конституции и показать их связь с либеральной теорией правового государства;
3) Выявить основные причины не реализации соответствующих конституционных положений во второй половине XIX века;
4) Оценить влияние отказа от имплементации данных принципов на дальнейшее развитие германского уголовного законодательства и доминирование консервативной модели регулирования;
5) Сформулировать выводы о значении «упущенного шанса» немецкого либерализма для современного понимания эволюции уголовно-правовой доктрины.

Революция 1848–1849 гг. создала политические предпосылки для разработки Франкфуртской конституции. В рамках общегерманского Национального собрания в Паульскирхе обсуждался проект объединения германских государств на основе либеральной конституции. Как подчёркивал М. Штоллейс, парламент во Франкфурте стал своеобразной «лабораторией немецкого либерализма», где в краткий исторический момент были сформулированы основные принципы правового государства [7, с. 128]. В

уголовно-правовой части проект ориентировался на идеи Просвещения и гуманизации наказаний; значительная часть соответствующих норм концентрировалась в разделе VI «Основные права немецкого народа» [1]. Тем самым конституция закрепляла не только организацию власти, но и систему фундаментальных гарантий личности, в том числе в сфере уголовной юстиции.

Принцип законности, закреплённый в §§ 137–139 Франкфуртской конституции, занимал центральное место в системе уголовно-правовых положений. Впервые на общегерманском уровне в конституционный текст была включена формула nullum crimen, nulla poena sine lege, которую М. Штоллейс характеризует как «краеугольный камень современного правового государства» [7, с. 215]. Суть принципа состояла в том, что преступление и наказание могут устанавливаться исключительно законом, а привлечение к ответственности на основе обычаев, аналогии или усмотрения судьи исключалось. В доктрине этот подход связывали с идеями П.-И. А. Фейербаха, который подчёркивал, что только закон вправе определять наказуемость деяний, а суд обязан строго следовать предписаниям закона [5, с. 89]. В либеральной концепции Rechtsstaat принцип законности одновременно выполнял несколько функций: гарантировал предсказуемость и ясность уголовного запрета для граждан, ограничивал дискрецию суда и исполнительной власти и выступал ключевым инструментом защиты от репрессивного произвола.

Не менее значимым для либеральной программы являлось положение об отмене смертной казни и телесных наказаний (§ 139). Текст конституции прямо фиксировал, что смертная казнь упраздняется, а позорящие, телесные наказания и пытки недопустимы. В условиях, когда в большинстве европейских государств смертная казнь оставалась обычной мерой, столь радикальный шаг выглядел принципиальным отказом от наследия старого репрессивного порядка. Как отмечает Е.Н. Салыгин, обсуждение отмены смертной казни стало одной из самых острых тем в Национальном собрании и выявило глубокий раскол между либеральной и консервативной частями депутатского корпуса [3, с. 71]. Теоретически этот шаг опирался на идеи Ч. Беккариа и немецких просветителей: либеральные депутаты апеллировали к человеческому достоинству и необратимости судебной ошибки, подчёркивая, что государство, претендующее на роль правового, не может использовать жестокие наказания как средство устрашения [2, с. 98]. Тем самым отказ от смертной казни и телесных наказаний вписывался в более широкий контекст гуманизации уголовного права и перехода от мести к ресоциализации и пропорциональности наказаний.

Важным элементом либеральной модели уголовного процесса в Франкфуртской конституции выступала презумпция невиновности, закреплённая в § 178. Никто не мог считаться виновным до вынесения законного судебного решения, основанного на исследовании доказательств.

Это означало отход от инквизиционной логики, в рамках которой подозреваемый фактически воспринимался как виновный, а процесс был направлен на добывание признания. С презумпцией невиновности тесно связано и право на защиту (§ 179): обвиняемый получал гарантии юридической помощи, права знакомиться с материалами дела и представлять собственные доказательства. Для либерального правового государства такие положения имели принципиальное значение: они не только обеспечивали равенство сторон в процессе, но и ограничивали возможность использования репрессивных процедур без достаточных доказательств.

Особое место в системе уголовно-правовых гарантий занимала идея суда присяжных для тяжких преступлений (§ 176). Введение жюри предполагало участие граждан в отправлении правосудия и рассматривалось либеральными авторами как институциональная защита от произвола государственной власти. Э.-В. Бёкенфёрде подчеркивал, что суд присяжных представлялся немецким либералам прямым «переносом английской модели правового государства» и должен был укрепить доверие общества к судебной системе [4, с. 167]. Решение вопроса о виновности передавалось коллегии непрофессиональных судей, отобранных из народа, тогда как судьи-профессионалы осуществляли руководящую и правоприменительную функции. В перспективе подобная модель могла бы радикально изменить характер уголовного процесса в германских государствах, приблизив его к англо-саксонскому типу.

Несмотря на внутреннюю логическую связанность и соответствие либеральной доктрине, уголовно-правовые принципы Франкфуртской конституции не были реализованы. Причины этого во многом коренятся в политических итогах революции 1848–1849 гг. Прежде всего, либеральное движение потерпело поражение в противостоянии с консервативными силами. Отказ прусского короля принять императорскую корону, предложенную Франкфуртским собранием, символизировал крах проекта либерального объединения. Монархии, восстановившие контроль, не были заинтересованы в проведении масштабных реформ, ограничивающих их власть, особенно в области уголовной юстиции.

Вторая группа факторов связана с общей политической реакцией и институциональной слабостью Франкфуртской конституции. Документ так и не получил признания большинства германских правителей, не сопровождался созданием устойчивых общефедеральных институтов и механизмов реализации. В условиях экономических трудностей и социального недовольства приоритет был отдан стабилизации и поддержанию порядка, а не либеральным преобразованиям. Текст конституции содержал немало неопределённостей, что облегчало отказ от его практического применения и возвращение к прежним государственно-правовым моделям [6].

Не последнюю роль сыграло и отсутствие широкой социальной опоры для либерального проекта. Значительная часть крестьянства и рабочего класса не связывала конституционные реформы с улучшением своего материального положения, тогда как консервативные слои общества воспринимали их как угрозу существующему порядку. В результате Франкфуртская конституция осталась проектом образованного либерального меньшинства и не стала реальной основой общегерманского консенсуса. Внешнеполитическая ситуация – раздробленность Германии, конкуренция Австрии и Пруссии, напряжённость в Европе – также ограничивала возможности для закрепления единой конституционной модели.

Нереализация уголовно-правовых принципов Франкфуртской конституции предопределила доминирование консервативных реформ в сфере уголовного права Германии во второй половине XIX века. Вместо последовательной гуманизации наказаний и укрепления процессуальных гарантий на первый план вышли задачи обеспечения порядка и усиления государственного контроля. Принцип законности и презумпция невиновности внедрялись постепенно и фрагментарно, суд присяжных не стал универсальной формой рассмотрения тяжких дел, а смертная казнь сохранялась в законодательстве намного дольше, чем предполагали авторы Франкфуртского проекта [6]. Тем самым был упущен шанс ускоренного перехода к либеральной модели правосудия, ориентированной на приоритет прав личности.

Подводя итоги, можно отметить, что в ходе исследования были рассмотрены ключевые уголовно-правовые положения Франкфуртской конституции 1849 года – принцип законности, отказ от смертной казни и телесных наказаний, презумпция невиновности, право на защиту и суд присяжных. Показано, что они образуют внутренне согласованную систему, ориентированную на построение либерального правового государства и защиту достоинства личности. Вместе с тем политическое поражение либерального движения, реставрация монархической власти и отсутствие устойчивой социальной и институциональной поддержки привели к тому, что эти принципы остались нереализованными. Консервативное развитие германского уголовного права значительно отсрочило внедрение заложенных во Франкфуртской конституции идей. Исторический опыт данного «упущенного шанса» немецкого либерализма демонстрирует, что даже наиболее продуманная система правовых принципов не может быть реализована без политической воли и широкой общественной поддержки, а также подчёркивает, насколько важна своевременная имплементация либеральных уголовно-правовых стандартов для формирования гуманного и эффективного правосудия.

Библиографический список

1. Франкфуртская Конституция 1849 года : текст и комментарии // Deutsche Digitale Bibliothek : [сайт]. — URL: **https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de** (дата обращения: 25.11.2025). — Текст: электронный.
2. Богдановская И. Ю. Исторические формы уголовного права: сравнительно-правовое исследование. — М.: Проспект, 2018. — С. 98
3. Салыгин Е. Н. Франкфуртский парламент и его конституция 1849 года // Правоведение. — 1993. — № 4. — С. 71
4. Böckenförde E.-W. Staat, Gesellschaft, Freiheit : Studien zur Staatstheorie und zum Verfassungsrecht / E.-W. Böckenförde. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1976. — 365 S.
5. Feuerbach P. J. A. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts / P. J. A. Feuerbach. — Giessen : Heyer, 1801.
6. Hattenhauer H. Geschichte des deutschen Beamtentums / H. Hattenhauer. — Köln : Heymann, 1980.
7. Stolleis M. Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. Bd. 2 : Staatsrechtslehre und Verwaltungswissenschaft 1800–1914 / M. Stolleis. — München : C. H. Beck, 1992. — 485 S.

Байкуш Владислав Ильич
Студент 2 курса,
Сибирский университет
потребительской кооперации,
г. Новосибирск, Россия

Пушкарева Валерия Витальевна
Студентка 2 курса,
Сибирский университет
потребительской кооперации,
г. Новосибирск, Россия

РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОПРАВОК 2020 ГОДА[1]

Baikush Vladislav Ilyich
2nd year student,
Siberian University of Consumer Cooperation,
Novosibirsk, Russia

Pushkareva Valeria Vitalievna
2nd year student,
Siberian University of Consumer Cooperation,
Novosibirsk, Russia
Novosibirsk, Russia

DEVELOPMENT OF RUSSIA'S CONSTITUTIONAL SYSTEM AS A RESULT OF THE 2020 AMENDMENTS

Аннотация: *в докладе проводится обзорный анализ масштабной конституционной реформы 2020 года в России. Рассматриваются ключевые нововведения: укрепление суверенитета, трансформация системы разделения властей, усиление роли Президента. Особое внимание уделяется*

[1] Научный руководитель - старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Сибирского университета потребительской кооперации, Степанова Вера Владимировна

практической реализации поправок через принятие новых федеральных законов и их системное влияние на развитие российской государственности.

Abstract: *the report provides an overview analysis of the large-scale constitutional reform of 2020 in Russia. Key innovations are considered: strengthening of sovereignty, transformation of the system of separation of powers, strengthening of the role of the President. Special attention is paid to the practical implementation of amendments through the adoption of new federal laws and their systemic impact on the development of Russian statehood.*

Ключевые слова: *конституционная реформа 2020 года, перераспределение полномочий, приоритет национального права, реализация поправок, Конституционный Суд, Президент, суверенитет, территориальная целостность.*

Keywords: *constitutional reform of 2020, redistribution of powers, priority of national law, implementation of amendments, Constitutional Court, President, sovereignty, territorial integrity.*

Конституция Российской Федерации 1993 года долгое время оставалась неизменной в своей текстовой части. Однако социально-политические и правовые реалии требовали адаптации Основного закона к новым вызовам. Процесс внесения поправок в 2020 году стал самым масштабным за всю историю современной России. Изменения затронули ключевые аспекты организации публичной власти, федеративного устройства, не изменяя при этом фундаментальных основ конституционного строя, прав и свобод человека, закрепленных в главах 1, 2 и 9, которые остались незыблемыми.

Цель – проанализировать влияние поправок 2020 года на развитие отдельных областей законодательства.

Рассматриваемые поправки 2020 года носят комплексный характер и могут быть систематизированы по нескольким ключевым направлениям: укрепление суверенитета и территориальной целостности, реорганизация системы разделения властей и «обнуление» президентских сроков, усиление роли Конституционного Суда. Рассмотрим каждую из них:

1. Укрепление суверенитета и территориальной целостности

Эти поправки были направлены на юридическое закрепление основ государственного суверенитета и недопущение внешнего вмешательства.

Впервые на конституционном уровне закрепляется статус России как правопреемника СССР на своей территории (ст. 67.1). Данная поправка имеет не только историко-символическое, но и правовое значение, что значительно укрепляет позиции РФ в международных спорах.

Устанавливается запрет на отчуждение федеральных территорий, а также любые действия, направленные на это (ст. 67. п. 2.1). В.А. Яковлев-Чернышев отмечает, что «данная поправка очень важна с учетом как политического давления на Россию вследствие присоединения Крыма в 2014 г., так и

пресечения возможных провокаций и экстремистской деятельности» [6, с. 409]. Таким образом, закрепление данного принципа на конституционном уровне создало дополнительный правовой барьер для любых попыток нарушения территориальной целостности страны.

Внесены некоторые дополнения в подход к международному праву (ст. 79). Теперь «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.» Такое нововведение утверждает безусловный приоритет национальной Конституции [1].

2. Обновление системы разделения властей и «обнуление» президентских сроков

Поправки 2020 года существенно изменили баланс между ветвями власти, усиливая роль Президента и перераспределяя полномочия между ним, парламентом и правительством.

Введение так называемого «обнуления» президентских сроков. Положение о том, что одно и то же лицо не может занимать пост Президента более двух сроков, было дополнено оговоркой: «за исключением случая, предусмотренного частью 3.1 настоящей статьи (ст. 81 п. 3.1). Это означает, что данное ограничение не применяется к действовавшему на момент вступления поправок в силу Президенту.

Значительно расширены полномочия Президента. В частности, он получил право:

назначать после консультаций с Советом Федерации и освобождать от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая министров) силового, иностранного и других ведомств (п. «д.1» ст. 83 Конституции РФ);

обращаться в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности федеральных законов до их подписания (ст.107);

вносить в Совет Федерации представления о прекращении полномочий судей высших судов (п. «е.3» ст. 83 Конституции РФ). Некоторые авторы, например, А.В. Саленко, полагают, что данная норма «содержит в себе угрозу существенного расширения оснований для отстранения судей с занимаемых должностей» [5, с. 197] и может негативно влиять на независимость судебной власти.

3. Усиление роли Конституционного Суда в единой системе публичной власти

Поправки укрепили позиции Конституционного Суда РФ (далее по тексту – Суд) как ключевого элемента системы сдержек и противовесов.

Помимо существующих полномочий у Суда, согласно ст. 125 Конституции, появилось право по запросу Президента проверять на соответствие конституции проектов законов до их подписания. А также –

проверять по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан - конституционность законов и иных нормативных актов, указанных в пунктах "а" и "б" части 2 статьи, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты. Кроме того, по запросу Президента Суд получил право давать заключение о соответствии решений федеральных органов государственной власти решениям межгосударственных органов, если их исполнение противоречит Конституции и проверять конституционность законов субъекта РФ до их обнародования высшим должностным лицом субъекта РФ.

Можно согласиться с мнением В.А. Яковлева-Чернышева, который делает вывод о том, что «указанные изменения в Конституции РФ смещают баланс в соотношении национального и международного законодательства в сторону внутригосударственного, также способствуя укреплению государственной целостности России» [6, с. 412].

Для реализации поправок касаемо укрепления суверенитета и территориальной целостности был принят ряд федеральных законов, которые развили и конкретизировали новые конституционные нормы. В частности, федеральный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»», который более детально описал процедуру разрешения вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов. Соответственно, эти изменения позволили создать эффективный механизм, призванный предотвращать принятие решений, противоречащих основам конституционного строя России, и обеспечивать защиту конституционного правопорядка. В развитие положений ст. 67 Конституции РФ в Уголовном Кодексе РФ появились новые составы, посвященные посягательству на территориальную целостность России. В частности, «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (ст. 280.1); «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (ст. 280.2) [3].

Законодательная реализация конституционных поправок в сфере обеспечения территориальной целостности создала сбалансированную и эффективную систему правовой защиты, адекватную современным вызовам и угрозам государственному суверенитету России.

Идея правопреемства России нашла свое подтверждение и в решения Конституционного Суда России. Как отмечает Масленникова С.В., «Конституционный Суд РФ... сформулировал следующую правовую позицию: статус Российской Федерации как правопреемника (правопродолжателя) Союза ССР составляет неотъемлемую характеристику (основание) ее суверенитета во внутригосударственных и международных делах» [4, с. 54].

Реализация пункта «д.1» статьи 83 Конституции России была обеспечена через принятие Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».

Реализация поправок, касающихся реорганизации системы разделения властей, оказала значительное влияние на баланс между ветвями государственной власти. Как констатирует А.В. Саленко, «президентская власть получила новые полномочия в законодательном процессе («президентское супервето»), дополнительные инструменты влияния на кадровый состав судебной власти» [5, с. 203]. Представляется, что расширение президентских полномочий во многом связано с его функцией гаранта Конституции и необходимостью иметь реальные механизмы для обеспечения её охраны и защиты.

Усиление роли Конституционного Суда России нашло свое отражение в Федеральном законе от 09.11.2020 № 5-ФКЗ "О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Данный акт вступил в силу 10 ноября 2020 года.

Среди авторов нет единого мнения в оценке современного статуса Конституционного Суда РФ. А.В.Саленко считает, что «конституционная реформа 2020 года привела к системному ослаблению судебной власти, нарушила конституционный баланс и создала институциональный перевес в пользу президентской власти. КС РФ утратил значительную долю своей независимости и самостоятельности» [5, с. 202-203]. А вот В.А. Яковлев-Чернышев, наоборот, считает, что «Поправки, касающиеся КС, позитивны и направлены на укрепление государственной целостности и суверенитета России» [6, с. 412]. Стоит отметить, что последний не анализирует критически такие аспекты, как сокращение судей или влияние на независимость суда, сосредотачиваясь только на аспекте защиты от внешнего влияния. В силу этого позиция В.А. Яковлева-Чернышева представляется более обоснованной, его акцент на укреплении государственного суверенитета является в данном контексте ключевым. В условиях современных международных вызовов способность государства защищать свои правовые принципы и территориальную целостность от внешнего давления становится первостепенной задачей. В этом свете поправки, касающиеся Конституционного Суда, можно рассматривать не как сугубо процессуальные изменения, а как стратегическую меру по созданию дополнительных правовых барьеров.

Конституционная реформа 2020 года ознаменовала собой новый этап в развитии российской государственности. Внесенные изменения затронули ключевые основы конституционного строя, что позволило усилить суверенитет, оптимизировать систему разделения властей, утвердить приоритет государственного права, ведущую роль Президента и

Конституционного Суда в функционировании единой системы публичной власти России.

Для претворения в жизнь масштабных изменений, внесенных в Основной закон в 2020 году, потребовалась масштабная работа по обновлению российского законодательства. Этот процесс был направлен на создание целостной правовой системы, полностью соответствующей обновленной Конституции.

Реформа не только укрепила правовые основы государства, но и создала прочный фундамент для его устойчивого развития и защиты национальных интересов в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изм., одобр. В ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Москва, 06.10.2022. – URL: **www.pravo.gov.** (дата обращения: 25.11.2025). — Текст: электронный.
2. Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ "О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»" // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.11.2025). — Текст: электронный.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2020 № 425-ФЗ // СЗ РФ. — 2020. — № 50. — Ст. 8476.
4. Масленникова С.В. Российская Федерация как государство-правопреемник: конституционно-правовой подход // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2023. — № 4 (55). — С. 50–61.
5. Саленко, А.В. Конституционная реформа — 2020 и судебная власть: проблемы независимости и самостоятельности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2020. —Том 6. — № 3 (23). — С. 188-211.
6. Яковлев-Чернышев, В.А. Конституционные поправки 2020 г. и их влияние на перспективы государственного строительства в России // Эпомен. —2021. —№ 56. — С. 406-415.

Барахоев Ибрагим Сафарбекович
студент 2 курса,
Московский государственный юридический
Университет имени О.Е. Кутафина,
г. Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСВТЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕДУРЫ[1]

Barakhoev Ibragim Safarbekovich,
2rd year students
Kutafin Moscow State Law University
Moscow, Russia

THE IMPACT OF DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION ON ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROCEDURES

Аннотация: *в статье осуществлен комплексный анализ трансформации традиционных административно-правовых процедур под воздействием процессов цифровизации публичного управления. Главный тезис заключается в том, что, выигрывая в оперативности и удобстве, мы рискуем незаметно для себя потерять ключевые правовые гарантии, выстроенные за десятилетия развития административного права: принципы состязательности, гласности, обеспечения права на защиту. Анализируются пробелы непрозрачности цифровой процедуры. Статья призвана предложить конкретные контуры для правового опосредования этих новых реалий — от закрепления статуса «электронного административного дела» до разработки специализированных процедур обжалования «алгоритмических» решений.*

[1] Научный руководитель- кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова, МГЮА, Косырев Евгений Вячеславович.

Abstract: *the article provides a comprehensive analysis of the transformation of traditional administrative legal procedures under the influence of the processes of digitalization of public administration. The main thesis is that by gaining in efficiency and convenience, we risk losing key legal guarantees that have been built over decades of development of administrative law: the principles of adversarial proceedings, publicity, and ensuring the right to defense. The article analyzes the gaps in the transparency of the digital procedure. The article aims to propose specific contours for the legal mediation of these new realities, from establishing the status of an "electronic administrative case" to developing specialized procedures for appealing "algorithmic" decisions.*

Ключевые слова: *цифровизация госуправления, административные процедуры, алгоритмическое принятие решений, доступ к цифровой юстиции.*

Key words: *digitalization of public administration, administrative procedures, algorithmic decision-making, and access to digital justice.*

Современный этап развития публичного управления характеризуется глубинным проникновением цифровых технологий во все сферы государственной деятельности. Если изначально цифровизация воспринималась как инструмент механизации рутинных операций, то сегодня она трансформируется в новую парадигму, переопределяющую саму природу взаимодействия между государством и гражданином. Формируется модель «цифровой бюрократии» — системы, где традиционные административно-правовые процедуры опосредуются алгоритмами, интерфейсами и платформами. Данный процесс, при всей его позитивной динамике в части повышения эффективности, порождает серьезный системный вызов для административного права, основанного на классических принципах и гарантиях. Возникает разрыв между скоростью технологических изменений и способностью правовой системы их адекватно регламентировать.

Целью данной работы является анализ влияния цифровизации на административно-правовые процедуры и выявление проблем, связанных с правовым регулированием электронного взаимодействия между государственными органами и гражданами. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

исследование существующих пробелов в законодательстве, касающемся цифровых административных услуг;

оценка влияния автоматизации на принципы правосудия и защиты прав граждан;

разработка рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в контексте цифровизации.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод и анализ правоприменительной практики в сфере электронного взаимодействия.

1. Нормативно-правовые основы цифровизации

Фундаментальную основу для цифровизации административных процедур заложил Федеральный закон N 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" от 27.07.2010, который ввел в правовое поле концепцию «электронной услуги» и принцип «одного окна» [1, ст. 2]. Этот закон создал технико-юридический базис для трансформации взаимодействия «гражданин-государство», сместив акцент с физического присутствия на дистанционную коммуникацию. Дополняет эту основу Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», устанавливающий правовой режим электронных документов, регулирующий вопросы использования информационных систем и защиты данных [2].

Первоначально цифровизация затронула наиболее массовые и формализованные процедуры, такие как регистрация юридических лиц, получение лицензий, предоставление социальных выплат. Это позволило, как верно отмечают П.П. Кабытов и О. Е. Стародубова, «повысить оперативность и доступность государственных услуг, снизить административные барьеры и коррупционные риски» [4, с. 115]. Однако по мере углубления процесса на смену простой «электронизации» (переводу бумажного документа в цифровой вид) приходит автоматизация принятия решений, что влечет за собой качественно новые правовые последствия.

2. Пробелы и правовые риски цифровой процедуры: от человеческого фактора к «алгоритмическому»

Несмотря на декларируемые преимущества, цифровая среда порождает ряд системных пробелов и рисков, которые подрывают традиционные административно-правовые гарантии.

Пробел прозрачности и «черный ящик» алгоритма. Традиционная процедура предполагает возможность для заинтересованного лица понять логику принятия решения чиновником, сославшись на нормы права и представленные доказательства. В случае с автоматизированной системой решение принимается алгоритмом, внутренняя логика которого может быть коммерческой тайной разработчика или технически необъяснимой. Это создает ситуацию «процедурного черного ящика», когда гражданин де-факто лишен возможности оспорить мотивировку решения, нарушая принцип гласности. С. М. Зубарев справедливо предупреждает о «риске подмены публично-правовых целей частными интересами разработчиков программного обеспечения» [3, с. 27].

Эрозия принципов состязательности и права на защиту. Административная процедура по своей природе должна быть состязательной, предоставляя сторонам равные возможности для представления и обоснования своей позиции. В цифровой процедуре, особенно при использовании государственных порталов и информационных систем,

доминирующее положение занимает орган власти, который аккумулирует и обрабатывает данные. Гражданин оказывается в роли пассивного «поставщика данных», а его право на защиту может быть ограничено техническими и формальными требованиями системы (например, невозможность загрузить дополнительный документ после отправки заявления или объяснить его значимость в свободной форме).

Проблема «электронного административного дела». Действующее законодательство (включая КАС РФ и ФЗ № 210) не содержит целостного понятия «электронного административного дела». Ведомства зачастую формируют его по собственным правилам, что приводит к фрагментарности и отсутствию единых стандартов доказывания, фиксации хода процедуры и обеспечения неизменности материалов. Это создает серьезные проблемы как для последующего контроля, так и для судебного обжалования, поскольку суд лишается единого, заверенного и понятного носителя информации обо всей процедуре.

Угрозы цифрового разрыва и защиты персональных данных. Как отмечает Д.В. Шепелев, «цифровизация не должна создавать новые формы социального исключения» [5, с. 86]. Отсутствие у части населения цифровых навыков или доступа к интернету создает новый вид уязвимости – цифровое неравенство. Кроме того, концентрация огромных массивов персональных данных в государственных информационных системах, регламентируемая ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных», порождает риски их утечки или несанкционированного использования, что напрямую затрагивает право граждан на неприкосновенность частной жизни.

3. Контуры совершенствования правового регулирования цифровых административных процедур

Для минимизации выявленных рисков и гармонизации цифровизации с принципами административного права необходима системная работа по совершенствованию правового регулирования.

Закрепление в законодательстве статуса «электронного административного дела». Требуется внести изменения в ФЗ № 210 и процессуальное законодательство, определив электронное административное дело как единый комплекс электронных документов (документированной информации), связанных между собой и используемых для разрешения конкретного административного вопроса. Необходимо установить обязательные требования к его структуре, форматам, порядку формирования, подписания квалифицированной электронной подписью и хранения.

Разработка специализированных процедур обжалования «алгоритмических» решений. В КАС РФ или в специальном федеральном законе следует закрепить:

Право на «человеческое» рассмотрение: гарантию того, что любое решение, подготовленное автоматизированной системой, может быть пересмотрено живым чиновником по мотивированному запросу заявителя.

Право на объяснение алгоритма: обязанность органа власти в доступной форме раскрывать общие принципы и ключевые параметры, используемые алгоритмом для принятия решения (без разглашения коммерческой тайны), в объеме, достаточном для его обжалования.

Презумпцию технической ошибки: в случае спора бремя доказывания корректности работы алгоритма и входных данных должно лежать на государственном органе.

Усиление гарантий прозрачности и доступа. Целесообразно ввести обязательную публикацию в открытом доступе (с соблюдением требований к защите данных) алгоритмов и моделей, используемых для принятия наиболее социально значимых решений (например, в сфере назначения пособий, распределения бюджетных средств). Это позволит реализовать принцип гласности в новых условиях и станет основой для общественного и экспертного контроля.

Преодоление цифрового разрыва. Государственная политика должна включать не только развитие цифровой инфраструктуры, но и программы повышения цифровой грамотности, а также сохранение и развитие недискриминационных неэлектронных каналов взаимодействия (МФЦ, почта, личный прием) для уязвимых категорий граждан.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о двойственном влиянии цифровизации на административно-правовые процедуры. С одной стороны, она является мощным инструментом оптимизации, повышения эффективности и удобства для граждан. С другой стороны, она порождает фундаментальные вызовы самой сути административного процесса, основанного на принципах верховенства права, справедливости и защиты прав личности.

Установлено, что существующее правовое регулирование, сконцентрированное на технических аспектах предоставления услуг (ФЗ № 210), отстает от практики внедрения технологий искусственного интеллекта и автоматизированного принятия решений. Это порождает пробелы в области гарантий прав граждан, прозрачности процедур и юридической силы электронных дел.

Выход из сложившейся ситуации видится не в торможении цифровой трансформации, а в ее опережающем правовом сопровождении. Предложенные меры – законодательное закрепление электронного административного дела, создание специализированного механизма обжалования алгоритмических решений и усиление гарантий прозрачности – призваны наполнить цифровые административные процедуры традиционными правовыми ценностями. Только так можно обеспечить, чтобы

технологический прогресс служил не заменой, а укреплению административной юстиции и правового государства.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" // СЗ РФ. —2010. — №13. — ст. 4179.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // СЗ РФ. — 2006. —№ 31 (ч.1). — ст. 3448.
3. Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. — 2020. Т. 15. — № 6.— С. 23–32. — DOI: 0.17803/1994–1471.2020.115.6.023–032.
4. Кабытов П. П., Стародубова О. Е. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. — 2020. — № 11. — С. 113—126. — DOI: 10.12737/jrl.2020.136
5. Шепелев Д. В. Цифровизация в современной России: пути и перспективы // Legal Bulletin. — 2020. — Т. 5. — №4. — С. 83–92. — URL: **https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-sovremennoy-rossii-puti-i-perspektivy/viewer**. — Текст: электронный.

Бутин Алексей Максимович
студент 2 курса,
Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина,
г. Москва, Россия

АДМИНИСТРАТИВНО–ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ ПОД ИНОСТРАННЫМ ВЛИЯНИЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

Butin Alexey Maksimovich
2nd year student
Kutafin Moscow State Law University
Moscow, Russia

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF PERSONS UNDER FOREIGN INFLUENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: *В данной статье рассматривается противодействие зарубежному воздействию через установление в законодательстве административного правового статуса лиц, находящихся под иностранным влиянием. Затрагивается развитие этого института, начиная с 2012 года, когда было впервые введено понятие, заканчивая принятием официального закона в 2022 году, в котором закреплены главные положения. Приведены источники влияния, обязанности иностранных агентов, ограничения и меры административной ответственности.*

Abstract: *This article examines countering foreign influence by establishing in legislation the administrative legal status of persons under foreign influence. It covers the development of this institution from 2012, when the concept was first introduced, to the adoption of the official law in 2022, which enshrines the main*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Косырев Евгений Вячеславович.

provisions. It describes the sources of influence, the responsibilities of foreign agents, restrictions, and administrative penalties.

Ключевые слова: *иностранные агенты, иностранное влияние, административные меры, административная ответственность, национальная безопасность, обязанности, ограничения.*

Key words: *foreign agents, foreign influence, administrative measures, administrative responsibility, national security, responsibilities, restrictions.*

В последнее время многие современные государства сталкиваются с проблемой по борьбе с иностранным влиянием, возникающим с помощью осуществления пропаганды массовой информации и оказания поддержки разным корпорациям за рубежом от другого государства. Это, как правило, затрагивает национальную безопасность страны, ведь могут быть использованы сведения о военной и технической деятельности против нее, а также финансирование отдельных лиц и организаций для функционирования и реализации целей в этом направлении. Поэтому государства пытаются создавать административно-правовые механизмы регулирования путем метода принуждения через осуществление контроля и надзора, направления компетентными государственными органами предупреждений и предостережений лицам или общественным объединениям об устранении нарушений, наложения штрафов и проведения непосредственного судебного разбирательства, в ходе которого применяются исключительные меры, такие как придание статуса иноагента, путем регистрации его в реестр иноагентов, а также привлечение к административной ответственности.

Российская Федерация столкнулась с этой проблемой не так давно, но только в 2022 году полностью взяла курс на масштабную политику по борьбе с иностранным влиянием и обнаружению лиц, находящихся под данным воздействием. Был принят Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», установивший законодательную основу для регулирования указанных отношений, придавая им официальное и общественное значение [4]. Перед анализом данного нормативного правового акта, следует узнать, как формировалось понятие лица, находящегося под иностранным влиянием, закреплялась регламентация этого статуса в законодательстве РФ.

Появление института иноагентов еще формально берет свое начало в 2012 году. Понятие иноагент в первый раз устанавливается в Федеральном законе «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» от 20.07.2012 № 121-ФЗ [2]. Так, согласно Закону № 121-ФЗ, иностранным агентом признается некоммерческая организация, если получает денежные средства и иные ресурсы от других государств, международных объединений или организаций, непосредственно

от органов власти иностранной державы, а также от ее граждан, при этом, главное условие – это участие в политической деятельности в РФ.

Пробел этого положения нормативно-правового акта заключался в том, что не было законодательного определения и разъяснения ситуации, когда некоммерческая организация может выйти из-под зарубежного влияния, то есть отсутствие возможности исключить ее из реестра иностранных агентов. В 2015 году данная проблема была решена, благодаря поправкам к некоторым нормативным правовым актам. К примеру, Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 27 и 38 Федерального закона «Об общественных объединениях» и статью 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 08.03.2015 № 43-ФЗ допустил условие о возможном исключении из реестра иностранных агентов: «в случае прекращения этим общественным объединением деятельности в качестве некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, имеет право подать в федеральный орган государственной регистрации заявление об исключении этого общественного объединения из указанного реестра» [3]. Таким образом, можно увидеть, как с 2012 года по 2022 год происходит развитие института иностранных агентов в РФ. Современная политика Российского государства нацелена на защиту суверенитета от внешнего влияния, выраженного в посягательстве на основы конституционного строя страны.

Ранее было сказано, что появился официальный Закон № 255-ФЗ, в котором отражаются главные положения о статусе лиц, находящихся под иностранным влиянием, касательно обязанностей, ограничений, а также мер административной ответственности, связанные с их деятельностью и правовым состоянием. Поэтому стоит подробнее изучить наиважнейшие аспекты урегулирования этого закона по данной теме.

По ч. 1 ст. 1 Закона № 255-ФЗ, под определением иноагента «понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность». Что же такое иностранное влияние? Закон № 255-ФЗ определяет законодательное разъяснение этого термина, согласно ч. 1 ст. 2 – это «предоставление иностранным источником лицу поддержки и (или) оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами». При этом поддержка бывает как финансовая, так и технически-организационная.

Источники иностранного влияния можно разделить на: 1) государства и международные организации, в эту группу входят иностранные державы, межгосударственные объединения; 2) юридические лица, то есть зарубежные корпорации и учреждения, филиалы и представительства компаний; 3) физические лица, включающие в себя лиц без гражданства или иностранных граждан, которые могут быть сотрудниками консульств, представителями международных компаний, а также журналистами зарубежных изданий; 4) информационные ресурсы, а именно телеканалы, газеты, радиостанции и веб-

сайты, в законе они не упоминаются, однако их роль как источника в современном обществе играет важное значение. Все вышеперечисленные источники могут оказывать свое воздействующее направление на разные субъекты правоотношений с целью содействия иностранным структурам и подразделениям, осуществляющим деятельность против Российской Федерации, ее безопасности и суверенитета.

Стоит сказать, что иноагентом может быть как физическое, так и юридическое лицо. Это подчеркивает, что особенность урегулирования всех аспектов этого статуса предусмотрена законодательством для разрешения всех казусов такого характера. Ведь виды деятельности иностранных агентов бывают разные, но они также предусмотрены Законом № 255-ФЗ в ст. 4, где особое внимание уделяется политической направленности в сфере публичной власти, которая выражается в функционировании в государственном строительстве, основах конституционного строя, федеративном устройстве РФ.

Для учета иностранных агентов ведется реестр Министерством юстиции РФ. Это делается для отслеживания и регулирования деятельности этих лиц и организаций. В Законе № 255-ФЗ предусмотрены обязанности иностранных агентов: 1) «сообщать о наличии этого статуса при осуществлении вида деятельности»; 2) «сообщать о наличии этого статуса своим учредителям (участникам), бенефициарам, работникам (сотрудникам)»; 3) «представлять в уполномоченный орган или его территориальный орган сведения об отчете своей деятельности, об учредителе и иностранных источниках»; 4) «размещать отчет о своей деятельности в интернете или СМИ раз в полгода».

В соответствии со ст. 11 Федерального закона № 255-ФЗ, помимо обязанностей, в отношении иностранных агентов вводятся следующие правовые ограничения: 1) запрет на замещение должностей в органах публичной власти для физических лиц; 2) отказ в допуске к сведениям, составляющим государственную тайну; 3) ограничения в финансовых операциях – запрещено перечислять или получать денежные средства, а также передавать или получать иное имущество от иных иностранных агентов; 4) запрет на организацию публичных мероприятий – иностранные агенты не могут быть организаторами митингов, демонстраций, шествий и иных публичных акций; 5) ограничения в применении упрощенных способов ведения бухгалтерского учета и упрощенной формы финансовой отчетности.

Далее рассмотрим меры административной ответственности для иностранных агентов при нарушении ими правовых норм по ст. 12 Закона № 255-ФЗ. В КоАП РФ в ст. 19.34 предусмотрены обстоятельства «нарушения порядка деятельности иноагента, выраженные в действии и бездействии, к примеру осуществление лицом, не включенным в реестр иностранных агентов, деятельности в качестве иноагента» или «неисполнение иностранным агентом обязанности по сообщению о наличии этого статуса» [1]. Мера

ответственности здесь налагается в виде административного штрафа, максимальный размер которого для граждан составляет 50 тыс. руб., для юридических лиц – 500 тыс. руб., а для должностных лиц – 300 тыс. руб. Также в ч. 42 ст. 19.5 КоАП предусмотрена норма, по которой «невыполнение в установленный срок законного предписания либо предупреждения органа, осуществляющего государственный контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации об иностранных агентах, об устранении нарушений законодательства» накладывается административный штраф, который схож с выше указанной статьей, однако предусматривается усиление ответственности для должностных лиц: в качестве меры наказания вводится дисквалификация сроком до двух лет. Именно так устанавливается административная ответственность согласно законодательству РФ.

Таким образом, в статье был рассмотрен институт иностранных агентов, его развитие и становление в Российской Федерации. Стоит сказать, что государство проводит такую политику, чтобы не допустить зарубежного влияния на ее территорию. Ведь деятельность иностранных агентов выражена в посягательстве на суверенитет и строй Российской Федерации. Поэтому отечественное законодательство предлагает широкий спектр мер ответственности лиц, находящихся под иностранным влиянием. Это позволяет сделать заключение о комплексном регулировании административно-правового статуса иностранных агентов в России, которая противодействует внешнему воздействию в целях защиты государственных интересов.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 ФЗ // «Российская газета», № 256, 31.12.2001.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» от 20.07.2012 № 121-ФЗ // «Российская газета», № 166, 23.07.2012.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 27 и 38 Федерального закона "Об общественных объединениях" и статью 32 Федерального закона "О некоммерческих организациях"» от 08.03.2015 № 43-ФЗ // «Российская газета», № 52, 13.03.2015.
4. Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 № 255-ФЗ // «Российская газета», № 154-155, 19.07.2022.

5. Башлы П. Н., Мачинский В.М. «Законодательство об иноагентах: вопросы правоприменительной практики». // Гуманитарные и политико-правовые исследования. —2024. — №3 (26). — С. 62–71.

Белоглазова Светлана Андреевна
студентка 2 курса,
Московский государственный юридический
Университет имени О.Е. Кутафина,
г. Москва, Россия

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМИНЕНИЯ В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ[1]

Beloglazova Svetlana Andreevna,
2rd year students
Kutafin Moscow State Law University
Moscow, Russia

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT IN THE FIELD OF A DMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR OFFENSES COM MITTED USING DIGITAL TECHNOLOGIES

Аннотация: *в статье исследуются актуальные проблемы правоприменения в сфере административной ответственности за правонарушения, совершаемые с использованием цифровых технологий. Анализируются пробелы нормативно-правового регулирования, сложности квалификации деяний, особенности доказывания и процессуальные трудности. Предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Обосновывается необходимость системного подхода к модернизации механизмов административно-правовой защиты в цифровой среде.*

Abstract: *the article examines current problems of law enforcement in the field of administrative responsibility for offenses committed using digital technologies.*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова, МГЮА имени О.Е. Кутафина, Косырев Евгений Вячеславович.

The gaps in regulatory regulation, difficulties in qualifying acts, evidence peculiarities and procedural difficulties are analyzed. Ways to improve legislation and law enforcement practice are proposed. The necessity of a systematic approach to modernizing administrative and legal protection mechanisms in the digital environment is substantiated.

Ключевые слова: *административная ответственность, цифровые технологии, киберправонарушения, правоприменение, цифровое право, квалификация правонарушений, доказывание.*

Key words: *administrative responsibility, digital technologies, cyber offenses, law enforcement, digital law, qualification of offenses, evidence.*

Динамичное развитие цифровых инструментов радикально преобразует поле современной противоправной деятельности, формируя значительные вызовы для правоприменительных органов. Согласно данным, каждое третье противоправное деяние осуществляется в интернет-пространстве, при этом лидирующими являются махинации с банковскими картами, телефонное мошенничество и фишинг [3]. Активное внедрение цифровых технологий приводит к серьезным трансформациям в социальном мире, требуя от права создания надежных регулирующих механизмов для новой технологической реальности [4].

В данном контексте на первый план выходят вопросы привлечения к административной ответственности за правонарушения, осуществляемые посредством IT-средств. Административно-юрисдикционный процесс, являясь по своей природе весьма традиционной областью, не поспевает за скоростью технологических инноваций, что порождает значительные пробелы в законодательном поле и его реализации. Отсутствие единого и легально закрепленного определения цифровых технологий в российских нормативно-правовых актах порождает сложности в работе правоприменителя [3].

Цель данной работы заключается в идентификации и рассмотрении основных затруднений в применении права в области административной ответственности за правонарушения, совершаемые с применением IT-решений, и в выработке рекомендаций по оптимизации административного законодательства и практики его применения.

В российском правовом поле отсутствует консолидированное и общепризнанное понятие цифровых технологий, что ведет к образованию законодательных пробелов, снижающих результативность административно-юрисдикционного процесса.3 Отдельные признаки цифровых технологий содержатся в ведомственных документах, к примеру, в постановлении Правительства Российской Федерации № 551 от 3 мая 2019 года, где раскрывается суть «сквозных» цифровых технологий как совокупности процессов и способов поиска, накопления, сохранения, анализа, представления и трансляции информации [2].

К числу IT-решений, применяемых в административно-юрисдикционной деятельности, правомерно отнести:

Системы искусственного интеллекта и нейронные сети для обработки массивов данных и обнаружения нарушений;

Электронные системы управления документацией;

Цифровые сервисы для коммуникации госорганов с населением;

Технические устройства для регистрации нарушений (камеры видеофиксации, биометрические комплексы и т.п.);

Инструменты шифрования и защиты данных.

Отсутствие четкой систематизации и законодательного определения основных понятий осложняет работу правоприменителя, в особенности при юридической оценке административных проступков и анализе цифровых доказательств.

Одной из центральных проблем в сфере привлечения к административной ответственности за правонарушения с использованием IT-средств является их юридическая квалификация. Устоявшиеся составы административных правонарушений зачастую не отражают особенностей цифровых технологий, что создает препятствия для правильной юридической оценки противозаконных действий.

Законодательная система продолжает испытывать давление со стороны ускоряющегося технологического прогресса, не успевая своевременно и адекватно отвечать на возникновение новых форм противозаконного поведения [3]. Так, такие разновидности мошенничества, как разработка фишинговых сайтов, применение методов социальной инженерии и удаленного воздействия, не всегда могут быть квалифицированы по существующим составам административных правонарушений, что диктует необходимость в поиске новых методов их расследования и правовой оценки.

Особую проблему представляет правовая оценка проступков, связанных с применением систем искусственного интеллекта. На текущий момент не создан специальный правовой механизм для контроля над искусственным интеллектом, не установлена юридическая сущность систем искусственного интеллекта как в аспекте авторского права, так и в сфере публично-правового контроля. Это формирует законодательный вакуум при привлечении к ответственности за деяния, совершенные с применением технологий искусственного интеллекта.

Еще одной из наиболее актуальных проблем правоприменения в рассматриваемой сфере является использование электронных доказательств. Как отмечает Я.А. Куликова, одним из первоочередных шагов в решении существующих затруднений должно стать закрепление в КоАП РФ базовых терминов, относящихся к электронным доказательствам, а также унифицированное нормативное определение их роли в доказывании.

В настоящее время в производстве по делам об административных правонарушениях не урегулирован в должной мере порядок сбора, изучения и оценки цифровых доказательств, что порождает серьезные практические трудности. Сведения, полученные с привлечением искусственного интеллекта, не могут рассматриваться как прямое доказательство в судебном разбирательстве, поскольку для их легализации требуются корректировки в процессуальное законодательство и ведомственные инструкции.

Дополнительную сложность вносит потребность в тщательной проверке цифровых доказательств. Любая нейросеть нуждается в многочисленных тестах и научных исследованиях для минимизации ошибок, цена которых в правоприменительной деятельности — судьба и свобода человека. Отсутствие единых протоколов проверки цифровых доказательств уменьшает их силу в суде и создает потенциальную угрозу нарушения прав граждан.

Производство по делам об административных правонарушениях, связанных с использованием цифровых технологий, сопряжено с рядом процессуальных затруднений. Консервативность административно-юрисдикционного процесса, его недостаточная технологическая оснащенность отрицательно сказываются на эффективности и актуальности разрешения дел.

К основным процессуальным проблемам относятся:

Неразвитость специальных механизмов доказывания по делам о цифровых правонарушениях;

Неясность в вопросе распределения обязанностей по доказыванию при задействовании сложных IT-решений;

Отсутствие унифицированных критериев назначения и производства экспертных исследований в цифровой среде;

Затруднения с установлением личности нарушителя, действовавшего анонимно в интернет-пространстве;

Сложности в установлении юрисдикции и подсудности при транснациональном характере цифровых проступков.

Эти проблемы усиливаются из-за недостаточного уровня цифровой грамотности у части сотрудников правоприменительных органов, что снижает общую эффективность административно-юрисдикционной работы.

Проведенный анализ позволил определить системные недостатки правоприменительной практики в области административной ответственности за правонарушения, осуществляемые с применением IT-инструментов. Оценка текущего состояния административно-юрисдикционной деятельности указывает на наличие значительных пробелов и нестыковок в правовом регулировании, которые препятствуют эффективному противодействию новым угрозам цифровой эпохи.

Основными проблемами, осложняющими правоприменение в этой области, являются: отсутствие в административном законодательстве унифицированной терминологии и строгой классификации цифровых

технологий; несовершенство составов административных правонарушений к специфике противоправных действий в цифровом пространстве; недостаточная правовая регламентация использования электронных доказательств в административном процессе; этико-правовые риски, возникающие при использовании искусственного интеллекта в административно-юрисдикционной работе; процессуальные сложности доказывания и квалификации цифровых проступков.

Для преодоления выявленных проблем необходим комплексный подход, интегрирующий в себя законодательные меры, технологическую модернизацию и межгосударственное взаимодействие. В число первоочередных шагов следует включить: легализацию в КоАП РФ основных понятий, связанных с цифровой средой; формирование специальных составов административных правонарушений; модернизацию процедуры доказывания с установлением прозрачных стандартов использования электронных улик; создание сбалансированной правовой модели регулирования искусственного интеллекта; укрепление гарантий защиты персональной информации; повышение цифровой квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Реализация предложенных мер позволит не только повысить эффективность административно-юрисдикционной деятельности, но и обеспечить надлежащую защиту прав и законных интересов граждан в условиях цифровой трансформации общества. Дальнейшие научные исследования в данном направлении должны быть ориентированы на разработку конкретных механизмов имплементации цифровых технологий в административный процесс с учетом баланса между эффективностью правоприменения и защитой фундаментальных прав личности.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - № 1 (ч. I). - ст. 1.
2. Постановление Правительства РФ от 3 мая 2019 г. № 551 «О государственной поддержке программ деятельности лидирующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных «сквозных» цифровых технологий» // СЗ РФ. - 2019.- № 19. - ст. 2307.
3. Соколова А. А. Цифровые технологии и право: вызовы, проблемы, перспективы взаимодействия // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции, Казань, 23 сентября 2022 г.: в 6 т. / редкол.: И. Р. Бегишев [и др.]. – Казань : Познание, 2022. – Т. 1. – С. 440-450.,

4. Султанов К.А., Устинов П.В. Актуальные вопросы совершенствования законодательства субъектов Российской Федерации об административной ответственности // Административное и муниципальное право. – 2018. – Т. 10, – № 10. – С. 29-34.
5. Технологии в праве, криминалистике и их влияние на преступность // Legal Academy. – 2024. – URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/tehnologii-v-prave-kriminalistike-i-ih-vliyanii-na-prestupnost. — Текст: электронный.

Ворошнин Владимир Владимирович
студент 4 курса,
Дальневосточный юридический институт
филиал Университета Прокуратуры РФ
г. Владивосток, Россия

К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА[1]

Voroshnin Vladimir Vladimirovich
4rd students
Far Eastern Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's
office of the Russian Federation.
Vladivostok, Russia

ON THE ISSUE OF THE LEGAL CAPACITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Аннотация: *в настоящей работе автор анализирует проблему правосубъектности искусственного интеллекта, рассматривает два актуальных подхода к данному вопросу. Предложенная тематика является актуальной, поскольку искусственный интеллект выступает ключевым направлением развития информационных технологий, при этом его правовой статус вызывает научные дискуссии.*

Abstract: *in this paper, the author analyzes the problem of the legal capacity of artificial intelligence and considers two current approaches to this issue. The topic is relevant because artificial intelligence is a key area in the development of information technologies, while its legal status provokes scientific discussions.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правосубъектность, правоспособность, автономная система, юридическое лицо, объект интеллектуальный прав.*

[1] Научный руководитель - старший преподаватель кафедры Дальневосточного юридического института филиала Университета Прокуратуры РФ, Демидо Елена Валериевна.

Key words: *artificial intelligence, legal personality, legal capacity, autonomous system, legal entity, intellectual property object.*

Согласно общей теории права, правосубъектность включает в себя правоспособность (наличие у лица возможности вступать в правоотношения) и дееспособность (способность осуществлять права и нести обязанности, т.е. воспроизводить свою волю в правоотношениях).

В настоящее время в научной среде возникают дискуссии [2, с. 91; 5, с. 52] о возможности наделения искусственного интеллекта (далее – ИИ) правосубъектностью, поскольку он выступает ключевым направлением развития информационных технологий, при этом его правовой статус нормативно не закреплен. В литературе существует три основных подхода, в настоящем исследовании будут рассмотрены два из них.

Первый подход заключается в том, что искусственный интеллект предлагается считать объектом интеллектуальных прав. Сторонники указанной концепции обращаются к общим положениям права, согласно которым лицо для осуществления своих правомочий должно обладать сознанием и волей, а ИИ в свою очередь представляет из себя совокупность алгоритмов. Одновременно с этим авторы пишут и о том, что нормы права всегда создавались для людей, в связи с чем в их основе лежат потребности человека как живого существа [3, с. 77].

Также в обоснование указанной позиции высказываются мнения, что, во-первых, правосубъектность появляется и прекращается на основании какого-либо значимого юридического факта. Вместе с тем в российском законодательстве до сих пор не предусмотрено такое обстоятельство, наличие которого позволило бы говорить об образовании субъекта права.

Во-вторых, согласно Федеральному закону от 24.04.2020 года №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», ИИ представляет из себя комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека. Указанные технологические решения рассматриваются с точки зрения гражданского законодательства в качестве объекта права, который подлежит защите в судебном порядке правообладателями [5, с. 52].

В-третьих, ИИ не может обладать такой важной характеристикой, как деликтоспособность, т.е. способность лица нести ответственность. Соответственно при отсутствии возможности привлечения ИИ к юридической ответственности, наказанию подвергается субъект, создавший ИИ, либо правообладатель [6, с. 92].

На сегодняшний день наиболее современные механизмы ИИ представляют из себя автоматизированные комплексы алгоритмов, способные к самообучению и анализу. В этой связи полагаем, что рассматриваемая концепция частично утратила свою актуальность.

Так, первый тезис об отсутствии воли оспаривается положениями о том, что даже физические лица могут быть лишены правосубъектности. В пример приводится спящий человек, который не обладает полным сознанием, но при этом обладает правосубъектностью [2, с. 91]. В связи с чем представляется возможным признание ИИ субъектом права даже при отсутствии сознания у последнего.

Второй тезис, на наш взгляд, может быть признан состоятельным, поскольку анализ норм Гражданского кодекса РФ (ст. 1350 ГК РФ) позволяет сделать вывод о том, что любое изобретение представляет из себя комплекс технических решений и является объектом охраны интеллектуальных прав.

Третий тезис относительно деликтоспособности ИИ является довольно спорным. На настоящий момент ИИ – это автономная система, способная с использованием сложных алгоритмов принимать самостоятельные решения (независимые как от разработчика, так и от оператора), в связи с чем в большинстве случаев невозможно установить лицо, виновное в причинении вреда. По этой причине в научной среде предлагают применять к ИИ меры гражданской ответственности. Рассматривается возможность создания страховых фондов, формируемых за счет обязательного отчисления части доходов, получаемых владельцами от использования системы ИИ [6, с. 96].

Второй подход заключается в рассмотрении ИИ как нового фундаментального субъекта права, т.е. «робот как юридическое лицо». Данная концепция основывается на понятии фикции юридического лица в связи с тем, что ИИ аналогичным образом создается человеком для реализации определенных целей.

В развитие вышеуказанной теории частным инвестором предложено внесение изменений в существующее законодательство, в рамках которого предлагалось внедрить в Гражданский кодекс РФ главу «Роботизированные агенты». К таковым бы относились роботы, которые участвуют в общественной деятельности «по волеизъявлению собственника и в силу конструктивных особенностей». Одновременно с этим предполагалось возможность закрепления за ним обособленного имущества, которым робот будет отвечать по своим обязательствам [7, с. 66; 8].

Аналогично предложенный подход находит свое отражение в европейском Кодексе этики разработчиков робототехники, в котором приводится идея о том, что робот является электронным лицом, обладающим соответствующим ему правовым статусом и способностью нести юридическую ответственность [4, с. 217].

По нашему мнению, данный подход наиболее состоятельный, поскольку позволяет решить несколько проблемных аспектов.

Во-первых, решается вопрос наличия воли у субъекта права, так как по аналогии с юридическим лицом выразителем воли будет правообладатель – лицо, непосредственно создавшее машину.

Во-вторых, исходя из общей теории права, для появления правосубъектности необходим юридический факт. В данном случае это будет факт регистрации ИИ правообладателем, что, в свою очередь, позволит обеспечить индивидуализацию и учет такого рода технологий.

В-третьих, решается вопрос относительно деликтоспособности ИИ, поскольку робот будет наделяться имуществом, которым он может отвечать по существующим обязательствам.

Таким образом, указанная концепция обладает большим потенциалом в будущем при решении вопроса о правосубъектности ИИ. Полагаем, что оптимальным вариантом регулирования будет включение в Гражданский кодекс РФ новой главы, которая установит понятийный аппарат в сфере ИИ и способ его наделения правоспособностью, а также урегулирует вопросы деликтоспособности ИИ. Одновременно с этим возможно разделение ИИ на различные виды, по аналогии с организационно-правовыми формами юридических лиц.

В настоящее время ИИ еще не развит до уровня самостоятельного вступления в правоотношения. Однако, с учетом стремительно развивающихся технологий необходимо уже сейчас формировать нормативные предпосылки для интеграции механизмов ИИ в правовую среду Российской Федерации.

Библиографический список

1. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон от 24.04.2020 года №123-ФЗ // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
2. Журавлева А.В. Искусственный интеллект как субъект права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 3. – С. 88-94.
3. Кириллова Е.А. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Имущественные отношения в РФ. – 2024. – № 4 (271). – С. 76-80.
4. Перькова В.В. Носители искусственного интеллекта и их правовые положения // Юридическая наука. – 2023. – № 3. – С. 215-219.

5. Перькова В.В. Проблема правосубъектности носителей искусственного интеллекта // Закон и власть. – 2023. – № 2. – С. 50-52.
6. Самылов И.В. Теоретические вопросы деликтоспособности систем искусственного интеллекта // Ex jure. – 2024. – № 2. – С. 89-99.
7. Соломонов Е.В. Правосубъектность искусственного интеллекта // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2025. – № 1. – С. 63-72.
8. Сооснователь Mail.ru Group Дмитрий Гришин разработал концепцию закона о правовом статусе роботов. // Хабр. — URL: https://habr.com/ru/articles/369981/ (дата обращения: 28.10.2025). — Текст: электронный.

Гашникова Татьяна Дмитриевна
студентка 1 курса,
Сибирский университет потребительской кооперации,
г. Новосибирск, Россия

ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ – ЖЕРТВ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

Gashnikova Tatyana Dmitrievna,
1st year student,
Siberian University of Consumer Cooperation,
Novosibirsk, Russia

GAPS IN LEGAL REGULATIO OF MEDICAL AND PSYCHOLOGICAL REHABILITATION OF CHILDREN VICTIMS OF SEXUAL ABUSE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация*: в статье анализируются пробелы в правовом регулировании медико-психологической реабилитации детей — жертв сексуального насилия в РФ. Выявляется ключевая проблема: правовая коллизия между правом ребенка на помощь и необходимостью получения согласия законного представителя, что приводит к вторичной травме — медицинскому пренебрежению. На основе анализа законодательства и статистики предлагаются меры по совершенствованию терминологии, разрешению правовых противоречий и развитию межведомственного взаимодействия для создания эффективной системы помощи пострадавшим детям.*

Abstract*: the article analyzes the gaps in the legal regulation of medical and psychological rehabilitation of children who have been victims of sexual violence in*

[1] Научный руководитель- доцент кафедры философии и истории, кандидат политических наук Сибирский университет потребительской кооперации, Ливанова Ирина Владимировна.

the Russian Federation. The key problem identified is the legal conflict between the child's right to assistance and the need to obtain the consent of a legal representative, which leads to secondary trauma and medical neglect. Based on the analysis of legislation and statistics, the article proposes measures to improve the terminology, resolve legal conflicts, and develop interagency cooperation to create an effective system of assistance for affected children.

Ключевые слова: *права ребёнка, защита прав детей, педофилия, сексуальное насилие, медико-психологическая реабилитация, жестокое обращение, дееспособность несовершеннолетних, уголовное право, уголовное наказание.*

Key words*: children's rights, protection of children's rights, pedophilia, sexual violence, medical and psychological rehabilitation, abuse, legal capacity of minors, criminal law, and criminal punishment.*

Проблема сексуального насилия над детьми остается одним из наиболее латентных и социально опасных явлений в современном обществе. История насилия над детьми в семье и обществе демонстрирует, что жестокое обращение с детьми — это давнее и повсеместное явление, обусловленное социальными, экономическими, религиозными и культурными факторами [4]. Последствия травмы носят долгосрочный и разрушительный характер, формируя у пострадавшего комплекс психических расстройств, нарушая процесс социализации и создавая серьезные риски для его дальнейшего развития, включая суицидальное поведение. В РФ уголовно-правовые механизмы борьбы с данными преступлениями развиваются, однако система профилактики и медико-психологической реабилитации жертв не всегда своевременно и в полном объеме принимает меры по оказанию помощи, что также необходимо скорректировать и скоординировать.

В стране более половины от всех совершенных в 2024 году преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних (15,1 тыс.) было совершено в отношении лиц младше 14 лет (8,1 тыс.) [10]. Отсутствие законодательно закрепленных гарантий на получение бесплатной, своевременной и специализированной помощи, дефицит подготовленных кадров, а также правовые коллизии, связанные с добровольностью оказания такой помощи, приводят к тому, что значительное число детей не получает необходимой поддержки. Это не только усугубляет последствия травмы для конкретного ребенка, но и негативно сказывается на общественном здоровье в целом.

В УК РФ обозначены понятия «изнасилование» (ст. 131), «насильственные действия сексуального характера» (ст. 132), «понуждение к действиям сексуального характера» (ст. 134), «развратные действия» (ст. 135), «вовлечение в занятие проституцией» (ст. 240), «получение сексуальных услуг несовершеннолетнего» (ст. 240.1) и т.д [1]. В настоящее время особую

актуальность приобретает выработка единой терминологической базы для классификации видов сексуального насилия, в частности, проведения четкой границы между его контактными и неконтактными формами. Например, о неконтактной форме говорится в положениях Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (ч. 17 о ст. 135 УК РФ) [2].

В настоящее время особую актуальность приобретает выработка единой терминологической базы для классификации видов сексуального насилия. РФ на данный момент отсутствует легальное определение термина «жестокое обращение с детьми». В исследовании Т.Д. Гашниковой, К.С. Тахватулина жестокое обращение разграничивается на: насилие (физическое, психическое, сексуальное) и пренебрежение (физическое, психическое, медицинское, образовательное) [5]. Таким образом, в рамках анализируемой темы следует уделить наибольшее внимание такому виду жестокого обращение как сексуальное насилие, и в дальнейшем, уже осуществляемое непосредственно родителями (законными представителями) травмированного ребёнка, медицинское пренебрежение. Мы считаем, что данная ситуация является детерминационной, так как одно жестокое обращение (сексуальное насилие) влечёт за собой вероятность наступления и иного (медицинского пренебрежения). Авторы М.А. Мирюкова и В.Ф. Соколова обосновывают необходимость выстроенной системы социальной работы, включающей этапы выявления, кризисного вмешательства и долговременной реабилитации, а также налаженность межведомственном взаимодействии социальных служб, органов опеки и правозащитных институтов [6]. В.Л. Ситников и Стреленко А.А. показывают, что сексуальное насилие приводит к глубоким искажениям в формировании образа тела у подростков и последующую обязательную специализированную психокоррекцию, направленную на восстановление целостности телесного «Я» несовершеннолетнего [7].

Таким образом, в рамках анализируемой темы следует уделить наибольшее внимание такому виду жестокого обращение как сексуальное насилие, и в дальнейшем, уже осуществляемое непосредственно родителями (законными представителями) травмированного ребёнка, медицинское пренебрежение. Мы считаем, что данная ситуация является детерминационной, так как одно жестокое обращение (сексуальное насилие) влечёт за собой вероятность наступления и иного (медицинского пренебрежения). Психика потерпевших детей, как уже отмечалось ранее, переживает негативные изменения и нуждается в срочной психолого-педагогической и медико-социальной помощи, чему иногда пренебрегают лица, заботящиеся о таких детях.

Как правило, исследователи и специалисты связывают суицидальное поведение, неоконченный/оконченный суицид с травмой после сексуального насилия. Например, по данным опроса, проводимого между

совершеннолетними, наблюдается, что те лица, у которых наблюдались случаи жестокого обращения в детстве, испытывали суицидальные мысли и предпринимавшие попытки суицида гораздо чаще, чем те, кто не был подвержен жестокому обращению в детстве (61,2 %). Причём отмечается, сексуальное насилие было связано с этим сильнее, чем физическое насилие [8].

Проблемой является то, что ребёнок не вправе самостоятельно обратиться к специалисту в критической ситуации до определённого возраста, так как российским законом, в частности, ч. 2 ст. 4 Закона РФ от 02.07.1992 N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» установлено, что несовершеннолетнему в возрасте до пятнадцати лет или больному наркоманией несовершеннолетнему в возрасте до шестнадцати лет психиатрическая помощь оказывается при наличии информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство одного из родителей или иного законного представителя. Исходя из положений законодательства, мы полагаем, что в ребёнок ограничен в праве на охрану здоровья и медицинскую помощь, закрепленному в Конституции РФ (ч. 1 ст. 41), которое далее в Семейном кодексе РФ закрепляется с другой стороны: как обязанность родителей заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей (ч. 1 ст. 63). Таким образом, возникает правовая коллизия: парадокс правоспособности и дееспособности. Несовершеннолетний обладает правом, но до определённого возраста не может его реализовать самостоятельно, по причине своей незрелости и ограниченной дееспособности. Недобросовестные родители (в случае, когда им известен факте совершённого преступления против половой свободы и половой неприкосновенности своего ребёнка) не всегда полагают уместным оказание необходимой несовершеннолетнему помощи для его реабилитации после травмирующего события. Дети не имеют возможности (до 15-16 лет), когда желают этого, обратиться за помощью самостоятельно, так как это влечёт обязательное уведомление родителей.

Нередки случаи, когда дети не рассказывают о перенесенном сексуальном насилии даже своим родителям, не доверяя им, стыдясь или опасаясь наказания. Педагоги-психологи часто сталкиваются с ситуацией, когда они подозревают, что ребенок мог подвергаться сексуальному насилию или злоупотреблению, но самостоятельно не готов сообщить об этом. В некоторых случаях родители отказываются верить ребёнку, заставляя его чувствовать себя ещё хуже [13]. Не стоит забывать о том, что раскрытие факта применения сексуального насилия или злоупотребления, очевидно, является крайне болезненным для жертвы [3]. Ребёнок социально уязвимая категория.

Нами был проведен анализ статистических данных по Новосибирской области (далее – НСО). Число несовершеннолетних жертв в 2024 г. в НСО составило 317 человек. Исследуя динамику за период с 2018 г. по 2024 г., можно наблюдать общую тенденцию к снижению количества официально

зафиксированных случаев. Однако, рассматривая отдельно 2024 г. по кварталам, мы обратили внимание на то, что количество детей-потерпевших возрастает: в четвёртом квартале число несовершеннолетних примерно в 2 раза больше, чем в первом квартале этого же года. Таким образом, несмотря на общий спад, в рамках отчетного года наблюдается тревожный рост случаев жестокого обращения с детьми по НСО [14].

Диаграмма 1.

Диаграмма 2.

Исходя из статистика данных по НСО важно также заметить, что категория «сексуальное насилие», будучи общепризнанной в нормативных и научно-методических документах, определяет широкий спектр проблем. Изучение этого феномена в контексте несовершеннолетних требует комплексного подхода, учитывающего и иные смежные понятия (физическое и психологическое насилие). Итак, данное понятие оказывается шире юридической дефиниции «преступления против половой неприкосновенности», поскольку включает в себя деяния, не подпадающие

под состав уголовного преступления, но все же создающие реальную угрозу для ребенка и требующие превентивных мер. Термин «жестокое обращение», в свою очередь, должен раскрывать своё легальное определение через виды насилия и пренебрежения. В рамках нашего исследования разумным будет утверждение о том, что с детьми жестоко обращаются не только преступники, которые посягают на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетнего (сексуальное насилие), но и родители/законные представители, когда отказываются в оказании помощи ребёнку по неопределённым причинам (медицинское пренебрежение).

Законодатель, понимая серьёзность проблемы, регулярно старается предпринять конкретные нормативные действия. Например, если ранее по УК РФ пожизненный срок грозил только педофилам-рецидивистам, которые ранее уже были осуждены за аналогичное преступление против лица младше 14 лет, то с 2022 г. пожизненное лишение свободы грозит уже за рецидив против любого лица, не достигшего возраста совершеннолетия [12]. Попытки что-то предпринять и положительно повлиять на ситуацию с ростом сексуального насилия над детьми предпринимаются и Уполномоченными по правам ребёнка (далее – УПР). Так, бывший УПР в Республике Татарстан, И.В. Волынец в феврале 2024 г. предложила идею внесения изменений в ч. 2.1. ст. 45 УПК РФ: участие адвоката должно быть обязательным с момента регистрации сообщения о преступлении, а законный представитель может быть отстранён от участия в деле, если суд, следователь или дознаватель признают его действия противоречащими интересам потерпевшего [9]. А уже 4 июня 2024 г., УПР при Президенте РФ, М.А. Львова-Белова, в своём ежегодном Докладе за 2023 г. выдвинула предложение об изменении в ст. 27 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»: установить пожизненный запрет либо запрет сроком на 50 лет на въезд в РФ иностранцам и лицам без гражданства, которые когда-либо привлекались к уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности детей на территории РФ либо за её пределами, в том числе имеют снятую или погашенную судимость [11].

На основе проведенного анализа можно выделить следующие ключевые направления для совершенствования системы помощи детям — жертвам сексуального насилия в Российской Федерации:

1. Совершенствование законодательной базы (дать формально закреплённое определение термину «жестокое обращение с детьми», четко разграничивая его формы: насилие и пренебрежение; разрешение правовой коллизии, предоставив детям с 14 лет право самостоятельно обращаться за психологической и психиатрической помощью в случае пережитого насилия, обеспечив конфиденциальность).

2. Развитие системы межведомственного взаимодействия (внедрение единой электронной платформы для сопровождения пострадавших для органов внутренних дел, органов опеки, образовательных и медицинских учреждений.

3. Профилактика и повышение осведомленности (введение в образовательные программы курсы по основам безопасности личности; организация обучающих программ для специалистов, работающих с детьми, а также для законных представителей по вопросам выявления признаков жестокого обращения)

На основе проведённого нами научного исследования мы пришли к умозаключению о том, что ключевой проблемой является системный характер вторичной травматизации несовершеннолетних жертв. Ребёнок лишён возможности самостоятельно получить помощь из-за правовой коллизии, что на практике означает медицинское пренебрежение со стороны недобросовестных родителей. Смещение фокуса с ужесточения наказаний на создание реальных механизмов защиты и реабилитации, включая право на самостоятельное обращение за помощью с определенного возраста, является, на наш взгляд неотложной задачей.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Справочно-правовая система «Консультант плюс» (consultant.ru). — URL: **https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=516744**, требуется авторизация (дата обращения: 17.11.2025). — Текст: электронный.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Справочно-правовая система «Консультант плюс» (consultant.ru). — URL:**https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=171782**, требуется авторизация (дата обращения: 17.11.2025). — Текст: электронный.
3. Письмо Минпросвещения России от 22.04.2024 N АБ-1277/07 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями «Выявление признаков сексуальной эксплуатации и совершения сексуального насилия в отношении несовершеннолетнего на основе анализа существующих методик и рекомендуемых к применению на базе образовательных организаций») // Справочно-правовая система «Консультант плюс» (consultant.ru). — URL:**https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=4985**

82, требуется авторизация (дата обращения: 17.11.2025). — Текст: электронный.
4. Базарова А.В., Осохеева Б.Р. К вопросу об истории насилия над детьми в семье и в обществе // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 4 (122). – С.37-42.
5. Гашникова Т.Д., Тахватулин К.С. К вопросу о необходимости законодательной конкретизации термина «жестокое обращение с детьми» // Инновационный потенциал молодежи в современном мире. — 2025. – № 1. – С. 72-74.
6. Мирюкова М.А., Соколова В.Ф. Социальная работа с детьми, подвергшимися насилию // Инновационная наука. — 2015. — № 11-2. — С. 247-250.
7. Ситников В.Л. Стреленко А.А. Образ тела в сознании виктимных подростков, переживших сексуальное насилие // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. — 2016. — № 2. – С. 118-129.
8. Sheikh Shoib, Tan Weiling Amanda, Fahimeh Saeed, et. al. Relationship between childhood sexual abuse and suicidal behaviour in South Asian countries: A scoping review // Psychiatry Research Communications. — 2022. —V. 2. — № 3. — P. 1-5.
9. В России предложили давать адвоката для детей, пострадавших от сексуального насилия // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка (deti.gov.ru). — URL: **https://deti.gov.ru/Press-Centr/region-news/12089**, (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
10. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2024 году // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка (deti.gov.ru). — URL: **https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/404**, (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
11. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2023 году // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка (deti.gov.ru). — URL: **https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/306**, (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
12. Законопроект №1248305-7 // Система обеспечения законодательной деятельности (sozd.duma.gov.ru). — URL: **https://sozd.duma.gov.ru/bill/1248305-7**, (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.

13. «Он сказал, что это проявление любви»: истории людей, переживших в детстве сексуальное насилие // Новости Кемеровской области, Кузбасса, России и мира (gazeta.a42.ru). — URL: **https://gazeta.a42.ru/lenta/articles/86073-istorii-lyudey-perezhivshikh-v-detstve-seksualnoe**, (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
14. Результаты межведомственных проверок // Министерство труда и социального развития Новосибирской области (mtsr.nso.ru). — URL: **https://mtsr.nso.ru/page/9735**, (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.

Гузева Александра Данииловна
студентка 2 курса
Северо-Западного филиала
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
г. Санкт-Петербург, Россия

БОЙКОТ КРУПНЫХ СПОРТИВНЫХ СОБЫТИЙ И ПРИНЦИПЫ СУВЕРЕНИТЕТА И НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ[1]

Guzeva Alexandra Daniilovna
2nd year student,
North-West Branch
of the Lebedev Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russia

BOYCOTT OF MAJOR SPORTING EVENTS AND THE PRINCIPLES OF SOVEREIGNTY AND NON-INTERFERENCE IN MODERN INTERNATIONAL LAW

Аннотация*: в статье исследуется правовая коллизия между бойкотами спортивных мероприятий как инструментом политического давления и принципами суверенитета и невмешательства. На основе анализа прецедентов предлагаются критерии правомерности бойкотов. Обосновывается необходимость разработки международных стандартов под эгидой ООН и МОК для дифференциации санкций от произвольного вмешательства.*

Abstract*: The article examines the legal conflict between using sports event boycotts as a political tool and the principles of sovereignty and non-interference. Analyzing historical and modern precedents, it proposes legitimacy criteria for such*

[1]Научный руководитель - старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Пономарева Елизавета Владимировна.

boycotts. The study advocates for establishing international standards under UN and IOC auspices to distinguish sanctions from arbitrary interference.

Ключевые слова: *бойкот, международное право, государственный суверенитет, невмешательство, спортивное право, Олимпийские игры, Международный олимпийский комитет, спортивные санкции, права спортсменов, международный арбитраж.*

Keywords*: boycott, international law, state sovereignty, non-intervention, sports law, Olympic Games, International Olympic Committee, sports sanctions, athletes' rights, international arbitration.*

Спорт традиционно рассматривается как сфера вне политики, однако в современном мире он все чаще становится инструментом геополитического давления. Бойкот крупных спортивных событий превратился в способ выражения протеста против действий отдельных государств. Данный феномен порождает конфликт с базовыми принципами международного права: суверенное равенство государств подразумевает равные права участия в международных мероприятиях, а принцип невмешательства – запрет вмешательства во внутренние дела, к которым можно отнести и национальную спортивную политику. Возникает проблема: не противоречат ли спортивные бойкоты принципам суверенитета и невмешательства, и могут ли они быть оправданы с правовой точки зрения?

Актуальность данной темы обусловлена нарастающей конфронтацией между политизацией спорта и фундаментальными нормами международного права. Учащение случаев бойкотирования крупных спортивных форумов требует глубокого правового анализа их соответствия принципам суверенитета и невмешательства.

Целью работы является анализ бойкотов крупных спортивных мероприятий в контексте принципов суверенитета и невмешательства, выявление правовых коллизий и разработка новых подходов к их устранению.

В рамках достижения этой цели в работе решаются следующие задачи:

Раскрыть содержание принципов суверенного равенства и невмешательства в современные внутренние дела, их закрепление в международном праве и законодательстве Российской Федерации.

Исследовать прецеденты бойкотов и санкций в международном спортивном праве.

Оценить последствия бойкотов для международно-правовых принципов и спортсменов.

Выработать критерии допустимости бойкота как меры воздействия.

Принцип суверенного равенства государств и принцип невмешательства во внутренние дела – фундаментальные нормы современного международного права, закрепленные в Уставе Организаций Объединенных Наций[1], подтвержденные декларациями Генеральной Ассамблеи[3]. Согласно ст. 2 п. 1

Устава ООН: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех своих Членов». Принцип невмешательства прямо сформулирован в п. 7 ст. 2 Устава, где установлено, что «Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава». В п. 1 Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета от 21 декабря 1965 года уточняется, что «Никакое государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела другого государства...»[2], и любые формы такого вмешательства или угрозы ему рассматриваются как нарушение международного права.

Суверенитет государства в классическом понимании означает политико-правовое свойство государственной власти, выражающееся в независимости государства решать свои дела внутри своих границ, так и за их пределами[12]. Принцип же невмешательства гарантирует каждому государству свободу выбора социально-политического устройства, союзов, политики и иных, без вмешательства извне.

Конституционный принцип верховенства суверенитета РФ, закрепленный в ч. 1 ст. 4 Конституции РФ[6], находит свое конкретное выражение в императивной обязанности государства обеспечивать целостность и неприкосновенность своей территории. Ч. 4 ст. 15 Конституции РФ[6] закрепляет прямое действие общепризнанных норм, составляющих часть правовой системы России, опосредуя взаимодействие национального и международного права. Это позволяет рассматривать международно-правовые акты, ратифицированные РФ, в качестве непосредственно действующих источников права, подлежащих применению судами и иными правоприменительными органами. Положения ст. 79 Конституции РФ [6] служат правовым барьером, ограждающим конституционный строй и права человека от потенциальных ограничений со стороны межгосударственных объединений.

В рамках норм российского законодательства, согласно Федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации» [8], внешнеполитическая доктрина РФ исходит из безусловного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела.

В отношении сферы спорта Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [7] закрепляет, что международное сотрудничество РФ в области спорта осуществляется на основе международных договоров и законодательства РФ. Данное положение означает, что РФ признает автономию спортивного движения и добровольно соглашается выполнять установленные в нем правила.

Несмотря на провозглашаемый принцип, что спорт находится вне политики, в истории международных соревнований неоднократно происходили бойкоты и отстранения по политическим причинам.

Еще в 1950-х гг. Олимпийские игры использовались как арена для выражения протеста: впервые бойкот Олимпиады зафиксирован в 1956 г., когда семь стран не приехали на Игры в Мельбурне – Египет, Ирак и Ливан бойкотировали из-за Суэцкого кризиса, Испания, Нидерланды и Швейцария – в знак протеста против ввода советских войск в Венгрию, а Китай отказался участвовать из-за присутствия команды Тайваня. Этот случай показал, что уже тогда государства были готовы пожертвовать спортивными принципами ради политической позиции, связанной с вопросами суверенитета.

В последующие десятилетия бойкоты Олимпийских игр приобрели масштабный характер во время Холодной войны. Они коснулись игр 1980[16] и 1984 гг. [15] Так, игры в Москве бойкотировали 62 страны во главе с США – в ответ на ввод советских войск в Афганистан. Отсутствие на московской Олимпиаде команд США, ФРГ, Японии и ряда других государств существенно снизило представительность соревнований.

РФ также неоднократно становилась объектом бойкотов в сфере международного спорта. Первоначально поводом были обвинения в государственной поддержке допинга: в 2015-2016 гг. ряд российских федераций (легкая атлетика, паралимпийский комитет) был дисквалифицирован, а на Олимпиадах 2018 и 2020 россияне выступали без национального флага. Решение Спортивного арбитражного суда в деле WADA vs. RUSADA подтвердило санкции, но позволило «чистым» спортсменам участвовать под нейтральным статусом, учитывая, что наказание невиновных атлетов несправедливо.

Однако, МОК 28 февраля 2022 г. рекомендовал международным федерациям отстранить российских и белорусских спортсменов от соревнований, ссылаясь на угрозу безопасности и целостности спортивных состязаний в условиях военного конфликта.[9] Большинство федераций последовали этой рекомендации, в результате чего сборные РФ и РБ фактически исключены из мировой спортивной системы[14].

В контексте эскалации палестино-израильского конфликта осенью 2023 года ряд государств и общественных организаций инициировали кампанию за ограничение участия Израиля в международных спортивных мероприятиях [11]. Знаковым прецедентом стала принципиальная позиция МОК, отвергшего подобные инициативы. В своих заявлениях комитет квалифицировал требования об отстранении израильских спортсменов как недопустимую дискриминацию, подчеркнув, что атлеты не могут нести ответственность за решения национальных правительств [13].

Анализ практики демонстрирует многообразие форм бойкота – от полного неучастия команд до дипломатического отсутствия и ограничения

трансляций. С правовой точки зрения, дипломатический бойкот, не ущемляя непосредственно прав спортсменов, представляет собой легитимную форму внешнеполитического протеста, основанную на суверенном праве государства регулировать интенсивность международных контактов.

С точки зрения международного спортивного права, единого нормативного акта, прямо регулирующего бойкоты, не существует, но ряд документов устанавливает ориентиры, которые позволяют оценивать правомерность или обоснованность бойкотирования спортивных событий:

Олимпийская хартия: в ней закреплены фундаментальные принципы недискриминации и политического нейтралитета, что противоречит практике бойкотов по национально-политическому признаку. Официальные заявления МОК не являются нормами права, они отражают устойчивую позицию против политического вмешательства через бойкоты, рассматривая их как угрозу целостности международного спортивного движения [5].

Право на участие и суверенное равенство: с формально-юридической точки зрения добровольный бойкот со стороны государства или спортсменов не составляет нарушения международного права, так как участие в соревнованиях является правом, а не обязанностью.

Дискриминация по признаку национальности: правовая оценка отстранения спортсменов по национальному признаку выявляет конфликт между принципом недискриминации и практикой коллективной ответственности. Несмотря на отсутствие прямого запрета в классических актах о правах человека, правоприменительная практика (МОК, CAS) последовательно эволюционирует в сторону признания индивидуальной ответственности атлета.

Принцип невмешательства: объявление бойкота является суверенным правом государства, однако его координация на международном уровне трансформирует его в инструмент коллективного принуждения. Несмотря на формальное отсутствие прямого нарушения принципа невмешательства, такие действия создают ситуацию изоляции, затрагивающую законные интересы государства-мишени.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что правовая природа спортивного бойкота носит двойственный характер. С одной стороны, он напрямую затрагивает устои международного правопорядка, с другой – претендует на роль легитимного ответа на нарушения ключевых принципов справедливости и прав человека. Преодоление данной коллизии требует закрепления в международном праве критериев, разграничивающих правомерные санкции и произвольное давление. К ним предлагается отнести:

Критерий легитимности цели: бойкот должен преследовать правомерную цель: защита международного мира и безопасности или предотвращение грубых нарушений прав человека. Ключевым вопросом остается соответствие цели бойкота нормам, имеющим обязательную силу для всех государств, и

официальной позиции международного сообщества, выраженной в документах ООН [4].

Коллективность и законность процедуры: для минимизации политизированности целесообразно закрепить в уставных документах МОК или резолюциях ООН конкретные основания для спортивных санкций: нарушение олимпийского перемирия, государственная поддержка допинга, систематическая дискриминация спортсменов.

Защита прав спортсменов и недопущение коллективной ответственности: первым условием легитимность цели является и международный мир, и безопасность или фундаментальные права человека. Она не должна быть продиктована конъюнктурными политическими разногласиями. Вторым обязательным элементом выступает коллективный и процедурный характер принятия решения. Третьим требованием является соблюдение принципа пропорциональности. Бойкот должен применяться как крайняя мера.

Сохранение нейтральных площадок для диалога: спорт исторически выполняет функцию нейтральной площадки для международного взаимодействия, особенно в периоды политической конфронтации. Приоритет следует отдавать частичным ограничениям, сохраняющим спортивное соревнование: проведение мероприятий на нейтральной территории, допуск спортсменов под нейтральным флагом, запрет на проведение соревнований в стране-нарушителе.

Учет последствий и принцип «спорт вне политики» как идеал: историческая практика демонстрирует сомнительную эффективность бойкотов как инструмента политического влияния при одновременном нанесении устойчивого ущерба олимпийскому движению и карьерам спортсменов.

Перспективным направлением является разработка многостороннего соглашения или резолюции ООН, устанавливающей правовые рамки для спортивных санкций. Для обеспечения правовых гарантий целесообразно создать специализированный арбитражный механизм при CAS (Международный арбитражный суд по спортивным спорам), уполномоченный рассматривать споры о дискриминации спортсменов по политическим мотивам.

Несмотря на неизбежное влияние политики на спорт, предлагаемые критерии создают основу для системного подхода. Их внедрение позволит придать ответным мерам спортивного сообщества правовую определенность, обеспечить баланс между защитой государственного суверенитета и необходимостью противодействия грубым нарушениям международного права, а также минимизировать риски произвольного применения санкций.

Анализ демонстрирует фундаментальную коллизию между принципами суверенитета и невмешательства, с одной стороны, и правом международного

сообщества на реагирование при грубых нарушениях международного права – с другой.

Отсутствие унифицированных правовых стандартов привело к доминированию политической конъюнктуры, порождающей непоследовательную практику и нарушение прав спортсменов. В этой связи предлагаемая система критериев призвана обеспечить баланс между защитой государственного суверенитета и необходимостью сохранения олимпийских идеалов.

Формирование соответствующего правового института, сочетающего специальные нормы спортивного регулирования с общепризнанными принципами международного права, представляется закономерным этапом эволюции данной отрасли. Разработка прозрачных правовых процедур позволит гармонизировать защиту государственного суверенитета с принципами олимпийского движения, обеспечивая равенство спортсменов и минимизируя деструктивное политическое влияние.

Библиографический список

1. Устав Организации Объединённых Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. — Вып. XII. — М., 1956. — С. 14–47.
2. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета: Резолюция ГА ООН 2131 (XX) от 21.12.1965. // Официальный сайт ООН. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций: Резолюция ГА ООН 2625 (XXV) от 24.10.1970. // Официальный сайт ООН. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
4. Международная конвенция против апартеида в спорте (принята 10.12.1985 Резолюцией ГА ООН 40/64 G) // United Nations Treaty Series. — 1988. — Vol. 1500. — P. 161.
5. Олимпийская хартия Международного олимпийского комитета в ред. от 17.07.2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт МОК. — URL: **https://www.olympics.com/ioc/documents/international-olympic-committee/olympic-charter** (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.

6. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СЗ РФ. — 2020. — № 11. — ст. 1416.
7. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ. — 2007. — № 50. — ст. 6242.
8. О международных договорах Российской Федерации: федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. — 1995. — № 29. — ст. 2757.
9. Всемирная ассоциация олимпийцев не согласна с решением МОК отстранить россиян и белорусов // ТАСС. — 01.03.2022. — URL: https://tass.ru/ (дата обращения: 25.11.2025). — Текст: электронный.
10. Допинговый скандал в ВФЛА [Электронный ресурс] // Рувики: интернет-энциклопедия. — URL: **https://ru.ruwiki.ru/wiki/Допинговый_скандал_в_ВФЛА** (дата обращения: 25.11.2025). — Текст: электронный.
11. Конфликт между Израилем и ХАМАС: как ситуация на Ближнем Востоке отражается на спорте – реакция спортсменов и федераций // Спорт-Экспресс. — 15.10.2023. — URL: https://www.sport-express.ru/ (дата обращения: 25.11.2025). — Текст: электронный.
12. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. — М. : Норма, 2013. — 512 с.— URL: **https://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2013/04/TGP_Matuzov_Malko.pdf** (дата обращения: 23.11.2025). — Текст: электронный.
13. МОК предостерег от дискриминации спортсменов из-за войны в Израиле // Коммерсантъ. — 12.11.2023. (дата обращения: 25.11.2025).
14. МОК рекомендовал не допускать россиян и белорусов до соревнований // РИА Новости. Спорт. — 28.02.2022. — URL: https://ria.ru/sport/ (дата обращения: 25.11.2025). — Текст: электронный.
15. «Плюнуть – и всё»: почему СССР бойкотировал Олимпиаду 1984 года [Электронный ресурс] // News.ru. — URL: **https://news.ru/society/upushennaya-pobeda-pochemu-sssr-bojkotiroval-olimpiadu-1984-goda** (дата обращения: 25.11.2025). — Текст: электронный.
16. Почему бойкотировали Олимпиаду-80: основная версия и комментарии экспертов [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. — URL: **https://www.kp.ru/putevoditel/olimpiada-80/pochemu-bojkotirovali/** (дата обращения: 25.11.2025). — Текст: электронный

Дрюпина Владислава Борисовна
студентка 4 курса,
Институт прокуратуры
Уральского государственного
юридического университета
имени В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Россия

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ[1]

Drupina Vladislava Borisovna
4rd year students
Institute of Public Prosecutor's Office of the
V.F. Yakovlev Ural State Law University
Yekaterinburg, Russia

ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF REGULATORY LEGAL ACTS AND THEIR PROJECTS IN THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов как средства реализации органами прокуратуры иных полномочий. Рассматриваются проблемы правового регулирования, организационные и методические недостатки в деятельности органов прокуратуры. Цель*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Рассохин Анатолий Васильевич.

исследования – выявление системных пробелов и разработка путей совершенствования данного института. В результате предложены конкретные меры по оптимизации законодательства, процедуры экспертизы и внедрению цифровых технологий для повышения её эффективности в противодействии коррупции.

Abstract: *the article is devoted to a comprehensive analysis of anti-corruption expertise of normative legal acts as a means of prosecutorial supervision. It examines the problems of legal regulation, organizational and methodological shortcomings in the activities of the prosecutor's office. The aim of the study is to identify systemic gaps and develop ways to improve this institution. As a result, specific measures are proposed to optimize legislation, expert procedures and introduce digital technologies to enhance its effectiveness in combating corruption.*

Ключевые слова: *антикоррупционная экспертиза, иные полномочия органов прокуратуры, нормативные правовые акты, коррупциогенные факторы, правовое регулирование, противодействие коррупции, судебная практика.*

Key words: *anti-corruption expertise, prosecutorial supervision, normative legal acts, corruption-related factors, legal regulation, anti-corruption, judicial practice.*

Коррупция как системное явление представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности, подрывая основы государственного управления, принципы верховенства права и доверия граждан к институтам власти. В условиях современной России противодействие этому деструктивному феномену требует комплексного подхода, сочетающего карательные и, что не менее важно, превентивные меры. Ключевым институтом противодействия коррупции последних является антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (НПА) и их проектов, призванная выявлять и устранять коррупциогенные факторы на стадии правотворчества и правоприменения. Центральная роль в организации и проведении этой экспертизы отводится органам прокуратуры Российской Федерации, что обусловлено их полномочиями и универсальным характером как правоохранительного института.

Актуальность темы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, осуществляемой органами прокуратуры, обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов современного общественного развития. Во-первых, в условиях глобализации и цифровизации коррупционные практики постоянно эволюционируют, приобретают новые, более изощренные формы, что требует адекватного ответа со стороны правоохранительной системы. Во-вторых, наблюдается устойчивый рост требований гражданского общества к качеству, прозрачности и подотчетности государственного управления, где коррупция воспринимается как одно из

главных препятствий для справедливого распределения общественных благ и обеспечения верховенства права. В-третьих, антикоррупционная экспертиза представляет собой ключевой превентивный механизм, позволяющий устранять коррупционные риски на стадии правотворчества, что является значительно более эффективным и экономичным способом противодействия коррупции, чем последующее исправление последствий принятия коррупциогенных норм. Таким образом, совершенствование данного института напрямую связано с укреплением национальной безопасности, повышением инвестиционной привлекательности страны и легитимности государственной власти в целом.

Правовую основу антикоррупционной экспертизы составляют Федеральные законы «О противодействии коррупции», «О прокуратуре Российской Федерации» и «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Детализация процесса содержится в Постановлении Правительства РФ № 96, утвердившем Методику проведения указанной экспертизы (далее – Методика), а также в ведомственных приказах Генеральной прокуратуры, таких как № 581. Несмотря на сформированный нормативный каркас, анализ законодательства и правоприменительной практики выявляет ряд системных проблем, снижающих эффективность этого инструмента, в реализации иных полномочий.

Одной из наиболее острых проблем является отсутствие четкой и единообразной правовой модели проведения антикоррупционной экспертизы в отношении проектов нормативных актов. Так, буквальное толкование статьи 9.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» позволяет сделать вывод о том, что проверке подлежат главным образом акты, уже вступившие в законную силу. В то же время приказ Генеральной прокуратуры № 581 закрепляет подготовку правовых заключений по законопроектам в качестве важного направления деятельности. Это нормативное противоречие создает правовую неопределенность, приводит к отсутствию детальной регламентации стадий, сроков направления проектов на экспертизу и сроков их рассмотрения прокуратурой. В результате нормативные акты различного уровня могут приниматься без должного анализа на коррупциогенность, что потенциально провоцирует насыщение правового поля нормами, содержащими коррупционные риски [4, с. 556].

Не менее значимой является проблема юридической силы требований прокурора, вытекающих из результатов экспертизы. Анализ частей 2 и 3 статьи 9.1 Закона о прокуратуре и части 3 статьи 4 Закона об антикоррупционной экспертизе порождает дискуссию о том, является ли требование прокурора об изменении нормативного акта обязательным для безусловного исполнения или подлежит лишь рассмотрению. На практике поднадзорные органы зачастую трактуют эти положения в свою пользу, уклоняясь от устранения выявленных

нарушений, что существенно снижает эффективность прокурорского реагирования. Хотя статья 6 Закона о прокуратуре и позиция Конституционного Суда РФ указывают на властно-обязывающий характер законных требований прокурора, сохранение законодательных неточностей позволяет находить лазейки для бездействия. В этой связи назрела необходимость внесения в законодательство прямых норм, однозначно устанавливающих обязательность исполнения таких требований [3, с. 1571].

Органы прокуратуры наделены полномочиями по проведению антикоррупционной экспертизы в двух формах. Первая, так называемая «внешняя», заключается в анализе нормативных актов подконтрольных организаций и основывается на части 2 статьи 3 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Вторая, «внутренняя», направлена на проверку организационно-распорядительных документов самой Генеральной прокуратуры РФ и регламентирована Приказом Генеральной прокуратуры №175 (сноску)

При этом детально прописанный порядок проведения существует лишь для внутренней экспертизы, что закреплено в соответствующем приказе Генерального прокурора. Однако Приказ № 581 не ликвидирует правовой пробел, поскольку в нём не установлены чёткие процедуры осуществления проверки, не определены ответственные подразделения, сроки для предъявления требований об изменении актов или обращения в суд для их отмены. Таким образом, антикоррупционная экспертиза, проводимая прокуратурой, нуждается в более тщательной законодательной регламентации. Решением данной проблемы могла бы стать разработка и принятие отдельного приказа Генерального прокурора, утверждающего порядок проведения экспертизы нормативных правовых актов [2].

Серьезные нарекания вызывает и сама Методика проведения антикоррупционной экспертизы, утвержденная Постановлением Правительства № 96. В узком смысле она представляет собой перечень коррупциогенных факторов с их кратким разъяснением. Однако в широком понимании методика должна представлять собой четкий алгоритм действий, последовательность этапов и приемов, направленных на достижение качественного результата. Существующий документ такой детализации не содержит. Закрепление исчерпывающего перечня факторов, по сути, превращает экспертизу в формальную процедуру, не позволяя гибко реагировать на новые, изощренные формы коррупционных проявлений. Отсутствие пошаговой инструкции для прокурорских работников, структурирующей процесс проверки – от первичного анализа до оформления заключения, – ведет к субъективизму, несогласованности и ошибкам.

Организационные проблемы тесно связаны с ограниченными кадровыми и техническими ресурсами органов прокуратуры. Проведение качественной

антикоррупционной экспертизы требует от специалистов глубоких познаний не только в юриспруденции, но и в экономике, государственном управлении, отдельных отраслях социальной сферы. Зачастую в прокуратуре не хватает сотрудников соответствующей квалификации, а программы их регулярного повышения квалификации носят фрагментарный характер. Отсутствие современных автоматизированных систем анализа текстов НПА приводит к тому, что экспертиза проводится вручную, что замедляет процесс и увеличивает вероятность пропуска коррупциогенных факторов.

Ярким проявлением системных трудностей является сопротивление со стороны органов власти – разработчиков нормативных актов. Нежелание вносить изменения в принятые документы, признавать ошибки, а подчас и прямая заинтересованность в сохранении коррупциогенных норм приводят к затягиванию процесса их устранения и увеличению количества судебных разбирательств. Судебная практика по оспариванию заключений прокуратуры подтверждает эту тенденцию. Хотя в большинстве случаев суды поддерживают позицию надзорного органа, как это было в деле № А51-3745/2021 Арбитражного суда Приморского края, сам факт необходимости судебного вмешательства свидетельствует о недостаточной силе внесудебных прокурорских актов.

Анализ судебной практики выявляет и другие проблемные аспекты. К ним относится размытость критериев коррупциогенности, что приводит к неоднородности судебных решений по схожим делам в разных регионах. Судьи сталкиваются с трудностями в оценке таких факторов, как «избыточное усмотрение» или «дискриминационные нормы», из-за их недостаточной конкретизации в Методике. Процессуальные ошибки, допускаемые прокурорами при проведении экспертизы (например, несоблюдение сроков, непредоставление возможности разработчику выразить свою позицию), становятся основанием для отмены судами их заключений, как это произошло в деле № 305-КГ18-24884 Верховного Суда РФ. Это подрывает авторитет прокуратуры и снижает доверие к результатам ее работы.

Для преодоления выявленных системных недостатков необходим комплекс взаимосвязанных мер. Первоочередным шагом должно стать совершенствование законодательной базы. Целесообразно внести изменения в Федеральные законы «О прокуратуре Российской Федерации» и «Об антикоррупционной экспертизе», которые бы четко закрепили полномочия прокуратуры по проведению экспертизы не только действующих, но и проектов нормативных правовых актов, детализировав процедуру и сроки, однозначно установили обязательный характер требований прокурора об устранении коррупциогенных факторов [1, с. 335].

На ведомственном уровне Генеральной прокуратуре РФ следует разработать и внедрить детальную инструкцию, регламентирующую порядок действий прокуроров на всех этапах антикоррупционной экспертизы. Такой

внутренний документ позволит структурировать процесс, минимизировать субъективизм и ошибки, а в перспективе может стать основой для создания единой общеустановленной методики.

Совершенствование Методики проведения экспертизы видится в переходе от жесткого исчерпывающего перечня факторов к более гибкой, рамочной системе, допускающей выявление новых коррупционных схем. Методика должна быть дополнена четким пошаговым алгоритмом, описывающим действия эксперта от планирования проверки до формулирования выводов.

В условиях ограниченности ресурсов представляется эффективным внедрение системы приоритетности, при которой в первую очередь экспертизе подвергаются нормативные акты, регулирующие наиболее коррумпированные сферы (здравоохранение, государственные закупки, распределение земельных участков и т.д.). Выявление таких сфер должно основываться на анализе статистики преступлений, опросах граждан и оценках экспертов.

Кардинально повысить эффективность и объективность экспертизы может интеграция цифровых технологий. Разработка и внедрение программного обеспечения на основе искусственного интеллекта, обученного на массивах данных с примерами коррупциогенных факторов, позволит осуществлять предварительный автоматизированный скрининг текстов НПА. Это не только сократит временные затраты и минимизирует человеческий фактор, но и обеспечит беспристрастность анализа.

Важным аспектом повышения эффективности является обеспечение принципа гласности. На официальных интернет-порталах органов прокуратуры различных уровней, а также на сайте Росстата необходимо организовать регулярную публикацию актуальной и детализированной статистики о проведенных антикоррупционных экспертизах, выявленных и устраненных коррупциогенных факторах. Это будет способствовать не только формированию правосознания граждан и повышению доверия к государству, но и стимулированию самих органов власти к более ответственному нормотворчеству.

Таким образом, хотя антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, проводимая прокуратурой, доказала свою востребованность и определенную эффективность, ее потенциал раскрыт не в полной мере. Существующие пробелы и противоречия в правовом регулировании, организационные и методические проблемы требуют безотлагательного решения. Предлагаемые меры по совершенствованию законодательства, регламентации процедуры, внедрению современных технологий и обеспечению прозрачности способны превратить антикоррупционную экспертизу в действительно действенный инструмент профилактики коррупции, укрепляющий правовые основы российского государства и общества. Системный подход, основанный на тесном взаимодействии

прокуратуры, законодательных и исполнительных органов власти, судов и гражданского общества, является залогом успеха в этой деятельности.

Библиографический список

1. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ // СЗ РФ. —2008. — № 52 (ч. 1). — ст. 6228.
2. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 // СЗ РФ. —1995. — № 47. — ст. 4472.
3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17.07.2009 N 172-ФЗ // СЗ РФ. — 2009. —№ 29. — ст. 3609.
4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства РФ от 26.02.2010 N 96 // СЗ РФ. — 2010. —№ 10. —ст. 1084.
5. Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции: приказ Генерального прокурора РФ от 10.10.2022 N 581. Документ опубликован не был. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_424381 (дата обращения: 15.11.2025).— Текст: электронный.
6. Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы организационно-распорядительных документов и проектов организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, содержащих нормы права: приказ Генерального прокурора РФ от 03.04.2014 N 175. Документ опубликован не был. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163405/ (дата обращения: 15.11.2025).— Текст: электронный.
7. Решение Арбитражного суда Приморского края от 12.05 2021 г. по делу № А51-3745/2021 // Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.03.2019 г. № 305-КГ18-24884 // Официальный сайт Верховного суда РФ.— URL: https://vsrf.ru/ (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
9. Батейщиков И.В. Недостатки правового регулирования проведения антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры / И. В.

Батейщиков // Наука XXI века: актуальные направления развития. — 2025. — № 1-2. — С. 334-338.
10. Митин А.Н. О правовом механизме реализации органами прокуратуры полномочий в сфере противодействия коррупции / А. Н. Митин, А. В. Рассохин, О. В. Соболев // Российское право: образование, практика, наука. — 2024. — № 2. — С. 70-77.
11. Тиханкова П. Д. Анализ судебной практики по антикоррупционной экспертизе с участием органов прокуратуры / П. Д. Тиханкова // Трансформация права : Материалы VII Всероссийского научно-практического Форума студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 03–06 декабря 2024 года. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. — С. 1568-1581.
12. Яшенкова А. М. Антикоррупционная экспертиза как средство прокурорского надзора при противодействии коррупции / А. М. Яшенкова // Вопросы российской юстиции. — 2025. — № 35. — С. 554-560.

Должонкова Елизавета Андреевна
студентка 4 курса, Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева
г. Краснодар, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВВ.[1]

Dolzhonkova Elizaveta Andreevna
4th year student,
North Caucasus branch
of the Russian State University of Justice
Krasnodar, Russia

THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF COPYRIGHT PROTECTION IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH CENTURY

Аннотация: *данная статья посвящена процессу становления правового института защиты авторских прав. Автор рассматривает его историческую трансформацию из системы привилегий в целостный правовой институт. В статье анализируются основные правовые акты, регулировавшие авторские правоотношения в XIX в, а также изменения в отношении государства к частным авторским правоотношениям.*

Abstract: *the article is devoted to the process of establishing the legal institution of copyright protection. The author examines its historical transformation from a system of privileges to a comprehensive legal institution. The article analyzes the main legal acts that regulated copyright relations in the 19th century, as well as changes in the state's attitude towards private copyright relations.*

Ключевые слова: авторские права, исключительные права, система привилегий, частная типография, права издателей.

[1] Научный руководитель - кандидат исторических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала «Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева», Микуленок Юлия Андреевна.

Key words: *copyright, exclusive rights, system of privileges, private printing house, rights of publishers.*

Авторское право, как правовой институт имеет достаточно долгую и интересную историю своего формирования. Традиционно возникновение авторского права принято связывать с появлением книгопечатания. Подготовка книги к печатанию и издание занимало гораздо больше времени и усилий, чем копирование уже готового труда. Естественно, копии выходили дешевле оригинала, что влекло за собой убытки для его издателей.

Правовая защита издателей от перепечатывания работ и потери прибыли осуществлялась благодаря системе привилегий – документов, выдававшихся органами власти отдельным лицам на печать отдельных произведений. Такие документы частично наделяли их адресатов исключительным правом: с одной стороны, давали право на создание и продажу объекта интеллектуального труда, с другой – запрещали третьим лицам использовать (перепечатывать) этот объект [4, с. 144].

Историки выделяют в истории становления авторских прав в России три этапа. Первый этап это IX-XVI вв. Второй этап – это появление вышеупомянутой системы привилегий. Как отметил исследователь Ю.В. Александровский: «первоначально эта система существовала для издателей музыкальных произведений, а не для композиторов» [4, с. 142]. В России привилегии впервые были использованы Петром I в отношении иностранных книготорговцев. В 1700 году была выдана привилегия голландцу Яну Тессингу для печати на русском, латинском и голландском языках различных книг, чертежей, карт с правом ввозить их в Россию и продавать. Данное право действовало 15 лет и являлось исключительным – принадлежало только Тессингу. Никто другой не мог ввозить и тем более продавать эти книги и чертежи. Для книг Тессинга использовался отличительный знак с его подписью и «клеймом», чтобы отличить книги от контрафакта [8, с. 114].

Следующая частная типография так же была учреждена именным указом Петра I. Это московская Гражданская типография Василия Киприанова, открытая в 1705 году. Она выпускала гравюры, карты, таблицы и чертежи. Но пускай она именовалась «частной», в скором времени она вошла в ведомство Приказа артиллерии, и выбор материалов для издания стал определяться «волей Петра» [5, с. 68]. Однако привилегий во времена Петра Великого было совсем немного, единичные случаи. Массовый характер привилегии приобрели только во второй половине XVIII в. Казенные типографии стали сдаваться в аренду, разрешалось частное книгоиздание. В 1771 году в период правления Екатерины II была выдана первая привилегия на печатание книг в Петербурге на иностранных языках. К 1779 году разрешение на осуществление издательской деятельности получили многие книготорговцы и типографщики. В 1783 году был издан Указ о вольных типографиях. Этот документ стал

отправной точкой к преобразованию системы правовой защиты авторских прав. Однако в нем не было достаточного определения объема прав издателей относительно частной собственности авторов. Это привело к возрастанию числа нелегальных изданий и их копий в частных типографиях. Также данный указ не предусматривал запрет на повторное переиздание ранее опубликованных произведений [7, с. 331-332].

Предпосылки к закреплению исключительного права авторов содержались также и в различных правовых актах того периода. Согласно указу № 14985 Тома 20 Полного собрания законов Российской Империи типография Артиллерийского и Инженерного корпуса имела исключительные права на месяцеслов (календарь). «Сочинение особо Академии с начала ее учреждения принадлежащее» - так было указано в законе. Их право содержало запретительный элемент: никому, кроме Академии, печатать и продавать подобные календари было нельзя [1, ст. № 14985]. Кроме того, черты исключительного права содержатся и в параграфах Устава академии Наук, утвержденного в 1803 году. Параграф 113 запрещает всем типографиям Империи «под опасением конфискации» перепечатывать книги, изданные в академии без ее дозволения. Параграф 115 закрепляет право на издательство календарей и Санкт-петербургских политических ведомостей на русском, немецком и французском языках [2, ст. № 20863].

Император Павел I отказался от идей своей матери, кардинально сменив внутриполитический курс развития и вызвав значительные перемены в законодательстве о защите прав авторов. Его правление ознаменовалось усилением контроля над публикациями, включая закрытие всех негосударственных типографий и введение запрета на импорт иностранной литературы. Правовые отношения, касающиеся защиты интеллектуального труда авторов, вновь приобрели ярко выраженный административно-правовой характер. Выдача специальных разрешений превратилась в инструмент цензуры, поскольку ими наделялись исключительно проверенные и надежные учреждения печати и книжные магазины. За нарушение установленных ограничений авторы несанкционированных публикаций подвергались административной ответственности, заключающейся в изъятии и ликвидации незаконных экземпляров и наложении штрафов [11, с. 24].

Начало XIX века характеризовалось преобладанием типографий в процессе распространения книг. К примеру, в 1813 году количество государственных типографий достигало 55 единиц, одновременно увеличивалась численность и значимость частных предприятий. Среди последних, выделялись крупные издательства, выпускавшие влиятельные общественно-политические журналы вроде «Вестник Европы» и «Сын Отечества». Благодаря распространению периодической прессы начался постепенный сдвиг в сторону формирования гражданских правовых норм,

заменяющих прежнюю административную систему регулирования авторских взаимоотношений [6, с. 49].

Министерством народного просвещения в 1816 году был принят первый правовой акт, защищающий права авторов от произвола. Распоряжение Министерства закрепляло, что «предоставление рукописи на цензуру для последующего ее напечатания должны были прилагаться доказательства прав издателя, полученные от автора». Впервые была закреплена зависимость прав издателя от прав создателя произведения [7, с. 331]. Преобразование системы привилегий в систему авторских прав относят к третьему этапу становления данного правового института. Он связан с законодательным закреплением личных неимущественных прав.

В Российской Империи этот переход совпал с назревшей необходимостью в кодификации «запутанного» российского законодательства. Великий юрист и общественный деятель М.М. Сперанский подготовил Полное собрание законов Российской Империи, на основе него он создал «Свод законов Российской Империи» в 15 томах. Действующее гражданское законодательство систематизировалось в 9-м, 10-м и 11-м томах. В нем впервые устанавливалось право собственности на результаты интеллектуального творчества, что послужило основой для формирования авторского и патентного права [7, с. 333].

В изменении порядка регулирования авторских правоотношений огромную роль сыграло цензурное законодательство. Первые специальные нормы в этой области были закреплены Цензурным Уставом 1828 года, в котором данному аспекту была отведена целая глава - «О сочинениях и издателях книг», а также приложение - «Положение о правах сочинителей». Согласно данному положению автор либо переводчик получал эксклюзивное право распоряжаться произведением в течение всей жизни и свободно продавать его как собственное имущество, закрепленное законом [10, с. 268]. Продолжительность охраны авторских прав составляла всю жизнь создателя плюс дополнительные 25 лет после его кончины. После завершения указанного периода творение переходило в общественное достояние. Вместе с тем, несоблюдение требований, изложенных в Цензурном уставе, приводило к утрате автором всех имущественных и иных прав на свое произведение, включая возможность реализации [12, с. 23]. Несмотря на значительное влияние цензуры, процесс развития законодательной базы, регулирующий сферу авторского права, продолжился. Новые положения принимались последовательно в 1830, 1845, 1848 и 1875 годах, обеспечивая защиту разнообразным категориям произведений, таким как публикации журналов, учебные пособия и личные письма. Был признан правовой статус музыкальных и художественных творений. Первоначально срок охраны авторства после смерти автора составлял 35 лет, впоследствии продленный до 50 лет [7, с. 335].

В целях борьбы с революционной мыслью в 1877 году из Цензурного устава были изъяты правила об авторском праве.

Первый специальный закон об авторском праве появился в 1911 году. Государственным Советом Российской Империи был принят закон под названием «Положение об авторском праве». Как отмечает Кубышко М.В., данный правовой акт опережал западные правовые акты как по содержанию, так и по уровню юридической техники [9, с. 48]. Состоял специальный закон из общей и особенной частей. Общая часть закрепляла основные понятия: круг охраняемых объектов, срок действия авторского права, правопреемство исключительных прав, нарушения авторских прав, способы их защиты и др. Особенная часть регламентировала правила и условия заключения издательских контрактов. В этот период именно указанный закон представлял собой наивысшую степень юридической защиты прав авторов [3, с. 26].

Таким образом, авторские правоотношения, которые многие века не имели законодательного закрепления в законах Российского государства, прошли огромный путь становления и развития за период с XVIII по XIX вв. Сначала это было коллективное право, после государственная система книгопечатания, затем привилегии для частных типографий и книготорговцев, и наконец полноценный свод законов. Несмотря на жесткую цензуру институт исключительных прав на авторские произведения продолжал стремительно совершенствоваться в XIX в. Многие положения заложили основу для формирования системы современного авторского права.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 20. СПб : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830-1851. — 1034с. — URL: **https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003821621/** (дата обращения 02.11.2025 года). — Текст: электронный.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 27. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830-1851. —1122с. — URL: **https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003821614?page=1** (дата обращения 02.11.2025 года). — Текст: электронный.
3. Закон об авторском праве. С изложением рассуждений и материалов, на коих он основан / Сост.: Коптев Д.А. - СПБ: Изд. Юрид кн. Магазина Н.К. Мартынова, 1911. — 434 с.
4. Александровский Ю.В. Авторское право. Закон 20 марта 1911 г. Исторический очерк, законодательные мотивы и разъяснения. — СПб, 1911. — 176 с.
5. Бородин А.В. Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы // Труды института книги, документа, письма. — Вып. 5. — 1936. — С. 53-109.

6. Володькова Е.Н. Становление и развитие авторского права в Российской Империи // Закон и право. —2019. — №9. — С. 47-49.
7. Давыдова Н.Ю. К вопросу об эволюции авторских правоотношений в истории россйиского права XVIII - начала XX века // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 6. С. — 330-335.
8. Зарецкий Ю. Царская сделка голландского купца // Научная библиотека «Родины». — 2022. —№5. — С. 112-115.
9. Кубышко М.В. Становление законодательства Российской Империи в области права // Вестник московского университета МВД России. —2012. — №3. — С. 46-48.
10. Салицкая Е.А. Развитие отечественного законодательства в области авторского права: исторический аспект // Журнал «Управление наукой и наукометрия». — 2014. — Вып. 2. — С. 265-274.
11. Эриашвили Н.Д. Правовое регулирование цезуры в правление государя императора Павла Петровича // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — №2. — С. 23-26.
12. Ястребова Е.Ю. К вопросу охранительных правоотношений в сфере авторского права в России XIX - начале XX вв. // История государства и права. — 2007. — № 22. — С. 23-24.

Даков Николай Степанович
студент 3 курса юридического факультета
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
Прокуратуры Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ СУДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

Dakov Nikolai Stepanovich
Third-year law student at the St. Petersburg
Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

ADMINISTRATIVE COURTS AS AN ELEMENT OF MODERNIZATION OF THE JUDICIAL AND LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: *данная статья посвящена всестороннему анализу предпосылок и проблем формирования системы административных судов в России. Авторы глубоко изучили позиции ученых и представителей государственной власти и предлагают собственный подход к решению проблем.*

Abstract: *this article provides a comprehensive analysis of the prerequisites and challenges for the development of the administrative court system in Russia. The authors have thoroughly explored the positions of scholars and government officials and offer their own approach to addressing these challenges.*

Ключевые слова: административное судопроизводство, судебная реформа, суды общей юрисдикции, административные суды.

[1] Научный руководитель- советник юстиции, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Булгакова Луиза Сираджеддиновна.

Keywords: *administrative proceedings, judicial reform, courts of general jurisdiction, administrative courts.*

Вопрос о создании системы административных судов в Российской Федерации занимает особое место в научных и правовых дискуссиях последних десятилетий. Ещё в начале 2000-х годов в рамках судебной реформы предполагалось формирование специализированной ветви судов, призванной обеспечивать эффективную защиту прав граждан в их отношениях с органами публичной власти. Однако, несмотря на проделанную законодательную и концептуальную подготовку, реформа так и не была доведена до конца. С принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее-КАС РФ) в 2015 году административная юстиция получила процессуальную основу для рассмотрения дел в судах общей юрисдикции. Тем не менее, вопрос о необходимости институционального выделения административных судов остаётся предметом научных споров.

Реформа судебной системы России в начале 2000-х годов стала продолжением процесса, начатого еще в 1990-х — в рамках продолжения формирования правового государства и укрепления принципа разделения властей, провозглашенного Конституцией Российской Федерации в 1993 году. К началу нового тысячелетия, система судов общей юрисдикции уже выступала эффективным механизмом защиты прав и законных интересов личности, общества и государства, однако, законодатель молодого Российского государства активно старался не останавливаться на достигнутых успехах в области судопроизводства и решил продолжить курс реформ, заявленных в Концепции судебной реформы в РСФСР (далее – Концепции), уделить особое внимание формированию отдельной административной юстиции, с целью уменьшения рабочей нагрузки на сотрудников органов внутренних дел, прокуратуры, а также судов общей юрисдикции, рассматривающих большое количество уголовных и гражданских дел [5, с.3].

Следовательно, Верховный совет в Концепции дал понять, что сложились необходимые предпосылки для проведения судебной реформы, а именно в области административной юстиции, обосновал необходимость подобной реформы. Изучив исторический материал, размещенный на сайте Верховного Суда Российской Федерации, [2] мы выделили следующие предпосылки к проведению вышеописанной реформы:

Политико-правовые предпосылки: необходимость укрепления судебной власти как отдельной ветви власти в России, реализация принципов осуществления государственной власти, провозглашенных Конституцией Российской Федерации.

Социальные предпосылки: возрастание количества споров по делам об административных правонарушениях требовало отраслевого регулирования,

поскольку из-за отсутствия источника административного процессуального права, правоприменителями допускались частые ошибки, что способствовало подрыву авторитета правоохранительных органов в глазах населения.

Организационные предпосылки: большая нагрузка на судебные органы власти создавала угрозу снижения эффективности работы судебной системы, поэтому было необходимо выделить рассмотрение административных дел судами в отдельное производство.

Международно-правовые причины: Российская Федерация в начале 2000х годов являлась активным участником международных судебных органов, в частности, Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и активно перенимала опыт иностранных европейских государств в сфере административной юстиции в свою активно формирующуюся правовую систему. К примеру – Федеративной республики Германия, (ФРГ) в которой административные суды выделены в отдельную систему судов.

Таким образом инициатива Верховного совета РСФСР широко отозвалась в исследованиях ученых и правовых теоретиков. Так, И.М. Галий приходит к выводу о необходимости создания единой системы административного судопроизводства. При этом к подведомственности административных судов, по мнению специалиста, следует отнести дела, вытекающие из: правоотношений, возникающих в процессе осуществления административно-тяжебного производства [3, с.25]. Основной особенностью на наш взгляд описанного выше подхода является отнесение дел об административных правонарушениях к административному судопроизводству и подведомственности будущих административных судов. С подобной точкой зрения согласны и другие ученые [1][8]. Однако, в свою очередь, были и противоположные точки зрения. Например, В.Д. Сорокин в своих работах не рассматривал административное судопроизводство в качестве составляющей административного процесса. Говоря об административном судопроизводстве, В.Д. Сорокин указывал, что оно по определению не может быть процессом административным, поскольку осуществляется не органом исполнительной власти, а судом. Рассмотрение судами дел об административных правонарушениях не следует рассматривать в качестве административного судопроизводства. Производство по делам об административных правонарушениях – отдельное производство в структуре административного процесса, а административный процесс и административное судопроизводство – две параллельных категории [7].

В пользу создания административных судов в России высказываются В.И. Майоров и В.В. Денисенко. Ученые отмечают, что создание в РФ административных судов будет способствовать улучшению структуры и юридического содержания судебной системы России, благодаря признанию как публичных, так и частных интересов российских граждан в качестве

приоритетных и наиболее значимых, укреплению правового государства и верховенства закона [6, с.38].

Таким образом, в 2000 году начались чтения Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации о принятии Федерального Конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации». Верховный суд Российской Федерации выступил с законодательной инициативой по принятию данного законопроекта. Проект законотворческого акта был направлен на выведение отдельной системы административных судов из системы судов общей юрисдикции - создание третьего звена судебной системы (наряду с судами общей юрисдикции и арбитражными) — административных судов, рассматривающих публично-правовые споры по модели европейского административного судопроизводства, провозглашались организационно правовые основы деятельности новой системы судов.

Изучая статистику и текстовые записи из зала заседания Государственной думы во время чтений по законопроекту [4] мы пришли к выводу, что законопроект пользовался популярностью среди парламентариев и был воспринят на высоком уровне. Тем не менее закон был поддержан и различными представителями судебной системы - главой Высшей судебной инстанции по экономическим спорам – Высшего арбитражного суда Российской Федерации – В.Ф. Яковлевым. Однако, не смотря на успех в первом чтении законопроект был отклонен в Государственной Думе во втором чтении – спустя 13 лет после первого чтения. Очень примечателен тот факт, что между первым и вторым чтением прошло не много ни мало – 13 лет. Причиной непринятия законопроекта во втором чтении законодатель отметил то, что уже прошедший парламентскую ратификацию и подписанный Президентом Российской Федерации КАС РФ скоро вступит в законную силу. Целью издания данного кодифицированного источника административного процессуального права должно было по мнению законодателя удовлетворить потребности общества и судебной системы, решить те самые предпосылки, указанные нами выше путем утверждения новых правил административного судопроизводства.

По нашему мнению, издание КАС РФ поставленные цели и противоречия не разрешил. КАС РФ не регулирует рассмотрение дел об административных правонарушениях и, как следствие, не является источником административного процессуального права. Издание вышеуказанного кодекса не способствовало снижению рабочей нагрузки на судебную систему, а система норм составляющее собой совокупность процессуальных и материальных норм, указанных в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее-КоАП РФ) не совсем точно регламентирует порядок рассмотрения и производство дел об административных правонарушениях, некоторые вопросы так и остались

открытыми до сих пор и регулируются ведомственными приказами органов власти, рассматривающих дела об административных правонарушениях.

Таким образом, в свое время идея создания административных судов в теории могла быть вполне жизнеспособной, однако законодатель решил, что в современных условиях российской правовой системы административные суды не являются предметом необходимости. Мы согласны с такой точкой зрения и считаем, что данная реформа не была и не сможет быть проведена по следующим причинам:

Институциональная неготовность российской правовой системы. Российская отрасль административного законодательства предстает весьма перспективным направлением развития правовой системы и является активным объектом внимания со стороны законодателя, но современные институты и законодательная база не готовы к появлению административных судов. Главной проблемой на данном направлении считаем отсутствие отдельного кодифицированного источника административного процессуального права. В современных реалиях необходимо принятие, как предположим в уголовном и гражданском праве отдельного от КоАП РФ кодекса, который бы регулировал правила рассмотрения дел различными органами государственной власти, вносил основные понятия их деятельности, то есть, принятие процессуального источника в отдельности от материального кодекса. Таким образом можно будет оптимизировать административный закон, уточнив процедуру рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Отсутствие исторического опыта и организационно правового понимания деятельности административных судов. Идея создания административных судов перенята, как мы уже указали выше, из правовых систем европейских государств, а именно из ФРГ. В российской правовой реальности опыт проведения подобных преобразований отсутствует, поскольку административное право, как подсистема права и кодифицированных источников – очень молодое явление. На практике зеркальный перенос германского опыта на российский грозил бы полным провалом, как с политико-правовой, так и с экономической точки зрения, поскольку нельзя просто взять и перенести институты чужой правовой системы в свою, необходима длительная подготовка.

Необходимость больших экономических ресурсов. Финансирование реформы, которая бы могла не принести желаемых результатов по причине, указанной выше явилось бы нецелесообразным использованием бюджетных средств, поскольку формирование целой отдельной системы судов потребовало бы больших финансов.

Таким образом, подводя итог проведённому исследованию, следует отметить, что проблема формирования самостоятельной системы административных судов в Российской Федерации остаётся одной из

ключевых и в то же время наиболее противоречивых в современной правовой науке. Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в 2015 году, хотя и стало важным шагом в развитии процессуальных основ административной юстиции, не устранило системных противоречий и не решило вопрос о полноценной защите прав граждан в сфере публично-правовых отношений.

Отсутствие отдельного кодифицированного источника административного процессуального права, институциональная и кадровая неподготовленность судебной системы, отсутствие опыта подобных преобразований, а также высокая экономическая стоимость реформы предопределили невозможность создания административных судов в современных условиях.

Таким образом, развитие административного судопроизводства в России представляется целесообразным не через создание отдельной системы административных судов, а посредством дальнейшего совершенствования действующего законодательства, уточнения процессуальных норм, разграничения компетенции судов общей юрисдикции и выработки самостоятельного Административно-процессуального кодекса. Только комплексный подход, основанный на балансе правовых, институциональных и экономических факторов, позволит обеспечить эффективность административной юстиции и укрепить гарантии защиты прав граждан в их взаимодействии с органами публичной власти.

Библиографический список

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. — М.: [б. и.], 1998. — 726 с.
2. Верховный Суд Российской Федерации: 1990–2024 // Официальный сайт Верховного суд Российской Федерации. — URL: https://www.vsrf.ru/files/26318/ (дата обращения: 01.11.2025). — Текст: электронный.
3. Галий И. М. Рассмотрение судами дел, возникающих из административно-правовых отношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. — М., 2007. — 224 С.
4. Законопроект № 7886-3: Система обеспечения законодательной деятельности // Государственная Дума Федерального Собрания РФ. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/7886-3 (дата обращения: 01.11.2025). — Текст: электронный.
5. Концепция судебной реформы в РСФСР / Верховный Совет РСФСР // BusinessPravo.ru. — URL: https://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_40216_ (дата обращения: 01.11.2025). — Текст: электронный.

6. Майоров В. И., Денисенко В. В. К вопросу о возможности создания административных судов в России // Административное право и процесс. — 2020. — № 1. — С. 36–40.
7. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Юридический центр «Пресс», 2008. — 569 С.
8. Студеникина М. С. Процессуальные формы осуществления правосудия по административным делам // Судебная реформа в России. — М., 2001. — С. 175–181.

Зимин Тимур Важаевич
курсант 2-го курса
Университет ФСИН России,
г. Санкт-Петербург, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИСДИКЦИИ[1]

Zimin Timur Vazhaevich
Second-year student
University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
St. Petersburg, Russia

INTERNATIONAL CRIMINAL COURT: SOME ASPECTS

Аннотация: *настоящая статья посвящена анализу ключевых аспектов, стоящих перед Международным уголовным судом в условиях формирования многополярной системы международных отношений. Автором исследуются различные аспекты юрисдикции Международного уголовного суда. В результате делается вывод о наличии ограничений в его юрисдикции.*

Abstract: *this article analyzes the key issues facing the International Criminal Court in the context of the emerging multipolar system of international relations. The author examines various aspects of the International Criminal Court's jurisdiction. The author concludes that there are limitations to its jurisdiction.*

Ключевые слова: *международные преступления, юрисдикция, государство, военные преступления, международный уголовный суд.*

Key words: *international crimes, jurisdiction, state, war crimes, international criminal court.*

Международный уголовный суд (далее - МУС) создан на основе международного договора - Римского статута от 17 июля 1998 года [1], его местонахождение – г. Гаага, Нидерланды. Стоит отметить, что по состоянию

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Университета ФСИН России, Щербакова Дарья Сергеевна.

на 4 апреля 2025 года количество государств, ратифицировавших Римский статут, составляет 124 государства [5]. Наряду с этим, ряд государств подписали его, но ратифицировали. К ним относится Российская Федерация.

В свою очередь, МУС представляет собой международную организацию, являющуюся производным субъектом, порождаемым соглашением между государствами. Несмотря на то, что многие средства массовой информации называют его «сверхнациональный» или «общемировой», он таким не является. Например, объем полномочий МУС как международной организации не может превышать объем полномочий государств, которые его учредили.

Деятельность МУС как межгосударственного судебного органа осуществляется в точном соответствии с положениями международного договора, на основании которого он создан, то есть на основании Римского статута. Основными его полномочиями является расследование и преследование лиц, обвиняемых в совершении геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и преступления против мира (преступления агрессии). Заметим, что за период с 1 августа 2024 года по 31 июля 2025 года МУС было проведено 63 слушания и вынесено 382 письменных решений [2].

Помимо этого, МУС полномочен выдавать консультативные заключения по различным юридическим вопросам. Следует отметить, что применение и толкование Статута должно осуществляться на основе и при соблюдении норм действующего международного права, в первую очередь Устава ООН и закрепленных в нем принципов международного права [6].

Одним из элементом правосубъектности международной организации является деликтоспособность, под которой принято понимать способность нести ответственности за причиненный вред. Так, на 54-ой сессии Комиссия международного права ООН одобрила ряд статей, затрагивающих особенности ответственности международных организаций. По сути, на основании указанного было провозглашена возможность нести ответственность самой международной организации, т.е. МУС.

Помимо этого, в основе возбуждения дела в рамках МУС лежит принцип комплементарности. В частности, МУС не является судом первой инстанции. Другими словами, он может возбудить дело в случаях, когда национальная судебная система государства не хочет или не может провести расследование и судебное преследование. В полномочия МУС входит определение наличия либо отсутствия бездействия национальных властей, последнее может отождествляться с «нежеланием» или «неспособностью». Указанное в свою очередь, создает поле для политических и правовых споров.

Одной из особенностей юрисдикции МУС является территориальная и персональная ограниченность. Как уже было выше сказано не все существующие государства ратифицировали РС. Так, в соответствии со ст. 12-13 Римского статута юрисдикция МУС распространяется на:

1. государства-участники Римского статута;

2. ситуации, переданные Советом Безопасности ООН;

3. государства, не являющиеся участниками, которые сделали специальное заявление о признании юрисдикции МУС.

Стоит ответить, что Украина до ратификации Римского статута 2 раза направляла в МУС заявления с просьбой о расследовании событий, произошедших в Донбассе. С 1 января 2025 года этим государством Римский статут была ратифицирован, но с оговоркой о невозможности преследования граждан Украины за военные преступления [7].

В свою очередь, некоторые обвиняют МУС в неоколониализме [8]. В частности, это касается африканских стран. На сегодняшний день из 32 текущих ситуаций 17 находятся в Африке. Хотя многие из этих дел были инициированы по запросам самих африканских правительств или Совбеза ООН, общая картина сложилась не в пользу Суда.

Заметим, что в списке лиц, в отношении которых МУС выдал и обнародовал ордера на арест находятся граждане Российской Федерации, а именно В.В. Путин, М.А. Львова-Белова, С.И. Кобылаш, В.Н. Соколов, С.К. Шойгу, В.В. Герасимов.

По сути, наличие территориальных и персональных ограничений отражается на полноте полномочий МУС, который нельзя рассмотреть, как судебный орган, распространяющий свое действие на всех без исключений.

Ранее было уже указано на ограниченную предметную юрисдикцию МУС, которая выражается в четырех составах преступных деяний. Следовательно, другие транснациональные преступления, к которым можно отнести международный терроризм, торговлю наркотиками, киберпреступления не подпадают под юрисдикцию МУС. Указанное, кажется, нам упущением. Видится необходимым расширить предметную компетенцию МУС.

Также необходимо указать на ограниченность предметной компетенции МУС во времени. В частности, МУС правомочен осуществлять уголовное преследование и правосудие лишь в отношении международных преступлений, совершенных с момента вступления в силу Римского статута (т.е. с 1 июля 2002 г.) [3, с.43]. В свою очередь, когда государство ратифицирует Римский статут, полномочия МУС распространяются на совершенные преступления только с момента подписания Римского статута. Другими словами, все, что было до подписания международного документа, не подпадает под компетенцию МУС.

Одной из проблем деятельности МУС, которую с определенной долей условности можно отнести к факторам ограниченности, является политическая ангажированность. Так, не участвующие в ратификации Римского статута государства могут признать юрисдикцию МУС в отношении перечисленных в статье 5 преступлений посредством специального заявления при выполнении

условий, указанных в статье 12 Статута. Стоит отметить, что первым в 2003 году такой возможностью воспользовался Кот-д'Ивуар (за десять лет до ратификации им Римского статута) [4, с.217].

Передача дела в МУС осуществляется решением Совета Безопасности ООН (в соответствии с главой VII Устава ООН («Угрозы миру»). Например, данный путем МУСС рассмотрел обострившуюся ситуацию с Суданом (Дарфур) и Ливией, вызванную этническими конфликтами. Заметим, что решение о передаче принимается политическим органом, где доминируют пять постоянных членов. Так, любой из этой пятерки может заблокировать резолюцию о передаче, если ситуация касается его самого, его союзников или стратегических интересов. В частности, Совет безопасности ООН передал ситуацию в Судане и Ливии (не являющихся участниками), но не может передать, например, ситуацию с Соединенными Штатами Америки в Афганистане из-за права вето.

Таким образом, международный уголовный суд представляет собой значимый, но ограниченный институт международного правосудия. Его авторитет и эффективность постоянно оспариваются из-за узкой юрисдикции, зависимости от политической воли государств (особенно через Совет Безопасности ООН) и обвинений в избирательном подходе. В то время как МУС стремится привлекать к ответственности за самые серьезные международные преступления, он остается продуктом сложного компромисса между идеалами глобального правосудия и суверенитетом отдельных государств. Для усиления его роли в тексте видится необходимость расширения предметной компетенции и преодоления политической избирательности.

Библиографический список

1. Римский статут Международного уголовного суда. // URL: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf (дата обращения: 10.09.2025). — Текст: электронный.
2. Доклад Международного уголовного суда от 18.08.2025. // URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n25/222/77/pdf/n2522277.pdf?_gl=1*cvo74o*_ga*MTU3ODA1OTY5MS4xNzYzMzgzNTc3*_ga_TK9BQL5X7Z*czE3NjMzODM1NzYkbzEkZzAkdDE3NjMzODM1NzYkajYwJGwwJGgw*_ga_S5EKZKSB78*czE3NjMzODM1NzYkbzEkZzAkdDE3NjMzODM1NzYkajYwJGwwJGgw (дата обращения:12.09.2025). — Текст: электронный.
3. Лямин Н.М. Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения прав человека / Н.М. Лямин. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2017. – 233 с.
4. Хассимиу Б. Новая Большая игра западных держав в регионе Сахеля / Б. Хассимиу // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 2. – С. 215-225.

5. Какие страны входят в юрисдикцию Международного уголовного суда. Карта. // URL: https://www.rbc.ru/politics/03/04/2025/67ee6d1c9a79471c8db5cbf2 (дата обращения: 10.09.2025). — Текст: электронный.
6. Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда (заключение Международно-правового совета при МИД России). // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/legal_problems_of-international_cooperation/1949021/#_edn1 (дата обращения:12.09.2025). — Текст: электронный.
7. Украина ратифицировала Римский статут с оговоркой про военные преступления. // URL: https://rg.ru/2024/08/21/ukraina-ratificirovala-rimskij-statut-s-ogovorkoj-pro-voennye-prestupleniia.html (дата обращения:12.09.2025). — Текст: электронный.
8. Эксперт считает, что МУС преследует цель ликвидации неугодных глав государств в Африке. // URL: https://tass.ru/politika/19527345 д(ата обращения:12.09.2025). — Текст: электронный.

Крестьянинова Виктория Александровна
Студентка 2 курса, Северо-Западный филиал
Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева,
г. Санкт-Петербург, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В АНГЛИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ[1]

Krestyaninova Viktoriya Aleksandrovna
2nd-year student,
North-West Branch
of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev,
Saint Petersburg, Russia

THE EVOLUTION OF THE JURY TRIAL IN ENGLAND: HISTORICAL FORMS AND MODERN TRENDS

Аннотация: *в статье исследуется становление суда присяжных в Англии от ранних форм коллективного правосудия средневековья до современного состояния. Анализируются реформы Генриха II, влияние Великой хартии вольностей, роль разъездных судов ассизов, дело Бушелла 1670 г. и последующее законодательное закрепление независимости присяжных. Показано воздействие реформ XIX–XX вв. на компетенцию и состав жюри, а также современные тенденции сокращения сферы применения суда присяжных и цифровизации судопроизводства. На основе сравнительного анализа английская модель сопоставляется с шотландской, американской и континентальными системами. Делается вывод о сохранении суда присяжных в качестве ключевого института демократического правосудия при необходимости его осторожной адаптации к вызовам XXI века.*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Потапов Юрий Алексеевич.

Abstract: *the article examines the development of the jury trial in England from early forms of collective justice in the Middle Ages to its current state. It analyses the reforms of Henry II, the impact of the Magna Carta, the role of travelling assize courts, Bushel's Case of 1670 and the subsequent legislative consolidation of jury independence. The article explores the influence of nineteenth- and twentieth-century reforms on the competence and composition of the jury, as well as contemporary trends towards a narrower scope of jury trials and the digitalisation of criminal justice. On the basis of comparative analysis, the English model is compared with Scottish, American and continental European systems. It is concluded that the jury trial remains a key institution of democratic justice, while requiring careful adaptation to the challenges of the twenty-first century.*

Ключевые слова: *суд присяжных; английское право; общее право; судебная реформа; уголовный процесс; сравнительное правоведение.*

Key words: *jury trial; English law; common law; judicial reform; criminal procedure; comparative law.*

Суд присяжных традиционно рассматривается как один из краеугольных институтов английского общего права. Его эволюция от средневековых форм коллективного правосудия до современной модели уголовного процесса позволяет проследить, как менялись представления общества о справедливом суде, соотношении власти судей-профессионалов и участия граждан, о гарантиях личной свободы. Цель настоящей статьи – на основе историко-правового и сравнительно-правового анализа показать формирование суда присяжных в Англии, выявить особенности его современного состояния и обозначить возможные направления развития в условиях глобализации и цифровой трансформации. Нормативную базу исследования составляют средневековые и современные акты английского права, а также ключевые судебные прецеденты; теоретическую основу – труды У. Блэкстона, Ф. Поллока, Ф. Мейтленда и других авторов [11; 13].

В ходе данного исследования были поставлены следующие задачи:

Проанализировать исторические предпосылки возникновения суда присяжных в Англии;

Рассмотреть институциональное оформление XIII–XVII вв. и реформы XIX–XX вв.;

Изучить современные тенденции и вызовы развития английского суда присяжных;

Провести сравнительный анализ суда присяжных в английской модели, Шотландии, США и континентальной Европы.

Методология: Настоящее исследование выполнено с опорой на историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Историко-правовой анализ позволил проследить эволюцию института суда присяжных от зарождения в специфических условиях средневековой Англии до его современного

состояния. Сравнительно-правовой метод применён при анализе моделей суда присяжных в других странах.

В англосаксонский период (до 1066 г.) единая централизованная судебная система отсутствовала; споры рассматривались на местных собраниях, широко применялись ордалии и «очистительная присяга», когда репутация обвиняемого подтверждалась соприсягателями [11]. Уже тогда использовались элементы коллективного суждения – собрания свободных людей, которые определяли круг подозреваемых, однако окончательное решение оставалось за божественным судом. Нормандское завоевание привнесло в Англию институт королевского «inquest» – опроса местных жителей под присягой. Такие комиссии применялись, в частности, при составлении «Книги Страшного суда» и постепенно стали использоваться для расследования преступлений и разрешения гражданских споров.

Решающую роль сыграли реформы короля Генриха II Плантагенета (1154–1189). Великая ассиза по земельным спорам позволила заменить поединок рассмотрением дела двенадцатью «добрыми людьми» округа, знающими фактические обстоятельства [13]. Кларендонская ассиза 1166 г. закрепила обвинительные присяжные (presenting jury), обязав жителей сотни доносить под присягой на лиц, подозреваемых в тяжких преступлениях. Тем самым заложено разделение между обвинительной и судящей функциями коллегий. В дальнейшем из этих форм вырастают grand jury и trial jury, ставшие классическими элементами английского уголовного процесса.

Ключевым этапом стало принятие Великой хартии вольностей 1215 г., ст. 39 которой закрепила, что ни один свободный человек не может быть лишён свободы или имущества иначе как «по законному приговору равных ему и по закону страны» [3]. В доктрине эта формула интерпретируется как конституционное закрепление права на суд «равных» – будущий суд присяжных. Вскоре после запрета ордалий церковью именно вердикт присяжных становится основным способом установления виновности, к XIII в. ордалии фактически исчезают.

В этот период окончательно складывается система разъездных королевских судов – судов ассизов, где дела рассматриваются с участием присяжных заседателей. Большое жюри (grand jury) формулирует обвинение, малое жюри (petty jury) выносит вердикт. Постепенно присяжные превращаются из «самоосведомлённых» соседей в оценщиков доказательств, предъявленных в суде. Вместе с тем королевская власть неоднократно пыталась давить на присяжных: практиковалась процедура attaint – пересмотра «ложного» вердикта с возможностью наказания присяжных, а в эпоху Тюдоров и Стюартов присяжных штрафовали и заключали под стражу за оправдательные решения по политическим делам. Особенно одиозную роль в обходе присяжных сыграла Звёздная палата, рассматривавшая важные

процессы без участия жюри и использовавшая карательные меры против несогласных присяжных.

Рубежным прецедентом стало дело Бушелла 1670 г., последовавшее за процессом над квакерами Уильямом Пенном и Уильямом Мидом. Присяжные, возглавляемые Эдвардом Бушеллом, отказались признать подсудимых виновными, за что были заключены в тюрьму и оштрафованы. Обжалуя арест по writ of habeas corpus, Бушелл добился решения Высокого суда, в котором лорд-судья Дж. Вон сформулировал принцип: присяжные не могут наказываться за свой вердикт и обязаны руководствоваться собственной совестью и убеждением [9]. Таким образом, была закреплена независимость суда присяжных от давления судей. Принятие Habeas Corpus Act 1679 г. и Билля о правах 1689 г., ограничивших произвол власти и утвердивших верховенство закона, окончательно включило суд присяжных в систему конституционных гарантий личной свободы [1;2].

Изменение объёма компетенции и состава присяжных
В XIX веке английское правосудие переживает масштабные институциональные преобразования. Judicature Acts 1873–1875 гг. объединили суды общего права и суды справедливости в единую систему, унифицировали процедуры рассмотрения дел [6]. В гражданском процессе это привело к существенному сокращению сферы применения присяжных: большинство категорий исков стало рассматриваться судьёй единолично, а жюри сохранилось лишь по ограниченному кругу дел (клевета, мошенничество и др.). К началу XX века гражданский суд присяжных фактически стал исключением из общего правила.

В уголовном процессе суд присяжных сохранил центральное значение для рассмотрения тяжких преступлений, однако его социальный облик изменился. На протяжении долгого времени существовал имущественный ценз: в присяжные включались мужчины, обладавшие определённым уровнем собственности, что обеспечивало сословный характер жюри. Лишь в XX в. этот подход постепенно преодолевается: после принятия Sex Disqualification (Removal) Act 1919 г. женщины получили право выступать присяжными, а Juries Act 1974 г. установил в качестве основного критерия включения в списки присяжных регистрацию в избирательных списках, фактически отменив имущественный ценз. В результате состав жюри стал более репрезентативным по отношению ко всему взрослому населению.

Существенной новацией стало введение вердиктов большинства в соответствии с Criminal Justice Act 1967 г.: при длительном отсутствии единогласия допускается принятие вердикта большинством не менее 10 из 12 голосов [5]. Шаг был мотивирован необходимостью сокращения числа процессов с «зависшим жюри» и повторных слушаний, однако с точки зрения классической доктрины он ослабил символику единодушия как полного согласия общества. В 1930-е годы в Англии были упразднены grand juries,

поскольку функцию предъявления обвинений взяли на себя прокуроры и магистратские суды, и классическая двухуровневая система жюри была заменена единственной коллегией присяжных, выносящей вердикт по существу обвинения.

На рубеже XX–XXI вв. суд присяжных в Англии оказывается под воздействием двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, он сохраняет высокий символический статус «оплота свободы», с другой – объективно участвует лишь в небольшой доле уголовных дел. Не более нескольких процентов уголовных дел в Королевском суде доходят до вердикта присяжных, тогда как основная масса правонарушений рассматривается магистратами либо завершается признанием вины.

Значимым этапом стал Criminal Justice Act 2003 г., закрепивший возможность рассмотрения отдельных категорий дел без участия присяжных. Во-первых, закон допускает судебный процесс перед единственным судьёй при наличии доказанного риска вмешательства в работу жюри (jury tampering). Во-вторых, на уровне политических дискуссий обсуждается перспектива исключения присяжных из очень сложных и длительных финансовых процессов. Эти инициативы вызвали острую дискуссию: сторонники указывали на эффективность и снижение расходов, противники – на угрозу конституционному характеру права на суд присяжных и риск усиления недоверия к правосудию [15].

Отдельный блок вызовов связан с цифровизацией правосудия. Пандемия COVID-19 ускорила внедрение видеоконференц-связи, электронного документооборота, дистанционного участия участников процесса. Хотя полноценный виртуальный суд присяжных пока не стал нормой, уже практикуется проведение отдельных стадий (подготовительные слушания, допрос некоторых свидетелей) в онлайн-формате. Это требует переосмысления гарантий тайны совещательной комнаты, предотвращения влияния внешней информации на присяжных, а также адаптации инструкций, запрещающих им использовать интернет для самостоятельного поиска сведений о деле.

Сравнение английского суда присяжных с аналогичными институтами позволяет выявить его специфику. В Шотландии действует жюри из 15 присяжных, принимающее решение простым большинством, при этом допускается третий вариант вердикта – «не доказано» (not proven) [14]. Такая модель отличается более низкими требованиями к консенсусу и иной культурой оправдательных решений, что в последнее время становится предметом реформаторских дискуссий.

В США суд присяжных имеет конституционный статус: Шестая и Седьмая поправки к Конституции закрепляют право на жюри в уголовных и ряде гражданских дел. Американская практика сохранила grand jury для предъявления обвинений по тяжким преступлениям и требование

единогласного вердикта по уголовным делам, недавно подтверждённое Верховным судом США [8]. Тем самым американская система в определённом смысле более консервативна и «классична», чем современная английская, хотя и там основная масса дел завершается соглашениями о признании вины.

На континенте английская модель была воспринята опосредованно. Во Франции революционного и наполеоновского периодов вводится суд присяжных по уголовным делам, но затем он преобразуется в смешанную коллегию профессиональных судей и заседателей-лаиков (cour d'assises), принимающих решения совместно [7]. В Германии первоначальные жюри конца XIX века были заменены судами шеффенов – также смешанными составами профессионалов и мирян. Во многих европейских странах участие граждан в отправлении правосудия реализуется не через классическое англосаксонское жюри, а через институт народных заседателей при доминирующей роли судей.

История становления суда присяжных в Англии демонстрирует сложный путь от ранних форм коллективного разбирательства, тесно связанных с общинной структурой общества и религиозными представлениями, к современному институту, встроенному в систему конституционных гарантий. Нормандские реформы, Великая хартия вольностей, практика разъездных судов ассизов, прецеденты XVII века (в первую очередь дело Бушелла) заложили основы независимости присяжных и их роли как защитников личной свободы от произвола власти. Реформы XIX–XX вв., с одной стороны, демократизировали состав жюри, отменив сословные ограничения, с другой – сузили сферу его применения в интересах процессуальной экономии.

Современные тенденции – рост удельного веса магистратских судов, использование упрощённых процедур и цифровых технологий – объективно ведут к дальнейшему сокращению числа дел, рассматриваемых с участием присяжных. Вместе с тем сравнительный анализ показывает, что в странах общего права суд присяжных по-прежнему рассматривается как ключевой маркер демократического правосудия и доверия общества к суду. В условиях глобализации и цифровой трансформации перспективы английского суда присяжных видятся не в его отмене, а в осторожной функциональной адаптации: уточнении круга дел, совершенствовании отборов присяжных, развитии процедур защиты от внешнего влияния, осмысленном использовании дистанционных технологий. Сохранение исторического ядра института – суд равных, независимый вердикт и участие граждан в осуществлении правосудия – представляется необходимым условием поддержания легитимности английской судебной системы в XXI веке.

Таким образом, английский суд присяжных предстаёт перед нами как живой институт, который прошёл долгий путь от собрания соседей при нормандских королях до высоких залов правосудия XXI века. Его формы менялись – от обвинительных жюри к строгому двенадцатиголосому вердикту,

его роль то расширялась, то сокращалась, – но суть осталась прежней: участие простых граждан в осуществлении правосудия есть гарантия свободы и справедливости, ценность которой не уменьшается с течением времени. Право на слушание дела с участием присяжных заседателей рассматривается сегодня как одна из гарантий обеспечения правового государства в Англии. В уголовном деле участие присяжных заседателей является связующим звеном между волей государства и защитой интересов обвиняемого. В гражданско-правовом деле присяжные заседатели являются выразителями общественного сознания и здравого смысла при разрешении споров [10, с. 185].

Библиографический список

1. Билль о правах 1689 г. [Электронный ресурс] // UK Public General Acts. — URL: **https://constitutions.ru/?p=29181** (дата обращения: 19.11.2025). — Текст: электронный.
2. Акт о хабеас корпус 1679 г. [Электронный ресурс] // UK Public General Acts. — URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1660-1680/Akty_parlament/akt_habeas_corpus_26_05_1679.phtml?id=4891 (дата обращения: 19.11.2025). — Текст: электронный.
3. Великая хартия вольностей 1215 г. [Электронный ресурс] // Constitutional Documents of the United Kingdom. — URL: **http://yakov.works/yakov/1_history/13_bio_moi/1215magn.html** (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
4. Уголовно-процессуальный закон 2003 г. [Электронный ресурс] // UK Public General Acts. — URL: **https://www.icj.org/wp-content/uploads/2013/05/UK-Criminal-Justice-Act-2003-eng.pdf** (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.
5. Уголовно-процессуальный закон 1967 г. [Электронный ресурс] // UK Public General Acts. — URL: https://www.lexisnexis.co.uk/legal/legislation/uk-parliament-acts/criminal-justice-act-1967-c80 (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
6. Акт о Верховном суде 1873 г. [Электронный ресурс] // UK Public General Acts. — URL: **https://en.wikipedia.org/wiki/Supreme_Court_of_Judicature_Act_1873** (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Франции [Электронный ресурс]. — URL: **https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/** (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
8. Ramos v. Louisiana, 590 U.S. (2020) [Электронный ресурс] // Supreme Court of the United States. — URL: **https://en.wikipedia.org/wiki/Ramos_v._Louisiana?ysclid=mieqdkn31w482403787** (дата обращения: 22.11.2025). — Текст: электронный.

9. Дело Башеля (1670) 124 ER 1006 // URL: **https://en.wikipedia.org/wiki/Bushel%27s_Case?ysclid=mieqa5hv5t244720550** (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.
10. Белозерова И. И., Санеев С. О. Историко-правовой анализ института суда присяжных в англосаксонской правовой семье и России [Электронный ресурс] // Юридическая наука. — 2023. — № 5. — С. 185–187. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovoy-analiz-instituta-suda-prisyazhnyh-v-anglosaksonskoy-pravovoy-semie-i-rossii/viewer (дата обращения: 24.11.2025). — Текст: электронный.
11. Блэкстон У. Комментарии к законам Англии: в 4 т. — Оксфорд: Clarendon Press, 1765–1769. — 1600 с. — URL: **https://lonang.com/library/reference/blackstone-commentaries-law-england/** (дата обращения: 22.11.2025). — Текст: электронный.
12. Девлин П. Суд присяжных. — Лондон: Stevens & Sons, 1956. — 280 с. — URL: **https://catalogue.nla.gov.au/catalog/4270820** (дата обращения: 23.11.2025). — Текст: электронный.
13. Поллок Ф., Мэйтланд Ф. У. История английского права до времен Эдуарда I. — Кембридж : Cambridge Univ. Press, 1895. — 688 с.— URL: **https://files.libertyFund.org/** (дата обращения: 23.11.2025). — Текст: электронный.
14. Суд присяжных в Шотландии [Электронный ресурс] // Википедия. — URL: **https://en.wikipedia.org/wiki/Trial_by_jury_in_Scotland** (дата обращения: 25.11.2025). — Текст: электронный.
15. Фут М. Мужество и стойкость присяжных [Электронный ресурс] // Журнал адвокатуры. — 2025. — № 2. — С. 45–52. — URL: **https://appeal.org.uk/the-courage-and-endurance-of-the-jury/** (дата обращения: 24.11.2025). — Текст: электронный.

Карелин Артём Сергеевич
Студент 5 курса
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации»
г. Санкт-Петербург, Россия

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ[1]

Karelin Artyom Sergeevich
5th year student
FGOU VO "St. Petersburg Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation"
St. Petersburg, Russia

THEORETICAL AND LEGAL FEATURES OF THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO FORENSIC EXPERTISE

Аннотация: *в данной статье рассматриваются научные теоретико-правовые основы внедрения технологических возможностей искусственного интеллекта в процесс судебно-экспертной деятельности. Анализируется состояние и уровень правовой регламентации возможностей современных достижений науки и техники в области судебно-экспертной деятельности. Предоставляется прогностическая оценка внедрения искусственного интеллекта в практическую деятельность экспертов. Изучаются особенности использования современных технологических решений в судебно-экспертной деятельности.*

Abstract: *This article examines the scientific and theoretical-legal foundations of the implementation of artificial intelligence technologies in the process of forensic*

[1] Научный руководитель – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки криминалистов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Кондаков Александр Владимирович.

expert activity. It analyzes the state and level of legal regulation of the possibilities of modern scientific and technological achievements in the field of forensic expert activity. The article provides a predictive assessment of the implementation of artificial intelligence in the practical activities of experts. It also examines the specific of using modern technological solutions in of forensic expert activity.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, судебно-экспертная деятельность, правовая регламентация, экспертология.*

Key words: *artificial intelligence, forensic activities, legal regulation, expertology.*

Более 220 лет назад основателем философской мысли средневековья, немецким правоведом Фридрихом Гегелем разработана теоретическая основа концепции диалектического познания окружающего мира. Основная идея догмата диалектизма состоит в столкновении события – тезиса, и его противоположности – антитезиса, результатом которого является синтез, то есть создание нового состояния. Постоянное научно-техническое развитие, то есть взаимодействие живого человека – его интеллектуальной деятельности, и неживой материи – технологий, привело к созданию нового состояния – машинный интеллект.

Функционирование искусственного интеллекта является актуальной тематикой для различных областей жизнедеятельности человека. В целом выражается тенденция популярности использования технологий ИИ. Статистическое исследование ВЦИОМ показало, что более 51% российских пользователей «Интернета» использовали инструменты ИИ в своей профессиональной деятельности, что свидетельствует об актуальности технологических возможностей ИИ в российском обществе [11, с.224].

Анализируя проблематику внедрения инструментов ИИ в судебно-экспертную деятельность, необходимо акцентировать внимание на строение системы судебной экспертологии. Так, судебно-экспертная деятельность, являясь элементом системы судебной экспертологии, представляет особый интерес изучения ввиду значимости реализации теоретических основ в призме практической применимости. В целях исследования научных основ судебно-экспертной деятельности, стоит определить понятие «судебная экспертология». В частности, Винберг А.И. под данным термином рассматривал междисциплинарную научную область, представляющую собой комплекс знаний юридических, иных гуманитарных и естественных наук, изучающую теоретико-правовые, научные, интеграционные, прикладные, методологические, организационные аспекты судебно-экспертной деятельности [10, с.154].

С точки зрения научного подхода исследования, проанализируем элементы, составляющие систему судебной экспертологии, а именно ключевые направления:

- общая теория - представляет собой систему знаний, раскрывающих природу экспертной деятельности, место и значение в области практического применения, а именно в судопроизводстве, догматику доказательственного значения заключения эксперта;

- правовое регулирование – направление, исследующее правовую основу экспертной деятельности, в частности Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (-далее «ФЗ №73») [3]; процессуальное законодательство, в том числе «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (-далее «УПК РФ») [1], «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (-далее «ГПК РФ») [2], подзаконные акты, в частности: Распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 №3214-Р, и иное;

- организационно-методическое обеспечение – анализ ведомственных актов Следственного комитета России, МВД России, Министерства Юстиции России, ФСБ России, и иных ведомств, включающих судебно-экспертные подразделения, определяющих организационные аспекты, а также методику и процесс производства экспертных исследований, кроме того, разрабатываются и внедряются новые методики, в том числе на основе современных достижений науки и техники;

- инновационное обеспечение – направление исследований, заключающееся в анализе и практической проверки возможности использования современных результатов достижений науки и техники в экспертной практике;

- деятельность судебно-экспертных подразделений – результат практического опыта экспертных учреждений, проблемы и пути их решения [10, с.96].

В свою очередь, термин «государственная судебно-экспертная деятельность» нормативно закреплён положениями ст.1 ФЗ №73, при этом понимается осуществление деятельности государственными судебно-экспертными учреждения и экспертами в процессе судопроизводства, состоящей в организации и производстве судебной экспертизы.

Предмет исследования, предполагает изучение института «судебная экспертиза», понимая под этим понятие, закреплённое положениями ст. 9 ФЗ №73 процессуальное действие, которое включает в себя производство исследований и предоставление заключения эксперта по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, культуры, ремесла, искусстве, порядок производства которого предусмотрен процессуальным законодательством.

При этом, стоит отметить, что термин «судебная экспертиза» в рамках процессуального законодательства закреплён, в частности, положениями п.49 ст.5 УПК РФ, понимая под этим, экспертизу, осуществляемую в порядке УПК РФ. Положения ст.79 ГПК РФ, предполагают под «судебной экспертизы»

- производство исследования в целях разрешения вопросов, требующих специальные знаний в области науки, культуры, искусства и техники, в порядке, предусмотренном ГПК РФ.

Рассматривая возможности ИИ в судебной экспертной деятельности, необходимо определить теоретические и теоретико-правовые основы ИИ. Проанализируем положения правовых актов, в частности Федеральный закон «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» [4], где под термином «ИИ» подразумевается совокупность решений технологического характера, способных имитировать когнитивные функции человека, в том числе самообучение, поиск и анализ решений без заданного заранее алгоритма, а также приобретать в процессе выполнения задач результаты деятельности, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Указом Президента РФ от 10.10.2019 №490 «О развитии ИИ в Российской Федерации» установлены понятия, цели и задачи развития ИИ, а также направления разработки и внедрения результатов [5]. При этом положения п. «а» ст.5 основаны на вышеуказанном федеральном законе, дополняя следующим образом: «совокупность технологических решений, которая непосредственно основана на информационно-коммуникационной инфраструктуре, программном обеспечении, предполагающем обработку большого объёма данных и поиск алгоритма достижения цели, направленного на разрешение определённой задачи.

Предполагая необходимость исследования доктринальных основ разработки и внедрения ИИ в область судебно-экспертной деятельности, стоит отметить, работы Л.И. Беляева, который считает, что ИИ может быть использован только в качестве помощника в решении экспертных задач, а также для анализа больших массивов данных криминалистического значения и оптимизацию работы эксперта [7, с. 40]; А.И. Хмыз, обращает внимание на использование ИИ только в качестве вспомогательного инструмента в процессе судебно-экспертной деятельности, не допуская возможности подмены решения эксперта результатами работы ИИ [11, с.226]; А.А. Бессонов, рассматривает возможности ИИ в качестве инструмента расследования преступлений, обращая внимание на использование современных технологий в преступной деятельности [8, с.27].

Вследствие чего, стоит отметить, что доктринальные научные разработки учёных-экспертов свидетельствуют о возможности использования ИИ в судебно-экспертной деятельности в качестве:

- инструмента обработки массива данных, в том числе текстовых: сообщения в социальных сетях;

- данных устройств, функционирующих на основе ИИ: «умных» колонок, часов, трекеров, программного обеспечения;

- данных криминалистических учётов «ДНК» - АИС «КСЕНОН», отпечатков пальцев – АДИС «ПАПИЛОН», патронов, пуль, гильз – АБИС «Арсенал» [6, с.171].

Таким образом, отметим, что проблематика внедрения технологий ИИ представляет собой актуальное направление судебной экспертологии. Несмотря на существующий научный интерес к данной тематике, необходимо обратить внимание на многоаспектность и сложность исследуемого процесса. Выделенные по результатам анализа проблемы, встречаются на предварительном этапе, задачей которого является определение возможности использования достижений науки и техники в области судебно-экспертной деятельности.

При этом, понимая безграничные возможности технологий ИИ в процессе их самообучения, не стоит категорически негативно оценивать применение указанных инструментов в экспертной практике, тем не менее, в случае удовлетворительных результатов разрешения указанных проблем, должен быть проделан колоссальный объём работы, направленный на обеспечение теоретических основ и принципов разработки, внедрения и использования современных технологий ИИ, а также практического опыта, используемого для дальнейшего совершенствования моделей самообучения.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
3. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
4. Федеральный закон от 24.04.2020 № 122-ФЗ (ред. от 24.03.2021) «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» //, Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
5. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
6. Аминев Ф.Г. Организационно-правовые проблемы формирования и использования больших данных (Big Data) в судопроизводстве // Материалы Международной научно-практической конференции

«Искусственный интеллект и большие данные (big data) в судебной и правоохранительной системе: реалии и требование времени». —Косшы, 2023. — С. 169–174.
7. Беляева Л.И. Место и роль искусственного интеллекта в правоотношении // Материалы Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и большие данные (big data) в судебной и правоохранительной системе: реалии и требование времени». — Косшы, 2023. — С. 35–42.
8. Бессонов А.А. Искусственный интеллект в расследовании преступлений: настоящее и будущее // Материалы Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект и большие данные (big data) в судебной и правоохранительной системе: реалии и требование времени». — Косшы, 2023. — С. 24–29.
9. Лукошкина С.В., Иванова Л.Б. Формирование экспертологии как самостоятельной комплексной дисциплины. Взаимосвязь экспертологии с судопроизводством, криминалистикой и нормами материального права // Судебно-экспертная деятельность. —2021. — №3. — С. 90-98.
10. Судебная экспертология: (Общетеоретическая и методологическая проблема судебных экспертиз). Учебное пособие / А. И. Винберг, Н. Т. Малаховская; Отв. ред. Б. А. Викторов. — Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. — 183 с.
11. Хмыз А.И. Использование возможностей искусственного интеллекта в судебной экспертизе // Вестник экономической безопасности. — 2022. — № 5. — С. 224–227.

Каплунович Яков Ильич,
студент 2 курса
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого»,
г. Великий Новгород, Россия

ИНОАГЕНТЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА[1]

Kaplunovich Jakov Ilyich,
2nd year student
Yaroslav the Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

FOREIGN AGENTS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATIVE DEFINITION OF LEGAL STATUS

Аннотация: *статья посвящена сравнительно-правовому анализу понятия и правовых характеристик статуса «иностранный агент» («иноагент»). Рассматриваются правовые последствия получения статуса иноагента в законодательстве различных стран мира. Делается вывод о дискуссионного правового статуса иностранного агента как инструмента защиты национальных интересов через обеспечение прозрачности деятельности иностранных агентов.*

Abstract: *this article provides a comparative legal analysis of the concept and legal characteristics of the "foreign agent" status. The legal consequences of acquiring foreign agent status under the laws of various countries are examined. A conclusion is reached regarding the controversial legal status of foreign agent as a tool for protecting national interests by ensuring transparency of foreign agents' activities.*

Ключеые слова: *иноагент, правовой статус, иностранное влияние.*

Key words: *foreign agent, legal status, foreign influence.*

[1] Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории государства и права, Юридический институт Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Макарова Елена Александровна

За последние несколько лет в политико-правовом и медийном пространстве все чаще и чаще используется понятие «иностранный агент» или «иноагент». Данное понятие имеет свой научный генезис, но многим оно знакомо лишь с позиций обывателя.

На сегодняшний день в профессиональных кругах часто возникает дискуссия о четкости определения такого статуса «иноагент» в системе законодательства, обоснованности правоприменения данного института и необходимости наложения определённых ограничений и их влиянии на повседневную жизнь «иноагента» - человека или организации. Для ответа на поставленные вопросы необходимо проанализировать правовой статус «иноагента» в России, и сравнить с аналогичными правовыми характеристика такого статуса в законодательстве других государств мира.

Иностранный агент – лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены в законодательстве. Именно так в Российской Федерации определяется понятие «иноагента» в ч. 1 ст. 1 ФЗ №255 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (далее — ФЗ №255), который был принят в 2022 году [1].

Вместе с тем, заметим, Россия – не первая страна, выделившая специальный правовой статус для лиц, организаций, находящихся под иностранным влиянием. Так, статус «иноагент» сегодня существует в США, Канаде, Украине, Венгрии, Австралии, Киргизии, Великобритании, Грузии, Франции, Израиле.

Если обратиться к истории вопроса о появлении правового статуса «иноагент», вспомним Закон о радио, который в 1927 году был принят в США. Положения закона усиливали полномочия федерального правительства по «урегулированию всех форм межгосударственных и международных радиопередач и коммуникаций на территории Соединённых Штатов, их территорий и владений». Согласно закону, радиостанции стали обязаны соответствовать установленным «общественным интересам, удобствам или необходимости» — именно это положило начало цензуре в СМИ.

Ввиду недостаточного эффекта от принятого закона, в 1937 году был принят Foreing Agents Registration (FARA) – Закон о регистрации иностранных агентов. FARA – первый в мире нормативный акт, созданный с целью выявления, регулирования деятельности иностранных агентов, пропагандистов чуждых для США ценностей. Так, в период с 1939 по 1992 годы за нарушение FARA было возбуждено 85 уголовных дел. Несмотря на то, что закон существует и применяется и по сей день, из-за внесённых в 1966 и в 1995 годах поправок, его практическое применение стало весьма затруднительным [7].

Также на основе FARA в 1940 году в США был принят Закон Вуриса, требовавший регистрации в министерстве юстиции всех организаций, контролируемых из-за рубежа.

В XXI веке законы об иноагентах были приняты в России (2012г.), Украине (2014г.), Израиле (2016г), Венгрия (2017г.), Китае (2017г.), Австралии (2018г.), Великобритании (2023г.), Канаде (2024г.), Киргизии (2024г.), Грузии (2024г.), Франции (2024г.)

Таким образом, несмотря на распространённые заблуждения о наличии такого закона исключительно на территории Российской Федерации, законы об иноагентах со схожим предметом регулирования существуют во многих странах мира. В частности, Председатель Государственной думы Вячеслав Володин назвал поправки в закон об НКО зеркальными мерами России в ответ на требования Министерства юстиции США к телеканалу Russia Today зарегистрироваться в качестве иностранного агента [3].

Очень часто исследователями ставится вопрос о правах и обязанностях лиц, которые проистекают из правового статуса иноагента в разных странах мира. В России согласно ст. 11 ФЗ №255 на иноагентов налагается множество ограничений: они не могут замещать должности в органах публичной власти, государственной гражданской и муниципальной службы, быть членом избирательной комиссии, комиссии референдума, представителем общественности в квалификационных коллегиях судей. Иноагенты не могут производить информационную продукцию для несовершеннолетних. Также они не вправе получать государственную финансовую и иную имущественную поддержку, в том числе при осуществлении творческой деятельности, не вправе участвовать в качестве эксперта в проведении государственной экологической экспертизы, участвовать в организации и проведении общественной экологической экспертизы, не вправе участвовать в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Наличие правового статуса иностранного агента может являться и основанием для отказа допуска к государственной тайне. Иноагенты не вправе входить в органы управления государственных корпораций, осуществлять педагогическую, просветительскую деятельность; информация, распространяемая ими, должна иметь специальную маркировку.

Ограничения, накладываемые на иностранных агентов, разнятся в разных странах в разные временные периоды. Актуальная редакция закона США FARA налагает на иностранных агентов обязанность регистрации в специальном реестре иностранных агентов, но при этом статус иноагента не влечёт за собой никаких ограничений в деятельности.

В Китае в настоящий момент снят 5-летний временной лимит на деятельность иноагентов. Также убран запрет на владение более, чем 1 офисом на территории Китая. Вместе с тем, указанный правовой статус обязывает к

регистрации в китайском МВД, отчитываться о поступлении и расходовании денежных средств, а также обязательное наличие китайского партнёра или коспонсор (не во всех случаях) [6].

В Австралии статус иноагента регулируется принятому в 2018 году FITS (Foreign Influence Transparency Scheme). Согласно данному нормативному правовому акту, иностранные агенты обязаны пройти регистрацию в программе прозрачности иностранного влияния, отчитываться о регистрируемой деятельности, проводимой в период голосования, документировать сведения и выполнять архивное хранение документов (предоставлять документы по требованию Министерства). Регистрация иноагента продлевается ежегодно. Как и в России, информация, распространяемая иностранным агентом, должна иметь специальную маркировку [10].

В июле 2016 года в Израиле был принят Закон о прозрачности финансирования НПО (неправительственных организаций). С момента вступления в законную силу данного нормативно-правового акта, все неправительственные организации, зарубежное финансирования которых составляет более 50% от дохода, обязаны в своих документах, публикациях указывать своих зарубежных спонсоров – граждане, с точки зрения законодателя, должны знать, кто является выгодоприобретателем публикуемой информации [9].

В последние два года наблюдается рост принятия законов в данной сфере в мире. В Кыргызской Республике на иноагентов в 2024 году наложены существенные ограничения относительно участия в выборах и референдумах. Организации, находящиеся под иностранным влиянием и осуществляющие деятельность на территории Киргизии, не вправе претендовать на получение грантов и субсидий от государства. Максимальная санкция за нарушение требований Закона – до 10 лет лишения свободы. За публикацию материалов без соответствующей маркировки, как и в Российской Федерации, предусмотрена административная ответственность. Отдельно стоит отметить, что принятие Закона вызвало обеспокоенность в США и отдельных европейских странах, зачастую являющимися источниками финансирования иностранных агентов и различных организаций, посягающих на национальную безопасность различных стран мира [10].

В 2025 году был принят новый Закон об иноагентах и в Грузии. Так, согласно действующему национальному законодательству, иноагентам теперь могут быть признаны не только юридические лица, но и физические. Физическому лицу может быть присвоен статус иноагента, если оно занимается политической деятельностью, получая при этом финансирование из-за рубежа, либо же если его деятельность контролируются какими-либо иностранными субъектами. Также планируется создание специального

реестра, в который будут заноситься иноагенты – субъекты, более 20% финансирования которых составляют доходы из других стран [4].

Летом 2025 года также во Франции вступил в законную силу Закон об иноагентах. Как следует из текста нормативно-правового акта, планируется создать реестр иностранных агентов, где будут храниться данные обо всех физических и юридических лицах, подверженных иностранному влиянию и оказывающие воздействие на политическую ситуацию и общественное мнение в стране. Иноагентам запрещено лоббировать или собирать средства на абстрактные цели – они обязаны отчитываться об источниках, целях поступления денежных средств и об их расходовании. Максимальная санкция за нарушение Закона – до 3 лет лишения свободы [8].

Интересна «жизнь» законодательства об иноагентах Венгрии. Базовый закон страны в этой сфере - «Закон о прозрачности» - был принят еще в июне 2017 года, и его содержание было схоже с законами об иноагентах других стран. Так, все неправительственные организации, которые получают финансирование более, чем 24 тысячи евро в год, обязаны зарегистрироваться под статусом «организации, получающей иностранное финансирование». Данный статус должен указываться на всех публикациях в социальных сетях, а также при проведении мероприятий. Соответствующие государственные органы вправе проверять неправительственные организации. Невыполнение императивных норм-предписаний является основанием для прекращения деятельности неправительственной организации по инициативе государственных органов.

Безусловно, первоначальные оценки закона соседними государствами были негативными: Венгрию обвиняли в попытки воспрепятствовать деятельности большого числа организаций, сотрудничающих с международными организациями. Евросоюз выражал «обеспокоенность» в связи с угрозой демократии и свободе слова. В результате длительной юридической борьбы между Венгрией и Евросоюзом, данный закон был отменён в 2020 году ввиду несоответствия нормам Евросоюза. При этом, сам факт принятия такого закона, борьбы за его существование, показал намерение венгерских властей стремиться к цифровому суверенитету страны и негативное отношение последних к лицемерным манипуляциям общественным мнением общественными деятелями из соседних стран [5]. Стоит отметить, что по данным на лето 2025 года, Венгрия вновь вернулась к вопросу о принятии закона об иностранном влиянии [2].

Проанализировав законы об иноагентах разных стран в их совокупности и взаимосвязи, можно сделать некоторые выводы. Термин «иностранный агент» вместе с законодательно оформленным процессом регулирования их деятельности впервые появился в США почти сто лет назад, но лишь в XXI веке схожие нормативные акты были приняты в большинстве крупных стран мира, определяя «правовую новацию» - статус «иностранного агента» или

лица, находящееся под иностранным влиянием, и выделяя специальную новую категорию лиц с таким статусом.

Права и обязанности иноагентов, в законодательстве разных стран в целом схожи: обязанность находиться в перечне иноагентов (в каких-то странах нужно зарегистрироваться самостоятельно, в других странах этот список поддерживается в актуальном состоянии специальными органами); запрет в ряде стран на осуществление некоторой политической деятельности, и не только. В Российской Федерации ФЗ №255 предусматривает большее количество запретов и ограничений, налагаемых на лиц с данным правовым статусом, которые касаются не только политической деятельности, но и просвещения молодёжи, а также осуществления контроля за судебной ветвью власти.

Несмотря на однозначность юридической направленности формулировок, введение такого статуса породило много коллизионных подходов к оценке обоснованности данного института с точки зрения баланса декларируемых в государствах демократических принципов и требований государственной безопасности. Все эти проблемы предстоит разрешить национальному и международному политико-правовому юридическому сообществу в существующих реалиях современного мира.

Библиографический список

1. Федеральный закон №255-ФЗ ред. от 13.12.2024 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» //, Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: **https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/89a28a19ff8ce42b25d0755bce97b44b6f220b0c/** (дата обращения: 15.02.2025). — Текст: электронный.
2. В Венгрии проходит протест против законопроекта о иноагентах // Вести.ру. — URL: **https://www.vesti.ru/article/4544077** (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
3. Володин: зеркальные меры РФ будут предполагать поправки в закон об НКО-иноагентах // ИА ТАСС. — URL: **https://tass.ru/politika/4717968** (дата обращения: 25.11.2025). — Текст: электронный.
4. В Грузии приняли американскую версию закона об иноагентах // Газета.Ru. — URL: **https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/04/01/25448102.shtml** (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
5. ЕК начала разбирательство из-за венгерского аналога закона об иноагентах // РИА Новости. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL **https://www.rbc.ru/politics/07/02/2024/65c390b99a79471526c57a0c** (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.

6. Жизнь «иностранных агентов» усложнится еще и в Китае // РИА Новости. — URL: **https://ria.ru/20160504/1426338505.html** (дата обращения: 15.02.2025). — Текст: электронный.
7. Зарождение и эволюция института иноагентов в США // Сетевое аналитическое СМИ «РЕПОСТ». — URL: **https://repost.press/news/zarozhdenie-i-evolyuciya-instituta-inoagentov-v-ssha** (дата обращения: 15.02.2025). — Текст: электронный.
8. Парламент Франции одобрил законопроект об иноагентах // Общественное Телевидение России. — URL: **https://otr-online.ru/news/parlament-francii-odobril-zakonoproekt-ob-inoagentah-233374.html** (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
9. Почему все нервничают из-за закона о налогах для НКО и причём тут Байден // Сегодня. – URL: **https://segodnya.co.il/subjects/pochemu-vse-nervnichajut-iz-za-zakona-o-nalogah-dlja-nko-i-pri-chem-tut-bajden** (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
10. США и Канада обеспокоены принятием в Киргизии закона об иноагентах // Интерфакс. –URL: **https://www.interfax.ru/world/950384** (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
11. Foreign Influence Transparency Scheme Rules 2018 // Australian Government. –URL: **https://www.legislation.gov.au/F2018L01696/latest/text** — Текст: электронный.

Ласточкина Маргарита Сергеевна
студентка 4 курса,
Северо-Западный институт управления
«Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
г. Санкт – Петербург, Россия

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

Lastochkina Margarita Sergeevna,
4th year student,
North-Western Institute of Management
«Russian Academy of National Economy
and Public Administration
under the President of the Russian Federation»,
St. Petersburg, Russia

LEGAL PROBLEMS OF ENSURING THE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: *в статье исследуются актуальные правовые проблемы обеспечения технологического суверенитета России в условиях структурной перестройки мировой экономики. Автор рассматривает технологический суверенитет как комплексную правовую категорию, находящуюся на стыке конституционного, административного и гражданского права. Выявляются ключевые коллизии в законодательстве, препятствующие формированию*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Шеншин Виктор Михайлович.

устойчивой технологической базы, и предлагаются конкретные пути их решения через совершенствование правового регулирования.

Abstract: *the article explores the current legal issues of ensuring Russia's technological sovereignty in the context of the global economic restructuring. The author considers technological sovereignty as a complex legal category that lies at the intersection of constitutional, administrative, and civil law. The article identifies key legal conflicts that hinder the formation of a sustainable technological base and proposes specific solutions through improved legal regulation.*

Ключевые слова: *технологический суверенитет, национальная безопасность, правовое регулирование, цифровая экономика, импортозамещение, критически важные технологии.*

Keywords: *technological sovereignty, national security, legal regulation, digital economy, import substitution, and critical technologies.*

Современная геополитическая реальность и беспрецедентное санкционное давление со стороны недружественных стран актуализировали для Российской Федерации задачу достижения технологического суверенитета как неотъемлемого элемента национальной безопасности. Если ранее интеграция в международные технологические цепочки рассматривалась как безусловный приоритет, то сегодня на первый план выходит способность государства обеспечивать функционирование критической инфраструктуры, обороноспособность и базовые потребности экономики за счет собственных, либо контролируемых и неуязвимых извне, технологических решений. Как справедливо отмечает М.В. Залоило, «обеспечение технологического суверенитета становится предметом ряда принятых в последнее время документов стратегического планирования», при этом «принятые документы стратегического планирования ориентируют на понятие технологического суверенитета как государственного суверенитета в соответствующей сфере, предполагая создание дополнительных гарантий укрепления последнего» [1].

При этом важно подчеркнуть, что технологический суверенитет не следует сводить к примитивной автаркии или тотальному изоляционизму. Автор обращает внимание, что «речь идет не о полном самообеспечении всеми видами технологий, что в современном взаимосвязанном мире представляется маловероятным, а о способности государства к стратегическому управлению технологическим развитием, контролю над критическими цифровыми активами и инфраструктурой, а также возможности оперативно восполнять утраченные иностранные компетенции за счет внутренних резервов». По мнению профессора Университета Юго-Восточной Норвегии (Норвегия) Гленна Дисэна, «технологический суверенитет — необходимое условие сохранения суверенитета

как такового. Он считает, что в современном мире это подразумевает существование внутренней экосистемы, локальной цифровой платформы, которая развивает национальные ноу-хау и индустрии» [3]. Таким образом, правовая рамка должна быть достаточно гибкой, чтобы стимулировать инновации и международное сотрудничество там, где это возможно, и одновременно достаточно прочной, чтобы минимизировать внешние риски и угрозы.

Несмотря на существование обширного массива законодательных актов, касающихся цифровой экономики, информационной безопасности и промышленной политики, целостный правовой режим обеспечения технологического суверенитета до сих пор не сформирован. Нормы носят фрагментарный характер, а принимаемые меры зачастую являются реакцией на внешние вызовы, а не следствием продуманной долгосрочной стратегии. В этой связи целью настоящей статьи является проведение детальной диагностики ключевых правовых проблем в данной сфере и выработка комплексных законодательных мер по их преодолению.

Фундаментальной проблемой, лежащей в основе многих правовых коллизий, является отсутствие легального определения понятия «технологический суверенитет» в федеральном законодательстве. Базовые термины, такие как «критические информационные технологии», «отечественное программное обеспечение», трактуются в различных нормативных актах по-разному, что создает почву для правовой неопределенности и потенциальных злоупотреблений. Например, критерии отнесения программного обеспечения к «отечественному», установленные в Постановлении Правительства РФ от 16.11.2015 № 1236, фокусируются преимущественно на юрисдикции и налоговом резидентстве правообладателя, оставляя в стороне принципиально важные вопросы контроля над исходным кодом и возможностей его независимого сопровождения на территории России. Это создает серьезные риски, когда под видом отечественного продукта может использоваться лишь незначительно переработанное иностранное решение с потенциальными «закладками» или уязвимостями.

Как справедливо отмечают Е.В. Потапцева, В.В. Акбердина и А.О. Пономарева, «институциональные и правовые рамки для реализации технологического суверенитета в настоящее время только формируются, отсутствует единая концептуальная база понятия технологического суверенитета, которая включает в себя систему понятий, цель, область государственного регулирования, механизмы реализации и др.» [2]. Существующие стратегические документы, такие как

Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности» или национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», задают верный общий вектор, но не содержат детализированного правового механизма его реализации, оставляя множество пробелов для правоприменения.

Другой острой проблемой является сохраняющаяся коллизия между необходимым протекционизмом и объективной потребностью в интеграции в глобальную экономику знаний. Действующее законодательство, в частности Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры» и ряд актов, ограничивающих использование иностранного ПО при госзакупках, основано на логике жестких ограничений и запретов. Безусловно, эти меры были необходимыми для экстренного стимулирования рынка отечественных решений в условиях кризиса.

Однако долгосрочная стратегия национального технологического развития не может базироваться исключительно на протекционизме. Возникает правовое противоречие: с одной стороны, государство вынуждено ограничивать использование иностранных технологий в чувствительных отраслях, с другой – оно объективно заинтересовано в доступе к передовым мировым разработкам и прямым иностранным инвестициям в не ключевые сегменты. Жесткие барьеры, сохраняющиеся длительное время, могут привести к так называемому «эффекту теплицы», когда отечественные компании, лишенные здоровой международной конкуренции, теряют стимулы к постоянному совершенствованию и инновациям, что в конечном итоге подрывает саму цель достижения подлинного суверенитета.

Отметим, что «выстраивая правовые барьеры, мы должны одновременно создавать мосты для «управляемой открытости» – каналы для безопасного технологического обмена и кооперации с дружественными странами, а также стимулировать внутреннюю конкурентную среду, чтобы отечественные разработчики не расслаблялись под крылом государственной поддержки».

Не менее важной представляется проблема неэффективности и фрагментарности мер государственной поддержки. Сложившаяся система поддержки IT- и технологического сектора, включая налоговые льготы, субсидии и гранты, имеет ряд системных недостатков. Основной акцент сделан на налоговых преференциях, что, безусловно, выгодно крупным и устойчивым участникам, но почти не помогает стартапам и малым инновационным предприятиям на стадии НИОКР, когда прибыль отсутствует как таковая. Процедуры получения субсидий и грантов остаются сложными, забюрократизированными и зачастую недоступными для небольших, но

перспективных команд исследователей и разработчиков. Кроме того, в России до сих пор не создана полноценная правовая и экономическая среда для венчурных инвестиций. Отсутствуют специальные правовые конструкции, адекватно защищающие права инвесторов в высоко рисковые технологические проекты, что сдерживает приток частного капитала в эту сферу.

Для преодоления выявленных системных проблем представляется необходимым реализовать комплекс взаимосвязанных мер по совершенствованию законодательства.

Первоочередной мерой должна стать законодательная кодификация базовых понятий. Целесообразно рассмотреть вопрос о принятии Федерального закона «Об основах технологического суверенитета Российской Федерации». В данном законе следовало бы закрепить легальное определение технологического суверенитета как способности государства обеспечивать независимое развитие, внедрение и применение критических технологий, а также контролировать связанную с ними инфраструктуру для гарантированного выполнения функций обороны, безопасности и устойчивого социально-экономического развития. Помимо этого, необходимо ввести в правовое поле четкие дефиниции таких понятий, как «критические технологии», «суверенные цифровые продукты/платформы», «технологическая независимость», «уязвимость технологической цепочки». Это создаст прочный понятийный фундамент для всего последующего нормотворчества.

Вторым ключевым направлением является разработка гибкой системы технического регулирования и сертификации, которая должна прийти на смену политике тотальных запретов. Речь идет о переходе к модели «управляемой открытости» через создание прозрачных и понятных для рынка реестров, и стандартов. Крайне важно создать Единый реестр суверенных программных и аппаратных решений, критериями для включения в который должны быть не только резидентство компании, но и возможность полного технического сопровождения и доработки продукта на территории Российской Федерации, а также открытость исходного кода для проведения проверок уполномоченными государственными органами по модели «source code review». Параллельно с этим необходимо внедрить в практику институт независимого «технологического аудита» для систем критической информационной инфраструктуры, который бы оценивал не только формальное соответствие реестрам, но и реальный уровень контроля и компетенций над используемыми технологиями.

Третье направление связано с комплексной модернизацией мер государственной поддержки, которая должна выйти за узкие рамки

фискальных льгот. Необходимо создать многоканальную и разнообразную систему стимулирования инноваций. В частности, требуется развитие венчурного права: внесение изменений в ГК РФ и законодательство о ценных бумагах, предусматривающих специальные правовые формы для венчурных фондов (например, аналог англосаксонской Limited Partnership), и упрощение процедур IPO технологических компаний на российской бирже. Для стимулирования спроса целесообразно закрепить в Бюджетном кодексе РФ и законодательстве о госзакупках безусловный приоритет закупок продуктов из Единого реестра суверенных решений для всех государственных компаний и органов власти, внедрив при этом механизм «первого заказчика», когда государство выступает гарантом спроса на перспективную инновационную продукцию.

Обеспечение технологического суверенитета в современных условиях представляет собой сложную, многогранную задачу, решение которой требует не только политической воли, но и системного, продуманного пересмотра действующего законодательства. Предложенные в статье меры – от законодательной кодификации базовых понятий до глубокой реформы институтов государственной поддержки и технического регулирования – направлены на создание целостной, сбалансированной и ориентированной на долгосрочную перспективу правовой системы. Такой комплексный подход позволит перейти от политики запретов и сугубо реактивных мер к стратегии опережающего развития и создания конкурентоспособных отечественных технологий, что и является подлинной сущностью и конечной целью технологического суверенитета.

Таким образом, стремление России к технологическому суверенитету знаменует собой начало фундаментальной трансформации отечественной права. Этот процесс выходит далеко за рамки простого обновления законодательства — он формирует новую философию правового регулирования, соответствующую вызовам технологической эпохи.

Важно подчеркнуть, что эффективность создаваемой правовой модели будет определяться ее способностью балансировать между двумя принципиальными задачами: обеспечивать необходимый уровень государственного контроля в стратегических областях и одновременно создавать условия для свободы научно-технического творчества, предпринимательской инициативы и здоровой конкуренции.

В конечном счете, формирование правовых основ технологического суверенитета — это не техническая правотворческая задача, а стратегический выбор цивилизационного масштаба. Его успешная реализация позволит России не просто достичь технологической независимости, но и занять достойное место среди государств, определяющих глобальные технологические тренды и задающих стандарты правового регулирования в цифровую эпоху.

Библиографический список

1. Залоило Максим Викторович Правовые проблемы обеспечения технологического суверенитета // Journal of Digital Technologies andLaw. — 2024. — №3. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-obespecheniya-tehnologicheskogo-suvereniteta (дата обращения: 13.11.2025). — Текст: электронный.
2. Потапцева Екатерина Викторовна, Акбердина Виктория Викторовна, Пономарева Алёна Олеговна Концепция технологического суверенитета в современной государственной политике России // AlterEconomics. — 2024. — №4. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-tehnologicheskogo-suvereniteta-v-sovremennoy-gosudarstvennoy-politike-rossii (дата обращения: 13.11.2025). — Текст: электронный.
3. Экспертная дискуссия «Технологический суверенитет как насущная необходимость» // URL: https://russiancouncil.ru/news/ekspertnaya-diskussiya-tekhnologicheskiy-suverenitet-kak-nasushchnaya-neobkhodimost/ (дата обращения: 13.11.2025). — Текст: электронный.

Медуница Виктория Константиновна
студентка 2 курса,
Юридический институт,
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Россия

Смирнова Регина Сергеевна
студентка 2 курса,
Юридический институт,
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Россия

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА[1]

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой истории государства и права, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Макарова Елена Александровна.

Medunitsa Victoria Konstantinovna,
2nd year student,
Law Institute,
Novgorod State University
named after Yaroslav the Wise,
Veliky Novgorod, Russia
Smirnova Regina Sergeevna,
2nd year student,
Law Institute,
Novgorod State University
named after Yaroslav the Wise,
Veliky Novgorod, Russia

COMPARATIVE LEGAL STUDY OF PERSONAL DATA REGULATION MODELS: DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE

Аннотация: *в научной статье рассматривается правовая природа института персональных данных. Автор анализирует существующие в науке подходы к определению отраслевой принадлежности института персональных данных, национальные особенности правового режима в данной сфере. На основе проведённого анализа выявляются пробелы в российском законодательстве, а также формулируются предложения по его совершенствованию.*

Abstract: *the scientific article examines the legal nature of the institution of personal data. The author analyzes the existing scientific approaches to determining the sectoral affiliation of the institution of personal data, as well as the national specifics of the legal regime in this area. Based on the analysis, gaps in Russian legislation are identified, and proposals for its improvement are formulated.*

Ключевые слова: *цифровизация, правовой режим персональных данных, международная практика, Общий регламент по защите данных, неприкосновенность частной жизни.*

Key words: *digitalization, legal regime of personal data, international practice, General Data Protection Regulation, and privacy.*

В современном мире, где большинство процессов переходит в цифровой формат, защита персональных данных становится критически важной.

Правовой режим персональных данных сегодня подвержен серьёзным рискам, вызванным разнородностью правового регулирования сбора и обработки персональной информации в различных юрисдикциях.

В связи с этим совершенствование механизмов защиты обуславливает необходимость изучения зарубежных моделей для их последующей имплементации в национальное законодательство.

Правовое регулирование персональных данных в мировом масштабе разрабатывается с учетом стандартов, установленных Общим регламентом по защите данных. Несмотря на то, что Российская Федерация не входит в Европейский союз, отечественный законодатель, разрабатывая правовое регулирование в сфере персональных данных, закрепляет созвучные положениям Общего регламента по защите данных базовые (фундаментальные) принципы, такие как информированность, сознательность, конкретность.

В Российской Федерации правовой режим устанавливается совокупностью нормативно-правовых актов, среди которых основополагающее значение имеет статья 23 Конституции Российской Федерации [4], гарантирующая неприкосновенность частной жизни и создающая основу для защиты личных данных граждан. Ключевым нормативном актом в этой сфере является Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 №152-ФЗ [5], содержащий определение персональных данных как информации, относящейся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу.

В современной доктрине права отсутствует единый научный подход к отраслевой принадлежности права на персональные данные.

Значительная часть исследователей придерживается цивилистического подхода к определению правовой природы персональных данных. Сторонники этой концепции (Архипов В.В.[11], Крюкова Е. С., Рузанова В. Д. [13], Острикова Л.К. [14]) указывают на возможность гражданского оборота персональных данных, а также возникновение имущественных и неимущественных правовых последствий при их использовании.

Как отмечает Савельев А.И., изъятие персональных данных из-под действия норм гражданского права не обеспечивает ответственного решения вопроса, связанных с их использованием [15]. Сторонники информационно-правовой концепции включают институт персональных данных в систему информационного права. Жарова А. К. отмечает, что основой данной квалификации служит специфический режим конфиденциальной информации, требующий специальных механизмов защиты [12].

Ввиду отсутствия единого подхода к понимаю правовой природы персональных данных представляется целесообразным изучение действующего законодательства в зарубежных странах с целью выявления характерных черт института персональных данных.

Как было отмечено в первой части статьи, отечественное законодательство о персональных данных формировалось под влиянием

общемировых тенденций, в частности, стандартов, установленных в Европейском союзе.

Однако мировая практика демонстрирует разнообразие подходов к регулированию в данной сфере, что обусловлено различиями в правовых традициях, приоритетах и экономических моделях. Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых моделей регулирования персональных данных в зарубежной практике.

Наиболее влиятельной является европейская модель, основанная на соблюдении прав человека как самую главную цель правовой системы. Защита персональных данных регулируется Общим регламентом по защите данных (далее по тексту - GDPR, англ. General Data Protection Regulation) [3], который отражает концепцию, что защита персональных данных - одно из фундаментальных прав человека, что прямо закреплено в Статье 8 Хартии Европейского союза об основных правах [1].

GDPR устанавливает строгий режим, для которого характерно экстерриториальное действие, распространяющееся на любые организации по всему миру, предлагающие товары или услуги субъектам данных в ЕС. Данный Регламент существенно расширяет права субъектов, закрепляя «право на забвение» (статья 17GDPR), право на переносимость данных (статья 20 GDPR) и право на ограничение обработки (статья 18 GDPR).

Особенностью регулирования обработки персональных данных в ЕС является принцип «подотчетности», обязывающий оператора не только соблюдать правила, но и демонстрировать свое соответствие им через ведение документации, проведение оценок воздействия на защиту данных и реализацию принципа «защиты по умолчанию и с момента проектирования».

В отличие от единого законодательного акта в ЕС, в Соединенных Штатах Америки действует модель регулирования, сочетающая федеральное с регулированием на уровне штатов. Федеральное законодательство охватывает лишь отдельные сферы жизни общества и отражает необходимость защиты персональных данных лишь в некоторых разрозненных законодательных актах, таких как: COPPA — Закон о защите конфиденциальности детей в Интернете (англ. Children's Online Privacy Protection Act) [8] или HIPAA или Health Insurance Portability and Accountability Act — Акт о мобильности и подотчётности [6].

Отсутствие всеобъемлющего федерального закона компенсируется активной ролью штатов, где наиболее значимым примером служит штат Калифорния. Например, закон штата Калифорния о защите конфиденциальности потребителей - CCPA (California Consumer Privacy Act) [9] или закон штата Калифорния о правах на неприкосновенность частной жизни - California Privacy Rights Act (CPRA) [10].

Другим ключевым механизмом является принцип «безопасной гавани», который достигнут соглашением о защите персональных данных (International

Safe Harbor Privacy Principles) между Европейским союзом и США, которое возлагает на компании обязанность по самостоятельному соблюдению заявленных принципов конфиденциальности персональных данных. Данная модель ориентирована на минимизацию барьеров для бизнеса [2].

Китайская модель, сформированная с принятием Закона Китайской народной республики о защите персональной информации (PIPL) [7], представляет собой синтез элементов европейского подхода с ярко выраженной государственной ориентацией. PIPL, как и GDPR, устанавливает жесткие ограничения для операторов, включая требования к законным основаниям обработки и передаче данных.

Ключевой особенностью является приоритет государственного контроля, проявляющийся в наличии у государственных органов широких полномочий по доступу к данным в интересах национальной безопасности, а также в нормах Закона о кибербезопасности, обязывающих хранить персональные данные граждан КНР на территории страны.

Таким образом, китайская модель нацелена не только на защиту прав граждан, но и на укрепление цифрового суверенитета государства в целом.

Проведенное исследование зарубежных моделей позволяет выявить их ключевые различия: если европейская модель исходит из приоритета прав человека, а американская — из экономической эффективности, то китайская модель зависит от конкретных задач государственного регулирования.

В контексте проведенного сравнительного анализа отечественного и зарубежного регулирования данного вопроса можно сделать следующие предложения для дальнейшего совершенствования отечественного законодательства в данной области.

Целесообразной представляется внедрение принципа «подотчетности», что подразумевает заимствование из GDPR не только базовых принципов, но и механизмов их демонстрации, таких как обязательность проведения DPIA для проектов с высоким риском.

DPIA — это процесс, который помогает организациям определить, как деятельность по обработке данных, системы, процедуры и технологии влияют на конфиденциальность данных и устранить риски, которые могут нарушить соответствие требованиям.

Также требуется конкретизация мер для обеспечения конфиденциальности в цифровой среде, в частности, законодательное закрепление требований к использованию систем со сквозным шифрованием и многофакторной аутентификацией.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что, несмотря на сходство фундаментальных принципов, выбор конкретной модели регулирования определяется комплексом социально-экономических и политических факторов, а анализ и внедрение международного опыта будет способствовать совершенствованию российского законодательства.

Библиографический список

1. Хартия Европейского Союза об основных правах – Charter of Fundamental Rights of the European Union, 2000 // URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
2. Международные принципы конфиденциальности в безопасной гавани - Safe Harbour и Privacy Shield, 2000 // URL: International Safe Harbor Privacy Principles (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
3. Общий Регламент по защите персональных данных - General Data Protection Regulation, 2018 // URL: https://rppa.pro/_media/world/gdpr.pdf (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
4. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/ View /00012 02007040001 (дата обращения: 19.11.2025). — Текст: электронный.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СЗ РФ. — 2006. — № 31 (Ч. 1.). — ст. 3451. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 19.11.2025). — Текст: электронный.
6. Акт о мобильности и подотчётности - Health Insurance Portability and Accountability Act, 1996 // URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-104publ191/pdf/PLAW-104publ191.pdf (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
7. Закон Китайской народной республики о защите персональной информации - Personal Information Protection Law of the People's Republic of China, 2021 // URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-12/29/c_694559.htm International Safe Harbor Privacy Principles (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
8. Закон о защите конфиденциальности детей в Интернете - Children' s Online Privacy Protection Act, 2000 // URL: https://research.uky.edu/sites/default/files/2025-03/ori_coppa_summary.pdf (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
9. Закон штата Калифорния о защите конфиденциальности потребителей - California Consumer Privacy Act, 2018 // URL: https://www.spirion.com/wp-content/uploads/2020/07/Spirion_CCPA_v3.pdf (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.

10. Закон штата Калифорния о правах на неприкосновенность частной жизни - California Privacy Rights Act, 2020 // URL: https://www.dwt.com/-/media/files/blogs/privacy-and-security-blog/2020/california-privacy-rights-act.pdf (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
11. Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или, нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. — 2018. — № 2. — С. 52–68.
12. Жарова А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // Юрист. —2021. — № 11. — С. 28–33.
13. Крюкова Е. С., Рузанова В. Д. Правовое регулирование деятельности биобанков в России // Гражданское право. —2020. —№ 6. — С. 39–42.
14. Острикова Л.К. Современные проблемы квалификации персональных данных в контексте доктрины о нематериальных благах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). —2023. — № 5 (105). — С. 162–169.
15. Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. —2021. — Т. 21. — № 4. — С. 104–129.

Флянтикова Екатерина Викторовна
студентка 4 курса,
Тульский государственный университет,
г. Тула, Россия

НОТАРИУС КАК СУБЪЕКТ ОКАЗАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ[1]

Flantikova Ekaterina Viktorovna,
4th year student,
Tula State University,
Tula, Russia

THE NOTARY AS A PROVIDER OF QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE

Аннотация: *в статье рассматривается роль нотариуса как субъекта, оказывающего квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации. Анализируется правовая природа нотариальной деятельности, её значение для обеспечения законности гражданского оборота, защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Отмечается специфика нотариата как превентивного правового института, не связанного с судебным разбирательством, но выполняющего важную роль в укреплении правопорядка и предотвращении правовых конфликтов. Особое внимание уделяется современным направлениям развития нотариальной системы, цифровизацию и совершенствование механизмов предоставления нотариальных услуг. Делается вывод о необходимости дальнейшего укрепления статуса нотариуса в системе оказания квалифицированной юридической помощи.*

Abstract: *the article examines the role of the notary as a provider of qualified legal assistance in the Russian Federation. It analyzes the legal nature of notarial activity and its significance for ensuring the legality of civil transactions, as well as for protecting the rights and legitimate interests of individuals and organizations.*

[1] Научный руководитель – кандидат юридических наук., доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности, Тульский государственный университет, Дяблова Юлия Львовна.

The paper highlights the specificity of the notary as a preventive legal institution that is not involved in judicial proceedings but plays an important role in strengthening the rule of law and preventing legal conflicts. Particular attention is given to modern directions in the development of the notarial system, including digitalization and the improvement of mechanisms for providing notarial services. The article concludes with the need to further strengthen the status of the notary within the system of qualified legal assistance.

Ключевые слова: *нотариус, нотариальная деятельность, квалифицированная юридическая помощь, правовая помощь, превентивная юстиция, электронный нотариат, защита прав.*

Key words: *notary, notarial activity, qualified legal assistance, legal assistance, preventive justice, electronic notariat, protection of rights.*

Современное развитие правовых отношений в государстве и обществе сопровождается ростом потребности граждан и организаций в получении квалифицированной юридической помощи, которая охватывает широкий спектр жизненных ситуаций, где требуется защита имущественных и неимущественных прав, удостоверение юридических фактов и обеспечение достоверности документов. В таких условиях особую роль приобретает нотариус как субъект, обеспечивающий законность гражданского оборота и стабильность правовых связей.

Право каждого на получение квалифицированной юридической помощи закреплено Конституцией Российской Федерации и является одной из важнейших гарантий реализации и защиты прав человека. При этом данное право предполагает возможность обращения не только к адвокату, но и к иным субъектам, обладающим специальными юридическими знаниями, включая нотариусов, прокуроров, органы государственной власти, общественные организации. Подобное толкование демонстрирует проблему определения круга субъектов, уполномоченных на оказание квалифицированной юридической помощи, значение которой состоит не только в теоретическом, но и в практическом аспекте, поскольку именно от статуса и профессиональных обязанностей данных лиц зависит реальное обеспечение прав и законных интересов граждан и организаций.

Включение нотариуса в число субъектов, оказывающих квалифицированную юридическую помощь, имеет объективное основание. Нотариус является высококвалифицированным юристом, деятельность которого строго регламентирована законодательством, профессиональными и этическими нормами [4 с. 24]. Результаты нотариальных действий приобретают повышенное юридическое значение, поскольку обладают доказательной силой и обеспечивают достоверность совершаемых сделок и иных юридических фактов.

Нотариат, таким образом, представляет собой особый социально-правовой институт, нацеленный на обеспечение реализации конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, а также на укрепление принципов законности, добросовестности и правовой определённости [2, с. 115]. Для более точного понимания роли нотариата в системе оказания правовой поддержки важно определить, относится ли нотариальная деятельность к видам юридической помощи.

Юридическая помощь, как отмечается в теории права, представляет собой осуществляемое средствами юридического характера профессиональное, организованное и адресное содействие субъекту права в реализации его правовых возможностей с целью разрешения проблемной правовой ситуации и наиболее благоприятного удовлетворения его интересов [4, с. 73]. Данное понятие позволяет рассматривать нотариальную деятельность как особую форму юридической помощи, поскольку она направлена на обеспечение прав субъектов посредством применения правовых средств и процедур.

Согласно статье 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, нотариус обязан содействовать физическим и юридическим лицам в осуществлении их прав и защите законных интересов, разъяснять им их права и обязанности, а также предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий [1]. Такая формулировка прямо указывает на то, что нотариальная деятельность по своему содержанию обладает признаками юридической помощи, поскольку включает профессиональное содействие субъекту права в осознанной реализации его правовых возможностей и предотвращении возможных негативных последствий правовых действий.

Вместе с тем высказывается мнение, что нотариат нельзя отнести к субъектам, оказывающим юридическую помощь. В международно-правовой и европейской доктрине юридическая помощь в узком понимании ассоциируется прежде всего с обеспечением справедливого судебного разбирательства. Следовательно, нотариальная деятельность, не являясь элементом системы правосудия в строгом смысле, не полностью подпадает под международно-правовое понимание юридической помощи, хотя по своей сути выполняет родственные функции – способствует реализации и защите правовых возможностей личности, укреплению правопорядка и предупреждению правонарушений [6].

Таким образом, нотариальную деятельность можно рассматривать как особую форму юридической помощи, которая реализуется не в судебной, а в превентивной сфере. Ее главная цель – предупреждение правовых конфликтов, обеспечение законности совершаемых сделок и укрепление доверия участников гражданского оборота. В этом заключается специфика нотариата как правового института, сочетающего функции правоприменения и правовой поддержки субъектов без участия в спорах и процессуальных действиях.

Тем не менее, в нормативных актах последних лет особое внимание уделяется вопросам повышения доступности квалифицированной юридической помощи гражданам. Так, в государственной программе Российской Федерации «Юстиция», утвержденной постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 (в ред. от 14 ноября 2024 г.), предусмотрено совершенствование системы органов нотариата как одного из направлений обеспечения конституционных прав граждан. В рамках реализации этой программы предпринимаются шаги по оптимизации территориальной организации нотариальных округов, совершенствованию процедур и повышению качества нотариальных услуг. Министерством юстиции России принимаются меры по расширению возможностей граждан в получении квалифицированной помощи, что свидетельствует о признании нотариата важным звеном правовой системы.

Нотариус занимает особое место среди субъектов, оказывающих квалифицированную юридическую помощь, благодаря специфике своих функций. В отличие от адвоката, нотариус действует не на стороне одной из сторон, а выступает независимым участником правовых отношений, обеспечивающим соблюдение интересов всех вовлечённых лиц. Его задача – не защита чьих-либо притязаний, а обеспечение законности совершаемых действий и достоверности юридических документов. Такая независимость и объективность придают нотариальной деятельности особый правовой статус и усиливают доверие общества к институту нотариата.

В условиях цифровизации правовой сферы особое значение приобретает развитие электронного нотариата, который обеспечивает возможность получения квалифицированной юридической помощи дистанционно и удалённо. Электронное удостоверение документов, ведение реестров и взаимодействие с государственными органами в цифровом формате расширяют доступ граждан к нотариальным услугам, повышают эффективность и прозрачность нотариальных процедур [3, с. 106].

Подводя итог, следует отметить, что нотариус является неотъемлемым элементом системы оказания квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации. Его деятельность направлена на обеспечение законности, достоверности и правовой устойчивости гражданского оборота, а также на реализацию конституционного права личности на получение квалифицированной юридической помощи. Дальнейшее совершенствование правового статуса нотариуса и развитие форм нотариальной деятельности будут способствовать укреплению доверия общества к правовым институтам и повышению качества юридической помощи в стране.

Библиографический список

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. N 4462-I // «Российская газета». – 1993.

2. Аксенова С.В. Право граждан на бесплатную юридическую помощь как конституционная ценность и роль нотариата в его реализации // Право и государство: теория и практика. – 2024. – №3 (231). – С. 114 – 117.
3. Жучков С.В., Смольянинов Е.С. Цифровизация нотариального производства: современное состояние и перспективы развития // Право и управление. – 2022. – №11. – С. 103 – 106.
4. Лагодина Е.И. Нотариус как субъект оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Право и политика. – 2025. – №6. – С. 21 – 35.
5. Мелешко О.П., Кипселиди Ю.Г. О понятии юридической помощи // Пробелы в российском законодательстве. - 2016. - №8. - С. 72 – 77.
6. Шепелева О. С. Юридическая помощь как гарантия доступа к правосудию: международные стандарты и российская практика // Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. – М., 2012. – 584 с.

Федоренко Виктория Валерьевна
стажёр младшего научного сотрудника,
Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Республика Беларусь

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА: ПРИНЦИПЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА[1]

Fedorenko Victoria Valerievna,
Junior Research Fellow Intern,
F. Skorina Gomel State University,
Gomel, Republic of Belarus

TRANSFORMATION OF LAW: PRINCIPLES OF TECHNICAL LAWMAKING

Аннотация: *в статье анализируются принципы правотворчества технических правовых актов; подчеркивается критическая роль этих принципов в формировании эффективной, легитимной и современной системы технического регулирования, основанной на технических нормативных правовых актах; исследуется систематизация данных принципов, составляющих правила, являющихся одновременно и академическими категориями и практическими ориентирами в рамках создания новых технических нормативных правовых актов.*

Abstract: *the article analyzes the principles of law-making of technical legal acts; emphasizes the critical role of these principles in the formation of an effective, legitimate and modern system of technical regulation based on technical regulatory legal acts; examines the systematization of these principles that make up the rules, which are both academic categories and practical guidelines in the creation of new technical regulatory legal acts.*

[1] Научный руководитель -кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско – правовых дисциплин, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», Брилёва Вероника Александровна.

Ключевые слова: *принципы, техническое правотворчество, техническое регулирование, технический нормативный правовой акт, правила, юридическая техника.*

Keywords: *principles, technical law-making, technical regulation, technical regulatory legal act, rules, legal technique.*

Ключевым аспектом формирования эффективной системы технического регулирования является неукоснительное соблюдение основополагающих принципов правотворчества, что и составляет предмет настоящего исследования. Данная область требует не только соблюдения общих правовых норм, но и специфических подходов, учитывающих быстрое развитие технологий и необходимость защиты общественных интересов. Важно, чтобы процессы создания норм в техническом регулировании основывались на тех же принципах, что и в общем правотворчестве, однако с акцентом на инновации, безопасность и соответствие международным стандартам.

Принципы технического правотворчества – это взаимосвязанная система, отражающая целый комплекс требований и ориентиров, необходимых для выработки эффективных, понятных и реализуемых нормативных решений в области технологий, безопасности и стандартизации. Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. № 130-З (далее – Закон о НПА), предлагает 10 принципов нормотворческого процесса, не классифицируя их на группы: 1) конституционности (законности); 2) приоритета общепризнанных принципов международного права; 3) гуманизма; 4) защиты прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, интересов общества и государства, социальной справедливости; 5) гласности; 6) научности; 7) цифровизации; 8) социально-экономической обусловленности; 9) системности и комплексности правового регулирования общественных отношений; 10) стабильности правового регулирования общественных отношений (ст. 6) [1]. Названные принципы распространяются и на правотворческий процесс технических нормативных правовых актов (далее – ТНПА).

Красавин А.В. предложил свою систему принципов, схожую с вышеперечисленной из Закона о НПА:

1) *неразрывности связи с социальной реальностью.* Разработка должна учитывать тесную связь с существующей и прогнозируемой социальной, экономической и технологической действительностью; норма не может быть абстрактным документом;

2) *международной и национальной сопоставимости.* Проекты должны сопоставляться с действующим национальным и международным законодательством;

3) *изолированного рассмотрения технического правотворчества.* Этот принцип подчеркивает необходимость выделения специфических методологических подходов и экспертизы для технического регулирования.

3) *использования зарубежного опыта* означает активное изучение и адаптацию лучших мировых практик, стандартов и регуляторных моделей. Помогает избежать «велосипедостроения», ускорить процесс разработки, повысить качество технико-юридических норм и обеспечить их соответствие международным тенденциям, что снижает риск быстрой потери актуальности.

4) *цифровизации* – интеграция цифровых технологий во весь цикл правотворчества (разработка, обсуждение, опубликование, хранение, доступ и мониторинг), что обеспечивает прозрачность, ускоряет процессы, гарантирует доступ к актуальным версиям, упрощает отслеживание изменений и взаимодействие заинтересованных сторон, повышая доступность и удобство использования нормативных актов;

5) *точности и полноты формулировок*. Каждое положение, термин, требование в стандарте должны быть изложены предельно точно, недвусмысленно и исчерпывающе, исключая возможность произвольного толкования;

6) *единого смыслового значения терминов.* Любой термин, использованный в ТНПА, должен иметь одно и то же значение на протяжении всего документа и, по возможности, в рамках всей системы технического регулирования; это фундаментальный принцип юридической техники, обеспечивающий внутреннюю логику и непротиворечивость документа, предотвращающий путаницу и ошибки при его применении;

7) *систематизированности текста и визуализации*. Законодательство, включая ТНПА, должно быть структурировано логично и последовательно, а текст может быть дополнен графическими элементами (таблицами, схемами, иллюстрациями) для улучшения восприятия сложных технических данных, что облегчает понимание и применение стандарта, особенно для специалистов без юридического образования (инженеров, технологов);

8) *применения логических методов.* В процессе разработки должны применяться логические методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, что гарантирует внутреннюю целостность и обоснованность стандарта, исключает логические противоречия и пробелы, которые могут стать причиной его неработоспособности;

9) *ясности и доступности.* Документ должен быть написан максимально ясным языком для широкого круга лиц, включая неспециалистов, что повышает добровольное соблюдение и снижает барьеры для понимания, особенно важно для ТНПА на производстве;

10) *минимизации специальной терминологии.* Использование узкоспециальных терминов должно быть сведено к необходимому минимуму, а все используемые специальные термины должны быть четко определены

(например, в разделе «Термины и определения»). Данный принцип тесно переплетается с принципом ясности и доступности, предотвращая создание «герметичного» документа, понятного лишь узкому кругу специалистов;

11) *недопустимости использования обыденных, литературных терминов.* В нормативных правовых актах необходимо избегать многозначных, эмоционально окрашенных или неточных терминов из обыденной речи или художественной литературы, что обеспечивает правовую точность и однозначность, исключая субъективное толкование и неопределенность, которые недопустимы в регулирующих документах [4, с. 61].

Данные принципы тесно переплетаются с принципами правотворчества, указанных в Законе о НПА. Принцип цифровизации, предложенный Красавиным А.В. и Законом о НПА, имеет единое значение в правотворчестве. Принцип системности и комплексности требует рассматривать нормы как взаимосвязанную, полно охватывающую систему регулирования. Систематизированный текст и визуализация служат инструментом управления этой сложностью, обеспечивая единообразие, наглядность связей, упрощая выявление пробелов или противоречий, ускоряя согласование или применение, повышая прозрачность и облегчая цифровую интеграцию правовой базы. Приоритет общепризнанных принципов международного права и международная и национальная сопоставимость означают, что при противоречиях международные принципы имеют преимущество, обеспечивая выполнение международных обязательств, предсказуемость и защиту общих ценностей. Одновременно проекты норм должны соотноситься с международными стандартами и национальной практикой для гармонизации регулирования, устранения пробелов и обеспечения совместимости правовых режимов.

Стоит отметить, что по сравнению с принципами нормотворческого процесса Закона о НПА, Красавин А.В. акцентирует внимание на правила юридической техники, относящихся к техническому правотворчеству. Техническое нормотворчество, будучи частью правовой системы, требует особого подхода, сочетающего общие юридические правила с учетом специфики объекта регулирования – технологий, производства, безопасности. Принципы направлены на создание не просто законных, а эффективных, актуальных и долговечных норм.

Если изучить непосредственно главу 3 «Технические нормативные правовые акты» Закона о НПА, то можно выделить принципы, которые не будут относится ко всем нормативным правовым актам и отражающие сущность именно «нормативных правовых актов с технической составляющей». Так, что касается вопроса юридической техники, ТНПА помимо формально текстуального закрепления норм, имеет еще и графическое, например, схемы землеустройства (ст. 26) [1].

Отличительной чертой технического регулирования является наличие норм рекомендательного характера. ТНПА – это технические акты, документы, которые получили свою юридическую обязательность либо изначально, либо после придания им этой обязательности. Данный признак является одним из основных, поскольку особенностью относительно придания техническому акту юридической обязательности является наличие правовой природы регулируемых ими отношений. Следует отметить, что изначальная юридическая обязательность возникает у технического акта, который не относится к области технического нормирования и стандартизации, например, санитарные нормы, инструкции по охране труда и т.п., однако и здесь законодатель вводит оговорку о возможности добровольности применения таких норм только в тех случаях, если: а) это прописано в самой норме; б) если иное не предусмотрено актами Правительства Республики Беларусь. Что касается приобретенной обязательности, то здесь рассматриваются другие ТНПА, напрямую имеющие отношение к техническому нормированию и стандартизации (технические регламенты, условия, стандарты и др.). Уникальность данных документов состоит в том, что им необходимо пройти процедуры официального утверждения или аккредитации и ряд других манипуляций, после которых их можно называть обязательными для применения [2, с. 410].

Важно подчеркнуть, что субъектами разработки ТНПА выступают не только государственные органы, но и широкий круг юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Этот децентрализованный подход позволяет создавать узкоспециализированные нормы: так, стандарты организаций утверждаются самими юридическими лицами или ИП, регламентируя исключительно их внутреннюю деятельность, а технические условия на продукцию разрабатываются непосредственно производителями. Такая инклюзивность нормотворчества обеспечивает гибкость, оперативность и максимальное соответствие регулирования потребностям отраслей или предприятий.

Вышеперечисленные принципы Ю.А. Тихомиров подразделял на 6 групп: «1) содержательные правила; 2) логические правила; 3) структурные правила; 4) языковые правила; 5) реквизитные правила; 6) процедурные правила» [5, с. 9]. В условиях цифровой трансформации особенно важно обеспечить доступность и удобство использования этих актов. Это означает, что важны не только сами нормы, но и их логическая последовательность, четкость формулировок, соблюдение формальных требований и установленных процедур, а также их цифровизация для обеспечения широкого и удобного доступа.

Правила содержания. Первая группа правил фокусируется на наполнении технико-юридической нормы, что важно для обеспечения качества правового регулирования. Ключевыми критериями, предъявляемыми к таким нормам,

являются однородность, полнота правового регулирования и правильный выбор отрасли права. Норма должна быть внутренне согласованной, что предотвращает противоречия и способствует стабильности правовой системы. Важно учитывать, что нормы должны соответствовать принципам национального, и международного права, что способствует гармонизации правовых систем.

Правила логики. Логика в праве представляет собой базовый элемент, обеспечивающий эффективный путь к достижению правовых результатов через мыслительные операции. В процессе правотворчества правила формальной логики становятся особенно актуальными, поскольку они способствуют созданию ясных и точных норм. Ученые-юристы нередко сравнивают право с математической наукой, подчеркивая такие качества, как точность, пунктуальность и системность [3, с. 29]. Логические правила, также называемые «теневыми правилами», действуют на уровне подразумеваемых норм и имеют важное значение для понимания и применения правовых актов. Эти правила включают в себя несколько ключевых положений. Во-первых, они нацелены на устранение неясностей в понимании терминов, что позволяет избежать путаницы и обеспечивать единообразное толкование. Во-вторых, они предполагают, что все части документа должны взаимодействовать и быть взаимосвязанными, что способствует целостности правового акта.

Структурные правила Структурные правила определяют построение ТНПА и логическую последовательность его частей. Как правило, ТНПА содержит вступительную часть (реквизиты), основную часть (разделы, главы, пункты), заключительную часть (вопросы обжалования, срок действия и т.п.) и при необходимости приложения (таблицы, диаграммы, бланки). Ссылки как элемент структуры обеспечивают взаимосвязанность документов, упрощая их применение и повышая наглядность текста.

Языковые правила играют немаловажную роль в создании нормативного правового акта, особенно учитывая их специфику, которые заключаются в ясности, которая зависит от действия документа по кругу лиц (например, неопределенный круг лиц предполагает максимальную простоту в понимании документа; техничность и сложность – для узкоспециализированных лиц); точности документа, вступающая в конфликт с ясностью, однако, преимущество стоит за точностью, поскольку документ без точности считается неопределенным и не представляется возможным его грамотно растолковать; доступности норм, т.е. отсутствие сложных конструкций, малознакомых терминов и дефиниций применение иностранных слов; краткости – изложения информации с применением правил стандартности и краткости формулировок, немногословности, отсутствие неоправданных повторений без ущерба качеству документа; подачи документа в официальном стиле, придерживающимся четкости, строгости, нейтральности, властности. Как правильно подметила Кашанина Т.В., «юридическая деятельность

осуществляется для людей, и акт, принятый в результате такой деятельности, должен быть понят обществом» [3, с. 28].

Реквизитные правила. Данные правила важны, поскольку несоблюдение требований может «изменить правовой статус и судьбу субъекта» [3, с. 28]. Реквизиты позволяют идентифицировать документ на основании имеющихся в нем реквизитов, которые подразделяются на те, которые расположены в начале акта (название вида документа, орган его издавший, наименование документа, дата принятия и номер) и в конце после заключительной части (место и дата подписания, наименование должности, ФИО должностного лица, подписавшего документ, подпись). Важно иметь представление того, кем был составлен документ, чтобы в случае обнаружения ошибки, соответствующее должностное лицо привлечь к ответственности.

Процедурные правила формализуют процесс принятия нормативных актов и имеют ключевое значение для правоприменения: отклонения от процедуры могут напрямую нарушать права субъектов. Они отличаются повышенной строгостью и ясностью, требуют законности, обоснованности, логической последовательности и соблюдения сроков; нарушение влечёт санкции, вплоть до признания акта недействительным. Процедурные правила не второстепенны — они упорядочивают творческий процесс правотворчества, повышают эффективность юридической деятельности и защищают интересы граждан.

Анализ принципов правотворчества в техрегулировании демонстрирует его комплексный и многогранный характер, обусловленный динамичным развитием технологий, глобализацией и защитой общественных интересов, что предъявляет особые требования к формированию правовых норм. Можно сделать следующие ключевые выводы:

1. Принципы о связи с социальной реальностью и изолированном техническом правотворчестве подчеркивают важность учета технологического развития и его влияния на общество. В условиях быстрого развития необходим баланс между стимулированием инноваций и обеспечением безопасности потребителей и среды. Консерватизм тормозит прогресс, а пренебрежение безопасностью ведет к катастрофическим последствиям.

2. Принципы международной и национальной сопоставимости, а также использования зарубежного опыта, критичны для эффективного технического регулирования. Гармонизация стандартов, включая международные (например, ISO), необходима для конкурентоспособности, облегчения торговли и качества продукции, поскольку несоответствие национальных норм международным создает торговые барьеры.

3. Языковые правила напрямую влияют на правоприменение. Неопределенность, двусмысленность или избыточная сложность законодательных актов в технической сфере могут приводить к ошибкам при сертификации, неправомерному применению норм, а также к затруднениям

для субъектов регулирования и потребителей. Даже самые благие намерения регулятора могут быть сведены на нет некачественным юридическим изложением.

4. Принцип цифровизации в контексте цифровой трансформации приобретает особое значение. Современное техническое регулирование должно быть ориентировано на максимально удобное и быстрое предоставление информации, электронное взаимодействие с государственными органами, использование цифровых инструментов для мониторинга и контроля. Отсутствие цифровизации делает правовые акты менее доступными и эффективными. Например, переход к электронному документообороту в процессе сертификации значительно ускоряет и удешевляет процедуры.

5. Принципы систематизированности текста и визуализации важны для создания целостной и понятной системы регулирования. Техническое регулирование охватывает множество взаимосвязанных областей, и отсутствие связи между нормами или их чрезмерная фрагментация затрудняет их применение и понимание. Так, использование инфографики или схем может значительно упростить восприятие сложных технических норм.

Принципы технического правотворчества — это фундамент для устойчивой, безопасной и конкурентоспособной системы, отвечающей вызовам меняющегося мира. Их успешное формирование требует владения юридической техникой, понимания потребностей общества, технологических тенденций и готовности к постоянному совершенствованию.

Библиографический список

1. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025. — Текст: электронный.
2. Брилёва В.А. Технические нормативные правовые акты как основа обеспечения технологического суверенитета Республики Беларусь / В.А. Брилёва, В.В. Федоренко // Правовое обеспечение технологического суверенитета России и Беларуси : коллективная монография /под ред. д. ю. н. Е.С. Аничкина, д. ю. н., проф. В.В. Сорокина ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2025.– С. 408-421.
3. Кашанина Т.В. Логика права как элемент юридической техники // Журнал российского права. – 2008. – №2 (134). – С. 25-35.
4. Красавин А. В. Использование юридического инструментария в социально-техническом правотворчестве // Право и современные государства. – 2015. – № 2. – С. 60-77.

5. Тихомиров Ю. А. Законодательная техника: понятие и элементы / В кн.: Законодательная техника / Под ред. Ю.А. Тихомирова. – М., 2000. – С. 9.

Чернегова Виктория Владимировна
адъюнкт кафедры основ российской
государственности и цивилистики
Восточно-Сибирского института МВД России,
г. Иркутск, Россия

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Chernegova Victoria Vladimirovna,
adjunct of the Department of Fundamentals
of Russian Statehood and Civics
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk, Russian Federation

THE ROLE OF DIGITALIZATION IN IMPROVING LEGAL TECHNOLOGY

Аннотация: *в работе рассматривается влияние цифровизации на современную юридическую технику, выявляются направления использования цифровых технологий в правотворчестве, а также анализируется вопрос о теоретической обоснованности введения в научный оборот понятия «цифровая юридическая техника». Особое внимание уделено оценке влияния цифровых технологий на юридическую деятельность и рискам ее автоматизации. Сформулированы выводы о потенциале цифровых инструментов в повышении эффективности и прозрачности правотворческих процессов при сохранении баланса между технологическими возможностями и традиционными подходами к правотворчеству и правоприменению.*

Abstract: *the paper examines the impact of digitalization on modern legal technology, identifies the use of digital technologies in lawmaking, and analyzes the theoretical validity of the introduction of the concept of «digital legal technology» into scientific circulation. Special attention is paid to assessing the impact of digital technologies on legal activity and the risks of its automation. Conclusions are drawn about the potential of digital tools in increasing the efficiency and transparency of*

law-making processes while maintaining a balance between technological capabilities and traditional approaches to law-making and law enforcement.

Ключевые слова: *юридическая техника, цифровизация, правотворчество, систематизация нормативных правовых актов, юридическая деятельность.*

Key words: *legal technology, digitalization, law-making, systematization of regulatory legal acts, legal activity.*

Значимость рассматриваемой темы обусловлена стремительным развитием цифровых технологий, оказывающих воздействие на все сферы общественных отношений, включая правотворчество и юридическую деятельность в целом. Актуальность темы подтверждается тем, что технологическое лидерство и цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы отнесены к ключевым национальным целям развития России до 2030 года и на перспективу до 2036 года, определенным Указом Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 [1].

Целью исследования является анализ роли цифровизации в совершенствовании юридической техники и оценке её влияния на процедуры правотворчества, правоприменения и систематизацию нормативных правовых актов. В соответствии с этим в рамках настоящего исследования предполагается: уточнить содержание понятия юридической техники в узком и широком смыслах, определить значение цифровизации в границах этих подходов; исследовать основные направления внедрения цифровых технологий в юридико-технический инструментарий; выявить теоретические основания введения в научный дискурс термина «цифровая юридическая техника»; сформулировать выводы о возможных направлениях дальнейшего развития юридической техники в условиях цифровой трансформации общества и права.

Для решения поставленных задач использованы общенаучные и специально-юридические методы исследования. Использование формально-логического метода позволило раскрыть содержание базовых понятий, сравнительно-правовой метод использован для анализа подходов к определению понятий «юридическая техника» и «цифровизация». Применение метода системного подхода обеспечило исследование цифровизации как одного из способов совершенствования юридико-технического инструментария.

Раскрывая теоретические основы исследования, необходимо остановиться на содержании понятия юридической техники. Юридическая техника рассматривается учёными в двух основных смыслах: узком и широком. Эти подходы отражают разные уровни понимания роли юридической техники. В контексте узкого подхода юридическая техника

определяется как совокупность приемов и правил, применяемых при подготовке, принятии, оформлении, систематизации и публикации нормативных правовых актов. Представителями этого направления являются корифеи юридической науки С.С. Алексеев, А.Б. Венгеров, А.Ф. Черданцев и другие. В широком смысле юридическая техника охватывает весь комплекс средств, обеспечивающих рациональную организацию правотворчества, правоприменения, систематизации законодательства и иных юридически значимых процедур. Данное направление развивают М.Л. Давыдова, Т.В. Кашанина, Ю.А. Тихомиров и другие. Кроме того, важно отметить, что юридическая техника к настоящему времени прошла сложный эволюционный путь развития, этот процесс неразрывно связан со становлением и трансформацией права как ключевого социального регулятора.

Представляется, что важнейшим составляющим элементом юридической техники является систематизация нормативных правовых актов. Упорядочение и совершенствование законодательства достигается именно благодаря систематизации нормативных правовых актов, что придает праву внутреннюю согласованность, облегчает доступ к правовым нормам, ликвидирует противоречия и пробелы, а также стимулирует развитие правотворческой деятельности.

Исходя из контекста рассмотренных подходов к определению юридической техники, в их рамках целесообразно анализировать и влияние цифровизации. Поэтому если рассматривать юридическую технику как основу законотворческой деятельности, то роль цифровизации заключается преимущественно во внедрении технических инструментов, автоматизирующих отдельные процессы законотворчества. При более широком понимании юридической техники влияние цифровизации предстает как комплексный технологический процесс, трансформирующий представление о формах правового выражения, нормообразования и взаимодействия права с иными сферами.

В рамках дальнейшего анализа понятийно-терминологического аппарата важно обратиться к истокам ключевых понятий. Считается, что одним из первых ввел в научный оборот термин «цифровизация» в 1995 г. Николас Негропонте, который считал переход от аналоговых к цифровым технологиям ключом к развитию экономики. Однако стоит отметить, что некоторые исследователи указывают на более ранние упоминания схожих идей. Например, в 1971 году Р. Вэчел в одной из статей рассматривал проблему «цифровизации общества» в контексте расширения компьютерных технологий [5, с. 7].

В современной науке не существует единого понятия цифровизации, однако можно выделить узкий и широкий подход к ее определению. Например, в широком смысле цифровизация понимается исследователями как современная важнейшая тенденция общественного развития, которая

охватывает не только технологические изменения, но и влияет на экономику, социальную сферу, культуру и повседневную жизнь людей. В этом контексте цифровизация связана с глобальными трансформациями, направленными на повышение эффективности и качества жизни через внедрение цифровых технологий [7, с. 28]. В узком смысле цифровизация представляет собой создание на разных уровнях экономики информационно-цифровых платформ и операторов, позволяющих решать различные хозяйственные задачи, в том числе стратегические: развитие науки, образования, новой индустриализации, государственного регулирования и планирования [8, с. 197].

Под цифровизацией в контексте юридической деятельности можно понимать процесс внедрения цифровых технологий, информационно-аналитических систем и автоматизированных средств обработки данных в сферу правотворчества, правоприменения и систематизации законодательства.

Согласно коллективному монографическому исследованию «Юридическая техника и цифровые технологии», основные направления применения цифровых технологий охватывают сферы правотворчества, в том числе на уровне местного самоуправления и в правотворчестве народа в порядке референдума [9, с. 94, 102]. В работе также описаны основные направления совершенствования юридической техники, которые отнесены к определенным стадиям правотворчества (подготовка, обсуждение, принятие и опубликование проекта нормативного правового акта) [9, с. 102, 110]. Это иллюстрирует тот факт, что цифровизация органично интегрируется в процессы нормотворчества, способствуют его прозрачности и эффективности и рассматривается не как самостоятельное явление, а как инструмент совершенствования юридической техники.

Развивая научную дискуссию об оказываемом влиянии цифровизации на юридическую технику, можно привести точку зрения К.А. Евпловой, согласно которой цифровизация юридической техники порождает становление такого правового явления как цифровая юридическая техника [3, с. 132]. Однако данная позиция представляется спорной. Как справедливо отмечал Д.А. Керимов, что законотворчество, как и любое другое творчество, исключает его всепоглощающую формализацию и, следовательно, компьютеризацию [4, с. 142]. Само по себе использование цифровых технологий при подготовке, принятии и систематизации нормативных правовых актов не свидетельствует о формировании нового вида юридической техники. Кроме того, юридическая техника является категорией, изучаемой юридической наукой, а цифровизация – это явление, относящееся к технологической сфере, влияющей на различные сферы жизни, включая бизнес, образование, здравоохранение, промышленность и государственное управление и др. Поэтому цифровизация выступает импульсом для совершенствования средств юридической техники, способом модификации ее традиционных языковых, структурных, логических

и иных средств, воздействуя в большей степени на форму и способ реализации юридико-технических решений.

Вместе с тем использование цифровых технологий в сфере права сопряжено с рядом проблем [2, с. 1517-1521]. Среди них риск чрезмерной автоматизации юридических процедур, что может привести к утрате индивидуальности правового мышления и снижению качества нормотворчества. Более тридцати лет назад Д.А. Керимов говорил о границах применения компьютерных систем в законотворчестве, задавая актуальный и ныне вопрос о том, «кто конкретно несет ответственность за реализованное в жизни неправильное решение, предложенное «искусственным интеллектом»?» [4, с. 149]. Тем самым учёный подчёркивал необходимость баланса между технологическими возможностями и человеческой ролью в законотворчестве, затрагивая одну из ключевых этических и юридических проблем цифровизации права. Отдельные исследователи, включая К. Скиннера, полагают, что в связи с цифровизацией и повсеместной автоматизацией труда мы вступаем в мир безработицы и в недалеком будущем это приведет, в том числе, к пересмотру правовой сферы, в которой юристы станут не нужны [6, с. 110, 112]. Такая позиция игнорирует творческое участие человека в правовой сфере и сводит сложный многогранный процесс юридической деятельности к набору алгоритмов.

На основании изложенного, перспективы развития юридической техники видятся в комплексном применении цифровых средств для организации автоматизированных процессов систематизации нормативных правовых актов. Речь идёт о внедрении интеллектуальных аналитических инструментов, позволяющих выявлять правовые коллизии, дублирование нормативного регулирования и иные несоответствия в правовом материале. В этом контексте цифровизация становится фактором, способствующим формированию качественно нового этапа развития юридической техники, повышению точности нормотворческих решений, системности и согласованности нормативного массива, достигаются цели правового регулирования. При этом можно заключить, что цифровизация не создаёт нового типа юридической техники, а лишь совершенствуют традиционные формы её проявления.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». // СЗ РФ. –2024. – № 20. – ст. 2584.
2. Avdeev V.A., Avdeeva O.A., Shagieva R.V., Smirnova V.V., Mashkin N.A., Taradonov S.V. The mechanism of legal regulation in the context of globalization processes and the formation of the information environment (regional aspect) // Journal of Environmantal Management and Tourism. – 2019. – T. 10. – № 7 (39). – P. 1517-1521.

3. Евплова, К. А. Ретроспективный анализ цифровизации юридической техники / К. А. Евплова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 129-132.
4. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. – М.: Юрид. лит., 1991. – 160 с.
5. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей / Л. Н. Данилова, Т. В. Ледовская, Н. Э. Солынин, А. М. Ходырев // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26. – № 2. – С. 5-12.
6. Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого / Крис Скиннер; пер. с англ. О. Сивченко; [науч. ред. К. Щеглова]. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 304 с.
7. Халин, В. Г. Цифровизация и киберриски / В. Г. Халин, Г. В. Чернова // Управленческое консультирование. – 2023. – № 7(175). – С. 28-41.
8. Юдина, Т. Н. Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономии / Т. Н. Юдина, И. М. Тушканов // Философия хозяйства. – 2017. – № 1(109). – С. 193-200.
9. Юридическая техника и цифровые технологии: монография / под науч. Ред. А.В. Корнева. – Москва: Проспект, 2022. – 152 с.

Шелаева Любовь Алексеевна
студентка 1 курса
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ВЫЗОВЫ[1]

Shelaeva Lyubov Alekseevna
1st year student
Kutafin University (MSAL)
Moscow, Russia

NATIONAL SECURITY IN THE POST-TRUTH ERA: LEGAL ASPECTS AND CHALLENGES

Аннотация: *статья посвящена всестороннему изучению правовых мер защиты национальной безопасности в эпоху постправды. Рассматриваются актуальные угрозы, исходящие от намеренного распространения дезинформации, подрывающей суверенитет, ослабляющей государственные структуры и угрожающей общественному порядку. Путем сравнительного анализа российского и германского законодательства выявляются недостатки и несоответствия в правовом регулировании. Задача исследования - предложить комплексные рекомендации для улучшения способов борьбы с информационно-психологическими угрозами национальной безопасности.*

Abstract: *the article is devoted to a comprehensive study of legal measures to protect national security in the post-truth era. It examines the current threats posed by the deliberate dissemination of disinformation that undermines sovereignty, weakens state structures, and threatens public order. Through a comparative analysis of Russian and German legislation, the article identifies gaps and inconsistencies in legal regulation. The objective of the study is to propose*

[1] Научный руководитель - старший преподаватель Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафин, Чернышова Вера Юрьевна.

comprehensive recommendations for improving the methods of combating information and psychological threats to national security.

Ключевые слова: *национальная безопасность, постправда, дезинформация, информационно-психологическая безопасность, правовое регулирование, гибридные угрозы, суверенитет.*

Keywords: *national security, post-truth, disinformation, information and psychological security, legal regulation, hybrid threats, and sovereignty.*

В эпоху постправды национальная безопасность сталкивается с серьезными правовыми проблемами. Это связано с тем, что цифровизация и социальные сети кардинально изменили информационное пространство. Современные информационные угрозы стали качественно иными, что требует переосмысления традиционных методов обеспечения безопасности. Важным правовым аспектом является создание новой законодательной базы для международной безопасности в цифровую эпоху. Отсутствие четких международных правил для киберпространства несет значительные риски для всех. Мировое сообщество должно выработать единые подходы к регулированию цифрового пространства, определить права и обязанности государств в нем, а также создать механизмы разрешения споров, учитывая трансграничный характер киберпреступлений [21].

Теоретико-правовые основы обеспечения национальной безопасности в условиях постправды нуждаются в глубоком осмыслении с учетом современных вызовов. Государев Т.Л. подчеркивает, что феномен постправды представляет собой значительную угрозу для демократических институтов, поскольку он препятствует рациональному общественному диалогу [18, с. 9-14]. Современная теория национальной безопасности относит информационно-психологическую сферу к числу критически важных элементов государственного суверенитета. Согласно Конституции Российской Федерации, Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности [3, ст. 1]. В условиях постправды данная конституционная норма приобретает новое звучание, требуя разработки специальных механизмов защиты от информационно-психологических угроз. Доктринальный анализ позволяет идентифицировать характерные особенности современных угроз национальной безопасности, включая их трансграничный характер, применение цифровых технологий для манипуляции общественным сознанием, эрозию доверия к государственным институтам и подрыв легитимности власти [22, с. 123-132].

Для противодействия угрозам постправды в России сформирована многоуровневая система правовых норм, направленная на обеспечение национальной безопасности. Согласно Федеральному закону «О безопасности», безопасность трактуется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних

и внешних угроз [7]. Стратегические приоритеты в этой сфере, включая информационную безопасность, определены в Указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [13]. Этот документ подчеркивает необходимость защиты от информационно-психологического воздействия и использования дезинформации для подрыва государственного суверенитета и территориальной целостности. Важную роль играет Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который устанавливает правовые основания для ограничения доступа к информации, распространяемой под видом достоверной, но создающей угрозы национальной безопасности [6]. За распространение дезинформации предусмотрена как административная ответственность (КоАП РФ) [4], так и уголовная (УК РФ) [5].

Особое значение в контексте противодействия угрозам постправды имеют нормативно-правовые акты, регулирующие противодействие терроризму и экстремизму. Федеральный закон «О противодействии терроризму» [8] и Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» [9] создают правовую основу для борьбы с использованием информационных технологий в террористических и экстремистских целях. Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» 10] определяет полномочия ФСБ России в области выявления, предупреждения и пресечения информационных угроз национальной безопасности. Значимым элементом правового регулирования являются указы Президента РФ, в частности Указ «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» [14] и Указ «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [12], которые задают стратегические направления государственной политики в данной сфере. Доктрина информационной безопасности определяет основные вызовы и угрозы в информационной сфере, а также цели, задачи и основные направления государственной политики в области обеспечения информационной безопасности. На уровне Правительства РФ приняты постановления, конкретизирующие меры по противодействию террористическим угрозам, в том числе в информационной сфере. Постановление Правительства РФ «О взаимодействии федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, физических и юридических лиц при проверке информации об угрозе совершения террористического акта» [15] устанавливает порядок межведомственного взаимодействия при выявлении информационных угроз. Постановление Правительства РФ «Об утверждении требований к антитеррористической защищённости объектов» [16] определяет меры по защите критически важных объектов инфраструктуры от потенциальных угроз.

Особого внимания заслуживает Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы [17], который предусматривает системные меры по противодействию распространению деструктивного контента через информационно-телекоммуникационные сети. План включает мероприятия по развитию системы мониторинга информационного пространства, совершенствованию нормативной правовой базы и укреплению международного сотрудничества в сфере противодействия использованию интернета в террористических целях.

Современная правоприменительная практика демонстрирует необходимость постоянного совершенствования законодательной базы в условиях быстро меняющихся информационных угроз. Анализ действующих нормативно-правовых актов показывает, что российское законодательство в целом адекватно реагирует на вызовы, связанные с распространением дезинформации, однако требует дальнейшего развития в части регулирования новых форм информационного противоборства.

Изучение международного опыта, особенно германской модели, выявляет разнообразные стратегии обеспечения национальной безопасности в цифровую эпоху. Германия, опираясь на концепцию «цифрового суверенитета» (Digitale Souveränität), использует Закон об улучшении правового применения в социальных сетях (NetzDG) для возложения на онлайн-платформы ответственности за защиту от цифровых угроз [2]. На европейском уровне Регламент (ЕС) 2021/784 унифицирует правила для цифровых сервисов и предусматривает оперативное реагирование на внешние информационные манипуляции [1]. Как подчеркивает С.И. Кузнецова, германская модель предполагает распределение ответственности между государством и интернет-платформами, в отличие от российской модели, ориентированной на централизованный государственный контроль [20].

Актуальные вызовы в области обеспечения национальной безопасности диктуют необходимость разработки комплексных решений. Анализ правоприменительной практики выявляет ряд системных проблем, среди которых выделяются: сложность юридической квалификации дезинформации как угрозы национальной безопасности, отсутствие унифицированных критериев оценки информационных угроз и потребность в усилении международно-правового сотрудничества. В контексте Решения Верховного Суда РФ подчеркивается обязательность установления прямой причинно-следственной связи между распространением информации и возникновением угрозы национальной безопасности [14]. Разнообразие подходов судов к оценке дезинформации в правоприменительной практике свидетельствует о необходимости выработки единых критериев. Автор статьи Т.В. Плотникова справедливо отмечает, что эффективность противодействия дезинформации достигается путем сочетания правовых и неправовых мер, включая развитие медиаграмотности населения, поддержку фактчекинговых организаций и

повышение прозрачности деятельности государственных органов [23, с. 23-26].

В заключение важно подчеркнуть, что явление постправды, которое можно определить как социально-политический феномен, где объективные факты теряют свое значение в формировании общественного мнения в пользу эмоциональных призывов и личных убеждений, порождает совершенно новые, системные угрозы для национальной безопасности. Эти угрозы носят глобальный характер, распространяются с огромной скоростью и способны подорвать основы государственного устройства, разрушая доверие к власти и целенаправленно манипулируя общественным сознанием. Суть постправды заключается в том, что истинность информации уступает место ее эмоциональной привлекательности, а объективная реальность подменяется множеством субъективных «истин», что создает беспрецедентные трудности для традиционных методов обеспечения национальной безопасности.

Для противодействия этим вызовам необходим адекватный и многогранный правовой ответ, учитывающий особенности современной цифровой эпохи. Российская правовая система, несмотря на наличие комплексных мер по защите национальной безопасности, проявляет некоторую разрозненность в борьбе именно с феноменом постправды и нуждается в существенном улучшении, особенно в части разработки четких критериев для оценки информационных угроз и создания эффективных механизмов их отслеживания.

Для повышения эффективности борьбы с современными вызовами требуется реализация комплекса взаимосвязанных мер. Во-первых, необходимо разработать детальные критерии для классификации информационных угроз, учитывающие как содержание дезинформации, так и способы ее распространения, и потенциальное воздействие. Во-вторых, следует укреплять международное сотрудничество в области кибербезопасности, включая выработку единых подходов к определению информационных правонарушений и созданию механизмов взаимодействия между странами. В-третьих, создание комплексной системы мониторинга и раннего предупреждения информационных угроз должно опираться на использование технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных для своевременного выявления деструктивного контента.

Особое значение имеет совершенствование механизмов ответственности за распространение дезинформации, которое должно осуществляться с неукоснительным соблюдением баланса между защитой национальной безопасности и гарантией свободы слова. Как отмечает эксперт в области международного права, современные вызовы требуют не просто корректировки, а кардинального пересмотра традиционных подходов к обеспечению национальной безопасности и разработки новых правовых инструментов, соответствующих реалиям цифровой эпохи [19, с. 44-53]. Это

подразумевает не только законодательное закрепление новых видов правонарушений, но и развитие превентивных мер, таких как программы медиаграмотности, поддержка независимой проверки фактов и укрепление доверия к официальным источникам информации путем повышения прозрачности государственного управления.

Для противодействия угрозам национальной безопасности в эпоху постправды требуется системное решение. Оно должно охватывать законодательные реформы, углубление международного сотрудничества, внедрение современных средств мониторинга и реализацию образовательных программ. Только такой многоаспектный подход позволит выстроить надежную систему защиты национальных интересов в условиях постоянно меняющегося информационного пространства, где доминируют эмоции и предубеждения, а не объективная оценка действительности.

Библиографический список

1. Regulation (EU) 2021/784 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 on addressing the dissemination of terrorist content online // Official Journal of the European Union. —2021. — L 172/79 — URL: **https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/784/oj/eng/pdf** (дата обращения: 11.11.2025). — Текст: электронный.
2. Netzwerkdurchsetzungsgesetz vom 1. September 2017 (BGBl. I S. 3352) // Bundesgesetzblatt. —- 2017. — Teil I. — Nr. 61. — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/NetzDG.pdf. (дата обращения: 11.11.2025). — Текст: электронный.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — ст. 4398.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — ст. 1.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. —1996. — № 25. — ст. 2954.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). —ст. 3448.
7. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. —2011. — № 1. — ст. 2.
8. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. — 2006. — № 11. — ст. 1146.
9. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — ст. 3031.

10. Федеральный закон от 03.04.1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // СЗ РФ. —1995. — № 15. — ст. 1269.
11. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.07.2025) «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 7. — ст. 300.
12. Указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2016. — № 49. — ст. 6884.
13. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г.№ 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗРФ. — 2021. — № 27 (ч. II). — ст. 5351.
14. Указ Президента РФ от 26.12.2015 г. № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» // СЗ РФ. — 2015. — № 52 (часть I). - ст. 7591.
15. Постановление Правительства РФ от 27.05.2017 г. № 638 «О взаимодействии федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, исполнительно-распорядительных органов федеральных территорий и органов местного самоуправления, физических и юридических лиц при проверке информации об угрозе совершения террористического акта, а также об информировании субъектов противодействия терроризму о выявленной угрозе совершения террористического акта» // СЗ РФ. — 2017. — № 23. — ст. 3327.
16. Постановление Правительства РФ от 19.04.2019 г. № 471 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства транспорта Российской Федерации, Федерального агентства воздушного транспорта, Федерального агентства железнодорожного транспорта, Федерального агентства морского и речного транспорта, Федерального дорожного агентства, Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, их территориальных органов, а также подведомственных им организаций и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)» // СЗ РФ. — 2019. — № 17. — ст. 2101.
17. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы: утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610 // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2024. — URL: **https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408366785/** (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
18. Государев Тарас Ливериевич. Противодействие дезинформированию: правовые механизмы, тенденции и

перспективы // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2025. – №1 (45). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-dezinformirovaniyu-pravovye-mehanizmy-tendentsii-i-perspektivy (дата обращения: 12.11.2025). — Текст: электронный.
19. Данельян А. А., Гуляева Е. Е. «Международно-правовые аспекты кибербезопасности» // Московский журнал международного права. – 2020. – № 1. – С. 44-53.
20. Кузнецова, А. В., Искусственный интеллект и информационная безопасность общества: монография / А. В. Кузнецова, С. И. Самыгин, М. В. Радионов. — Москва: Русайнс, 2020. —118 с. — ISBN 978-5-4365-1558-8. — URL: https://book.ru/book/934089 (дата обращения: 11.11.2025). — Текст: электронный.
21. Международное право в эпоху трансформации: конфликты, санкции и вызовы // Ассоциация международного права. — 2023. — URL: **https://alrf.ru/articles/mezhdunarodnoe-pravo-v-epokhu-transformatsii-konflikty-sanktsii-i-vyzovy/** (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
22. Морозова С.С., Смирнова Ю.Г. Особенности правового регулирования цифрового управления и безопасности в современной России // ПОЛИТЭКС. – 2023. – №1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-tsifrovogo-upravleniya-i-bezopasnosti-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 12.11.2025). — Текст: электронный.
23. Плотникова Т.В., Пучнин В.М. Стратегические национальные приоритеты национальной безопасности Российской Федерации: теоретико-правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №12 (216). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-natsionalnye-prioritety-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-teoretiko-pravovye-aspekty (дата обращения: 12.11.2025). — Текст: электронный.

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Акимова Екатерина Алексеевна
студентка 3 курса,
Тульский филиал Международного
юридического института,
г. Тула, Россия

Комарова Леона Андреевна
студентка 3 курса,
Тульский филиал Международного
юридического института,
г. Тула, Россия

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ДОПУСТИМЫХ ВИДОВ РАБОТ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ РАБОТНИКОВ[1]

Akimova E.A.
3rd year student,
Tula branch of the International
Law Institute,
Tula, Russia
Komarova L.A.
3rd year student,
Tula branch of the International
Law Institute,
Tula, Russia

[1] Научный руководитель - старший преподаватель кафедры "Гражданского права и процесса" (отделение Тульского филиала) Международного юридического института, Михалева Наталия Владимировна.

ANALYSIS OF CHANGES IN PERMISSIBLE TYPES OF WORK FOR MINOR WORKERS

Аннотация: *в данной исследовательской статье проводится анализ изменений в перечне допустимых работ для несовершеннолетних в современном российском трудовом праве. Авторы рассматривают положения, касающиеся участия детей до 14 лет в организациях кинематографии, театрах и цирках, подчеркивая их роль в развитии творческих способностей и социализации. Особое внимание уделено новым возможностям трудоустройства подростков в период летних каникул. Были проанализированы ограничения, установленные для детского труда, с акцентом на защиту от вредных и опасных условий работы.*

Abstract: *this research article analyzes changes in the list of permissible jobs for minors in modern Russian labor law. The authors examine the provisions regarding the participation of children under the age of 14 in film organizations, theaters, and circuses, emphasizing their role in the development of creative abilities and socialization. Special attention is given to the new opportunities for employment of teenagers during summer vacations. The article analyzes the restrictions imposed on child labor, focusing on protection from harmful and dangerous working conditions.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние; допустимые работы; трудоустройство; трудовое законодательство; обеспечение безопасности; трудовая деятельность.*

Key words: *minors; permissible work; employment; labor legislation; safety measures; labor activity.*

В XXI веке проблема положения несовершеннолетних в трудовом праве становится все более актуальной. Современные подростки стремятся к самостоятельности, желая удовлетворить свои потребности и освободиться от родительской опеки. Поиск работы становится для них способом обретения финансовой независимости.

Однако лица, не достигшие 18 лет и, соответственно, не обладающие полной дееспособностью, относятся к уязвимой категории граждан и находятся под особой защитой государства. Это обусловлено тем, что права детей всегда являлись приоритетом в государственной политике.

Важно отметить, что до достижения совершеннолетия личность еще полностью не сформирована ни в моральном (духовно-нравственном), ни в физическом плане. Как показывает практика, стремление подростка скорее заработать собственные деньги, может привести к тому, что он окажется на работе, не отвечающей его интересам или не соответствующей требованиям безопасности. Это может негативно сказаться на его нравственном развитии

или даже нанести вред здоровью. Поэтому в трудовом законодательстве устанавливается ряд ограничений для трудоустройства несовершеннолетних, направленных на обеспечение их защищенности.

Право на труд, включая защиту от принудительного труда, обеспечивается каждому гражданину Российской Федерации и закреплено в статье 37 Конституции РФ, которая также устанавливает и минимальные гарантии для всех трудящихся. Особенности регулирования труда несовершеннолетних подробно регламентированы в главе 42 Трудового Кодекса РФ. В ней также и предусмотрены случаи и условия, когда работодатель может заключить трудовой договор с несовершеннолетним и какие на него вместе с этим ложатся обязанности по обеспечению гарантированности защиты прав и законных интересов данной категории работников.

Трудовые права подростков защищены законом. В рамках изучения последних изменениях в законодательстве, касающихся трудоустройства несовершеннолетних, нам стало известно то, что Министерство Труда Российской Федерации обновило свои рекомендации. В письме от 22 мая 2025 года (№14-6/10/В-8758) [5] ведомство представило расширенный список подходящих профессий для подростков в возрасте от 14 до 18 лет. Перечень предлагаемых занятий стал шире, разнообразнее и включает 90 позиций: от простых профессий (гардеробщик, мойщик посуды) до более интересных и требующих определенных навыков (помощник специалиста по работе с молодежью, ассистент звукооператора, помощник эколога и др.). Важно подчеркнуть, что текст документа носит рекомендательный характер и не исключает возможность трудоустройства несовершеннолетних на другие подходящие должности. Ключевым аспектом является в то, что предложенные профессии соответствуют особенностям развития подростков, как в нравственном, так и в физическом плане. Помимо этого, документ даёт наставления для работодателей, как организовать безопасные и комфортные рабочие места для подростков и устанавливает для них соответствующие меры поощрения и поддержки при соблюдении ими всех установленных требований при приёме несовершеннолетних на работу.

В 2025 году непосредственные изменения были внесены и в Трудовой Кодекс Российской Федерации [3], которые затронули как общие вопросы трудовых отношений, так и положение несовершеннолетних работников. Изменения в ст. 268 предоставили подросткам возможность в возрасте от 14 до 18 лет работать в выходные и праздничные дни, но только во время летних каникул. Эта поправка открывает больше возможностей для получения первого трудового опыта и заработка, ведь работа в такие дни оплачивается в двойном размере. Важно, что трудиться можно только в свободное от учебы время, что гарантирует отсутствие препятствий для получения образования и позволяет использовать каникулы как для отдыха, так и для работы.

Трудовой Кодекс Российской Федерации разрешает несовершеннолетним, не достигшим четырнадцати лет заниматься творческой деятельностью. Так, например, они могут сниматься в кино, выступать в цирке или театрах, но при условии, что эта работа причинит вреда их здоровью и нравственному развитию. Мы считаем, что это положение является важным, ведь такого рода деятельность способствует всестороннему развитию детей.

Прежде всего, такая творческая работа развивает созидательные способности у детей. Для них открываются новые горизонты в различных областях искусства, развивает артистизм, воображение и креативное мышление. Дети получают возможность раскрыть свой потенциал в различных видах искусства. Важно, что вовлечение в подобные творческие проекты не только не мешает учебе, но и дополняет её, предоставляя новые знания и навыки, расширяющие кругозор юных работников. Кроме того, работа в кино, театре или цирке дает возможность с ранних лет получить ценный трудовой и профессиональный опыт в творческой профессии, что может стать отправной точкой для успешной карьеры в будущем. Наконец, взаимодействие с коллегами в творческом процессе способствует социальной адаптации и формировании коммуникативных навыков.

В силу того, что действующее законодательство устанавливает ряд ограничений для такой категории граждан, как несовершеннолетние, можно отметить следующее: труд несовершеннолетних запрещен с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на подземных работах. Надо сказать, что такое ограничение основано на международных стандартах, таких как, Конвенция ООН [1] о правах ребенка и Конвенция Международной организации труда [2], которые направленны на защиту детского труда от эксплуатации и на обеспечение их права на образование, запрещая работу, мешающую учебе.

Закон также запрещает принимать подростков на следующие виды работ: в сфере игорного бизнеса, работа со спиртными напитками и табачной продукцией, наркотиками, работа с материалами эротического содержания, которые могут причинить вред их здоровью и нравственному развитию. Законодатель не просто так установил данный перечень ограничений, потому что, дети, как уязвимая категория, нуждаются в особой защите от вредного влияния. Наблюдая за тем, как люди употребляют алкогольные напитки, курят сигареты или выполняют другие потенциально вредные для здоровья и нравственности действия, это может серьёзно навредить психике ребенка, которая еще формируется. Подвергаясь такому влиянию, подросток может пробовать подражать увиденному, повторяя те самые действия для того, чтобы стать «взрослым».

Для ребенка также недопустима работа, связанная с поднятием и перемещением тяжестей, поскольку подобная деятельность сопряжена с появлением различных заболеваний у еще неокрепшего организма.

Для того, чтобы обеспечить безопасность и позаботиться о здоровье подростков, трудовое законодательство исключает возможность направления их в служебные командировки, привлечения к сверхурочной работе, а также в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни (с оговоркой о работе в период летних каникул, согласно последним изменениями в законодательстве). Это гарантирует юным работникам защиту от потенциальных рисков, а также обеспечивает их право на отдых, который необходим для восстановления сил детского организма.

Дополнительной важной гарантией защиты здоровья является обязательный предварительный медицинский осмотр при приеме на работу несовершеннолетнего, которая регламентирована в ст. 266 ТК РФ. Эта мера позволяет своевременно выявить все противопоказания по состоянию здоровья к трудовой деятельности. Данная процедура обеспечивает защиту физиологического развития данной категории лиц и предотвращает потенциальный вред их здоровью.

Важным элементом системы защиты прав несовершеннолетних работников является установление особых гарантий при расторжении трудового договора. В ст. 269 ТК РФ предусмотрено, что прекращение такого договора с лицами до 18 лет возможно лишь при согласии инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних. Эта норма, на наш взгляд, является очень важной, т.к. она направлена на предотвращение злоупотреблений со стороны работодателей и гарантирует контроль за правомерностью увольнения молодых сотрудников. Отдельно стоит упомянуть про усиленную защиту для особо уязвимой категории – детей, оставшихся без родителей и сирот. Согласно №159-ФЗ от 21.12.1996 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [4] для них предусмотрена не только защита от неправомерного увольнения, но и дальнейшее трудоустройство и обучение в случае ликвидации или сокращения штата организации за счет работодателя.

Для достижения положительных результатов трудоустройства несовершеннолетних, работодателям необходимо обеспечить правильную организацию их трудовой деятельности. Такой подход способствует: формированию у юных работников трудовых навыков и опыта, развитию их самостоятельности и ответственности, социальной адаптации и интеграции в общество. Более того, занятость полезным трудом помогает подросткам проводить время продуктивно, избегая негативного влияния со стороны, предотвращая вовлечение их в противоправную деятельность. Грамотно организованный труд обеспечивает соблюдение трудовых прав и интересов несовершеннолетних от недобросовестных работодателей, которые могут эксплуатировать детский труд в корыстных целях [12].

Но несмотря на позитивные изменения в законодательстве, сфера трудоустройства несовершеннолетних работников связана с рядом

организационных и экономических барьеров для работодателей. Основная проблема заключается в высоких рисках и дополнительных расходах, которые несут предприятия, принимающие несовершеннолетних на работу. Законодательство требует особого контроля за условиями их труда, так и за организацией рабочего процесса. Из-за недостатка опыта и ответственности подростков, работодателям приходится проводить усиленные проверки за качеством труда и тратить дополнительные средства на наставников для них. Существенные трудности также вызывает согласование рабочего графика с учебным процессом юного сотрудника. Такая адаптация к индивидуальному расписанию несовершеннолетнего работника может привести к незапланированным простоям в работе и снижению производительности. Для решения этих проблем государство предусматривает целевые налоговые льготы и субсидии для компаний, которые готовы взять на себя дополнительные организационные и финансовые обязательства [11]. Кроме того, ключевое значение, на наш взгляд, имеет создание различных программ по повышению квалификации подростков через финансирование обучения, которые могут включать в себя проекты стажировок и практик, проводимые вместе со школами и иными образовательными учреждениями. Такая подготовка позволит повысить уровень профессиональных навыков подростков и может снизить возможные риски для работодателей, делая привлечение юных сотрудников более обоснованным и привлекательным для бизнеса. Так, мы предлагаем, чтобы обеспечить безопасное трудоустройство и развитие молодежи, необходимо следовать трем важным правилам: строго соблюдать трудовые нормы, оказывать со стороны государства стимулирующее воздействие на работодателей и обеспечить качественную подготовку кадров

Подводя итог, мы хотим выделить ключевые тенденции в области допустимых работ для несовершеннолетних. Так, у современных подростков есть возможность для трудоустройства в сферах, требующих умственных способностей, работы с информацией. Российское законодательство предъявляет повышенные требования к работодателям в части обеспечения безопасности таких работ для юных категорий работников: обязательные медицинские осмотры (ст. 69 и 266 ТК РФ) гарантируют контроль за здоровьем несовершеннолетних, а вводные и рабочие инструктажи (ст. 22 и 214 ТК РФ) обучают их безопасным методам работ, защищая от возможных рисков. Сокращенная продолжительность рабочего времени позволяет подросткам сочетать отдых и уделять время учебе, что соответствует международным стандартам защиты детства и образования. А новые законодательные инициативы подчёркивают важность работы в каникулы для профессиональной ориентации подростков, учитывая индивидуальные особенности и потребности каждого из них при выборе подходящей деятельности. При этом, нельзя забывать об обеспечении соответствующих

условий труда для данной категории, что является важным гарантом защиты юных сотрудников, т.к. в настоящее время труд несовершеннолетних допускается только в оптимальных и допустимых (1 и 2 класс) условиях труда, что подтверждается в письме Министерства Труда Российской Федерации от 22 мая 2025 года (№14-6/10/В-8758). Все эти аспекты свидетельствуют о современном подходе к детскому труду, направленном на создание надлежащих условий и предоставление подходящих профессий для развития и получения опыта несовершеннолетними. Но несмотря на наличие положительных аспектов, сохраняются проблемы, связанные с нежеланием части работодателей брать на себя повышенную ответственность и организационные обязательства, связанные с приемом к себе на работу несовершеннолетних. Поэтому сегодня государство активно работает над улучшением положения как молодых сотрудников, так и работодателей, разрабатывая соответствующие меры поддержки: финансирование обучения для подростков и предоставлений различных льгот для стимулирования работодателей. Важно отметить, что соблюдение трудового законодательства в отношении юных работников обеспечивает их всестороннее развитие, успешную социализацию и защиту от эксплуатации.

Библиографический список

1. "Конвенция о правах ребенка" (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) -(вступила в силу для СССР 15.09.1990) - Документ вступил в силу для СССР - **15.09.1990**.// "Сборник международных договоров СССР", выпуск XLVI, 1993.
2. Конвенция N 29 Международной организации труда - (с изм. от 11.06.2014) -"Относительно принудительного или обязательного труда" - (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ) - Документ вступил в силу для СССР - 23.06.1957. // Ведомости ВС СССР. 2 июля 1956 г. N 13. ст. 279.
3. **"Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025)** // СЗ РФ. –2002. – № 1 (ч. 1). – ст. 3.
4. **Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей"** // СЗ РФ - 23.12.1996 - № 52 - ст. 5880.
5. Письмо Минтруда России от 22.05.2025 N 14-6/10/В-8758 «О направлении Методических рекомендаций исполнительным органам субъектов Российской Федерации и работодателям по организации трудовой деятельности несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». –

URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506262/?ysclid=mkx18u9r35101657039 — Текст: электронный.

6. Буянова М. О. — Трудовое право. Специальная часть: учебник для вузов / ответственный редактор 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 211 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18182-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: **https://urait.ru/bcode/567566** (дата обращения: 12.10.2025). — Текст: электронный.
7. Петров А. Я. — Особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников: учебник для вузов / Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 450 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-19041-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 2 — URL: https://urait.ru/bcode/569059/p.2 (дата обращения: 12.10.2025). — Текст: электронный.
8. Хохлова Е. Б., Сафонова В. А. — Трудовое право России в 2 т: учебник для академического бакалавриата / под общей редакцией 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2016. — 678 с. — (Бакалавр. Академический курс). — ISBN 978-5-9916-6315-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: **https://urait.ru/bcode/388842** (дата обращения: 12.10.2025). — Текст: электронный.
9. Чаннов С. Е. Трудовое право: учебник для среднего профессионального образования / С. Е. Чаннов, М. В. Пресняков. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 458 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-21258-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/569391 (дата обращения: 12.10.2025). — Текст: электронный.
10. Минтруд обновил рекомендации по трудоустройству подростков // URL: **https://www.kdelo.ru/news/399098-mintrud-obnovil-rekomendatsii-po-trudoustroystvu-podrostkov** (дата обращения: 17.10.2025). — Текст: электронный.
11. Подростковая занятость в условиях кадрового дефицита // URL: **https://www.klerk.ru/blogs/kskgroup/595021/** (дата обращения: 20.10.2025). — Текст: электронный.
12. Трудовые отношения с несовершеннолетними // URL: **https://www.klerk.ru/law/articles/334102/** (дата обращения: 15.10.2025). — Текст: электронный.

Бугаева Кристина Сергеевна
Студентка 3 курса
Смоленского государственного университета
г. Смоленск, Россия

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕКРЕТНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ В РФ[1]

Bugaeva Kristina Sergeevna
3rd year students
Smolensk State University

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF SECRET INVENTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: *в данной работе анализируются современные задачи, связанные с правовым регулированием секретных изобретений в России, в том числе соотношение предписаний патентного права и законодательства, регулирующего вопросы защиты государственной тайны. Автор подчеркивает существующий конфликт между мерами по обеспечению конфиденциальности и реализацией исключительных полномочий изобретателей. Изложены положения Гражданского кодекса РФ, регулирующие правовой статус секретных изобретений, а также выявлены ключевые несоответствия, возникающие при применении соответствующих норм на практике. Поддерживается необходимость пересмотра существующего механизма оформления патентов на секретные изобретения и предлагается перейти к практике выдачи авторских свидетельств, что может обеспечить адекватное распределение интересов между государством и разработчиком. Дополнительно рассматривается проблема определения размера и порядка выплаты авторского вознаграждения,*

[1] Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Сирик Наталия Валериевна.

подчеркивается важность создания методических указаний по этой тематике.

Abstract: *this work analyzes modern tasks related to the legal regulation of secret inventions in Russia, including the ratio of the prescriptions of patent law and legislation regulating the protection of state secrets. The author emphasizes the existing conflict between privacy measures and the implementation of the exclusive powers of inventors. The provisions of the Civil Code of the Russian Federation regulating the legal status of secret inventions are outlined, as well as key inconsistencies arising from the application of the relevant norms in practice. The need to revise the existing mechanism for obtaining patents for secret inventions is supported and it is proposed to move to the practice of issuing copyright certificates, which can ensure an adequate distribution of interests between the state and the developer. Additionally, the problem of determining the amount and procedure for paying royalties is considered, the importance of creating guidelines on this topic is emphasized.*

Ключевые слова: *секретные изобретения; интеллектуальная собственность; патентное право; государственная тайна.*

Key words: *secret inventions; intellectual property; patent law; state secret.*

С утверждением четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации был практически завершён этап формирования единой и систематизированной структуры гражданского законодательства страны. Этот раздел ГК РФ детально регламентирует институты, связанные с интеллектуальной собственностью [1]. На территории России с 1992 года действует механизм патентной защиты для изобретений, отнесённых к секретным. Такие объекты не только регулируются положениями патентного законодательства, но и подпадают под сферу действия нормативных актов о государственной тайне, что приводит к существенному сокращению правомочий владельцев соответствующих патентов [2].

Вопрос регулирования отношений, возникающих при предоставлении правовой защиты секретным изобретениям, остаётся одной из наиболее острых проблем патентного права в современной России. Сложность ситуации обусловлена противоречием между двумя различными режимами охраны. С одной стороны, патентное право ориентировано на поддержание технологического и научного прогресса, предусматривает моральное и материальное поощрение авторов, что немыслимо без процедуры публикации информации об изобретении. В то же время нормы о государственной тайне прямо препятствуют разглашению сведений, связанных с определёнными изобретениями, резко ограничивая возможность открытого обмена знаниями и тем самым сдерживая мотивацию к созданию инноваций. Эти разнонаправленные интересы приводит к правовому конфликту, для урегулирования которого в основном привлекаются нормы патентного

регулирования. Представляется, что действующая в России система не в полной мере согласует требования патентной охраны и необходимость неразглашения сведений, связанных с государственной тайной, что негативно сказывается на балансе интересов изобретателей и государства [3, с.444-447].

Представляется спорным повторение в статье 1405 ГК РФ, ранее закреплённого в статье 30 Патентного закона РФ порядка охраны секретных изобретений, базирующегося на концепции исключительных прав [1]. Возникает убеждение, что существующее нормативное регулирование препятствует полноценному раскрытию научного и технологического потенциала государства, что в перспективе ограничивает возможности Российской Федерации для достижения значимых позиций на мировой арене. Важно учитывать, что каждое изобретение, претендующее на патентную защиту, должно отвечать требованию изобретательского уровня, то есть не являться очевидным для специалиста, исходя из известных, публично доступных сведений. Когда речь идёт о секретных изобретениях, складывается ситуация фактической монополии, основанной не на публикации или конкурентном развитии, а на закрытости информации, предусмотренной законом о государственной тайне. Такой правовой режим лишает смысла наделение владельца исключительными правами, ведь реализация этих прав фактически невозможна без раскрытия сути изобретения. В связи с этим можно считать оправданным положение пункта 3 статьи 1405 ГК РФ, согласно которому нельзя публично предлагать отчуждение патента или заявлять об открытой лицензии на секретное изобретение — данное исключение из общих правил обусловлено требованием сохранения конфиденциальности, так как само наличие исключительного права реализуемо только в условиях ограничения информации [6, с. 221].

Одной из существенных сложностей при применении законодательства о секретных изобретениях становится невозможность свободной реализации исключительных прав на подобные объекты. Главная суть исключительных прав обычно выражается в предоставлении владельцу возможности распоряжаться изобретением по своему усмотрению и извлекать из этого максимальную экономическую выгоду. Однако указанные полномочия оказываются фактически недоступны, поскольку распоряжение секретным изобретением жёстко лимитировано положениями закона о государственной тайне. Как результат, любые действия по передаче или использованию информации о таком объекте допускаются лишь при наличии специального разрешения, выдаваемого Роспатентом или, в случае международного использования, Правительством Российской Федерации.

С получением патента разработчик формально приобретает исключительные права на созданное техническое решение, однако эти права оказываются существенно ограниченными из-за действия режима

государственной тайны, который напрочь исключает возможность свободного распоряжения результатом интеллектуальной деятельности [5, с. 96-101].

Анализируя нормативную практику как зарубежных государств с развитой промышленностью, так и отечественных правовых актов, в том числе периода СССР, целесообразным представляется отказаться от практики выдачи патента на секретное изобретение [7, с. 221-223]. Вместо этого основным подтверждающим документом может быть авторское свидетельство, которое фиксирует исключительно авторство и не предоставляет обладателю исключительного права. Выдачей такого свидетельства занимается Роспатент. После отмены режимов секретности и публичного раскрытия информации предоставляется возможность оформить патент, который обеспечит изобретателю полный набор предусмотренных законом исключительных прав. Необходимо помнить, что на основании статей 9 и 10 закона о государственной тайне изобретение, признанное секретным, фактически переходит под контроль государственного органа. Дополнительно, статья 24 данного акта предусматривает возможность временного ограничения в правах субъектов на использование и передачу конфиденциальной информации [4, с. 269-273].

При эксплуатации изобретения патентообладатель неизбежно сталкивается с ограничениями, обусловленными существующим режимом государственной тайны. Невозможность самостоятельно искать потенциальных лицензиатов или заключать соглашения о передаче прав обусловлена прямой угрозой раскрытия конфиденциальной информации, что противоречит требованиям по неразглашению охраняемых сведений. В такой ситуации все полномочия распоряжения изобретением де-факто переходят к государству, а автор утрачивает возможность осуществлять контроль над дальнейшим использованием результатов своего труда.

Формируется существенный правовой дисбаланс: с одной стороны, государственные органы получают право на эксплуатацию секретных изобретений по своему усмотрению, зачастую без учёта интересов создателя, а с другой — возрастает потребность в надёжной защите информации, представляющей государственную тайну. Для устранения противоречия, связанного с рассогласованием прав и фактических способов использования секретных разработок, рационально законодательно закрепить исключительные права за государством как гарантом национальной безопасности. Такой подход позволит органично объединить функции охраны государственной тайны и реализацию исключительных прав на изобретения. Контроль над использованием секретных технических решений должен осуществляться уполномоченными структурами исполнительной власти, поскольку поддержание информационной безопасности непосредственно связано с интересами страны на стратегическом уровне.

При переходе исключительных прав на секретные изобретения государству крайне важно обеспечить эффективную защиту интересов автора. Материальное вознаграждение не только признает заслуги разработчика, но и мотивирует его к дальнейшим инновациям, поэтому следует предусмотреть выплаты за само создание изобретения, а также отдельные компенсации в случае его внедрения в производство. Распределение обязанностей по выплате может строиться следующим образом: за премирование факта создания отвечает Роспатент, а за вознаграждение при эксплуатации — организация, непосредственно использующая защищенный объект. Государство должно централизованно определить методику оценки и расчета размера авторских выплат, при этом стоит опираться на элементы системы, функционировавшей в советский период, адаптируя их к современным условиям.

В настоящее время в законодательстве отсутствуют четкие процедуры и утвержденные формы для исчисления и оформления авторских вознаграждений по секретным объектам промышленной собственности. Все вопросы, связанные с выплатами, решаются исключительно на основе индивидуальных договоров, что создаёт угрозу нестабильности и неопределенности для изобретателей. Для устранения этого пробела необходимо разработать методические рекомендации — например, инструктивные документы, определяющие подходы к расчету и выплате вознаграждений.

Размер авторского гонорара следует устанавливать исходя из реальной значимости технического решения, что предполагает оценку с использованием утвержденных государственных критериев. Существование вспомогательных методик носит вспомогательный, а не нормативный характер, ведь основное значение имеют непосредственно договорные условия сторон. Вместе с тем систематизация подобных подходов будет способствовать справедливой компенсации авторов и более рациональной защите интересов государственной безопасности, позволяя достичь баланса между стимулированием изобретательства и обеспечением режима секретности.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. – 2006. – № 52. – ст. 5496.
2. Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) "О безопасности" // СЗ РФ. – 2010. – № 295. – ст. 2.
3. Воскресенская Е. В., Гневко А. В. Правовая охрана и защита интеллектуальной собственности: о соотношении понятий // Экономика и социум. — 2017. — № 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: **https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30096061** (дата обращения: 03.11.2025).

4. Воскресенская Е. В. Конституционно-правовое значение интеллектуальной собственности: опыт евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. — 2018. — № 3. — С. 269–273.
5. Лобастов А. А., Исмаилов К. И. Оглы, Воскресенская Е. В. Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности // Социология и право. — 2017. — № 2. — С. 96–101.
6. Михайлова, Н. П. Проблемы правового регулирования секретных изобретений в Российской Федерации / Н. П. Михайлова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 19 (361). — С. 221-223. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: **https://moluch.ru/archive/361/80824**.
7. Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты. — М.: Проспект, 2015. — 248 с.

Ботнарь Алеся Георгиевна
Студентка 3 курса,
Смоленский филиал Международного
Юридического института,
Г. Смоленск, Россия

ТРУДОВАЯ ЗАЩИТА РАБОТНИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ[1]

Botnar Alesya Georgievna,
3rd year student,
Smolensk branch of the International
Law Institute,

LABOR PROTECTION OF AN EMPLOYEE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Аннотация: в данной научной статье поднимается вопрос о проблемах защиты работников в условиях цифровизации, на основании рассмотрения судебной практики Российской Федерации. Также выявлена тенденция развития трудового законодательства с учетом развития IT технологий. В работе подчёркивается значимость трудовой защиты работников, а также рассматриваются эффективные системы для защиты трудовых прав.

Abstract: this scientific article raises the issue of employee protection issues in the context of digitalization, based on a review of the judicial practice of the Russian Federation. A trend in the development of labor legislation has also been identified, taking into account the development of IT technologies. The paper highlights the importance of labor protection for employees and examines effective systems for protecting labor rights.

Ключевые слова: трудовое право, труд, защита прав, работник, работодатель, прогул, увольнение, цифровизация.

Key words: labor law, labor, protection of rights, employee, employer, absenteeism, dismissal, digitalization

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Смоленский филиал Международного юридического института, Пучкова Виктория Викторовна

Проникновение цифровых технологий и автоматизация производственных процессов кардинально преобразуют не только условия труда, но и саму систему его правового регулирования. При этом цифровая трансформация порождает двойственный эффект: наряду с несомненными преимуществами она формирует и принципиально новые угрозы для наемных работников. В данном контексте возникает необходимость проанализировать, каким же образом обеспечивается трудовая защита прав сотрудников в эпоху цифровизации — как в рамках российской юрисдикции, так и в международной практике.

Современный этап развития трудового права характеризуется интенсивной адаптацией нормативной базы к вызовам цифровой эпохи. Законодатель последовательно интегрирует в правовое поле ранее маргинальные формы занятости — дистанционный труд, проектный формат сотрудничества, гибкий режим рабочего времени. Ярким примером этой тенденции служит федеральный закон о дистанционной работе, обретший юридическую силу в 2020 году и установивший сбалансированный регламент взаимодействия сторон трудового договора в виртуальном пространстве [2]. В эпоху повсеместного внедрения систем контроля за рабочим временем и производительностью труда, за сотрудниками закрепляется важнейшая прерогатива — обеспечение конфиденциальности их персональных сведений. Особую актуальность в современных реалиях приобретает проблема обеспечения правовых гарантий для трудящихся в ситуациях, связанных с расторжением трудового договора либо модификацией его условий, инициированной автоматизированными системами на основе алгоритмических решений.

В России функционирует разветвленная система контроля за соблюдением норм трудового права. Она включает, в частности, подачу обращений в инспекции труда. Параллельно реализуются образовательные программы — повышение квалификации и профессиональная переподготовка. Их задача — привести навыки работников в соответствие с запросами цифровой экономики и обеспечить адаптацию к меняющимся условиям. В контексте глобальных регуляторных ориентиров особую значимость приобретает деятельность Международной организации труда (МОТ), которая формирует и имплементирует директивные принципы, гарантирующие охрану прав трудящихся в эпоху цифровой трансформации. Центральный тезис данных инициатив заключается в неукоснительном соблюдении базовых трудовых норм, вне зависимости от специфики формата трудоустройства. Яркой иллюстрацией служит Конвенция МОТ № 177, посвященная трудовым отношениям при неполной занятости: данный документ со всей определенностью фиксирует императив предоставления полноценной юридической защиты лицам, занятым в атипичных формах занятости [1].

Согласно данным многочисленных зарубежных изысканий и аналитических обзоров, формирование безопасной и этичной рабочей среды в эпоху цифровой трансформации предстает насущной задачей. Инвестиционная активность, направленная на образовательные программы и совершенствование цифровой грамотности персонала, приобретает характер фундаментального элемента в системе гарантий трудовых прав.

В 2025 году вопросы трудовых прав остаются актуальными на фоне цифровизации управления персоналом и ужесточения требований к документальному подтверждению уважительных причин отсутствия на рабочем месте. Дело Топорова А.Г., рассмотренное Первым кассационным судом в декабре 2024 года, стало прецедентом, подтверждающим приоритет здоровья работника над формальными нарушениями трудовой дисциплины. Топоров А.Г. с 8 июня 2018 года занимал должность водителя 4 разряда в подразделении «Успенский РЭС» ПАО «Московская объединенная электросетевая компания». Его обязанности включали управление спецтехникой, что требовало ежедневного медицинского осмотра перед выездом согласно Приказу Минтруда № 988н от 2022 г. При проведении анализа данной судебной практики, были выявлены значительные изменения в Трудовом кодексе РФ, а также выявлены тенденции в защите прав сотрудников.

Ключевым моментом конфликта являлся факт того, что работодатель утверждал о самовольном уходе работника в рабочее время без подтверждающих на то документов из медицинского учреждения, с призмы работника, Топоров настаивал о своевременном сообщении о своей болезни, но по тем или иным причинам не смог в установленный срок предоставить медицинскую справку из клиники, в которой он проходил лечение. Далее в 09.15 Топоров прибыл на рабочее место с опозданием, не пройдя соответственно медицинский осмотр из-за отсутствия врача, ключевым моментом в рассматриваемом событии являются действия работодателя с 09:30 и по 16:45 повторно зафиксировал «прогул», несмотря на попытку сотрудника объяснить ситуацию. В последствии 17 ноября 2023 года был издан Приказ об увольнении по статье 81.6 ТК РФ (прогул), а в декабре 2024 года Первый кассационный суд признал увольнение незаконным, сославшись на нарушение процедуры отстранения и право работника на охрану здоровья статья 214 ТК РФ [3].

В следствии нововведения, а также развитии цифровизации следует обратить внимание на правовой анализ данного дела в контексте 2025 года. Обратим внимание на появление новых требований к документарному подтверждению болезни, так с 2024 года в Российской Федерации действует система «Цифровой больничный», позволяющий оформить лист нетрудоспособности через мобильное приложение «Госуслуги. Здоровье» соответственно без посещения клиники. Так же в данном контексте

необходимо выделить Определение Верховного Суда РФ №45- КГ24-3 от 2024, в нем регламентировано что прогулом не считается если работник сообщил о болезни любым способом включая телефонный звонок и мессенджеры, и посетил врача в течении 48 часов согласно п.3 ст. 81 ТК РФ [4].

Следовательно, роль медосвидетельствования для водителей спецтехники обязателен согласно ст. 213 ТК РФ. В 2025 году внедрены IT датчики, фиксирующие давление и температуру автоматически. Но в данном примере с Топоровым в компании используется устаревший журнал, что и привело к противоречиям, то есть запись от 09.10 подтверждала явку, но не учитывала время отсутствия после 13:45.

Современный этап научно-технического прогресса выдвигает на первый план внедрение систем искусственного интеллекта, открывающее путь для масштабных технологических преобразований. Эти изменения несут в себе потенциал кардинального пересмотра самой сущности трудовой деятельности. Несомненно, подобный подход способствует оптимизации ряда процедур. Вместе с тем, его внедрение сопряжено с рядом проблем, которые также требуют тщательного анализа. По оценке Ю.А. Михайленко, к числу тревожных тенденций принадлежит и угроза вытеснения человеческого труда искусственным интеллектом и роботизированными системами; а также глубокая реструктуризация целых экономических секторов, вызванная прогрессом в области 3D-печати и иных революционных технологий, что повлечет за собой массовое высвобождение работников [6, с.30]. По мнению ряда исследователей, в частности Акьюлова и Сковпень, внедрение робототехники неминуемо приведет к вытеснению малоквалифицированного персонала, занятого как на сборочных линиях, так и в сфере административного управления [5, с.140].

Безусловно, определенная доля занятого населения столкнется с исчезновением традиционных профессиональных ниш. Тем не менее, данный процесс сопровождается формированием принципиально новых вакансий, чья функциональная составляющая будет кардинально отличаться от прежней. Ряд технологических операций сохранит зависимость от человеческого фактора, что, в первую очередь, обусловит аномально высокий запрос со стороны рынка труда на IT-специалистов: программистов, системных администраторов и представителей смежных цифровых направлений. Параллельно с этим произойдет тотальная трансформация квалификационных требований, предъявляемых к соискателям.

Современный рынок труда демонстрирует растущий спрос на сотрудников, обладающих высокой адаптивностью к меняющимся условиям профессиональной среды. Ошибочно рассматривать цифровизацию исключительно как источник негативных последствий для персонала. Ярким примером служит сфера образования, где интеграция инновационных решений — таких как дистанционные форматы обучения и применение

специализированного программного обеспечения — создаёт новые возможности. Для педагогов это означает сохранение профессиональной активности, тогда как студенты получают практический шанс гармонично сочетать образовательную и трудовую деятельность.

Следовательно, цифровизацию следует воспринимать как объективную реальность, несущую трудовому праву не только определенные риски, но и открывающую перед ним принципиально новые перспективы, что обусловливает потребность в ее продуманной адаптации. По справедливому замечанию Е.А. Сбитневой, интеграция цифровых технологий в сферу труда предстает насущной потребностью, порожденной глобальными социальными трансформациями, и потому этот процесс носит неотвратимый характер [7, с. 725].

Таким образом, цифровизация породила новые формы труда (дистанционная работа, платформенная занятость). Главный вызов заключается в разграничении признаков трудовых отношений. Защита прав работника сегодня, требует закрепления статуса «Цифровых трудящихся» для того, чтобы они не оставались без таких социальных гарантий как отпуск и больничный.

Библиографический список

1. Конвенция N 177 Международной организации труда "О надомном труде" (Заключена в г. Женеве 20.06.1996) / [Электронный ресурс] URL: https://base.garant.ru/2561529/ (дата обращения: 20.11.2025). - Текст: электронный
2. Федеральный закон "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях" от 08.12.2020 N 407-ФЗ// СЗ РФ. — 2002. — № 1. - ст. 8052.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ (ред. 29.09.2025 г.) / "Российская газета", N 256, 31.12.2001 г.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2024 N 45-КГ24-3-К7 (УИД 66RS0006-01-2022-004299-74) / [Электронный ресурс] URL: **https://legaiacts.ru./sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12032024-n-45-kg24-3-k7/?ysclid=mkdwu69pk200534492** (Дата обращения 21.11.2025) - Текст: электронный
5. Акьюлов Р. И. Роль искусственного интеллекта в трансформации современного рынка труда / Р. И. Акьюлов, А. А. Сковпень // Дискуссия. —2019. —№ 3 (94). — С. 30-40.

6. Михайленко Ю. А. Основные тенденции развития трудового законодательства в условиях цифровизации общественных отношений // Правоприменение в публичном и частном праве: Материалы Международной научной конференции. — Омск, 2020. — С. 140-144.
7. Сбитнева Е. А. Цифровизация в трудовом праве // Эволюция российского права: Материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 2021. — С. 725-729

Виниченко Александр Александрович
студент 2 курса,
Белорусская государственная Орденов
Октябрьской Революции и Трудового
Красного Знамени сельскохозяйственная академия,
г. Горки, Беларусь

Ширяева Ангелина Алексеевна
студентка 2 курса,
Белорусская государственная Орденов
Октябрьской Революции и Трудового
Красного Знамени сельскохозяйственная академия,
г. Горки, Беларусь

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ[1]

Vinichenko Alexander Alexandrovich,
2rd year students,
Belarusian State Agricultural Academy
of the Order of the October Revolution
and the Red Banner of Labor,
Gorki, Belarus
Shiryaeva Angelina Alekseevna
2rd year students,
Belarusian State Agricultural Academy
of the Order of the October Revolution
and the Red Banner of Labor,
Gorki, Belarus

[1] Научный руководитель - старший преподаватель кафедры общепрофессиональных и специальных юридических дисциплин,Белорусская государственная Орденов Октябрьской Революции и Трудовокого Красного Знамени сельскохозяйственная академия, Залещёнок Ольга Михайловна

LAW ENFORCEMENT IN THE SPHERE OF PERSONAL DATA PROTECTION:

BALANCE OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS

Аннотация: *исследование посвящено анализу правоприменения в сфере защиты персональных данных в Республике Беларусь с акцентом на баланс частных и публичных интересов. Рассмотрены правовые основания обработки без согласия, практика взаимодействия операторов с государственными органами и механизмы защиты прав субъектов данных. Предложены рекомендации по снижению рисков нарушения прав и повышению прозрачности процедур обработки.*

Abstract: *the article examines law enforcement practices in personal data protection in Belarus, focusing on balancing private and public interests. It analyzes legal bases for processing without consent, interaction between data controllers and state bodies, and protection mechanisms for data subjects, offering recommendations to enhance transparency and reduce rights violations.*

Ключевые слова: *персональные данные; правоприменение; баланс интересов; оператор; государственные органы; Беларусь.*

Key words: *personal data; law enforcement; balance of interests; operator; government agencies; Belarus.*

Баланс между правом на приватность и публичными интересами при обработке персональных данных представляет собой сложную нормативно-институциональную проблему, обусловленную одновременным ростом объёмов цифровой обработки данных и расширением задач государства в сферах безопасности, здравоохранения, налогообложения и управления. В современных условиях технологического прогресса вопросы соразмерности вмешательства в частную сферу приобретают практическую значимость: от корректного определения правовых оснований обработки до обеспечения адекватных гарантий для субъектов данных.

В международном измерении базовые принципы защиты персональных данных — законность, ограничение целей, минимизация данных, прозрачность и ответственность — закреплены в многосторонних документах и рекомендациях, которые служат ориентиром для национальных законодательств и методик правоприменения. Эти международные ориентиры помогают формировать критерии оценки допустимости обработки в интересах общества и государства и используются при сравнительном анализе национальных режимов защиты данных [3].

В Республике Беларусь ключевым нормативным актом, систематизирующим принципы, права субъектов и обязанности операторов,

является Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных», этот Закон устанавливает требования к обеспечению безопасности обработки и предусматривает ответственность за нарушения.

В содержательной части закона выделены ключевые принципы – законность и справедливость обработки, ограничение целей, минимизация объёма данных, точность и актуальность, ограничение сроков хранения и обеспечение безопасности – которые задают нормативную рамку для операторов и регуляторов.

Закон также вводит институциональные механизмы: реестр операторов персональных данных, требования к назначению уполномоченных лиц у операторов, обязанность вести внутренние политики и реализовывать организационно-технические меры защиты. В последующие периоды закон претерпел изменения и дополнения, направленные на адаптацию к цифровой трансформации и уточнение процедур взаимодействия с государственными информационными системами [2].

Практическую и методологическую поддержку операторам и субъектам данных обеспечивает Национальный центр защиты персональных данных (НЦЗПД), который публикует постатейные комментарии, пошаговые алгоритмы приведения деятельности в соответствие с законом, образцы документов, разъяснения для отдельных отраслей и ведёт реестр операторов. Сайт Центра стал ключевым ресурсом для получения официальных разъяснений и подачи обращений граждан [3].

Постатейные комментарии и методические рекомендации НЦЗПД выполняют роль связующего звена между формулировками закона и практикой: они содержат примеры применения норм, типовые формы документов, рекомендации по оценке рисков и по организации внутреннего контроля, что существенно облегчает соблюдение требований для организаций разного масштаба.

Запуск официального сайта НЦЗПД и публикация отраслевых разъяснений (включая материалы для образовательных учреждений и субъектов малого бизнеса) свидетельствуют о системной политике регулятора по повышению информированности и поощрению проактивного соблюдения норм защиты персональных данных в повседневной деятельности операторов [3].

Наконец, национальная система выстраивается в контексте международных стандартов, которые задают базовые принципы защиты данных — законность, ограничение целей, минимизация и прозрачность.

Модернизация международных стандартов усилила акцент на ответственности операторов и прозрачности процедур, что делает важным соотнесение национальных правил с международными требованиями при формировании критериев «необходимости» и «пропорциональности» обработки персональных данных в публичных целях.

Практические комментарии и аналитика по Convention 108+ подчёркивают, что внедрение обязательных оценок воздействия и чётких процедур уведомления субъектов повышает доверие и снижает риск злоупотреблений при передаче данных государственным органам и третьим лицам, что важно учитывать при адаптации национальных институтов к международным стандартам [1].

Баланс интересов в конкретных делах во многом определяется методическими разъяснениями и практическими рекомендациями, которые публикует Национальный центр защиты персональных данных (НЦЗПД). Центр даёт постатейные комментарии, образцы документов и алгоритмы приведения деятельности операторов в соответствие с законом, что влияет на позицию судов и регуляторов при рассмотрении споров о правомерности обработки и передаче данных [3].

Законодательная база формально закрепляет основания обработки без согласия субъекта (исполнение обязанностей, обеспечение безопасности, охрана здоровья и иные публичные интересы), однако широкие формулировки в тексте закона создают поле для разной квалификации действий: одни операторы и органы трактуют допустимость передачи данных шире, другие — более узко, что отражается в разнонаправленных решениях по делам о разглашении и неправомерной обработке.

На практике ключевые проблемы связаны с процедурной стороной: операторы не всегда документируют правовые основания, уведомления субъектов часто неполны, а проведение оценки рисков и воздействия на защиту персональных данных (DPIA) остаётся редкостью. Это осложняет работу судов, поскольку при рассмотрении спора суду приходится восполнять пробелы в доказательной базе и оценивать соразмерность вмешательства в частную сферу по обстоятельствам дела [2].

Анализ судебной практики показывает рост привлечений к ответственности за незаконное распространение персональных данных и неоднозначность квалификации отдельных действий: суды обращают внимание на контекст обработки (цель, объём, доступность данных), статус нарушителя и наличие или отсутствие надлежащих организационно-технических мер у оператора, что делает каждое дело фактически прецедентным и подчёркивает потребность в типовых решениях и разъяснениях.

Экспертные обзоры и публикации практиков подчёркивают, что статус нарушителя (частное лицо, должностное лицо, оператор) влияет на квалификацию и меру ответственности, но единообразие подходов достигается медленно. Авторы рекомендуют систематизировать судебные решения и публиковать аналитические обзоры для судов и регулятора, чтобы снизить правовую неопределённость [4].

Международные принципы (OECD Privacy Principles) и европейские стандарты предлагают практические ориентиры: ограничение целей, минимизация данных, прозрачность и ответственность. Внедрение обязательных DPIA для высокорисковых обработок и чёткие правила уведомления субъектов при передаче данных государственным органам помогут выровнять практику и укрепить доверие граждан.

Для устойчивого и предсказуемого правоприменения необходимы:

Унифицированные методики оценки необходимости и пропорциональности;

Обязательные DPIA для критичных обработок;

Стандартизированные формы уведомлений и цифровые процедуры обжалования;

Публикация типовых судебных решений и методических кейсов — эти меры снизят разнородность решений и повысят защиту прав субъектов данных [3, 4].

Белорусское регулирование опирается на общие международные принципы приватности — законность, ограничение целей, минимизация данных и прозрачность, которые сформулированы в документах ОЭСР и служат базой для национальных подходов к защите персональных данных. Эти принципы задают методологическую рамку для оценки допустимости обработки в публичных интересах и для разработки процедур, направленных на снижение рисков при массовой обработке данных.

Совет Европы через Конвенцию №108 и её модернизированную версию (Convention 108+) подчёркивает международный характер стандартов защиты данных и необходимость межгосударственного сотрудничества, прозрачности процедур и ответственности операторов. Эти документы особенно полезны при формировании правил трансграничных передач и при согласовании национальных исключений в интересах безопасности и публичного порядка [1].

Сравнительный анализ показывает, что усиление требований к оценке воздействия и прозрачности передачи данных — включая обязательное уведомление субъектов и узкие, чётко описанные исключения — соответствует рекомендациям европейских надзорных органов и взаимодействию с органами третьих стран.

Международные рекомендации подчёркивают, что трансграничные передачи требуют специальных гарантий (адекватность, стандартные договорные положения и т. п.), а национальные исключения для публичных интересов должны быть строго ограничены и документированы. Внедрение таких механизмов в национальную практику позволит сочетать эффективность государственных функций и защиту прав субъектов данных [2, 3].

Рекомендации по гармонизации правоприменения:

1. Внедрить обязательные оценки воздействия на защиту персональных данных (DPIA) для всех высокорисковых обработок. Обязательная DPIA должна стать процедурой, предшествующей запуску проектов с массовой или чувствительной обработкой (например, биометрия, массовый мониторинг, интеграция баз данных с участием госорганов). DPIA фиксирует цели, правовые основания, риски для прав субъектов и меры смягчения, а также документирует принятие решения об обработке; это облегчает последующую проверку со стороны регулятора и судов и снижает количество спорных случаев.

2. Уточнить критерии «необходимости» и «пропорциональности» в нормативных актах и методических рекомендациях. Нужно разработать практические чек-листы и пороговые индикаторы (какие категории данных допустимо обрабатывать, при каких целях, какие минимальные меры защиты требуются), а также примеры «допустимых» и «недопустимых» сценариев. Чёткие критерии позволят операторам обосновывать решения и судам — оценивать их в контексте конкретных дел, уменьшая разнородность правоприменения.

3. Повысить прозрачность при передаче данных государственным органам. Обязать операторов уведомлять субъектов о передаче их данных государственным органам, за исключением строго оговорённых законом случаев (угроза безопасности, следственные тайны и т.п.). Порядок уведомления должен включать содержание запроса, правовую основу передачи и контакт для обжалования; при трансграничных запросах следует применять рекомендации надзорных органов по оценке рисков и правовой совместимости.

4. Упростить доступ субъектов к средствам защиты через цифровые сервисы. Создать единый электронный портал или формы для подачи обращений (запросы на доступ, исправление, удаление, жалобы) с автоматизированной маршрутизацией и сроками ответа; обеспечить возможность подачи через мобильные приложения и электронную подпись. Исследования показывают, что упрощение процедур повышает реальную доступность прав и снижает нагрузку на суды.

5. Развивать практику независимого мониторинга и публикации кейсов. Регулярные отчёты регулятора и независимых исследовательских центров с анализом типовых дел, мотивировок судов и административных решений помогут выработать единообразную практику. Публикация анонимизированных кейсов и методических разборов будет служить ориентиром для операторов и судов и повысит прозрачность правоприменения

Для устойчивого баланса частных и публичных интересов в сфере персональных данных необходима целостная стратегия, сочетающая ясные нормативные критерии, практические инструменты прозрачности и действенные механизмы защиты прав субъектов. Нормативные критерии

должны чётко фиксировать, в каких именно случаях и на каких основаниях допустима обработка без согласия, какие категории данных относятся к особо чувствительным и какие минимальные гарантии требуются при вмешательстве в частную сферу. Это уменьшит правовую неопределённость, сократит разнородность решений операторов и органов и облегчит работу судов при оценке соразмерности мер.

Практические инструменты прозрачности включают обязательные оценки воздействия на защиту персональных данных для высокорисковых обработок, стандартизированные уведомления субъектов при передаче данных государственным органам и внедрение единых цифровых форм для реализации прав субъектов. Такие инструменты не только повышают информированность граждан, но и создают документированную доказательную базу для регуляторов и судов, что делает правоприменение более предсказуемым и обоснованным.

Эффективные механизмы защиты прав субъектов должны сочетать упрощённые и доступные процедуры обжалования с оперативным административным контролем и публикацией типовых кейсов. Цифровизация подачи обращений, автоматизированная маршрутизация запросов и прозрачные сроки рассмотрения обеспечат реальную доступность прав, снизят нагрузку на судебную систему и ускорят разрешение споров. Публикация анонимизированных разборов типичных дел поможет выработать единообразную практику и станет ориентиром для операторов и судов.

Реализация предложенных мер требует поэтапного подхода: сначала — формализация критериев и внедрение DPIA в нормативных актах и методических рекомендациях; затем — создание технической инфраструктуры для уведомлений и цифровых обращений; параллельно — обучение операторов и судей, а также запуск пилотных проектов по мониторингу и публикации кейсов. Такой поэтапный план позволит корректировать меры на основе практики и минимизировать риски для прав субъектов.

В результате последовательной реализации этих мер повысится доверие граждан к институтам, снизится число спорных случаев и улучшится качество правоприменения в сфере персональных данных. Сбалансированная система, основанная на прозрачности, ответственности и доступности средств защиты, обеспечит одновременно эффективность публичных функций и надёжную защиту частной жизни.

Библиографический список

1. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (Convention 108). – Council of Europe, 1981 (consolidated text and protocols). / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Council of Europe (дата обращения: 21.11.2025).

2. Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных». – Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Pravo.by (дата обращения: 21.11.2025).
3. Владимир Самосейко, Судебная практика по персональным данным: важен ли статус нарушителя. / [Электронный ресурс] URL: https://ilex.by/sudebnaya-praktika-po-personalnym-dannym-vazhen-li-status-narushitelya (дата обращения: 24.11.2025).
4. Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. Методические рекомендации, постатейные комментарии, реестр операторов. – Официальный сайт НЦЗПД. / [Электронный ресурс] URL: cpd.by (дата обращения: 24.11.2025).

Вечканова Ангелина Ивановна
студентка 4 курса,
Саратовская государственная
юридическая академия,
г. Саратов, Россия

Пашкова Ксения Сергеевна
студентка 4 курса,
Саратовская государственная
юридическая академия,
г. Саратов, Россия

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ[1]

Vechkanova Angelina Ivanovna,
4rd years students
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia
Pashkova Ksenia Sergeevna,
4rd years students
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia

LEGAL REGULATION OF MUNICIPAL SOLID WASTE MANAGEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Аннотация: *статья посвящена вопросу обращения с ТКО в России, в связи с чем были проанализированы положения Постановления*

[1] Научный руководитель - доцент кафедры земельного и экологического права, кандидат юридических наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия, Сорокина Юлия Викторовна.

Правительства РФ № 293 «О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами». Были выявлены проблемы правовой регламентации и практические сложности с обращением с ТКО в России, а также изучен международный опыт (на примере Германии), что позволило предоставить несколько рекомендаций для обеспечения наиболее эффективной работы с ТКО.

Abstract: *the article is devoted to solving the issue of MSW management in Russia, in connection with which the provisions of the Decree of the Government of the Russian Federation № 293 "On the procedure for solid municipal waste management" were analyzed. In the course of the work, problems of legal regulation and practical difficulties with MSW management in Russia were identified, as well as international experience was studied, using the example of Germany, which made it possible to provide several recommendations for ensuring the most effective work with MSW.*

Ключевые слова: *твердые коммунальные отходы, региональные операторы, сортировка мусора, переработка, обращение с ТКО.*

Key words: *solid household waste, regional operators, waste sorting, recycling, MSW management.*

Вопросы, возникающие по поводу обращения с отходами, до сих пор стоят в нашем обществе особенно остро: огромные площади заняты свалками, они отравляют почву и воду, засоряют атмосферу, в дополнении страдает не только природа, но и здоровье человека находится под угрозой – свалки служат очагами распространения болезней и инфекций. Поэтому для минимизации негативных последствий необходимо уделять значительное внимание проблеме обращения с отходами.

Отметим, что согласно Федеральному закону от 24 июля 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – № 89-ФЗ), твердые коммунальные отходы (далее – ТКО) представляют собой «отходы, образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами, а также товары, утратившие свои потребительские свойства в процессе их использования физическими лицами в жилых помещениях в целях удовлетворения личных и бытовых нужд» [1]. То есть это то, что образуется в повседневной жизни человека: упаковка из-под продуктов, бытовой химии и товаров, среди которых пластик, бумага, картон, стекло, пищевые отходы, старая одежда или бытовая техника

Проблемную ситуацию с бытовыми отходами в России подтверждает принятое 7 марта 2025 г. Постановление Правительства РФ № 293 «О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами», имеющее за собой одну из целей усовершенствование механизмов раздельного сбора ТКО. Далее с 1 января 2025 г. действует государственная программа Национальный проект «Экологическое благополучие», среди целей которой выделяется создание

здоровой и безопасной среды обитания для всех граждан России, что обеспечивается в том числе и путем совершенствования системы обращения с ТКО.

Главным нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность по обращению с ТКО, выступает № 89-ФЗ, где положениям про ТКО посвящена целая в Законе – глава V.1 регулирование деятельности в области обращения с ТКО. Специализированным документом, конкретизирующим вопросы работы с ТКО, является Постановление Правительства РФ № 293 «О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами», которое вводит общефедеральный принцип раздельного накопления отходов [2]. Введено новое положение: региональные операторы – компании ответственные за весь процесс обращения с ТКО, не несут ответственность за сами площадки по сбору мусора, закрепляется переход данного требования на собственников, где для многоквартирных домов таковым выступает управляющая компания, а для частного сектора – местная администрация. На граждан распространяется запрет по оставлению мусора вне контейнеров или рядом с площадкой.

Важное нововведение Постановления Правительства РФ № 293 «О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами» – единая система цветовой маркировки мусорных контейнеров. До 1 января 2030 года необходимо совершить переход на использование контейнеров для отходов специальных цветов: серый – смешанные несортированные отходы, оранжевый – пластмасса, коричневый – пищевые отходы, зеленый – стекло, синий – для нескольких групп однородных отходов. Данное новшество должно способствовать осуществлению более понятного и простого сбора отходов гражданами, а также помочь снижению нагрузки на мусорные полигоны, уменьшить перегруженность мусорных контейнеров.

Соответственно, правила транспортировки отходов устанавливается в каждом конкретном субъекте, в зависимости от правил деятельности регионального оператора. При этом Постановление закрепляет, что в одном транспортном средстве для перевозки не должен происходить вывоз смешанного мусора и вторичного сырья (пластика, стекла, бумаги и пр.) из разных контейнеров, также, мусора и смешанного вторичного сырья из одного контейнера. Верным будет, если смешанное вторичное сырье или вторичное сырье из разных контейнеров вывозят на одной машине, а мусор – на другой. Вторичное сырье даже из разных контейнеров обычно вывозят на одной машине, где уже в дальнейшем он будет подвергнут досортировыванию в мусороперегрузочной станции. Это промежуточная часть, где осуществляется первичная обработка и прессование, далее путь следует на мусоросортировочный комплекс, где идет разделение на перерабатываемые отходы, готовые к использованию во второй раз, и не перерабатываемые, которые подлежат захоронению.

Несмотря на наличие постоянно развивающейся нормативной базы, на практике функционирование системы обращения с ТКО сталкивается с целым рядом проблем в российских реалиях.

Следует отметить несоответствие существующей инфраструктуры заданным правовым требованиям [3, с. 84]. Многие площадки не обеспечены необходимым количеством контейнеров, не осуществляется своевременный вывоз мусора, имеется проблема в виде возникновения «стихийных» свалок. Глава Совета Федерации Валентина Матвиенко пояснила, что в стране не хватает 172 тыс. контейнерных площадок, 423 тыс. контейнеров и более 1,5 тыс. единиц спецтехники [5]. Это мешает эффективной работе по накоплению, раздельному сбору и дальнейшей обработке отходов. Сюда можно отнести и низкий уровень организации процесса сбора и дальнейшей переработки мусора: недостаток специального технического оснащения, в том числе речь идет про транспортные средства.

Далее подчеркнем разграничение полномочий в данной сфере. Разграничение строится на принципе разделения ответственности: федеральная власть устанавливает общие правила и стратегические направления, субъекты РФ реализуют их на региональном уровне, органы местного самоуправления решают локальные задачи, а региональные операторы выполняют операционную деятельность в рамках утвержденных схем и программ. В полномочия РФ в процессе работы непосредственно с ТКО входит: утверждение правил установления предельных тарифов, а также инвестиционных и производственных программ, экологических сборов, установление порядка нормативов накопления, в том числе раздельного и т.д. Регионы также обладают компетенцией в данной области: разработка и реализация региональных программ, определение способа расчета объема и (или) массы ТКО, утверждение порядка накопления ТКО и пр. Ст. 8 указанного Закона особо определяет положение органов местного самоуправления, делит их полномочия в зависимости от вида муниципального образования, общими остаются нормы по созданию и содержанию мест накопления ТКО, определение схем размещения таких площадок. При этом весь процесс контролируется региональными операторами, которые несут ответственность за полный цикл управления ТКО, на них лежит обязанность по заключению договоров с потребителями, информационная деятельность и т.д. Проанализировав данные положения, выявляется следующее: недостаток контроля и прозрачности в деятельности органов власти и местного самоуправления, также уровни развития субъектов значительно варьируются: в ряде регионов нормативно инфраструктурная база слабая, что приводит к диспропорции. Кроме того, координация между федеральным, региональным и муниципальным уровнями недостаточная.

Отходы – это глобальная проблема, отражающаяся на всех странах. Из-за роста потребления мусор растет, специальных предприятий по переработке не

хватает. Однако полностью искоренить данную проблему невозможно, но можно уменьшить негативные воздействия. Так, например, среди всех стран лидирующую позицию по переработке мусора занимает Германия, где утилизируется 68% отходов, 31% подвергаются сжиганию и всего 1% подлежало захоронению. Россия использует иную политику в данной сфере: утилизации подверглись всего 31,8% отходов, 3,1% – сжигание и большинство отходов оказались захоронены – 65,1% [7]. Данные свидетельствуют о том, что в нашей стране переработка не занимает передовых позиций. Утилизация через захоронение является одним из способов уничтожения отходов, но именно оно несет за собой наибольшие проблемы, которые выражаются в загрязнении атмосферы, почв, вод и т.п.

В Германии решению проблем по обращению с отходами подходят с особой серьезностью. Согласно данным Министерства окружающей среды, охраны природы и ядерной безопасности Германии в данной сфере функционирует около 11 тыс. компаний (важно отметить, что в России на данный момент действует примерно 8 тыс. организаций). Германия, как страна, входящая в ЕС, осуществляет работу с отходами на основе Директивы по отходам (2018/851/ЕС), где по иерархии методов обращения наиболее приоритетным выступает именно их переработка или повторное использование, захоронение же выступает как наименее эффективный способ [4, с. 3]. Правовой основой также выступает и национальное законодательство: Закон «Об утилизации отходов», Закон «Об управлении с отходами». Для выполнения задач, предписанных Директивой, члены ЕС не вывозят биоразлагаемые отходы на полигоны, а уже на начальном этапе их образования реализуют их тщательную сортировку. Здесь уже давно действует система цветовых обозначений для контейнеров. Также, что важно для экологической безопасности, действует принцип мультибарьерного хранения ТКО. Он предполагает создание комплексной барьерной защиты почвы посредством укладки рекультивационных прослоек и установки оборудования для перехвата свалочного газа [6].

В Германии активная общественная позиция по вопросам переработки и сортировки мусора. Этому способствует введенный в 2003 г. залог на тару. Как он работает: после использования упаковка подлежит возвращению в соответствующий магазин или специальные автоматы, через которые можно вернуть сумму залога. При этом установлена обязанность каждого гражданина сортировать отходы, независимо оттого многоквартирный это дом или частная территория. В то же время хорошо развита информационная политика государства в сфере обращения с отходами: каждый год осуществляется рассылка по почте с данными о том, что и куда подлежит складывать в контейнеры, в какие дни и время производится вывоз мусора, где находятся пункты приема и пр.

Считаем, что России необходимо перенять некоторый международный опыт, например, опыт Германии. Требуется стимулирование создания и модернизация инфраструктуры для сбора, сортировки, переработки и дальнейшей утилизации ТКО, особое внимание при этом уделить субъектам РФ, что можно осуществить, в частности, через целевые программы или введения стимулирующих тарифов. В дальнейшем, в нормативных актах, закрепить более широкий спектр полномочий государства и муниципалитетов в области контроля за процессом обращения с отходами. Важным является и участие граждан, целесообразно мотивировать общество принимать активное участие в данном процессе: своевременное и полное информационное обеспечение, введение льгот или поощрений. Внедрение всех вышеуказанных мер, обеспечение комплексного подхода, позволит системе обращения с ТКО стать более эффективной, экологически устойчивой и социально справедливой, что соответствует стратегическим задачам развития экономики замкнутого цикла и охраны окружающей среды.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 89-ФЗ (ред. от 31.07.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) «Об отходах производства и потребления» // СЗ РФ. – 1998. – №26. – ст. 3009.
2. Постановление Правительства РФ от 7 марта 2025 г. № 293 «О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами» // СЗ РФ. – 2025. – № 11. – ст. 1165.
3. Нуреев Р.Р., Сыщикова Т.Л. Решение проблемы обращения с твердыми коммунальными отходами как элемент ESG-стратегии / Р.Р. Нуреев, Т.Л. Сыщикова // Вестник Международного института рынка. – 2023. – №1. – С. 83-91.
4. Щерба, В. А. Особенности правового регулирования и обращения с твердыми коммунальными отходами в России и Германии / В. А. Щерба, К. Р. Баранова, Е. А. Абрамова, А. В. Мазаев, К. А. Воробьев // Отходы и ресурсы. – 2023. – № 2. – С. 1- 12.
5. Матвиенко назвала деградацией "мусорную реформу" // URL.: **https://tass.ru/politika/22691203** (дата обращения: 31.10.2025).
6. Работа с ТБО Германии: наука, искусство и порядок // URL.: **https://www.eximpack.com/publikacii/rabota-s-tbo-germanii-nauka-iskusstvo-i-poradok** (дата обращение: 10.11.2025).
7. Статистика переработки мусора 2025: данные по России, ЕС, США, Японии и мировые тренды // URL.: **https://certification.vnesenie-v-reestr.ru/news/statistika-pererabotki-musora-2025-dannye-po-rossii-es-ssha-yaponii-i-mirovye-trendy** (дата обращения: 05.11.2025).

Васильева Полина Дмитриевна
студентка 4 курса,
Смоленский Государственный
Университет,
г. Смоленск, Россия

СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В СПОРАХ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВАХ: ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ СИП И ИХ РОЛЬ ДЛЯ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ[1]

Vasilyeva Polina Dmitrievna,
4rd year students
Smolensk State University
Smolensk, Russia

MEANS OF EVIDENCE IN INTELLECTUAL PROPERTY DISPUTES: LEGAL POSITIONS OF THE IPC AND THEIR ROLE FOR ARBITRATION COURTS

Аннотация: *в статье проводится анализ правовых позиций Суда по интеллектуальным правам (далее - СИП) по вопросам использования средств доказывания в спорах, связанных с защитой интеллектуальных прав. Рассматривается эволюция подходов Суда к оценке допустимости, относимости и достоверности доказательств, в частности, электронных, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и иных. Исследуется влияние данных правовых позиций на формирование единообразной практики арбитражных судов Российской Федерации. Делается вывод о том, что СИП сыграл ключевую роль в адаптации классических институтов доказывания к цифровой среде, выработав гибкие критерии, которые способствуют эффективной защите прав правообладателей.*

[1] Научный руководитель - к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, Сенкевич Виктория Валерьевна

Abstract: *the article analyzes the legal positions of the Intellectual Property Rights Court (hereinafter referred to as the IPC) on the use of evidence in disputes related to the protection of intellectual property rights. The article examines the evolution of the Court's approaches to assessing the admissibility, relevance and reliability of evidence, in particular electronic evidence related to the use of information and telecommunications networks, and others. The influence of these legal positions on the development of uniform practice among arbitration courts of the Russian Federation is examined. It is concluded that the IPC played a key role in adapting classical evidentiary institutions to the digital environment, developing flexible criteria that facilitate the effective protection of copyright holders' rights.*

Ключевые слова: *Суд по интеллектуальным правам, патентное право, средства доказывания, доказательства, обеспечение доказательств, фиксация нарушения, арбитражные суды.*

Key words: *Intellectual Property Court, patent law, means of proof, evidence, securing evidence, recording of infringement, arbitration courts.*

Возникновение интеллектуальных прав связано с созданием объекта интеллектуальной деятельности, их государственной регистрацией или началом использования в зависимости от того, о каком объекте патентного права идёт речь. В связи с этим обстоятельством для правообладателя, обладающего исключительными правами в отношении результата интеллектуальной деятельности в соответствии с положениями главы 72 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3] в отношении объектов патентного права, высока вероятность ситуации, в которой ему необходимо доказать своё правообладание, чтобы пресечь нарушение его прав. И на сегодняшний день это особенно актуально в связи с увеличением появляющихся патентных объектов и иных средств индивидуализации, которые подвержены незаконному использованию, копированию и распространению за счёт информационных ресурсов.

В таких ситуациях лицо имеет право обратиться в арбитражный суд в соответствии со статьёй 27 Арбитражного Процессуального Кодекса (далее – АПК РФ) [2].

В рамках судебной системы РФ свою деятельность также осуществляет Суд по Интеллектуальным правам, являющийся специализированным арбитражным судом в соответствии с ФКЗ от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах РФ» [1], выносящий решения, в которых выражается его мнение, оказывающее влияние на судебную практику.

Закон не устанавливает перечень допустимых доказательств, на основании которых выявляется факт нарушения исключительных прав. Суд имеет право принять различные доказательства, которые предусмотрены нормами АПК РФ, а также те, что были получены посредством сети Интернет, и на это, в том числе, повлиял Суд по Интеллектуальным Правам.

Именно он сыграл ключевую роль в легитимации и определении критериев оценки доказательств в виде распечаток веб-страниц, к которым суды зачастую требуют заверения нотариусом или иного официального подтверждения. Ключевое значение приобрел институт нотариального осмотра сайта в соответствии со статьёй 102 ФЗ от 11.02.1993 № 4462-1 «Об основах законодательства РФ о нотариате» [4]. СИП неоднократно указывал, что протокол нотариального осмотра сайта является допустимым и достоверным доказательством, если он составлен с соблюдением установленной процедуры.

В своих правовых позициях Суд акцентировал внимание на том, что такой протокол должен однозначно идентифицировать сайт, на котором проводился осмотр, например, через указание URL-адреса, дату и время осмотра, а также содержать полное и неизмененное описание всей представленной на странице информации.

Суд по Интеллектуальным правам в постановлении от 27.06.2022 по делу № А18-3502/2021 выразил своё мнение в отношении необходимых характеристик скриншотов при доказывании нарушения исключительных прав в интернете.

Судом было установлено, что предприниматель размещал на маркетплейсах объявления о продаже товаров с нанесенным на них товарным знаком «PULOKA». Правообладатель данного знака подал иск, требуя прекратить незаконное использование и взыскать с ответчика компенсацию в размере 290 тысяч рублей. В обоснование своих требований истец приложил к заявлению скриншоты с сайтов. Первая инстанция отказала в удовлетворении иска. Суд счел представленные скриншоты недопустимыми доказательствами, поскольку они не были заверены нотариусом. Кроме того, было отмечено, что истцом не указана ключевая дата получения информации о нарушении, что влияет на оценку допустимости доказательств. Апелляционная инстанция, пересмотрев дело, пришла к противоположному выводу. Она признала скриншоты допустимыми, указав, что нотариальное заверение для них не является обязательным. На снимках были видны адрес страницы, данные продавца, товар со знаком и название площадки, что позволило суду удовлетворить иск в полном объеме.

Таким образом, мнения судов разделились по двум ключевым аспектам: необходимости нотариального удостоверения скриншотов и наличия на них даты, фиксирующей нарушение.

Разрешить этот спор предстояло Суду по интеллектуальным правам в кассационном порядке. Он признал скриншоты ненадлежащими, согласившись с первой инстанции в вопросе о дате. Суд указал, что без точной даты невозможно установить факт нарушения, особенно в связи с датой предоставления охраны товарному знаку. При этом он сослался на п. 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10, который

подтверждал, что хотя законом не установлен перечень допустимых доказательств, суд вправе принять любые средства доказывания, указанные в процессуальном законодательстве, и в том числе те, что были получены с использованием сети Интернет, с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, и точного времени её получения [5]. В то же время, кассация не поддержала вывод об обязательности нотариального заверения. Сославшись на законодательство о нотариате [4], суд разъяснил, что обеспечение доказательств нотариусом — это право, а не обязанность стороны. Отсутствие нотариального удостоверения само по себе не лишает доказательства юридической силы. Это позволило сделать вывод о том, что действующее законодательство не содержит обязательств об обеспечении доказательств именно нотариальным способом. То есть это является правом стороны процесса, а не обязанностью, а необеспечение доказательств таким способом не лишает их доказательственной силы [7].

Кроме того, СИП выработал гибкий подход, признавая, что наряду с нотариальным осмотром, иные средства фиксации (например, скриншоты, заверенные независимым ИТ-специалистом, данные трекеров, отчеты специальных онлайн-сервисов) также могут быть приняты судом во внимание при условии, что их достоверность не вызывает сомнений и они получены законным путем [9, с.106]. Суд оценивает такие доказательства в совокупности, проверяя их на относимость с другими материалами дела.

В научной литературе поднимается проблема придания электронным доказательствам допустимой формы в суде решается двумя основными путями.

Первым и наиболее надежным способом является предоставление нотариального протокола осмотра цифрового доказательства. Нотариальное заверение скриншотов считается приоритетным, поскольку протокол, составленный нотариусом, обладает повышенной юридической силой. Вместе с тем, судебная практика идет по пути признания допустимыми и простых скриншотов, не удостоверенных нотариусом.

Второй способ — самостоятельное представление распечаток интернет-страниц сторонами дела. Для этого необходимо соблюдение ряда условий: скриншот должен быть надлежащим образом заверен самим участником судебного процесса; на распечатке в обязательном порядке должен быть указан URL-адрес интернет-страницы, с которой она была получена; на документе необходимо зафиксировать точную дату и время создания скриншота [10, с. 575].

В научной литературе присутствует мнение относительно такого средства доказывания как эмодзи. Выражается предположение о том, что нельзя его рассматривать как самостоятельное и однозначное доказательство. Вносить изменения в АПК РФ для их легализации на данном этапе преждевременно. Исходя из принципов свободы договора (ст. 1, 421 ГК РФ), стороны могут

заранее определить юридическое значение конкретных эмодзи, закрепив в договоре их текстовое описание (транскрипцию, например) и значение. Например, можно установить, что этот символ означает акцепт в материально-правовом смысле. Это придаст эмодзи доказательственную силу и исключит двусмысленность, что особенно полезно в предпринимательских отношениях и упростит доказывание в арбитражных судах [8, с. 595].

Для разрешения определённых дел Суд по Интеллектуальным Правам учитывает наличие воли правообладателя на использование патентных объектов и иных средств индивидуализации. Это отображается в Постановлении президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.10.2022 г. № С01-1483/2022 по делу N СИП-1230/2021.

Компания «ГК "Аврора"» обратилась в суд с иском о досрочном прекращении правовой охраны знака обслуживания №333953, принадлежащего «ХК "Бизнесинвестгрупп"», ссылаясь на его неиспользование для услуг 35-го класса МКТУ, таких как продвижение и торговля товарами. К участию в деле был привлечен Роспатент.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска. Не согласившись с этим решением, «ГК "Аврора"» подала кассационную жалобу, в которой просила отменить решение, указывая на его несоответствие обстоятельствам дела и представленным доказательствам. «ХК "Бизнесинвестгрупп"», в свою очередь, представило возражения. В ходе разбирательства суд первой инстанции установил, что сам правообладатель не использовал спорный знак. Однако были представлены доказательства использования знака другим лицом, с которым «ХК "Бизнесинвестгрупп"» заключило лицензионный договор. Суд первой инстанции пришел к выводу, что использование знака этим лицом осуществлялось под контролем правообладателя, что, согласно закону, признается надлежащим использованием, сохраняющим правовую охрану знака. Незначительные расхождения в адресе магазина, по мнению суда, не отменяли самого факта реального применения знака в обороте.

В кассационной жалобе «ГК "Аврора"» оспаривала этот вывод, указывая, что видеозапись использования знака датирована июнем 2021 года, в то время как регистрация лицензионного договора состоялась лишь в августе. По мнению заявителя, суд не исследовал наличие воли правообладателя на использование знака до момента официальной регистрации. Президиум Суд по интеллектуальным правам, проверяя жалобу, дал центральное разъяснение. Он указал, что использование знака лицом «под контролем правообладателя» является самостоятельным основанием и не ставится в зависимость от формальной государственной регистрации лицензионного договора.

Ключевое значение имеет не соблюдение формальностей, а фактическое использование знака в гражданском обороте по воле правообладателя. Подача заявления на регистрацию договора в Роспатент в июне 2021 года была расценена как достаточное доказательство наличия такой воли на момент

использования знака. Что касается довода о несоответствии адреса, президиум поддержал выводы первой инстанции, подтвердив, что видеозапись демонстрирует реальную торговую точку с вывеской, а вопрос регистрации здания не имеет определяющего значения для установления факта использования знака.

Президиум также отметил, что переоценка доказательств, которая была предложена заявителем, не входит в компетенцию кассационной инстанции. Суд первой инстанции правомерно оценил все доказательства в совокупности и пришел к обоснованному выводу.

На основании изложенного президиум Суда по интеллектуальным правам постановил оставить решение суда первой инстанции без изменения, а кассационную жалобу «ГК "Аврора"» – без удовлетворения [6].

На основе анализа правовых позиций СИП можно сделать следующие выводы.

В области электронных доказательств Суд занял прогрессивную позицию, признав, что нотариальное обеспечение доказательств является правом, а не обязанностью истца. Это способствует облегчению порядка представления доказательств для правообладателей. Однако СИП компенсировал это либеральное отношение ужесточением требований к содержанию таких доказательств: скриншоты или иные распечатки должны однозначно идентифицировать сайт (URL), дату и время нарушения, а также весь контекст противоправных действий.

В области оценки доказательств СИП демонстрирует гибкий, но принципиальный подход. С одной стороны, суд допускает к рассмотрению различные средства фиксации (отчеты онлайн-сервисов, данные трекеров), оценивая их в совокупности. С другой — он последовательно отсекает доказательства с низкой степенью достоверности, как это было в случае с противоречивыми свидетельскими показаниями, которые не могут быть единственным основанием для установления авторства.

Системный эффект деятельности СИП заключается в выработке четких и единообразных критериев для всех арбитражных судов. Разрешая коллизии между инстанциями (как в деле о скриншотах), Суд по интеллектуальным правам формирует устойчивую правоприменительную модель, которая обеспечивает баланс между защитой интересов правообладателя и соблюдением процессуальных гарантий для ответчика.

В итоге, СИП действительно играет роль «локомотива», одновременно адаптирующего арбитражный процесс к вызовам цифровой эпохи и также способствующего эффективной защите интеллектуальных прав.

Библиографический список

1. Федеральный Конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «об арбитражных судах РФ» // СЗ РФ. – 1995. – № 18. – ст. 1589.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – ст. 5496.
4. Федеральный закон от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 31.07.2025) «об основах законодательства РФ о нотариате» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – ст. 357.
5. Постановление Пленума Верховного суда РФ № 10 от 23.04.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 7.
6. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.10.2022 г. № С01-1483/2022 по делу N СИП-1230/2021 // [Электронный ресурс] URL: **https://dokipedia.ru/document/5439890** (дата обращения: 19.11.2025). – Текст: электронный.
7. Постановление Суда по Интеллектуальным правам от 27.06.2022 по делу № А18-3502/2021 // [Электронный ресурс] URL: **https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/968709d4-c3e9-42b2-86df-89299406540c/607986ae-19b3-468f-a2ee-a1fb8f2073c9/A18-3502-2021_20220627_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True** (дата обращения: 15.11.2025). – Текст: электронный.
8. Байрамов Н.Х. Отдельные вопросы средств доказывания в арбитражном процессе / Н.Х. Байрамов // Охрана и защита прав и законных интересов в современном мире, сборник статей по результатам III международной научно-практической конференции. Симферополь. – 2024. – С. 591-596.
9. Максимов В.П. Проблемы применения электронных доказательств в арбитражном процессе / В.П. Максимов // Экономическое правосудие на дальнем востоке России. – 2019. – № 4. – С. 105-107.
10. Сазонова М. Электронные доказательства в спорах в сфере интеллектуальной собственности [*Электронный ресурс]*. - Режим доступа URL: https://www.garant.ru/news/1418353/ (Дата обращения: 19.11.2025)

Гайдуков Дмитрий Андреевич
аспирант,
кафедра гражданского права и процесса,
Международный юридический институт,
г. Москва, Россия

ХАРАКТЕРИСТИКА ФИНАНСОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ

Gaidukov Dmitry Andreevich,
graduate student,
Department of Civil Law and Procedure,
International Law Institute,
Moscow, Russia

CHARACTERISTICS OF FINANCIAL RELATIONS INVOLVING STATE CORPORATIONS

Аннотация: *рассматриваются научные позиции относительно финансовых правоотношений с участием государственных корпораций. Обращено внимание на круг проблемных вопросов теоретического и практического характера, в частности, совершенствования финансового контроля за государственными корпорациями. Использовались методы эмпирического анализа и синтеза, сравнительного правоведения, формально-юридический и системный. В результате исследования автором предпринимается попытка сформулировать собственное понятие финансовых правоотношений с участием государственных корпораций и предложить рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в сфере финансового контроля.*

Abstract: *the article discusses scientific positions regarding financial legal relations involving state corporations. Attention is drawn to a range of problematic issues of theoretical and practical nature, in particular, the improvement of financial control over state corporations. The methods of empirical analysis and synthesis, comparative legal studies, formal legal and systemic methods were used. As a result of the study, the author attempts to formulate his own concept of financial legal*

relations involving state corporations and to propose recommendations for improving the current legislation in the field of financial control.

Ключевые слова: *государственная корпорация, финансовые правоотношения, субсидии, финансовое законодательство, финансовый контроль.*

Key words: *state corporation, financial legal relations, subsidies, financial legislation, financial control.*

Финансовые отношения характеризуются тем, что всегда одной из сторон этих правоотношений является орган государственной власти. Профессор М. В. Карасёва акцентировала внимание на том, что возникновение финансовых правоотношений происходит в области осуществления финансовой деятельности государственными и муниципальными структурами [21].

Согласно позиции Е. В. Покачаловой, под финансовыми правоотношениями следует понимать общественные связи, которые регламентируются финансово-правовыми нормами. В рамках таких отношений их участники обладают статусом субъектов юридических прав и обязанностей, осуществляя установленные нормативные требования относительно формирования, распределения и расходования денежных средств публичного характера, включая государственные, муниципальные фонды и доходы [27].

Финансовая деятельность направлена на обеспечение публичных расходов и реализуется государственными структурами и местными властями посредством уполномоченных учреждений. Данная деятельность охватывает формирование, перераспределение и расходование бюджетных ресурсов через специализированные денежные резервы. При этом применяются разнообразные инструменты – от юридических положений и бухгалтерских стандартов до технологических решений и устоявшейся деловой практики [22]. Механизмы реализации включают как универсальные, так и узкоспециализированные методы, а организационные формы варьируются между законодательно закрепленными и неформальными, предполагающими работу как с консолидированными, так и с распределенными финансовыми фондами [23].

Государство возлагает определённые задачи на негосударственные структуры, такие как государственные корпорации и компании, формирующие собственные денежные фонды. Финансово-правовое регулирование охватывает также специфические взаимоотношения этих организаций, поскольку их деятельность направлена на реализацию общественно значимых целей [24]. Таким образом, сфера финансового права распространяется не только на государственный сектор, но и на финансовые операции частных субъектов, когда они служат публичным интересам.

Справедливо указывается на то, что включение субъектов в финансово-правовые отношения в научной доктрине рассматривается через призму нескольких составляющих финансовой правосубъектности [28].

Необходимо подчеркнуть: когда государственные корпорации становятся участниками финансово-правовых отношений, речь идёт о комплексе взаимосвязей по формированию денежных фондов и их использованию, которые требуются государственным структурам для реализации социально важных и публичных задач.

Согласно концепции Н.И. Химичевой, финансовая деятельность государства представляет собой реализацию государственных функций, направленных на систематическое создание, аккумулирование, перераспределение и расходование денежных средств и финансовых ресурсов для достижения целей социально-экономического прогресса, укрепления обороны и национальной безопасности, а также обеспечения функционирования органов государственной власти [29].

Подчёркивается, что неравноправие участников финансово-правовых отношений проявляется через различие в объёме их финансовых прав и обязательств, а также в способах их осуществления. Следовательно, одна сторона таких правоотношений наделена властно-распорядительными правомочиями, в то время как другая обязана следовать установленным властным требованиям [20].

Т. П. Хребтова рассматривает финансовую правоспособность с учётом многоуровневой структуры финансового права, выделяя её компоненты: правосубъектность в сферах бюджетных отношений, налогообложения, валютного регулирования, а также в областях государственного финансирования, страховой деятельности и кредитования. Данный подход представляется обоснованным [31].

По мнению И. В. Бит-Шабо, наличие финансовой правосубъектности у организаций выступает необходимым юридическим условием для возникновения финансовых правоотношений. При этом специфическим компонентом правосубъектности хозяйствующих субъектов является установленный порядок использования денежных средств, образующихся из различных поступлений (источников доходов) [18].

Реальное существование финансово-правовых отношений, где одной из сторон выступают государственные корпорации, становится возможным исключительно при условии наличия соответствующих законодательных положений, которые их регламентируют. Но участвуют ли государственные корпорации во всём многообразии финансовых правоотношений? Например, профессор Ю. А. Крохина выделяет следующие финансово-правовые отношения [19]:

- бюджетные;
- налоговые;

- валютные;
- правоотношения в сфере государственного кредита;
- правоотношения в области страхования;
- правоотношения, возникающие при осуществлении государственных расходов, в том числе и при сметно-бюджетном финансировании;
- правоотношения в области банковской деятельности;
- правоотношения, возникающие в сфере денежного обращения и расчетов.

Указанную классификацию в научной литературе можно дополнить следующими финансово-правовыми отношениями [30]:

9) неналоговые правоотношения;

10) правоотношения при осуществлении различных видов финансового контроля.

По нашему мнению, следует расширить устоявшуюся классификацию финансово-правовых отношений, включив *иные перспективные правоотношения*, которые, в свою очередь, отражали бы такие правоотношения, в которых субъекты финансового права могли бы участвовать в будущем, в частности, в финансовых правоотношениях по использованию цифровых финансовых активов и цифровой валюты [8].

Рассматривая различные способы участия государственных корпораций в финансовых отношениях, мы считаем важным выделить следующие аспекты:

1. В рамках бюджетных отношений возможно предоставление субсидий государственным корпорациям из федерального бюджета в соответствии с положениями Бюджетного кодекса РФ [1].

2. В области банковской деятельности государственная корпорация «ВЭБ.РФ» оказывает банковскую поддержку проектам, связанным с разработкой и внедрением перспективных промышленных технологий, в соответствии с Законом № 82-ФЗ [5].

3. Государственная корпорация «ВЭБ.РФ» может выступать в роли заёмщика по бюджетному кредиту на основании статьи 93.2 Бюджетного кодекса РФ, что является частью правоотношений в сфере государственного кредита [4].

4. Агентство по страхованию вкладов занимается учетом требований вкладчиков к банку и осуществляет выплату возмещения по вкладам, что составляет часть правоотношений в сфере страхования [1].

5. Свободные финансовые средства государственной корпорации могут быть направлены на инвестирование в ограниченный набор активов, включая, например, ипотечные ценные бумаги, что относится к инвестиционным правоотношениям [10].

6. Государственная корпорация «ВЭБ.РФ» выполняет функции агента валютного контроля в рамках валютных правоотношений, о чем говорится в статье 22 Закона № 173-ФЗ [3].

На этом основании следует заключить, что государственные корпорации в своей деятельности *участвуют во всём спектре финансовых правоотношений*.

По нашему мнению, важнейшим вопросом участия государственных корпораций в финансовых правоотношениях остаются *правовые отношения в сфере финансового контроля*.

Согласно научным источникам, финансовый контроль представляет собой процесс, в рамках которого специально уполномоченные структуры, учреждения и должностные лица осуществляют проверку того, насколько действия и финансовые операции подконтрольных организаций соответствуют императивным нормам законодательства и иных регулирующих документов, включая подготовку соответствующей отчётности [1]. Бюджетный кодекс Российской Федерации в статье 266.1 относит государственные корпорации к субъектам, подлежащим государственному финансовому контролю [30].

Е. Г. Негодаева утверждает, что существуют три уровня финансового контроля за деятельностью Агентства по страхованию вкладов с точки зрения институциональной организации: внутренний контроль, обязательный независимый аудиторский контроль и государственный финансовый контроль [25]. Необходимо внедрить эту систему и в другие государственные корпорации для обеспечения эффективного контроля.

На этом основании следует описать *систему финансового контроля за государственными корпорациями.*

Во-первых, функции контроля и надзора в сфере финансов и бюджета, а также анализ финансовых и хозяйственных операций государственных корпораций, согласно ст. 166.1 Бюджетного кодекса РФ, выполняет Федеральное казначейство [1].

Во-вторых, Счётной палате Российской Федерации предоставлены полномочия осуществлять аудиторскую проверку и надзор внешнего государственного характера за деятельностью государственных корпораций [11]. При этом предметом таких аудиторских проверок выступают операции госкорпораций, связанные с использованием, управлением и распределением финансовых ресурсов из федерального бюджета, бюджетных средств государственных внебюджетных фондов, собственности федерального уровня и прочих ресурсов государства [12].

В-третьих, государственные корпорации обязательно проходят аудиторскую проверку в соответствии со статьей 7.1 Закона № 7-ФЗ. Аудиторская организация, будучи коммерческой структурой, проводит независимый анализ финансовой и бухгалтерской отчетности с целью выражения собственного мнения о точности таких данных [2]. Цели таких действий включают в себя обоснование необходимости контроля и анализа использования мер государственной поддержки, таких как субсидии из федерального бюджета и государственные гарантии. Государственная

корпорация «Агентство по страхованию вкладов» имеет право обратиться в суд с заявлением о недостоверности аудиторского заключения о финансовой отчетности кредитных организаций и негосударственных пенсионных фондов, в соответствии со статьей 6 Закона № 307-ФЗ [6].

Многоступенчатая и централизованная система финансового надзора за операциями государственной корпорации «Росатом», по описанию Г. А. Барамидзе, обеспечивает всесторонний контроль правомерности хозяйственных действий подведомственных организаций. Данная система охватывает всю экономическую деятельность корпорации, гарантируя соблюдение финансовых норм как головной структурой, так и зависимыми от неё предприятиями [7]. Кроме того, служба внутреннего финансового контроля играет ключевую роль в мониторинге использования ресурсов специализированных резервных фондов госкорпорации «Роскосмос» согласно положениям статьи 32 Закона № 215-ФЗ, что возлагает на ревизионную комиссию четвёртую важную функцию в этой области [17].

Проиллюстрировать систему органов внутреннего финансового контроля государственных корпораций можно в рамках следующей авторской таблицы:

Таблица 1.

Наименование государственной корпорации	Органы внутреннего финансового контроля	Подотчётность
Государственная корпорация «Росатом»	Ревизионная комиссия, служба внутреннего аудита	Наблюдательный совет
Государственная корпорация «Ростех»	Ревизионная комиссия	Наблюдательный совет
Государственная корпорация «ВЭБ.РФ»	Служба внутреннего аудита	Наблюдательный совет
Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов»	Служба внутреннего аудита	Совет директоров
Государственная корпорация «Роскосмос»	Ревизионная комиссия, служба внутреннего контроля	Наблюдательный совет

Таким образом, систему финансового контроля за государственными корпорациями можно изобразить в следующей авторской таблице:

Таблица 2.

Вид контроля	Орган (организация) финансового контроля		
Внешний контроль	Счётная палата РФ	Федеральное казначейство	Аудиторская организация
Внутренний контроль	Служба внутреннего финансового контроля		

Органы и организации финансового контроля призваны обеспечить проверку хозяйственной деятельности государственных корпораций, поскольку последние обладают большими финансовыми ресурсами. В частности, имущественный взнос РФ в государственную корпорацию «ВЭБ.РФ» на реализацию проектов развития монопрофильных муниципальных образований: 1 657 827,3 тыс. рублей на 2024 г., 1 596 361,4 тыс. рублей на 2025 г., 1 596 361,4 тыс. рублей на 2026 г.; имущественный взнос РФ в государственную корпорацию «Ростех», в том числе для осуществления последующего взноса в уставный капитал публичного акционерного общества «Объединенная авиастроительная корпорация» в целях реализации проектов гражданского авиастроения: 5 246 438,4 тыс. рублей на 2024 г., 1 572 204,3 тыс. рублей на 2025 г., 449 222,4 тыс. рублей на 2026 г. [9].

Внешний государственный аудит проявляется в деятельности Счётной палаты РФ по проверки государственных корпораций. По итогам проверки деятельности госкорпорации «Роскосмос» за 2023 год, а также прогнозируемые периоды 2024-2025 годов, Счётная палата Российской Федерации зафиксировала ряд ключевых нарушений и проблемных моментов [13].

Как и в предыдущие годы, существенную часть выявленных отклонений составили проблемы, связанные с распределением и расходованием грантов и субсидий, выделяемых юридическим лицам. Всего было обнаружено 246 случаев таких нарушений, общий объём которых достиг 9,7 миллиардов рублей. При этом наибольший объём средств – порядка 4,2 миллиарда рублей – пришёлся на нецелевое использование и некорректное распределение субсидий среди публично-правовых компаний, государственных корпораций и аналогичных структур.

Ревизия Счётной палаты Российской Федерации зафиксировала в госкорпорации «Росатом» пять различных нарушений и недочётов, включая финансовые отклонения, общий объём которых составил 686,5 миллионов рублей [14].

Проблемные области охватывали:

- недостатки в формировании и утверждении реестра (карты) коррупционных рисков, а также плана мероприятий по их снижению и другие аспекты;

- нарушения в сфере надзора за работой подчинённого администратора доходов – федерального казённого учреждения «Дирекция космодрома «Восточный»;

- отчётность и предоставление субсидий с несоответствиями по их фактическому расходованию;

- несоблюдение законодательства о контрактной системе в процессе его применения [15].

Таким образом, на первый план выходят *проблемы финансового контроля за деятельностью государственных корпораций.* Поскольку государственные корпорации управляются людьми, а значит, подвержены изъянам человеческой природы, что кратко обозначили ранее, наделение этих организаций широкими полномочиями по распределению ресурсов государства порождает постоянные риски финансовых потерь. Указанное обстоятельство позволяет предложить закрепление механизма по дополнительному финансовому контролю за государственными корпорациями со стороны иных федеральных органов государственной власти. Ранее в Государственную Думу РФ поступал законопроект с концепцией того, чтобы общим контролирующим органом становилось Федеральное Собрание [16]. Авторы законопроекта указали в сопроводительных материалах на неэффективность существующих требований к отчётности госкорпораций перед кабинетом министров, отметив невозможность достижения оптимальных результатов работы при текущей системе.

С другой стороны, действенным способом может являться создание федерального закона о финансовом контроле за деятельностью государственной корпорации. В зарубежных странах, например, в США, действуют законы о контроле за правительственными корпорациями [26]. Однако в такой акт следует включить те законоположения, которые учитывали бы предыдущий нормативный опыт, в частности, обозначенную ранее систему органов и организаций финансового контроля.

В качестве заключения настоящего исследования следует тезисно указать выводы:

1. Сформулировано понятие финансово-правовых отношений с участием государственных корпораций. Это устойчивые правовые связи, урегулированные нормами финансового права и возникающие по поводу аккумулирования, распределения (перераспределения) и использования фондов денежных средств государственных корпораций для обеспечения публичных интересов.

2. Обосновано, что государственные корпорации участвуют в следующих видах финансовых правоотношений:

- бюджетные;
- банковские;
- страховые;

- налоговые;
- правоотношения по государственному кредиту;
- инвестиционные;
- валютные;
- правоотношения по поводу финансового контроля;
- иные перспективные правоотношения.

3. Обозначена проблема совершенствования финансового контроля за деятельностью государственных корпораций. По нашему мнению, решение указанной проблемы лежит в принятии федерального закона «О финансовом контроле за государственными корпорациями», который бы осуществлял правовое регулирование системы органов государственной власти и организаций в сфере финансового контроля и аудита хозяйственной деятельности государственных корпораций.

Считает целесообразным ввести в указанный нормативный правовой акт следующее законоположение:

«Единоличный исполнительный орган государственной корпорации ежегодно и лично представляет на заседании палатам Федерального Собрания отчёт о состоянии государственной корпорации и о проделанной работе».

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. –*19*.98–. № 31. – ст. 3823; СЗ РФ. – 2025. – № 31. – ст. 4657.
2. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. – 1996. –№ 3. – ст. 145; СЗ РФ. – .2025. – № 31. – ст. 4667.
3. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. – .2003. – № 50. – ст. 4859; СЗ РФ. – .2024. – № 53 (ч. I). – ст. 8532.
4. Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003 (часть I). – № 52. – ст. 5029; СЗ РФ. –2025. –№ 31. – ст. 4707.
5. Федеральный закон от 17.05.2007 № 82-ФЗ «О государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ"» // СЗ РФ. –2007. –№ 22. – ст. 2562; СЗ РФ. –2023. – № 29. – ст. 5317.
6. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // СЗ РФ. –2009. – № 1. – ст. 15; СЗ РФ. –.2024. – № 53 (ч. I). – ст. 8491.
7. Федеральный закон от 13.07.2015 № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности "Роскосмос"» // СЗ РФ. –2015. – № 29 (ч. I). – ст. 4341; СЗ РФ. –2025. –№ 28. – ст. 3841.
8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. –2020. – № 31 (ч. I). – ст. 5018; СЗ РФ. –2024. –№ 53 (ч. I). – ст. 8532.
9. Федеральный закон от 27.11.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // СЗ РФ. –2023. – № 49 (ч. I); СЗ РФ. –2025. – № 26 (ч. I). – ст. 3482.
10. Постановление Правительства РФ от 21 декабря 2011 г. № 1080 «Об инвестировании временно свободных средств государственной корпорации, государственной компании» // СЗ РФ. –2012. – № 1. – ст. 125; СЗ РФ. –2025. –№ 36. – ст. 5368.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2023 № 1543 «Об утверждении Правил осуществления Федеральным казначейством функций по контролю (анализу) финансовых и хозяйственных операций государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний и хозяйственных обществ, в уставном капитале которых доля прямого или косвенного участия Российской Федерации превышает 50 процентов, на основании поручений Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Министра финансов Российской Федерации» // СЗ РФ. –2023. – № 39. – ст. 7050.
12. Постановление Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 07.09.2017 № 9ПК «Стандарт внешнего государственного аудита (контроля) СГА 101 "Общие правила проведения контрольного мероприятия"» // Официальный сайт Счётной палаты РФ. – URL: https://ach.gov.ru/about/.
13. Отчет о работе направления аудита государственного управления Счетной палаты Российской Федерации в 2024 году // Официальный сайт Счётной палаты РФ. – URL: https://ach.gov.ru/about/.
14. Отчет о работе направления аудита промышленности и технологического развития Счетной палаты Российской Федерации в 2024 году // Официальный сайт Счётной палаты РФ. – URL: https://ach.gov.ru/about/.
15. Отчет о работе направления аудита в сфере закупок, энергетического комплекса и СМИ в 2024 году // Официальный сайт Счётной палаты РФ. – URL: https://ach.gov.ru/about/.
16. Законопроект № 758772-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в связи с введением отчетности государственных корпораций и отдельных государственных компаний перед Федеральным Собранием Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/758772-7.
17. Барамидзе Г. А. Правовое регулирование финансового контроля государственных корпораций (на примере Государственной Корпорации «Росатом») // Актуальные проблемы российского права. — 2016. —№12 (73). — С. 79.

18. Бит-Шабо И. В. Бюджетные учреждения как субъекты финансового права: 12.00.14: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. —С. 12.
19. Валютное право: Учебник для ВО / Под редакцией Ю.А. Крохиной. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2022. — С. 47.
20. Землин А. И. Финансовое право: учебник для среднего профессионального образования / А. И. Землин, О. М. Землина, Н. П. Ольховская; под общей редакцией А. И. Землина. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. —С. 38.
21. Карасева М. В. Финансовое правоотношение: 12.00.12: дис. … д-ра юрид. наук. Воронеж. 1998. — С. 16.
22. Карасева М. В. О предмете финансового права в современных условиях // Вестник ВГУ. Серия: Право. —2019. — №4 (39). —С. 189.
23. Мошкова Д. М. К вопросу о субъектах финансового права // Актуальные проблемы российского права. —2016. —№ 11 (72). — С. 73.
24. Мошкова Д. М. Государственные корпорации как субъекты финансовых правоотношений: монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. М., 2012. — С. 126.
25. Негодаева Е. Г. Агентство по страхованию вкладов как субъект финансового права: 12.00.14: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2012. —С. 9.
26. Пухова М. М., Кривцова М. К., Цихоцкий Ф. Н., Свиридова Е. С. Опыт управления государственными корпорациями в зарубежных странах и его применение в России // Вестник евразийской науки. —2014. — №4 (23).
27. Покачалова, Е. В. Публичные долговые обязательства и бюджетные обязательства в финансовых правоотношениях: теоретические аспекты / Е. В. Покачалова, Л. С. Дорошок // Вестник Саратовской государственной юридической академии. —2023. —№ 2 (151). —С. 251-259.
28. Стриханова Д. М. Государственные корпорации как субъекты финансовых правоотношений: 12.00.14: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2010. — С. 7.
29. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. М.: Норма; ИНФРА-М, 2017. —С. 87.
30. Финансовое право: учебник для вузов / под редакцией Г. Ф. Ручкиной. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. —С. 73.
31. Хребтова Т. П. О соотношении понятий финансовой правосубъектности и правосубъектности других отраслей права // Вестник МФЮА. —2017. — № 4. —С. 169.

Добында Светлана
студентка 4 курса Смоленский
государственный университет
г.Смоленск, Россия

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ[1]

Dobynda Svetlana
4th-year student Smolensk State University
Smolensk, Russia

ELECTRONIC JUSTICE IN ARBITRATION PROCEEDINGS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PRACTICE OF APPLICATION

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу проблем правового регулирования и практики применения электронного правосудия в арбитражном процессе. Актуальность темы обусловлена системным противоречием между потребностями цифровой экономики, требующей оперативного разрешения споров, и консервативностью арбитражного процессуального законодательства. В работе выявлен и анализируется ряд ключевых проблем: отсутствие легального определения термина «электронное правосудие», порождающее терминологическую неопределенность; проблема распределения рисков при технических сбоях в информационных системах суда (на примере системы «Мой арбитр»), ведущая к необоснованному пропуску процессуальных сроков; неопределенность момента подачи электронного документа; а также правовые и технические пробелы в использовании видеоконференц-связи (ст.*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Сенкевич Виктория Валерьевна.

153.1 АПК РФ), создающие угрозу злоупотребления правами и несоблюдения судебного порядка. На основе проведенного анализа автором предлагается авторское определение электронного правосудия и формулируются конкретные законодательные инициативы, в том числе проект дополнения статьи 4 АПК РФ. В заключение обосновывается необходимость системного совершенствования арбитражного процессуального законодательства для повышения эффективности и доступности правосудия в условиях цифровой трансформации.

Abstract: *the article is devoted to a comprehensive analysis of the problems of legal regulation and the practice of using electronic justice in the arbitration process. The relevance of the topic is due to the systemic contradiction between the needs of the digital economy, which requires prompt dispute resolution, and the conservatism of arbitration procedural legislation. The paper identifies and analyzes a number of key problems: the lack of a legal definition of the term "electronic justice", which generates terminological uncertainty.; the problem of risk distribution in case of technical failures in the court's information systems (using the example of the "My Arbitrator" system), leading to an unjustified omission of procedural deadlines; uncertainty of the moment of filing an electronic document; as well as legal and technical gaps in the use of videoconferencing (art. 153.1 of the APC RF), posing a threat of abuse of rights and non-compliance with judicial procedure. Based on the analysis, the author proposes an author's definition of e-justice and formulates specific legislative initiatives, including a draft supplement to Article 4 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. In conclusion, the need for systematic improvement of arbitration procedural legislation is substantiated in order to increase the efficiency and accessibility of justice in the context of digital transformation.*

Ключевые слова: *электронное правосудие, арбитражный процесс, цифровизация правосудия, «Мой арбитр», технические сбои, процессуальные сроки, видеоконференц-связь (ВКС), Федеральный закон № 220-ФЗ, правовые пробелы, Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ).*

Key words: *electronic justice, arbitration process, digitalization of justice, "My Arbitrator", technical failures, procedural deadlines, videoconference communication (VCS), Federal Law No. 220-FZ, legal gaps, Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (APC RF).*

Актуальность исследуемой темы обусловлена системными противоречием между стремительной цифровизацией экономических отношений и консервативным характером арбитражного процессуального законодательства. Современный бизнес-оборот функционирует в режиме высокой скорости и глобализации, требует быстрых средств судебной защиты. В этих условиях затяжные судебные процессы, связанные с бумажным документооборотом, становятся тормозом экономического развития.

Термин “электронное правосудие” характеризуется существенным пробелом в законодательстве. Отсутствие легального определения создает терминологическую неопределенность и затрудняет системное толкование процессуальных норм. На основе изученных материалов, сформулировано мной было следующее определение электронное правосудие - это научно-правовая категория, которая представляет форму осуществления судопроизводства, при которой основные процессуальные действия (подача документов, их обработка, хранение, проведение заседаний) совершаются с использованием цифровых технологий в специальной информационной системе, обеспечивающей равнозначность электронных и бумажных процедур [5 с. 112-125].

Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ сыграл системообразующую роль, переломной и системообразующей для развития электронного правосудия. Данный нормативный акт закрепил принцип равной юридической силы электронного и бумажного документа, создав законодательную основу для полномасштабного перехода к цифровому судопроизводству. Таким образом, закон выступил фундаментом в развитии российского электронного правосудия. При отсутствия данного закона - оставалось бы фрагментарным. И не было бы достигнуто того уровня эффективности и доступности, который мы наблюдаем на сегодняшний день.

Одна из самых известных систем на данный момент в Российской Федерации - “Мой арбитр” [9]. Внедрение данной системы стало ключевым элементом цифровизации арбитражного процесса, однако стоит отметить, что повседневная эксплуатация данной систем выявила ряд системных проблем для участников арбитражного процесса.

Наиболее острой является проблема распределения рисков при технических сбоях. В действующей редакции АПК РФ отсутствуют нормы, определяющие последствия неисправности информационно-телекоммуникационной инфраструктуры арбитражного суда. Это создает ситуацию, при которой участник процесса несет необоснованные риски пропуска процессуальных сроков по причинам, от него не зависящим. Для решения данной проблемы предлагается дополнить статью 4 АПК РФ положением следующего содержания: "В случае невозможности подачи документов в электронном виде по причине технического сбоя (неисправности) в работе информационно-телекоммуникационной инфраструктуры арбитражного суда или государственных информационных систем, взаимодействующих с системой арбитражного суда, подтвержденной документально, действия лица, направленные на подачу документов в установленный процессуальный срок, считаются своевременными. Бремя доказывания отсутствия технического сбоя лежит на арбитражном суде" [1 с. 3012].

Еще одной значимой проблемой является определение процессуального момента подачи документ. На практике возникает такая ситуация, что заявитель отправляет документ вовремя, однако обработка документов может занимать от нескольких секунд до нескольких часов. Соответственно происходит ситуация, при которой документ формально существует в системе, а юридически он отсутствует для суда, и не находится в распоряжении суда. То есть лицо пропустило срок, но не по собственной вине, а по вине обработки данных. Таким образом, в данном случае необходимо закрепить, что документ получивший идентификатор “отправлено” считается поданным в срок [4].

Важным институтом в сфере арбитражного судопроизводства является - институт видеоконференц-связи регламентированный статьей 153.1 АПК РФ, призван обеспечить доступ к правосудию и экономии времени для участников процесса. Однако на практике данный институт выявил фундаментальные проблемы судопроизводства, так и технические аспекты его осуществления [3].

Неоднозначная формулировка ст.153.1 АПК, так в данной статье сказано, что в случае предоставление ходатайство о проведение судебного заседания в видеоконферен-связи, суд вправе удовлетворить данное ходатайство. Законодатель не установил четких требований по проведению такого судебного заседания. Это приводит к правовой неопределенности, порождающие злоупотребление правом и неравенством сторон. Таким образом, данная статья требует конкретизация и детализации для основания проведения такого судебного заседания или оснований отказа.

Стоит отметить, что проведение такого рода судебного заседания приводит к тому, что может быть не надлежащий порядок поведения в судебном заседании. Виртуальное присутствие участников умаляет традиционные рычаги давления для поддержания судебного порядка на участников судебного заседания, предусмотренные статьей 154 АПК РФ. В первую очередь проблема возникает с идентификацией личности, так как судья не может проверить документы, удостоверяющие личность в полной мере и объеме. Далее стоит отметить, что судья в полной мере не может пресечь некорректное поведение участников судопроизводства. Также суд не имеет возможности проверить не оказывается на лиц участвующих в разбирательстве давление, находящихся вне зоны видимости камеры [8 с.607].

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости системного совершенствования арбитражного процессуального законодательства в сфере электронного правосудия. Требуется:

Закрепление легального определения электронного правосудия.

Установление четкого механизма распределения рисков при технических сбоях.

Детализация оснований использования видеоконференц-связи.

Разработка процессуальных гарантий обеспечения порядка в виртуальном судебном заседании.

Реализация этих мер будет способствовать повышению эффективности и доступности арбитражного судопроизводства в условиях цифровой трансформации экономики.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – ст. 3012.
2. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СЗ РФ. – 2016. – № 26 (Часть I). – ст. 3889.
3. О некоторых вопросах, связанных с рассмотрением, дел в арбитражных судах с использованием системы видеоконференц-связи: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 99 // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 3.
4. Об утверждении Порядка подачи документов в арбитражные суды Российской Федерации в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 (ред. от 27.04.2023) // [Официальный интернет-портал правовой информации]. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.11.2025).
5. Исаенкова О. В. Электронное правосудие в арбитражном процессе: новые вызовы и перспективы // Закон. – 2020. – № 5. – С. 112–125.
6. Клеандров М. И., Абушенко Д. Б. Цифровая трансформация правосудия: проблемы и риски // Журнал российского права. – 2021. – № 3. – С. 5–19.
7. Решетникова И. В. Цифровизация гражданского и арбитражного судопроизводства: от электронного документа к искусственному интеллекту // Арбитражные споры. – 2019. – № 2. – С. 5–15.
8. Ярков В. В. Арбитражный процесс: учебник для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2022. – 607 с.
9. Информационная система «Мой арбитр» // URL: https://my.arbitr.ru (дата обращения: 14.11.2025).
10. Официальный сайт Арбитражного суда г. Москвы // URL: https://mos—arbitr.ru (дата обращения: 14.11.2025).

Дрогалина Екатерина Алексеевна
студентка 4 курса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

ПРОБЛЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА[1]

Drogalina Ekaterina Alekseevna,
4th year student,
Smolensk Branch of the International
Law Institute,
Smolensk, Russia

THE PROBLEM OF ABUSE OF THE PROCEDURAL RIGHTS OF THE CIVIL PROCESS

Аннотация: *в ходе судебных разбирательств участники любого процесса обладают четко определенными правами и обязанностями, прописанными в нормативно-правовых актах. Процессуальный статус участников предполагает возможность использовать различные законные методы и способы осуществления этих прав, однако, практика судебных процессов показывает, что нередко под обликом законности, будь то подача ходатайств, отложения заседаний и многое другое, скрывается попытка лица намеренно затянуть процесс, нанести вред процессуальным правам других участников и максимально отложить выяснение истины по делу. Такие действия принято считать злоупотреблением процессуальными правами, и в данной статье автор рассматривает обстоятельства, способствующие совершению злоупотреблений, мнения ученых на этот счет и возможности урегулирования проблемы путем внесения изменений в законодательство.*

[1] Научный руководитель -доцент кафедры "Гражданского права и процесса" (отделение Смоленского филиала) Международного юридического института, Сенкевич Виктория Валерьевна

Abstract: *in the course of judicial proceedings, participants in any process have clearly defined rights and obligations prescribed in regulatory legal acts. The procedural status of the participants implies the possibility to use various legal methods and ways of exercising these rights, however, the practice of judicial processes shows that often under the guise of legality, whether it is filing petitions, postponing meetings and much more, hides an attempt by a person to deliberately delay the process, harm the procedural rights of other participants and postpone the clarification of the truth of the case as much as possible. Such actions are considered to be an abuse of procedural rights, and in this article the author examines the circumstances that contribute to the commission of abuse, the opinions of scientists on this issue, and the possibility of resolving the problem by making changes to legislation.*

Ключевые слова: *цивилистический процесс; злоупотребление процессуальными правами; участники процесса; процессуальный статус; судопроизводство; процессуальные действия.*

Keywords: *civil process; abuse of procedural rights; participants in the process; procedural status; legal proceedings; procedural actions.*

Конституционные нормы РФ предполагают возможность гражданам защищать свои права любым доступным им способом, если этот способ не противоречит законодательству. Так, например, лица свободны в своей возможности обращаться в суд, представлять доказательства, участвовать в судебном разбирательстве, оспаривать решения судов и так далее.

При этом, при осуществлении своих законных прав по судебной защите лица могут применять правомерные средства как в положительном ключе, используя процессуальные средства для того, чтобы в самом деле защитить свои права, так и для того, чтобы затягивать процесс судебного разбирательства, нанося тем сам вред как другим участникам процесса, так и самому суду. В юридической традиции подобное использование законных процессуальных действий с целью причинения вреда другой стороне принято называть «злоупотреблением права».

На сегодняшний день тема злоупотреблений в цивилистическом процессе носит достаточно дискуссионный характер. Ученные и практики гражданского и арбитражного процесса сходятся в мнениях о том, что злоупотребления правом являются сложным и многогранным, а в большей степени межотраслевым институтом. Говоря об этом, кажется разумным назвать их деструктивным видом правомерного поведения сторон-участниц судебного разбирательства. При этом, уточняя понимание деструктивности, подчеркивается именно то обстоятельство, под которым понимается причинение такими действиями вреда для других участников, хотя и подразумевается, что действие совершенно правомерно и в рамках закона.

Эта позиция подтверждается выводами В. В. Хрулевой и А. Н. Мануковской, по результату анализа рассмотренных ими теоретических взглядов юристов в отношении правовой природы злоупотребления правами. Согласно этими выводам все юристы сходятся в том, что различные виды злоупотреблений объединены общностью конкретной идеи, а именно: «реализацией субъективного права вопреки его назначению, с целью причинения вреда другой стороне или уклонения от исполнения процессуальной обязанности» [7, с. 87].

На данный момент принято считать, что механизм защиты от злоупотребления правом в цивилистическом процессе РФ достаточно слабо разработан, в связи с чем, эта тема и порождает множество обсуждений вокруг себя. Главными проблемами в этой области на сегодняшний день можно обозначить следующие тематические направления: во-первых, отсутствие легального определения понятия «злоупотребления» и его признаков и вытекающая из этого сложность отграничения доподлинно правомерного поведения от деструктивного; во-вторых, неясности с санкционными мерами к лицам, злоупотребляющим своими правами; в-третьих, характер санкции и положение суда в отношениях, вызванных необходимостью их применения.

По отношению к легальному определению злоупотребления правом, его разработки и внесения в ГПК и АПК РФ теоретики сходятся в едином мнении – необходимости в этом нет. Разработка и принятия такого определения не только не привнесет в процесс простоты и ясности, но и, вероятнее всего, обострит проблему. В сложившихся условиях суд на свое усмотрение, руководствуясь внутренними убеждениями и собственной осмотрительностью может сделать вывод о возможном злоупотреблении или же его отсутствии. Легальное определение же существенно ограничит судьей в их возможности принимать решения относительно использования сторонами правовых средств защиты своих прав. Учитывая эти обстоятельства сложно согласиться с мнением Гасанова З.Э., указывающего на прямую необходимость раскрытия понятия злоупотребления и его характеристик [4, с. 637].

Однако, не так все однозначно в части признаков, которые предлагают различные ученые для того, чтобы отграничить злоупотребление от добросовестного применения процессуальных средств защиты права. Так, Мирзоян А.Г. выделяет в части признаков злоупотребления только то, что оно является процессуальным действием, направленно на подрыв цели судопроизводства с переворачиванием принципа состязательности и виновность действий в форме умысла [5, с.510-516]. Россохина А.А. и Коробкин Э.А. выделяют больше признаков, указывая не только на уже указанные, но и на квазиарную правомерность действия, а также на роль судьи в процессе принятия решения относительно того, является ли действие злоупотреблением [6].

Принимая во внимание все названные признаки, кажется справедливым заметить также и то, что процессуальные злоупотребления являются действиями конкретных лиц, а значит обладают узко обозначенным субъектным составом. Именно специфичность злоупотребителя определяет разновидность конкретного злоупотребления, что, в свою очередь, также выступает характерным признаком этого института.

Учитывая указанные сложности и спорные моменты для судов особое значение имеет возможность отграничения злоупотребления процессуальным правом от его добросовестной реализации для защиты своих интересов. Указывая на это С. В. Баганова уточняет важный аспект, к которому, на наш взгляд, следует обращаться судьям при принятии решений о злоупотреблении, а именно аспект ограниченности реализации права правом другого [3, с.755]. То есть, добросовестное применение процессуального права не должно нарушать прав других лиц, но должно отвечать необходимости интересов его применителя, в ином случае оно является способом препятствования правосудию, а значит – недопустимо.

Другим важным и спорным моментом является вопрос санкций, относительно упоминаемого нами ранее субъекта, чьи действия были признаны судом направленными на обструкцию разбирательства. Особую обеспокоенность вызывает отсутствие как в ГПК, так и в АПК понятия процессуального правонарушения, которым, в идеале и является злоупотребление. На практике, разумеется, ответственность за злоупотребления в процессе носит форму гражданско-правовой ответственности, и имеет довольно скромный набор мер реагирования – в частности, это лишь штраф за потерю времени в гражданском процессе. В этом плане арбитраж ушел чуть дальше, разбавив штрафные санкции, например, возможным отказом в удовлетворении ходатайства или заявления, поданного несвоевременно, что, однако, применяется судами не так часто, как это представляется необходимым. Из этого проистекает одна из основных проблем понимая ответственности по злоупотреблениям процессуальными правами. Дело в том, что фактически, меры процессуально-правовой защиты (которых нет в ГПК) являются не столько мерами ответственности за действие, сколько необходимой меры процессуальной защиты, реализуемой в самом процессе, в то время как меры материально-правовые, а конкретно – штраф, как раз таки и выступают мерами ответственности. При этом, исходя из логики процесса как такового, можно прийти к выводу о том, что защита имеет гораздо более приоритетное значение над той же самой ответственностью, но при этом, в гражданском процессе ее не только не применяют, но она не внесена даже в закон, как существующая. В связи с этим возникает вопрос о том, работает ли вообще система санкций для этого института. Более того, сам факт применения материально-правовой ответственности в некоторых процессуальных случаях заставляет задуматься о логичности и последовательности такого применения.

В частности, например, наложение штрафа на лицо, которое не предоставляет истребуемое судом доказательство согласно ст. 66 АПК, что является применением норм материальной ответственности, но при этом же, если сторона, обязанная доказывать свои требования или возражения, удерживает находящиеся у нее доказательства и не представляет их суду, суд вправе обосновать свои выводы объяснениями другой стороны – что в свою очередь является способом процессуальной защиты. Эти сложности, а главное, отсутствие в процессуальных кодексах понятия процессуальных правонарушений значительно осложняет процессуальную деятельность судов.

Необходимо отметить также и третий аспект противоречивости темы, а именно роль суда в принятии решений относительно злоупотребления процессуальными правами. Ранее уже было отмечено, что отсутствие четко регламентированного законного определения злоупотребления делает деятельность судов в этой области гораздо более свободной, поскольку при отсутствии строгой нормы судья волен применять к обстоятельствам свои собственные убеждения. Суды, как правило, исходят из тех же принципов, что описывались выше для характеристики злоупотребления процессуальным правом, руководствуясь также мнением вышестоящего суда. Например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 в п. 22 предполагает возможной формой злоупотребления уменьшение исковых требований истцом только после получения судом доказательств необоснованности первоначальной цены иска [1]. Однако, суду, при принятии решений, необходимо больше руководствоваться обстоятельствами, так, Решение Верховного Суда Российской Федерации от 12.10.2017 № АКПИ17-751 может и устанавливает, что многократное принесение ходатайство может являться признаком злоупотребления, но необходимо иметь в виду, что оно также может быть настойчивым требованием стороны, результатом которого может являться доказательство или показания, значительно влияющие на решение [2].

При этом, одной из основных опасностей при формировании мнения суда о природе процессуального действия может стать ограничение состязательности сторон процесса. Судам не следует исходить из излишнего опасения относительно каждого процессуального действия сторон, поскольку это нарушит один из базовых принципов российского судопроизводства, что недопустимо. Важным в этом деле является соблюдение баланса между обеспечением реализации стороной своего права и пресечением злонамеренных действий, прикрываемых правомерностью.

Институт злоупотребления процессуальным правом обладает спорным характером и многогранен в связи с тем, что, во-первых, является институтом, существующим на стыке процессуального и материального права. При этом полноценного урегулирования его законодательно нет, и, предположительно, не предвидится – это, во-вторых. Нарушение процессуального закона, при

формальном его осуществлении создает особую сложность для вычленения одного из другого, в связи с чем, кажется необходимым внести в законодательство примерный, неполный и незакрытый перечень приблизительных характеристик злоупотребления процессуального права, для того, чтоб судам и другим участникам процесса было на что опереться при столкновении со спорным моментом, но при этом не ограничивать суд строгими рамками, учитывая необходимость принятия решения по обстоятельствам.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок» / [Электронный ресурс]. — URL: **https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194054/** (дата обращения: 19.11.2025). — Текст: электронный.
2. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 12.10.2017 № АКПИ17-751 / [Электронный ресурс]. — URL: **https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12102017-n-akpi17-751/** (дата обращения: 19.11.2025). — Текст: электронный.
3. Баганова С. В., Копылова К. А. Злоупотребление процессуальными правами как основание возникновения ответственности в гражданском процессе // Baikal Research Journal. — 2023. — № 2. — URL: **https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-protsessualnymi-pravami-kak-osnovanie-vozniknoveniya-otvetstvennosti-v-grazhdanskom-protsesse** (дата обращения: 19.11.2025).
4. Гасанов З. Э. К вопросу об ответственности за злоупотребление процессуальными правами в рамках арбитражного процесса // Бюллетень науки и практики. — 2022. — № 6. — URL: **https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otvetstvennosti-za-zloupotreblenie-protsessualnymi-pravami-v-ramkah-arbitrazhnogo-protsessa** (дата обращения: 19.11.2025).
5. Мирзоян А. Г. Злоупотребление процессуальными правами: понятие и признаки // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 26. — URL: **https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-protsessualnymi-pravami-ponyatie-i-priznaki** (дата обращения: 19.11.2025).
6. Рассохина А. А., Коробкин Э. А. Проблемы злоупотребления процессуальными правами участниками арбитражного процесса // Молодой ученый. — 2016. — № 23 (127). — С. 351–354. — URL: https://moluch.ru/archive/127/35234 (дата обращения: 19.11.2025).
7. Хрулева В. В., Мануковская А. Н. Некоторые вопросы понятия злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе //

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2 (46). — URL: **https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-ponyatiya-zloupotrebleniya-protsessualnymi-pravami-v-arbitrazhnom-protsesse** (дата обращения: 19.11.2025).

Заречнев Никита Сергеевич
студент 4 курса,
Королёвский филиал Международного
юридического института,
г. Королев, Россия

ПАРАДОКС ДОБРОСОВЕСТНОГО ПОКУПАТЕЛЯ: ПОЧЕМУ В РОССИИ ПЕРЕСТАЛИ ЗАЩИЩАТЬ ЗАКОННЫЕ СДЕЛКИ[1]

Zarechnev Nikita Sergeevich,
4th year student,
Korolev branch of the International
Law Institute,
Korolev, Russia

THE PARADOX OF A GOOD-CONDUCTING CUSTOMER: WHY HAS RUSSIA STOPPED PROTECTING LEGAL TRANSACTIONS

Аннотация: *в рамках настоящего исследования отдельные аспекты судебной правоприменительной практики по делам о добросовестном приобретении квартир и связанных с этим мошеннических схем. В этих делах участвует особая категория лиц – люди пожилого возраста. Использовались методы эмпирического анализа и синтеза, сравнительного правоведения, формально-юридический и системный. В результате исследования автором предпринимается попытка сформулировать действенные рекомендации по совершенствованию законодательства в целях обеспечения дополнительных гарантий прав добросовестных приобретателей.*

Abstract: *this study examines specific aspects of judicial practice in cases involving the bona fide acquisition of apartments and related fraudulent schemes.*

[1] Научный руководитель - преподаватель отделения среднего профессионального образования, Королёвский филиал Международного юридического института, Гайдуков Дмитрий Андреевич.

These cases involve a special category of individuals—the elderly. Methods used include empirical analysis and synthesis, comparative law, formal legal analysis, and systemic analysis. As a result of this study, the author attempts to formulate effective recommendations for improving legislation to ensure additional guarantees for the rights of bona fide purchasers.

Ключевые слова: *гражданское право, добросовестные приобретатели, жилищное право, право собственности, мошенничество.*

Key words: *civil law, bona fide purchasers, housing law, property law, fraud.*

В последние месяцы в российском обществе развернулась широкая дискуссия, связанная с волной судебных дел, в которых добросовестные покупатели недвижимости лишаются приобретённых квартир. Эти истории объединяет общий сюжет: пожилой продавец заключает договор купли-продажи, получает всю сумму по сделке, однако спустя некоторое время заявляет, что действовал «под влиянием мошенников» и не осознавал своих действий во время совершения сделки. В результате суд признаёт сделку недействительной, продавцу возвращается квартира, а покупатель теряет и жильё, и уплаченные деньги. Подобные решения всё чаще ставят под сомнение устойчивость гражданского оборота и идею правовой определённости в сфере частной собственности.

Символическим примером новой судебной тенденции стало дело Ларисы Долиной, фактически запустившее лавинообразное распространение споров, в которых пожилые продавцы, уже получив деньги и распорядившись ими, пытаются вернуть себе проданную квартиру под предлогом воздействия мошенников [9]. Юристы сразу увидели в этом деле опасный разрыв между тем, как построено гражданское право, и тем, как оно было применено судом: если добросовестный покупатель теряет имущество при полностью добровольной сделке продавца, это подрывает саму конструкцию стабильности гражданского оборота.

Реальные обстоятельства сделки, восстановленные по материалам суда и анализу юридического сообщества, мало соответствуют позднему образу «наивной пожилой женщины». Квартира была публично выставлена на ЦИАН за 130 млн. рублей; Долина вела переговоры лично, показывала объект, обсуждала цену и состав мебели. Цена 112 млн. рублей была согласована в результате длительных переговоров и торга при расчёте наличными. Был заключён предварительный договор с задатком, по которому Долина расписалась собственноручно. Основная сделка проходила в банке: видеозаписи фиксируют участие сторон в выдаче и пересчёте 111 млн. рублей, помещённых затем в ячейку. Для регистрации сделки Долина выдала нотариальную доверенность, что требует проверки её дееспособности.

После регистрации Долина лично открыла ячейку и забрала все деньги, что подтверждено распиской, а затем разместила около 80 млн на своём счёте

и в течение двух недель переводила крупные суммы третьим лицам. Банк приостанавливал операции и уточнял основания переводов, но она подтверждала своё волеизъявление. Эти факты однозначно показывают: воля Долиной была сформирована и реализована свободно, а возможное мошенничество касалось не квартиры, а дальнейшего распоряжения полученными ею средствами.

Тем не менее, в гражданском деле не была назначена ни одна экспертиза. Защита представила заключения, сделанные в рамках уголовного дела, по которому отсутствовал приговор; одна из экспертиз относилась к категории, не признанной легитимной. Суд положил эти материалы в основу решения, проигнорировав отсутствие преюдициальной силы и нарушив стандарт доказанности. Аналогично были проигнорированы результаты оценок: предложенная защитой стоимость квартиры в 240 млн. рублей расходилась с оценками 138 и 124 млн., что укладывается в обычный рыночный диапазон и не свидетельствует о заблуждении сторон.

Ключевая ошибка заключалась в том, что суд связал заявление Долиной о потере денег в результате действий мошенников с недействительностью сделки купли-продажи. Эти события юридически автономны: квартира была отчуждена добровольно, а потеря денег произошла позднее и по самостоятельной цепочке обстоятельств. Однако суд фактически защитил продавца от последствий двусторонней реституции: квартира была возвращена Долиной, а обязанность вернуть 112 млн. рублей — по сути, устранена. Для покупательницы единственным формальным путём защиты стало банкротство продавца, но в силу иммунитета единственного жилья эта процедура не даст реального удовлетворения требований.

Такое решение не является прецедентом в строгом смысле, но стало ориентиром для последующей судебной практики. В России резонансные дела, особенно с участием известных лиц, нередко формируют своеобразное «разрешение» на применение аналогичной логики, даже если она противоречит букве закона. Тем более опасно, что данное решение создаёт идеальную основу для мошеннических схем: достаточно заявить, что деньги «увели злоумышленники», чтобы попытаться вернуть квартиру и уйти от обязанности возместить покупателю уплаченные средства. Именно после дела Долиной по стране стали массово появляться аналогичные иски, приводящие к тому, что добросовестные покупатели рискуют остаться без жилья и без денег, а пожилые продавцы — формально «жертвы мошенников» — оказываются полностью освобождены от имущественной ответственности за свои же действия.

Подобные случаи стали приобретать массовый характер. В начале ноября 2025 года в Санкт-Петербурге произошёл инцидент, получивший широкий общественный резонанс. Пенсионерка продала квартиру за 8,5 миллиона рублей, получила деньги и отказалась выезжать, заявив, что стала жертвой

мошенников [5]. Покупательница Лилия, действовавшая с предельной осторожностью, проверила продавца по всем возможным источникам — включая справку из психоневрологического диспансера, нотариальное подтверждение добровольности сделки и банковскую фиксацию передачи средств. Тем не менее, после подписания договора продавщица сообщила, что «отдала деньги злоумышленникам», и отказалась освобождать жильё. Сегодня покупательница вынуждена защищать своё право собственности в суде, опасаясь повторения сценариев, при которых добросовестный приобретатель остаётся без имущества и с непогашенной ипотекой. Этот случай показал, что даже максимальная юридическая осмотрительность не гарантирует безопасности сделки в нынешних правовых реалиях.

Тем не менее, даже эти резонансные примеры не исчерпывают всей сложности проблемы. Ещё более острой она становится там, где жертвой подобной схемы оказывается социально защищаемая категория граждан. Один из наиболее показательных случаев — история военнослужащего Дмитрия, участника СВО, которая уже получила широкое освещение и вызвала значительный общественный резонанс [8]. В октябре 2023 года Дмитрий приобрёл квартиру у пожилой женщины, полностью рассчитался с продавцом и зарегистрировал своё право собственности. Однако спустя несколько месяцев, когда он находился на боевом задании в зоне специальной военной операции, продавец подала иск о признании сделки недействительной, заявив, что на неё «повлияли мошенники» и она якобы не осознавала происходящее. При этом деньги, полученные от продажи квартиры, были ею истрачены, а вернуть их она не могла. Суд первой инстанции прекратил производство до завершения боевой службы Дмитрия, поскольку его участие в процессе невозможно по объективным причинам, что только усилило юридическую неопределённость и риски для покупателя. Ситуация усугубляется тем, что подобные дела против участников СВО приобретают особую социальную чувствительность. Если даже военнослужащие, временно отсутствующие по уважительным причинам, могут лишиться жилья по формальному листку и заявлению «меня обманули», это демонстрирует глубину системного кризиса защиты добросовестного покупателя. Кроме того, такие дела порождают риск формирования опасного прецедента, когда участие в боевых действиях фактически превращает человека в уязвимую сторону гражданского оборота, неспособную защитить свои имущественные права.

Параллельно с этим в профессиональной среде обсуждается предложение Московской гильдии риэлторов и Федеральной нотариальной палаты о введении принципа необратимости нотариально удостоверенных сделок с недвижимостью [6]. Суть инициативы заключается в том, чтобы признать такие сделки практически неоспоримыми, за исключением случаев, когда нотариус допустил ошибку при удостоверении. В случае принятия соответствующих поправок нотариальное удостоверение станет реальной

гарантией окончательности перехода права собственности, что способно укрепить доверие к Единому государственному реестру недвижимости. В то же время следует остерегаться чрезмерного формализма: нотариус не всегда способен объективно оценить психологическое давление или степень осознанности воли продавца. Тем не менее очевидно, что данный механизм мог бы стать барьером для манипуляций с последующим «отыгрыванием» законных сделок.

По данным ВГТРК, за 2025 год более трёх тысяч семей по всей России оказались без жилья в результате аналогичных схем [4]. Статистика свидетельствует, что речь идёт не о единичных эпизодах, а о системном сбое правоприменения. Формально суды ссылаются на статьи 178 и 179 Гражданского кодекса РФ, позволяющие признать сделку недействительной в случае обмана, угрозы или существенного заблуждения [1]. Однако эти нормы требуют доказывания причинно-следственной связи между обманом и волеизъявлением стороны. На практике же суды нередко подменяют правовую оценку эмоциональной. Как следствие, подрывается принцип правовой определённости, а институт добросовестного приобретателя (статья 302 ГК РФ) теряет практическую силу.

Значительный интерес вызвала публикация юриста Владимира Мнацаканова, детально разобравшего материалы дела Долиной. Он указал, что по гражданскому делу экспертизы не проводились, психиатрическая экспертиза из уголовного дела не имела преюдициального значения в силу пункта 4 статьи 61 ГПК РФ, а доказательств невменяемости или заблуждения истца не представлено [7]. Более того, имеются банковские записи, подтверждающие получение Долиной 111 миллионов рублей и их последующее размещение на личных счетах. Мнацаканов подчёркивает, что суд неправомерно проигнорировал обязательность двусторонней реституции и допустил логическую ошибку, смешав добросовестность участника гражданского оборота с добросовестностью приобретателя по статье 302 ГК РФ. Его позиция находит поддержку среди практикующих юристов и служит основанием для пересмотра подходов к аналогичным делам.

Подобные ситуации фиксируются в разных регионах страны. Так, Верховный суд Республики Саха (Якутия) отменил решение нижестоящего суда, указав, что продавец осознавал значение своих действий, а покупатель не имел возможности узнать о возможном заблуждении [2]. Этот пример показывает, что применение закона остаётся непоследовательным и зависит от конкретной судебной инстанции и субъективной оценки доказательств. Таким образом, российская судебная практика демонстрирует внутреннюю коллизию между принципом социальной защиты и принципом стабильности гражданского оборота.

Правовой анализ показывает, что в подобных делах ключевыми являются статьи 167, 178, 179 и 302 Гражданского кодекса РФ. В основе их лежит баланс

интересов сторон и защита добросовестного участника гражданских отношений. Однако, когда суды начинают толковать нормы через призму социального сострадания, происходит подмена целей законодательства. Согласно статье 167 Гражданского кодекса РФ, при признании сделки недействительной каждая сторона обязана возвратить другой всё полученное. Отказ применять этот принцип разрушает основу гражданского оборота, превращая суд в инструмент перераспределения имущества.

В юридическом сообществе высказываются разные точки зрения. Одни исследователи, включая учёного-правоведа Наталью Шатихину, указывают на необходимость законодательного закрепления механизма компенсации добросовестным покупателям, утратившим имущество [10]. Другие, такие как сенатор Андрей Клишас, утверждают, что часть подобных дел может носить характер инсценировок, когда пожилые продавцы сознательно участвуют в мошеннических схемах [3]. Несмотря на различие подходов, все эксперты сходятся в одном — необходима системная реформа, восстанавливающая доверие к институту частной собственности.

Бесспорно, что решение проблемы требует комплексных мер. Поскольку для стабильности гражданского оборота со всей очевидностью требуется более жёсткое регулирование сделок с участием социально уязвимых граждан, по нашему мнению, следует обеспечить обязательное нотариальное удостоверение сделок с участием граждан старшего возраста. На основании изложенного считаем целесообразным внести изменения в статью 558 Гражданского кодекса РФ в следующей редакции: «Если одна из сторон договора продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры является гражданин пожилого возраста, каждый этап сделки подлежит обязательному нотариальному удостоверению».

Таким образом, проблема «пенсионерских схем» перестала быть частной и превратилась в индикатор системного кризиса доверия к правосудию. Когда суды выносят решения, руководствуясь сочувствием, а не законом, институт собственности теряет смысл. Добросовестный покупатель не должен нести ответственность за поведение продавца, действовавшего по своей воле. Принцип справедливости в гражданском праве предполагает равновесие, а не жертвенность одной стороны ради другой. Современная практика признания сделок недействительными по мотивам «обмана пенсионеров» требует глубокого пересмотра. Закон должен защищать не возраст и социальное положение, а правовую добросовестность. Только при таком подходе возможно восстановление доверия к частной собственности и сохранение устойчивости гражданского оборота в России.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с

01.08.2025) // СЗ РФ. – 1994 г. – № 32 – ст. 3301; СЗ РФ – 2024 г. – № 46. – ст. 7029.
2. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 1 октября 2025 года по делу № 2-1316 / [Электронный ресурс] URL: https://evrcapital.ru/apellyaciyayakutiya (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
3. Антонов В. Клишас не исключил существование мошеннической схемы с продажей жилья // РБК. *[Электронный ресурс]. – Режим доступа:* https://www.rbc.ru/society/10/11/2025/6911f1f59a7947dd7be4aeee.
4. Более 3 тыс. российских семей остались без жилья из-за мошеннических схем с пенсионерами-продавцами // Подмосковье сегодня. // URL: https://mosregtoday.ru/news/soc/bolee-3-tys-rossijskih-semej-ostalis-bez-zhilja-iz-za-moshennicheskih-shem-s-pensionerami-prodavtsami/.
5. Клабукова В. Пенсионерка продала жилье из-за переезда в Австралию и оказалась жертвой аферистов // Lenta.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2025/11/13/spb-afera/.
6. Куликов В. Предложен запрет на отмену нотариальных сделок с недвижимостью: что это значит для покупателей // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2025/11/11/predlozhen-zapret-na-otmenu-notarialno-udostoverennyh-sdelok-s-kvartirami.html.
7. Лисица А. Юрист заявил, что с Долиной могут взыскать 112 млн за квартиру // Газета.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/11/17/27202100.shtml?utm_auth=true.
8. Луханина П. Пенсионерка решила обмануть участника СВО с квартирой // Lenta.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа*:* https://lenta.ru/news/2025/11/10/pensionerka-reshila-obmanut-uchastnika-svo-s-kvartiroy/.
9. Мнацаканов В. Еще раз про «дело Долиной». Только факты // Zakon.ru. [Электронный ресурс]. – Режим *доступа:* https://zakon.ru/blog/2025/11/10/esche_raz_pro_delo_dolinoj_tolko_faktу.
10. Наталья Шатихина о деле Ларисы Долиной, хищении средств и квартирных мошенниках // ИзолентаLive. [Электронный ресурс]. – Режим доступа*:* https://rutube.ru/video/1b326aa17311e28c6fa0403bc768a02e/.

Иванов Кирилл Игоревич
студент 3 курса,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

Ершов Никита Андреевич
студент 3 курса,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СДЕЛОК КУПЛИ-ПРОДАЖИ БИЗНЕСА

Ivanov Kirill Igorevich,
3rd year students
Smolensk State University
Smolensk, Russia
Ershov Nikita Andreevich,
3rd year student
Smolensk State University
Smolensk, Russia

LEGAL FORMS OF SALE AND PURCHASE TRANSACTIONS

Аннотация: *статья посвящена актуальному вопросу существующих методов приобретения и отчуждения бизнес-активов. Проводится сравнительный анализ способов перехода прав на бизнес-активы, выделяются преимущества и недостатки каждого способа.*

Abstract: *this article addresses the pressing issue of existing methods for acquiring and disposing of business assets. A comparative analysis of the methods for transferring rights to business assets is provided, highlighting the advantages and disadvantages of each method.*

Ключевые слова: *оценка имущественного комплекса, структура капитала, условия договора купли-продажи и вопросы налогообложения.*

Key words: *property complex valuation, capital structure, terms of the purchase and sale agreement and tax issues.*

Основная причина правовых сложностей при продаже бизнеса — это отсутствие в российском законодательстве признания «бизнеса» единым объектом права. Этот пробел в праве ведет к фрагментарному регулированию, вынуждая стороны дробить сделку на продажу активов и долей, что, в свою очередь, порождает правовые риски, налоговую неопределенность и бюрократические сложности. В качестве решения предлагается законодательно утвердить унифицированную конструкцию договора купли-продажи бизнеса.

В российской деловой среде нередки случаи продажи компаний, что обусловлено разнообразными мотивами владельцев. Подобные решения требуют глубокого анализа, поскольку у продавца и покупателя часто разные цели. Российское законодательство предусматривает два основных способа передачи бизнеса другому владельцу:

1. Реализация предприятия как целостного имущественного комплекса (регулируется статьями 559–566 Гражданского кодекса РФ) [1].
2. Отчуждение ценных бумаг организации – акций акционерного общества или долей в уставном капитале ООО.

В международной практике, как правило, применяются сделки по отчуждению активов или долей/акций, в то время как в России также возможна продажа предприятия как комплекса. Следует учитывать, что реализация всех активов компании (таких как оборудование и недвижимость) не всегда эквивалентна продаже самого бизнеса. Однако если при этом бизнес-процессы сохраняются, и персонал продолжает работать на новых условиях, то такая операция может быть расценена как полноценная сделка по купле-продаже бизнеса.

На практике выделяют три основных способа приобретения или отчуждения бизнеса:

1. Покупка-продажа предприятия как имущественного комплекса.
2. Приобретение акций (долей) компании, дающее инвестору возможность контролировать деятельность предприятия.
3. Реализация активов предприятия.

У каждого из этих вариантов есть свои преимущества и недостатки, поскольку они предполагают:

• различный пакет документации;
• разные финансовые и временные издержки;
• различные риски для обеих сторон сделки;
• различное распределение прав и обязанностей между сторонами.

Оптимальный выбор способа оказывает непосредственное влияние на целесообразность и окончательную цену сделки, что обусловливает необходимость сравнительного анализа вариантов. Универсальное решение отсутствует: наиболее подходящий вариант зависит от особенностей компании

и структуры её активов. В частности, для одного бизнеса выгоднее продать доли, а для другого, особенно с незначительным объемом имущества, проще продать отдельные активы.

В российском законодательстве важно отличать два подхода к продаже бизнеса как имущества:

• Продажа бизнеса в форме имущественного комплекса – эта процедура подробно регламентирована § 8 гл. 30 Гражданского кодекса РФ.

• Продажа бизнеса как иного имущества (например, путем продажи активов).

Согласно ст. 132 ГК РФ, предприятие как имущественный комплекс включает все виды имущества, необходимые для его деятельности. Способ его отчуждения напрямую определяет уровень готовности бизнеса к немедленному использованию новым владельцем. При продаже предприятия как единого комплекса или через отчуждение его акций (долей) покупатель приобретает готовый, действующий бизнес со всеми активами, долгами, правами требования и нематериальными элементами, такими как деловая репутация и клиентские связи. В отличие от этого, продажа отдельных активов означает приобретение лишь набора имущества без перехода целостной бизнес-структуры.

Ключевым отличием продажи бизнеса является обязательное проведение всесторонней инвентаризации, по итогам которой формируется пакет документов: инвентаризационная опись, бухгалтерский баланс, аудиторский отчет и перечень всех долговых обязательств. Это обеспечивает правопреемство в отношении всей сложной системы взаимосвязей, составляющих бизнес. Если же не передается весь комплекс или не соблюдены требования ст. 561-562 ГК РФ, сделка квалифицируется как продажа активов с применением общих норм ГК РФ. Приобретение акций или долей сопровождается подготовкой договора купли-продажи, передаточного акта и последующим внесением изменений в ЕГРЮЛ. Продажа доли в ООО требует нотариального удостоверения. Права собственности возникают с момента государственной регистрации. В случае продажи активов процедура проще: заключается договор купли-продажи, передача оформляется актом или накладной, а регистрация требуется только для перехода прав на недвижимость в ЕГРН. Таким образом, комплексный характер бизнеса предъявляет повышенные требования к его документальному оформлению и легитимации. Обязательная государственная регистрация завершает процесс правопреемства, делая переход прав юридически завершенным и защищенным.

Наиболее продолжительной процедурой является продажа имущественным комплексом. Данный способ требует значительных временных затрат: подготовительный этап, включающий инвентаризацию и оформление документации, занимает от одного месяца, а последующая

государственная регистрация перехода прав добавляет еще около месяца. Таким образом, общая продолжительность завершения сделки составляет не менее двух месяцев. Следовательно, продажа долей или небольшого пакета активов – самый быстрый способ, а продажа предприятия как целого – самый долгий. Таким образом, значительная продолжительность процедуры, складывающаяся из длительной подготовки и последующей государственной регистрации, объективно формирует существенные временные издержки приобретения бизнеса как имущественного комплекса. Однако наряду с временными затратами, неотъемлемым элементом финансовой нагрузки для сторон сделки выступают и прямые денежные расходы, связанные с выполнением установленных законом требований. Непосредственные финансовые затраты также существенно различаются в зависимости от выбранного метода продажи. При продаже бизнеса как целостного имущественного комплекса основным расходом является государственная пошлина за регистрацию перехода права собственности, которая составляет 0,1% от стоимости активов, но не более 60 000 рублей [2]. В случае продажи акций компании основные затраты сводятся к фиксированной государственной пошлине в размере 800 рублей за регистрацию изменений в ЕГРЮЛ [2]. С финансовой точки зрения продажа акций представляет собой наиболее выгодный вариант, поскольку освобождается от НДС и сопряжена с минимальными регистрационными расходами. В отличие от этого, продажа имущественного комплекса или активов влечёт за собой существенные фискальные обязательства и более высокие транзакционные издержки. Ключевым правовым отличием сделок с имущественным комплексом является обязательная процедура уведомления кредиторов согласно ст. 562 ГК РФ, что создает дополнительные риски для продавца, включая возможность предъявления требований о досрочном исполнении обязательств или расторжении договора. При продаже же акций или долей уведомление кредиторов не требуется, так как юридическое лицо - должник остается неизменным, что существенно упрощает процедуру [3, с.2]. Налогообложение варьируется в зависимости от способа продажи: при отчуждении акций физические лица уплачивают НДФЛ по ставке 13%, юридические лица - налог на прибыль; тогда как продажа активов или имущественного комплекса облагается по стандартным ставкам (20% для юрлиц). Для субъектов УСН применяются специальные ставки - 6% или 15% в зависимости от выбранного объекта налогообложения. Важно отметить, что при продаже активов или имущественного комплекса компания-продавец сохраняет свой юридический статус, в то время как отчуждение акций означает полный выход прежнего владельца из бизнеса. В случае обнаружения недостатков покупатель вправе требовать снижения цены или расторжения договора, что особенно актуально при продаже долей, когда цена формируется на основе предоставленного продавцом перечня активов [3, с.4].

В зависимости от способа продажи по-разному распределяются риски и обязательства:

• При продаже акций/долей покупатель приобретает юридическое лицо со всеми его активами и обязательствами, включая скрытые долги.

• При продаже имущественного комплекса покупатель получает активы, но также принимает на себя ответственность по кредиторской задолженности.

• При продаже отдельных активов обязательства остаются у продавца.

Особое значение имеет судьба лицензий: при продаже акций они сохраняются автоматически, тогда как при продаже имущественного комплекса или активов лицензии не переходят к покупателю.

В современных российских деловых отношениях преобладающими методами продажи бизнеса являются:

1. Корпоративные сделки, которые предполагают передачу права собственности на акции или долевое участие в компании.

2. Сделки, связанные с недвижимостью, которые предполагают продажу бизнеса как единого имущества [4, с.5].

В противовес сложной процедуре продажи бизнеса как имущественного комплекса, продажа долей участия или акций предприятия представляет собой более оперативный и менее затратный вариант. Данный метод характеризуется упрощенной процедурой оформления, которая сводится преимущественно к внесению изменений в уставные документы и реестры. Сделка может быть завершена в течение нескольких недель при минимальных издержках (около 2 тысяч рублей), что выгодно отличает ее от предыдущего способа. При этом покупатель приобретает компанию в полном объеме - вместе с фирменным наименованием, разрешениями и всеми активами, находясь под защитой норм гражданского законодательства (статья 565 ГК РФ).

Основная опасность данного варианта:

• Неявные обязательства: при данной форме реализации не производится фиксация точного перечня и ценности активов на момент совершения сделки, и приобретатель принимает на себя все вероятные задолженности и правовые риски, связанные с компанией [5, с.3].

Таким образом, выбор между этими вариантами представляет собой компромисс между надежностью и комплексностью первого способа и скоростью с экономией второго. Не предусмотрены механизмы, удерживающие персонал при смене владельцев бизнеса. Покупка юридического лица означает принятие на себя всей его кредиторской задолженности, ошибок в учете, не отображённых в отчетности обязательств и даже возможных судебных разбирательств. Следовательно, перед приобретением акций или долей компании требуется всесторонний анализ ее прав и обязанностей. Поскольку детальное изучение всех нюансов сделки является длительным и дорогостоящим процессом, необходимо сосредоточить внимание на наиболее значимых аспектах.

Реализация активов компании:

Этот метод включает в себя приобретение не целого предприятия, а только его отдельных материальных компонентов. Несмотря на некоторые достоинства, этот путь может быть довольно сложным.

Основные препятствия:

• Многочисленность транзакций: если активов много, покупателю нужно оформить множество соглашений о купле-продаже по каждому объекту.

• Трудности с передачей: Важные нематериальные активы, например, торговая марка, разрешения или связи с партнерами, обычно тесно связаны с юридическим лицом продавца и не могут быть реализованы таким способом.

• Необходимость реорганизации: Покупателю потребуется заново налаживать рабочие процессы: заключать новые соглашения с поставщиками и клиентами, а также оформлять персонал на работу. Оформление необходимых разрешений и лицензий также займет время.

Преимущества и способы решения проблем:

• Ответственность за продавцом: Основной плюс для покупателя состоит в том, что все долги и обязательства компании остаются на предыдущем владельце.

• Снижение рисков: Условия оказания помощи в переоформлении отношений с контрагентами можно прописать в предварительном соглашении. Обычно продавец заинтересован в успехе сделки и оказывает содействие в этом процессе.

• Упрощенная административная процедура: Сделка по реализации активов (за исключением недвижимости) не требует регистрации в государственных органах и освобождена от уплаты государственной пошлины [5, с.5].

В качестве одного из направлений совершенствования законодательства мы считаем целесообразным разработать и законодательно закрепить унифицированную конструкцию договора продажи бизнеса. Ее введение в Гражданский кодекс позволило бы систематизировать этот важнейший институт коммерческого оборота. Эта идея находит подтверждение в зарубежном опыте, где наличие специального регулирования для сделок с бизнесом является распространенной практикой. Таким образом, назрела объективная необходимость легализовать термин «бизнес», наделив его статусом полноценного объекта гражданских прав, что отвечало бы реальным экономическим потребностям.

В заключение, каждый из рассмотренных методов продажи бизнеса имеет свои плюсы и минусы, поэтому выбор лучшего варианта зависит от конкретной ситуации и стратегических целей обеих сторон.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). / [Электронный ресурс]. URL: **http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/** / (дата обращения: 28.10.2025). — Текст: электронный.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.11.2024). / [Электронный ресурс]. **URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/** (дата обращения: 28.10.2025). — Текст: электронный.
3. Мишина Е. В. Учения о договоре купли-продажи в советской и современной цивилистической науке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2008. — №2. — С.4-8
4. Турдиматов Ф. К. О соотношении категорий «Предприятие» и «Единый недвижимый комплекс» // Актуальные проблемы экономики и права. — 2014. — №3 (31). — С.5-7
5. Шевченко Г. В., Богатырёва А. В. Договоры в предпринимательской сфере: сущность и отраслевая принадлежность. // Теория и практика общественного развития. — Издательство: Издательский дом "ХОРС", 2018. - С. 3-5.

Комаров Руслан Юрьевич
студент магистратуры
Звенигородский филиал Международного
юридического института,
г. Звенигород, московская область, Россия

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА «ФИНАНСОВАЯ АРЕНДА (ЛИЗИНГ)» В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПРАВОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Komarov Ruslan Yuryevich
Master's Degree Student
Zvenigorod Branch of the International
Law Institute,
Zvenigorod, Moscow Region, Russia

ORIGIN OF THE TERM "FINANCIAL LEASING" IN RUSSIA: TRANSLATION PROBLEMS AND LEGAL INTERPRETATION

Аннотация: *в статье исследуется происхождение термина «финансовая аренда» в российском праве, обусловленное переводом англоязычных конструкций finance lease и financial leasing. Анализируется лингвистическая природа английского глагола to lease, а также причины калькирования иностранной терминологии. Особое внимание уделяется влиянию ошибочного перевода на правовое регулирование, хозяйственную практику и судебную деятельность. На основе анализа норм Гражданского кодекса РФ, Федерального закона от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)», ведомственных инструкций и судебной практики формулируются выводы и предложения по совершенствованию правового режима лизинга в России.*

Abstract: *the article examines the origin of the term "financial leasing" in Russian law, which resulted from the translation of the English concepts finance lease and financial leasing. The linguistic nature of the English verb to lease is analysed, as well as the reasons behind literal calquing of foreign terminology. Special attention is paid to the impact of mistranslation on legislation, business practices and judicial interpretation. Based on the analysis of the Russian Civil*

Code, Federal Law No. 164-FZ "On Financial Leasing", ministerial guidelines and case law, the paper formulates conclusions and proposals for improving Russia's leasing regulation.

Ключевые слова: *лизинг; финансовый лизинг; finance lease; financial leasing; перевод юридических терминов; финансовая аренда; судебная практика; правовое регулирование.*

Key words: *leasing; financial leasing; finance lease; translation of legal terms; financial rent; case law; legal regulation.*

Современный российский институт лизинга опирается на множество заимствованных понятий и правовых конструкций, происходящих из англо-американской коммерческой практики. Среди них особое место занимает термин «финансовая аренда». На первый взгляд он кажется естественным языковым соответствием английского *financial leasing* или *finance lease*. Однако при глубоком анализе становится очевидно, что выбранный перевод не только не отражает сущность зарубежной конструкции, но и привёл к ряду методологических, правовых и практических проблем в российском правопорядке.

Данная статья посвящена исследованию происхождения термина «финансовая аренда» в России, анализу причин его появления, обстоятельств перевода и последствий для законодательства и правоприменения.

Цель статьи — раскрыть происхождение термина «финансовая аренда», объяснить причины калькирования иностранной терминологии и определить последствия для правовой системы России.

Лингвистические основы перевода термина *financial leasing* или как в российскую практику проникло понятие "финансовая аренда"

Ключевым источником ошибок перевода является непонимание того, что *to lease* в английском языке означает: *сдавать в аренду*, *арендовать*. От этого глагола образуются: lease — договор аренды; lessee — арендатор; lessor — арендодатель; leasing — процесс аренды, арендование. Здесь важно отметить, это, не совсем по-русски гладко звучащее слово – арендование в дословном переводе означает сам процесс аренды, что фактически, не имеет синомичного обозначения в русском языке, так как само слово "аренда" уже включает в себя делание. А словосочетание – "финансовая аренда" в мышлении русскоговорящего человека воспринимается как аренда каких-то финансовых ресурсов, возможностей или инструментов. То есть аренда чего-то денежного, или связанного с деньгами. В то время как любой русскоговорящий человек понимает, что в самой аренде как процессе, как в делании, уже заложены финансовые механизмы, а именно передача денежных или иных средств за возможность временно пользоваться чем либо, то есть арендовать.

Таким образом, возвращаясь к лингвистике: leasing = процесс арендования в моменте времени прошлого или настоящего, или будущего, а не

самостоятельный правовой институт. В английском языке герундий с окончанием ing используется, часто, для указания на процесс, имеющий место во времени. Суффикс ing используется для образования как герундия – формы глагола, которая ведет себя как существительное или причастия в настоящем времени.

В англоязычных странах не существует отдельной категории «лизинг» как отличной от аренды. В свою очередь англоязычное словосочетание financial leasing – на русский язык можно перевести как финансирование процесса арендования. Это исключительно терминология аренды, имеющая разные экономические модели, одной из которых является такая, где некто финансирует возникновения предмета аренды, то есть оплачивает, покупает то, что будет сразу же сдавать в аренду. Как мы знаем, эту функцию несет на себе лицо, именуемое – лизингодатель. Первоначально у него не было предмета аренды, он его специально приобретает для сдачи в аренду. Задаваясь вопросом, что, на самом деле, означает *financial leasing,* нетрудно увидеть, что английское *financial leasing* означает арендование, совмещающее функции финансирования покупки имущества, которое предполагается сдавать в аренду. В этой модели арендодатель кредитует приобретение оборудования, а арендатор возвращает стоимость через арендные платежи. Однако, кредитование, не совсем верное определение для этого процесса, так как тот, кто финансирует, то есть тратит деньги на определенные цели, обретает покупаемое имущество в собственность, и сдает уже само имущество в аренду, а не капитал, как таковой. Что же произошло в русском языке? Произошел дословный перевод словосочетания *financial leasing* в *финансовую аренду*. Потом, уже позже, в скобочках дописали – лизинг. И если дословно все перевести, то получится что-то совсем не понятное – финансовая аренда (аренда). То есть: главным словом является leasing — аренда в русском смысле процесс арендования; определяющим является financial — указывающее на финансовую, кредитную структуру сделки процесса арендования. Корректный русский перевод должен звучать как: «аренда с финансированием», «финансируемая аренда», «аренда инвестиционного типа». А не «финансовая аренда».

Но если в английском языке *financial leasing* подразумевает под собой финансирование аренды как процесса – то есть, говоря простым языком, выделение денег на процесс аренды, на его создание и запуск, то в русском языке это стало - финансовой арендой. Неким самостоятельным явлением, значения которому никто не объяснил. А воспринимается это именно так – аренда чего-то финансового.

Институт лизинга в классическом англо-саксонском праве формировался как разновидность арендных отношений, дополняющих кредитование. В 1970–1980-е годы финансовый лизинг получил широкое распространение в США и

Великобритании как инструмент инвестиционного кредита при покупке оборудования.

Именно с этим явлением столкнулись первые российские экономисты и юристы начала 1990-х годов, изучавшие зарубежную практику. Термин *financial leasing* стал появляться в переводной экономической литературе ещё до принятия первого российского закона о лизинге. Проблема заключалась в том, что переводчики не были специалистами ни в праве, ни в финансовых инструментах, и перевод осуществлялся в условиях отсутствия сложившейся российской терминологии. Языковая калька из английского происходила без понимания правовой сущности терминов. Переводчики воспринимали *leasing* как самостоятельный термин, а не как «аренду». В итоге получилась тавтология: «финансовая аренда» была заменена на «финансовый лизинг», чтобы сохранить иностранный окрас. Появление термина “финансовый лизинг” в России имеет экономический контекст 90-х годов ушедшего, 20 века. В начале 1990-х годов Россия заимствовала западные экономические институты, часто без глубокого изучения их правовой природы. Переводчики стремились сохранить иностранный оттенок терминов, чтобы подчеркнуть «новизну» института. Есть такой термин – калькирование. То есть, невдумчивый, но точный перенос чего-либо на другую почву. Причины калькирования англоязычной терминологии могли быть различными и стали следствием недостатка квалифицированных переводчиков-юристов, так как перевод финансовых терминов выполняли лингвисты без правовой компетенции; отсутствия отечественной терминологии, потому что экономика и право не имели развитого института долгосрочной аренды, совмещённой с финансированием; желания сохранить иностранность термина - «лизинг» казался более современным словом, чем «аренда». В общем и целом, происходил процесс механического переноса терминов в законопроекты, часто разработанные при участии зарубежных консультантов. В начале 1990-х термин встречался в русских текстах в различных формах: «финансовая аренда», «финансируемая аренда», «кредитная аренда», «лизинг финансового типа», «финансовый лизинг». Правильнее было бы перевести этот термин как: лизинг с финансированием, лизинг кредитного типа, аренда с выкупом, долгосрочная инвестиционная аренда.

Однако эти варианты не закрепились и даже при наличии более точных альтернатив термин «финансовая аренда (лизинг)» закрепился в российской практике.

При анализе англоязычных источников видно, что буквальный перевод *financial leasing* как «финансовый лизинг» является ошибкой, поскольку в английском языке слово *leasing* — это и есть аренда, а приставка *financial* указывает не на «финансовость» самой аренды, а на её кредитную природу. В новой российской действительности была необходимость отделить его от обычной аренды, чтобы подчеркнуть финансовую структуру сделки. Что,

конечно же, если задуматься, довольно странно, так как любая сделка имеет финансовую структуру. Но, произошло стремительное закрепление термина в первых нормативных актах, что автоматически сделало его “официальным”, по причине институциональной пустоты: не было подходящего российского термина. Возможно, что использование данной кальки в бухгалтерских нормативных актах произошло раньше и, как следствие, оказало влияние на юристов. Впоследствии термин проник в Гражданский кодекс и окончательно закрепился.

В Гражданском кодексе РФ использует термин «договор финансовой аренды (лизинга)» (ст. 665–670 ГК РФ) [2, часть вторая]. Это формула сама по себе нелогична, потому что аренда — русское слово, а, в свою очередь лизинг — прямой перевод английского *leasing*.

Таким образом, выражение «финансовая аренда (лизинг)» означает «финансовая аренда (аренда)». Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ [3, статья 3] закрепил термин «финансовая аренда (лизинг)». Его текст частично повторяет ГК РФ [2, часть вторая], но использует термин как самостоятельный институт, что ещё больше закрепило ошибочный перевод. Далее такой перевод закрепился в ведомственных актах и нормативных документах: Письма Минфина РФ по вопросам учета имущества при лизинге (например, письма от 17.02.2005 № 03-03-01-04/1/57 [11, с.7]; от 30.06.2009 № 03-03-06/1/422 [12, с.4].) трактуют лизинг как аренду, но иногда — как форму финансирования, что создаёт противоречия; Приказы Минэкономразвития, в частности Приказ Минэкономразвития РФ от 28.11.2016 № 763, регулирующие учет активов, дают определения, отличные от налоговых: «…сумма лизинговых платежей в части погашения стоимости предмета лизинга по договорам финансовой аренды (лизинга) …» [14].

Разъяснения ФНС РФ по НДС при лизинге еще более неоднородны: в ряде писем лизинг приравнивается к аренде, в других — к услугам финансирования. Например, Письмо ФНС РФ от 29.12.2018 № СД-4-3/25922 - «Передача имущества в лизинг представляет собой предоставление имущества во временное владение и пользование.» [13, с.2] Это классическое определение аренды (ст. 606 ГК РФ). ФНС трактует лизинг как разновидность арендных отношений – значит, это аренда для целей НДС. В письме ФНС РФ от 13.04.2017 № СД-4-3/6952 - «Лизинговые платежи включают в себя возмещение затрат лизингодателя на приобретение имущества и его финансирование.» [15, с.4] Ключевым моментом является: финансирование. Здесь ФНС видит в лизинге кредитную природу. Эти разночтения возникли именно из-за некорректного перевода и терминологической неопределенности. Анализ писем ФНС России демонстрирует, что налоговая служба на протяжении многих лет колебалась между двумя концепциями: либо считать лизинг разновидностью аренды, либо рассматривать его как форму финансирования приобретения имущества. Эти расхождения являются не

случайными, а системными, и объясняются тем, что термин «финансовый лизинг» или “финансовая аренда (лизинг)”, укоренившийся в деловой практике, не имеет чёткого содержания в законе, а его происхождение связано с буквальным переводом английского выражения *financial leasing* без учёта его истинной правовой природы. Из-за этого лизинговая сделка в российской системе оказалась «разорванной» между арендной конструкцией (ГК РФ) и кредитно-финансовой (МСФО, международная практика). Проблема возникает из-за того, что российская правовая модель лизинга — это арендная конструкция (договор финансовой аренды (лизинга), ст. 665–670 ГК РФ [2,]), тогда как международная практика *finance lease* оперирует договором финансирования покупки, маскируемым под аренду лишь формально.

Отдельно стоит отметить противоречия, возникающие в ходе судебной практики, и заключается оно именно в разночтениях между арендой и финансированием. Суды длительное время по-разному оценивали природу лизинга: одни применяли нормы аренды (например, постановление АС города Москвы № А41-8278/2024 от 30.01.2025 [8]), другие — рассматривали сделку как финансирование (определение ВС РФ от 22.03.2016 № 308-ЭС15-19985 [5]), третьи — как смешанный договор (постановление Президиума ВАС РФ от 14.06.2012 № 15724/11 [6]).

В спорах, имевших место в судебной практике, о риске случайно гибели имущества, также проявляется различие между англоязычном *finance lease,* где риск гибели имущества почти всегда несёт арендатор и российской практикой, где из-за терминологической путаницы суды по-разному определяли распределение рисков. Так, Постановление ФАС Поволжского округа от 09.07.2013 по делу № А55-24749/2012 [9] суд применил классическую норму гражданского права (ст. 211 ГК РФ [2,]), тем самым фактически трактуя лизинг как обычную аренду - «Собственником имущества является лизингодатель, и, если договором прямо не урегулирован вопрос о риске случайной гибели, этот риск несёт собственник».

И далее, Постановление ФАС Северо-Западного округа от 14.05.2012 по делу № А56-36932/2011 [10], где суд опять вернулся к конструкции аренды, игнорируя кредитный характер лизинга - «Отсутствие в договоре условия о переходе риска случайной гибели имущества на лизингополучателя означает, что такой риск несёт собственник — лизингодатель».

В спорах о выкупе имущества имеется явное различие с международной практикой. В международной модели выкуп — обязательный элемент; в российской же, он скорее факультативный. ВС РФ неоднократно указывал, что наличие или отсутствие выкупа должно оцениваться исходя из экономической сущности сделки, а не формального названия «финансовая аренда (лизинг)».

Последствия неверного перевода приводят к размыванию сущности института лизинга. Лизинг в России воспринимается как аренда, кредит, рассрочка — одновременно. Разные трактовки привели к множеству схем

оптимизации НДС и налога на прибыль из-за возникающих налоговых противоречий. Возникают сложности бухгалтерского учета, так как множественные разъяснения Минфина по-разному трактовали отражение лизингового имущества в бухгалтерском учете. Как следствие, все это приводит к правовой неопределённости для бизнеса, выбор модели лизинга зависит не от экономической целесообразности, а от того, как конкретные суды и налоговые органы интерпретируют термин.

Анализируя сложившуюся проблематику, необходимо сделать следующие выводы и предложения по совершенствованию регулирования. Термин «финансовый лизинг» — результат некорректного калькирования английского *finance lease*, в следствии чего, смысл слова *leasing* («аренда») был утрачен, что создало правовую конструкцию, не соответствующую международным моделям. Далее, российское законодательство закрепило ошибку, что привело к неоднозначной судебной практике и разночтениям в ведомственных инструкциях. Таким образом, неправильный перевод стал причиной правовой неопределённости, влияющей на хозяйственный оборот. Эти разночтения возникли именно из-за некорректного перевода и терминологической неопределенности. Для внесения ясности, следует прежде всего пересмотреть российскую терминологию. Ввести понятие «аренда с финансированием» как основной термин, оставив «лизинг» как возможную разновидность. Следует дать чёткое определение слову лизинг: Лизинг – процесс аренды имущества, финансирование приобретения прав на которое арендодателем происходит специально и исключительно для сделки.

Исходя из четко закрепленного определения далее уточнить нормы ГК РФ, разграничив: экономический лизинг (*finance lease*), операционную аренду.

Внести согласованные изменения в налоговое законодательство, исключив разночтения между позициями Минфина и ФНС.

Создать единый глоссарий финансовых терминов, обязательный для применения в федеральных нормативных актах. Ориентироваться на международные стандарты IFRS 16 [1], где чётко различаются финансовая и операционная аренда.

Таким образом, внесение изменений в правовые акты необходимо начать в первую очередь с утверждения верной терминологии. Учитывая сложившийся длительный опыт, автор статьи считает, что необходимо использовать прижившееся слово лизинг, закрепив за ним четкое и ясное определение и внести соответствующие поправки в Гражданский кодекс, а именно в статьи 668 ГК РФ, статьи 665 ГК РФ.

Библиографический список

1. International Accounting Standard (IAS) 17 / IFRS 16 «Leases». 2019.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.02.2023) // СЗ РФ. —1996. —№ 5. — Сс. 410.
3. Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. —1998. —№ 44. — ст. 5394.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. —2016. —№ 5.
5. Определение Верховного Суда РФ от 22.03.2016 № 308-ЭС15-19985 // Бюллетень Верховного Суда РФ. —2016. —№ 7.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.06.2012 № 15724/11 по делу № А40-130832/10-110-965 // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 9.
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.06.2012 № 15724/11 // СПС «КонсультантПлюс» офиц. сайт. — URL:**http://www.consultant.ru/** (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
8. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А41-8278/2024 от 30.01.2025 «О правовой природе договора финансовой аренды» // Арбитражный суд города Москвы. — 30.01.2025. Дело № А41-8278/2024. // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции — URL: **https://sudrf.cntd.ru/document/1313444481** (дата обращения: 20.11.2025) — Текст: электронный.
9. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 9 июля 2013 г. по делу № А55-24749/2012 // СПС «КонсультантПлюс» офиц. сайт. — URL: **http://www.consultant.ru/** (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
10. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.07.2014 № А56-41225/2013 «Об оставлении без изменения решения по взысканию задолженности и пеней по договору лизинга» // ФАС СЗО. — 07.07.2014. Дело № А56-41225/2013. // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции — URL: **https://sudrf.cntd.ru/document/809990991** (дата обращения: 20.11.2025) — Текст: электронный.
11. Письмо Минфина России от 17.02.2005 № 03-03-01-04/1/57 «О налогообложении лизинговых операций» // Финансовая газета. — 2005. —№ 9.
12. Письмо Министерства финансов РФ от 30.06.2009 № 03-03-06/1/422 «Об учете имущества, переданного в лизинг» // Официальный сайт Министерства финансов РФ. —URL **https://www.garant.ru/** (дата обращения: *20.11.2025*). — Текст: электронный.
13. Письмо ФНС России от 29.12.2018 № СД-4-3/25922 «О применении НДС при лизинговых операциях» // Налоговый вестник. 2019. —№ 2.

14. Приказ Министерства экономического развития РФ от 28.11.2016 № 763 «Об утверждении требований к фондам содействия кредитованию (гарантийным фондам, фондам поручительств) и их деятельности» // ГАРАНТ. Руководящие документы. Гарант: офиц. сайт. — URL: **https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71466218/** (дата обращения: 20.11.2025) — Текст: электронный.
15. О налогообложении операций по договорам лизинга: письмо ФНС Рос. Федерации от 13 апр. 2017 г. № СД-4-3/6952 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: **http://www.consultant.ru/** (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
16. Абесалашвили М.З. Договор финансовой аренды в современном гражданском праве // Право и практика. — 2019. — № 2. —С. 3-8.
17. Балабанова О.А. Договор аренды и его виды: сравнительно-правовой анализ. — М.: Проспект, 2020. —256 с.
18. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. — М.: Статут, 2021. — 848 с.
19. Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Правовые аспекты договора лизинга и особенности лизинговых правоотношений в современной России // Вестник ТГУ. —2023. —№ 2. —С. 45-52.
20. Карапетов А. Г. Договоры о предоставлении имущества во временное пользование // *Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики*: сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Суханова. — М.: Статут, 2019. — С. 389–430.
21. Лубенович Э. Виды договоров аренды в Российской Федерации // Современное право. —2020. —№ 5. — С. 67-73.
22. Синдяшкина Е.Н. Юридическая природа лизинга: современные подходы и проблемы // Право и экономика. — 2022. —№ 8. —С. 34-41.
23. Синяев В.В. Правовая природа договора лизинга // Хозяйство и право. —2019. —№ 3. — С. 45-52.
24. Шестеряков И.А. Терминологические аспекты регулирования лизинговых отношений в России // Юридическая наука и практика. — 2021. — № 3. — С. 112-119.
25. Wood P. The Law and Practice of International Finance. London: Sweet & Maxwell, 2020. 512 p.

Казакова Диана Андреевна
студентка 1 курса магистратуры,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОСУДИЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Kazakova Diana Andreevna,
1-st year master's student,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE JUDICIARY: INTERNATIONAL EXPERIENCE

Аннотация: *в статье рассматриваются направления, формы и ограничения использования технологий искусственного интеллекта в сфере правосудия на примере зарубежных государств. Анализируются теоретические подходы к роли ИИ в судебном процессе, международные и региональные стандарты, в том числе Европейская этическая хартия по использованию ИИ в судебных системах, а также конкретные практики применения алгоритмов в Европе, США, Китае и некоторых других странах. Особое внимание уделяется правовым и этическим рискам: непрозрачности алгоритмов, дискриминации, проблемам ответственности и защите персональных данных. На основе работ российских и зарубежных авторов делается вывод о необходимости комбинированного подхода, при котором ИИ выступает вспомогательным инструментом, а окончательное решение по делу оставляет за собой человек.*

Abstract: *the article examines the directions, forms, and limits of the artificial intelligence technologies use in the field of justice, based on the experience of foreign countries. Theoretical approaches to the role of AI in judicial proceedings, international and regional standards, including the European Ethical Charter on the use of AI in judicial systems, as well as specific practices of algorithmic applications in Europe, the United States, China, and several other countries are analysed in the present article. Particular emphasis is paid to legal and ethical risks, such as*

algorithmic opacity, discrimination, issues of responsibility, and personal data protection. Based on the works of Russian and foreign authors, the article concludes that a combined approach is necessary, within which AI acts only as an auxiliary tool while the final decision remains with a human judge.

Ключевые слова: *искусственный интеллект (ИИ), правосудие, судебная система, смарт-суды, оценка рисков, международные стандарты, права человека.*

Keywords: *artificial intelligence (AI), justice, judicial system, smart courts, risk assessment, international standards, human rights.*

Цифровизация правосудия стала устойчивой тенденцией последних лет. Если сначала речь шла о переводе дел в электронный формат, внедрении систем электронного документооборота и видеоконференций, то сегодня обсуждается использование более сложных технологий, в том числе систем искусственного интеллекта (далее в тексте – ИИ). Такие системы могут анализировать большие массивы судебных решений, помогать в оценке рисков, автоматизировать подготовку процессуальных документов и даже участвовать в вынесении решений по типовым спорам.

В отечественной литературе ИИ в праве трактуется как совокупность программных средств на основе машинного обучения и анализа больших данных для задач, традиционно выполняемых юристами и судьями [1, с. 139]. Е. А. Войниканис и соавторы подчёркивают его потенциал выявлять закономерности правоприменения и одновременные риски для правовой системы [1, с. 139]. А. В. Незнамов указывает, что внедрение ИИ в судопроизводство требует специальных правовых и этических принципов и должно обеспечивать доверие через прозрачность алгоритмов и соблюдение прав участников процесса [2, с. 34]. В зарубежной теории ИИ рассматривается как часть автоматизации принятия решений и как вызов традиционным механизмам регулирования и процедурным гарантиям [3, с. 115]. Ф. Паскуале обращает внимание, что закрытый характер алгоритмов формирует «чёрный ящик», влияющий на судьбы людей и затрудняющий общественный контроль [4, с. 18].

Цель статьи заключается в систематизации международного опыта внедрения искусственного интеллекта в сферу правосудия и выявлении ключевых правовых и этических проблем, которые должны учитываться при развитии аналогичных проектов. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с использованием ИИ в судебных системах зарубежных стран. Предметом являются правовые подходы, стандарты и практики применения алгоритмов в деятельности судов и иных органов, участвующих в отправлении правосудия.

В литературе и практике выделяются четыре направления применения ИИ в правосудии. Первое — аналитика судебных актов и иных юридически

значимых документов для выявления закономерностей, типичных мотивировок и прогнозирования исходов. Такие решения развивают коммерческие платформы в Европе и Северной Америке [5, с. 8]. Второе — системы поддержки принятия решений в гражданском и арбитражном процессе, помогающие оценивать перспективы спора, выбирать меры по обеспечению иска, рассчитывать размер ответственности и учитывать статистику по аналогичным делам, повышая единообразие правоприменения.

Третье — онлайн-платформы и «смарт-суды» с глубокой автоматизацией процедур. Наиболее продвинут Китай с интернет-судами, где ИИ интегрирован в приём исков, обмен документами, подготовку проектов решений и аналитику практики [7, с. 15]. Четвёртое — вспомогательные сервисы: генерация шаблонов, распознавание речи и автопротоколирование, распределение дел и планирование заседаний; они обычно не вызывают споров, поскольку не затрагивают оценку доказательств и разрешение спора по существу.

Вопрос о допустимых границах использования ИИ в судебной деятельности является предметом дискуссии. Российские авторы в целом признают потенциал ИИ для повышения эффективности правосудия, но подчеркивают недопустимость замены судебного усмотрения автоматизированными решениями.

А. В. Незнамов, анализируя первые проекты использования ИИ в судопроизводстве, предлагает рассматривать ИИ как инструмент, который может повышать предсказуемость правоприменения и снижать нагрузку на судей, но только при условии соблюдения принципов прозрачности, контролируемости и сохранения решающей роли человека [2, с. 35]. Е. С. Чуканова отмечает, что автоматизированные системы способны ускорить работу судов и повысить единообразие решений, однако усиливают риски формализации подходов и стирания индивидуальных особенностей дела [8, с. 84].

Е. А. Войниканис и соавторы обращают внимание на то, что самообучающиеся алгоритмы меняют структуру юридической ответственности. Если традиционно судья лично отвечает за свое решение, то при использовании непрозрачного алгоритма затрудняется установление того, кто несет ответственность за ошибочное или дискриминационное решение: разработчик, владелец системы, орган власти или сам судья, опирающийся на рекомендации ИИ [1, с. 36].

М. Хильдебрандт указывает, что применение ИИ в правосудии затрагивает не только отдельные процессы, но и базовые основы правового государства, включая право на справедливое судебное разбирательство и требования к мотивировке решений. Она подчеркивает, что использование алгоритмов, построенных на статистических корреляциях, может приводить к принятию решений без достаточного индивидуального обоснования [3, с. 109].

Ф. Паскуале, анализируя роль алгоритмов в общественной жизни, утверждает, что закрытые программные решения без доступа к исходному коду и данным подрывают доверие к институтам, включая суды. По его мнению, для сохранения легитимности правосудия необходимо обеспечивать алгоритмическую подотчетность и возможность независимой экспертизы систем ИИ [4, с 267].

Европейский подход к применению ИИ в правосудии во многом формируется вокруг принципов, закрепленных в Европейской этической хартии по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении, принятой Европейской комиссией по эффективности правосудия (CEPEJ) в 2018 году. В Хартии выделено пять основных принципов: уважение фундаментальных прав, недискриминация, качество и безопасность, прозрачность, беспристрастность и справедливость, а также пользовательский контроль [9]. Эти принципы служат ориентиром для государств-членов при проектировании и внедрении систем ИИ в судебной сфере.

Во многих европейских странах развиваются проекты так называемого электронного правосудия, включающие элементы ИИ. В Эстонии обсуждали автоматизацию рассмотрения мелких исков, однако ведомство официально уточнило, что «судья-робот» не создаётся и цель состоит в снижении административной нагрузки на суды [10]. Этот пример показывает, что общественная дискуссия вокруг ИИ в правосудии нередко опережает реальные технические возможности. В Великобритании изучают предиктивные решения на основе больших данных, но правозащитники указывают на риск предвзятости и усиления социальных стереотипов [11]. Во Франции и ряде других стран ЕС появились коммерческие сервисы, предлагающие судьям и адвокатам инструменты статистического анализа судебных решений для прогнозирования исходов дел. В ответ законодательством Франции были ограничены использование и публикация статистики о деятельности отдельных судей, что рассматривается как попытка защитить независимость судейского усмотрения от давления, основанного на алгоритмических рейтингах.

Китай считается одним из лидеров по внедрению ИИ в судебную систему. На уровне Верховного народного суда приняты программные документы, предусматривающие широкое использование ИИ к 2025–2030 годам для внешних сервисов и внутреннего управления судами [7]. В Китае созданы так называемые интернет-суды, где значительная часть процедур осуществляется онлайн, а система ИИ помогает в подготовке документов, анализе доказательств и даже формировании проекта судебного решения [14].

Исследователи китайского опыта отмечают, что эти системы рассматриваются властями как инструмент повышения эффективности и единообразия правоприменения. Однако одновременно возникает вопрос о

том, насколько такие практики соответствуют требованиям справедливого судебного разбирательства, особенно с учетом ограниченного общественного контроля над судебной системой [15].

Некоторые другие государства также экспериментируют с ИИ-системами для онлайн-разрешения споров и медиации. В Канаде и Великобритании обсуждаются проекты так называемых роботов-медиаторов, которые помогают сторонам прийти к соглашению в простых гражданских спорах. В этих случаях ИИ выступает вспомогательным инструментом, а окончательное утверждение соглашения остается за человеком.

Одной из ключевых проблем является непрозрачность алгоритмов, особенно в случае коммерческих решений, защищенных режимом коммерческой тайны. Как отмечает Ф. Паскуале, закрытый характер алгоритмов создает ситуацию, когда граждане не могут понять, каким образом было принято решение, которое влияет на их права [4, с. 65]. В судебной сфере это противоречит требованию мотивированности судебного решения и возможности его проверки вышестоящей инстанцией.

Европейская комиссия по эффективности правосудия (CEPEJ) специально подчеркивает необходимость обеспечивать прозрачность и возможность объяснения логики работы ИИ-систем, используемых в правосудии [16]. Это предполагает не только техническую документацию, но и доступные для участников процесса механизмы обжалования решений, основанных на алгоритмических рекомендациях.

Вторая проблема связана с риском дискриминации, возникающей из-за особенностей данных, на которых обучаются алгоритмы. В ряде исследований отмечается, что предиктивные системы могут по-разному оценивать одни и те же ситуации в отношении отдельных социальных и этнических групп, что ставит под сомнение их соответствие принципу равенства перед законом [12].

М. Хильдебрандт указывает, что такая ситуация связана с тем, что алгоритмы машинного обучения выявляют статистические зависимости, не отличая факторы, которые отражают объективные закономерности, от факторов, обусловленных прежними дискриминационными практиками [3, с. 14]. Поэтому при внедрении ИИ в правосудие требуется не только техническая настройка моделей, но и правовой контроль за используемыми данными и критериями прогнозирования.

Серьезную дискуссию вызывает вопрос о распределении ответственности между разработчиками ИИ-систем, органами государственной власти и конкретными судьями. Российские авторы справедливо обращают внимание, что судебное решение как акт правосудия должно оставаться результатом оценки доказательств человеком, а любые алгоритмические рекомендации не могут освобождать судью от обязанности самостоятельно анализировать материалы дела [2, с. 35].

В европейских документах подчеркивается принцип пользовательского контроля: решения, основанные на ИИ, не должны приводить к автоматическому ограничению или лишению субъективных прав без участия человека [16]. В этой логике ИИ рассматривается как вспомогательный инструмент, а не самостоятельный субъект, принимающий решения. Одновременно акцентируется необходимость строгого соблюдения требований в сфере защиты персональных данных, поскольку работа таких систем неизбежно связана с обработкой больших массивов чувствительной информации. Нарушение этих требований способно привести к неправомерному профилированию участников процесса, поэтому внедрение ИИ в судебную систему связывается с обеспечением гарантий информационной безопасности и эффективного правового контроля над использованием данных [17, с. 21].

Международный опыт показывает, что ИИ в правосудии используется по двум основным направлениям: как вспомогательный инструмент для подготовки документов, электронного делопроизводства и анализа судебной практики, а также как элемент, влияющий на принятие процессуальных решений и формирование проектов судебных актов. Китайская практика смарт-судов демонстрирует, что такая цифровизация способна существенно повысить эффективность рассмотрения дел, но одновременно обостряет вопросы о достаточности процессуальных гарантий и сохранении права на справедливое судебное разбирательство. Европейский подход, закреплённый в документах Совета Европы, акцентирует уважение фундаментальных прав, не дискриминацию, прозрачность и пользовательский контроль, исходя из того, что ИИ должен оставаться инструментом поддержки, а не заменой судьи.

Для российской судебной системы, прежде всего для арбитражных судов, наиболее значимым представляется заимствование именно этих элементов: развитие электронного правосудия, автоматизация подготовки судебных актов и аналитическая обработка массивов практики при сохранении решающей роли судьи в оценке фактов и доказательств. Дальнейшее внедрение ИИ возможно при условии нормативного закрепления специальных принципов его использования, создания механизмов независимой экспертизы алгоритмов с точки зрения соблюдения прав человека и недопустимости дискриминации, а также обеспечения персональной ответственности судьи за итоговое решение по делу.

Таким образом, международный опыт внедрения ИИ в правосудие представляет собой не только набор технических решений, но и поле сложной правовой и этической дискуссии. Учитывая результаты этой дискуссии, государствам при планировании собственных проектов следует исходить из того, что цифровизация и автоматизация должны усиливать, а не ослаблять гарантии справедливого судебного разбирательства.

Библиографический список

1. Войниканис Е. А., Семёнова Е.В., Тюляев Г. С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravo-vyzovy-i-vozmozhnosti-samoobuchayuschihsya-algoritmov (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
2. Гринь Е. А. Возможности искусственного интеллекта в гражданском процессе // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2023. – № 1 (12). – С. 20-28. – URL: https://www.researchgate.net/publication/377853916_Vozmoznosti_iskusstvennogo_intellekta_v_grazdanskom_processe (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
3. Незнамов А. В., Незнамов А. В. Использование искусственного интеллекта в судопроизводстве: первый опыт и первые выводы // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 3. – С. 32–36. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-sudoproizvodstve-pervyy-opyt-i-pervye-vyvody (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
4. Чуканова Е. С., Бабченко А. И. Искусственный интеллект и правосудие: миф или реальность // Уголовная юстиция. – 2024. – № 23. – С. 83–87. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravosudie-mif-ili-realnost (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
5. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias: There’s Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It’s Biased Against Blacks // ProPublica. – 2016. – URL: https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
6. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias: There’s Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It’s Biased Against Blacks // ProPublica. – 2016. – URL: https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
7. Antinucci M. EU Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems with a Part of the Law being Established on Blockchain as a Trojan Horse Anti-Counterfeiting in a Global Perspective. – 2020. – 23 p. URL: https://www.piselliandpartners.com/wp-content/uploads/2020/06/EU-Ethical-Charter-on-the-use-of-artificial-

intelligence-in-judicial-systems-with-a-part-of-the-law-being-established-on-blockchain-as-a-trojan-horse-anti-counterfeiting.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
8. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence (AI) in Judicial Systems and Their Environment. – Council of Europe, December 2018. – URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment (дата обращения: 10.11.2025).
9. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence (AI) in Judicial Systems and Their Environment. – Strasbourg: Council of Europe, December 2018. – URL: https://book.coe.int/en/computers-and-law/7842-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-in-judicial-systems-and-their-environment.html (дата обращения: 10.11.2025).
10. Hildebrandt M. Smart Technologies and the End(s) of Law: Novel Entanglements of Law and Technology. – Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2016. – 296 p. URL: https://www.e-elgar.com/shop/gbp/smart-technologies-and-the-end-s-of-law-9781786430229.html (дата обращения: 10.11.2025).
11. Macintyre B. Precrime profiling is no longer a fantasy // The Times. – 01 Aug. 2025. – URL: https://www.thetimes.com/comment/columnists/article/precrime-profiling-is-no-longer-a-fantasy-nkrzjkz9m (дата обращения: 10.11.2025).
12. Ministry of Justice and Digital Affairs (Estonia). Estonia does not develop AI Judge // State portal Eesti.ee. – 16.02.2022. – URL: https://www.justdigi.ee/en/news/estonia-does-not-develop-ai-judge (дата обращения: 10.11.2025).
13. Papagianneas S., Junius N. Fairness and justice through automation in China's smart courts // Computer Law & Security Review. – 2023. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0267364923001073 (дата обращения: 10.11.2025).
14. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. – Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2015. – 320 p. –URL: https://raley.english.ucsb.edu/wp-content/Engl800/Pasquale-blackbox.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
15. Reiling H. A. D. (Dory), Papagianneas S. Lessons from China's Smart Court Reform? // International Journal for Court Administration. – 2025. – Vol. 16, № 1. – Art. 2. – URL: https://iacajournal.org/articles/10.36745/ijca.679 (дата обращения: 10.11.2025).

16. Should we use tools like COMPAS to make decisions about whether indivi duals should be sent to prison and for how long? // SOWAIP Reflective Essay. – URL: https://sowaip.pl/should-we-use-tools-like-compas-to-make-decisions-about-whether-individuals-should-be-sent-to-prison-and-for-how-long-reflective-essay/ (дата обращения: 10.11.2025).
17. Vasdani T. Robot justice: China's use of Internet courts // LexisNexis Canada. – 2020-02. – URL: https://www.lexisnexis.ca/en-ca/ihc/2020-02/robot-justice-chinas-use-of-internet-courts.page (дата обращения: 10.11.2025).

Кожекина Ангелина Сергеевна
студентка 3 курса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ РЫНКОВ

Kozhekina Angelina Sergeevna,
3 rd year students
Smolensk branch International law Institute
Smolensk, Russia

CURRENT PROBLEMS OF ANTIMONOPOLY REGULATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND THE DEVELOPMENT OF DIGITAL MARKETS

Аннотация: *в статье рассматриваются, актуальные проблемы антимонопольного регулирования цифровых рынков, а также в начале статьи раскрывается призма-зарождения об истории появлении актуальных проблем. Рассматриваются вопросы о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках, появлении нового феномена «сетевой эффект». В статье выведены и обозначены новые определения, которые отсутствуют в правовой дефиниции, приведены примеры уникальных эффектов, которые описываются в статье, а также обозначены проблемные и положительные аспекты с сопутствующим решением - усовершенствования.*

Abstract: *the article discusses the current problems of antimonopoly regulation of digital markets, and also at the beginning of the article reveals the prism of the origin of the history of the emergence of current problems. The following issues are considered: abuse of a dominant position in digital markets; the emergence of a new phenomenon "network effect"; new definitions that are missing from the legal definition are derived and outlined, examples of unique effects that are described in the article are given, as well as problematic and positive aspects with an accompanying solution - improvements.*

Ключевые слова: *проблемы антимонопольного регулирования, цифровизация, глобализация, цифровые рынки, злоупотребление доминирующим положением, торговые барьеры, российский финансовый конгломерат, эффект «ценообразования», эффект «слияний и поглощения», юридические пороги, интернет-пространства, феномен «сетевой эффект».*

Key words: *problems of antimonopoly regulation, digitalization, globalization, digital markets, abuse of dominant position, trade barriers, Russian financial conglomerate, "pricing" effect, "mergers and acquisitions" effect, legal thresholds, Internet spaces, "network effect" phenomenon.*

Проблемы антимонопольного регулирования в условиях цифровизации стали набирать значимый оборот после пандемии COVID-19, которая началась в 2020 году на территории Российской Федерации. Ввиду этого началось усовершенствование-расширение развития цифровых рынков. Самым обширным и актуальным стал вопрос правового регулирования антимонопольной сегментации органами управления ФАС (Федеральная антимонопольная служба) – это злоупотребление доминирующим положением на цифровых рынках. Вышеуказанная проблема поспособствовала введению пятого антимонопольного пакета так называемых «санкций», еще с июля 2023 года. Для того что бы органы ФАС успели разработать новый прозрачный механизм пресечения злоупотребления доминирования и научились реализовывать свои функции в новой нише инноваций, как цифровые рынки. На законодательном уровне (пример: Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О защите конкуренции») [2] были введены большие изменения и превентивные воздействия на злоупотребления рыночной властью со стороны цифровизации, чтобы задать и обозначить новый вектор работы на цифровых рынках. На сегодняшний день проблемы еще не до конца упразднены, а также набирают оборот в связи с новеллами в сфере цифровизации и ID сфере.

Новизна рассматриваемой тематики заключается в том, что в 21 веке цифровые рынки играют в развитии глобализации значимую роль. В наше время антимонопольное законодательство усиливает торговые барьеры, а также уточняет и ограничивает превентивные процессы. Цифровые рынки способствуют возникновению новых проблем, таких как активные процессы слияний и поглощений, которые не регулируются и не обозначены на данный момент в действующем законодательстве. Цифровые платформы обладают сильными сетевыми эффектами, которые вызваны огромным скачком инноваций ID сферы и в сфере искусственного интеллекта. Как отмечалось в заявлении Германа Грефа на мероприятии «Domclick Digital Forum», проводимом в г. Москва 26 ноября 2025 года, гига чат за один год прошел путь от школьника до кандидата наук [7]. В связи с вышеуказанной информацией, до сих пор открыт вопрос о регулировании многих важных вопросах антимонопольными органами, которые стараются справиться с наплывами

новых вызов проверки «их компетенции», из этого следует, что законодательство имеет свои пробелы и «лазейки» для обхода тех или иных значимых вопросов, которые могут поспособствовать качественной оценки деяний содеянного, а также встаёт самый главный и значимый вопрос, сможет ли антимонопольное правовое поле ограничить все превентивные действия [4]. в отношении цифровых рынков.

Цифровой рынок – это онлайн-пространство в котором покупатель и продавец реализуют свои права, в сфере продвижения и продажи товаров [3]., а также услуг. В правовом поле спецификации управления антимонопольного регулирования не обозначено данное определение, то есть такая дефиниция отсутствует, что является минусом.

К особенностям антимонопольного регулирования в условиях цифровых рынков можно отнести следующее.

В первую очередь, главной составляющей является данные пользователей, которые поспособствовали появлению нового феномена «сетевой эффект». Под сетевым эффектом понимается, своеобразный спрос покупателей на услугу или товар, который считается распиаренным, тем самым услуга или товар поднимают свою значимость и функциональность среди других покупателей-пользователей. Данную особенность регулирования можно отнести как, к положительной стороне, у пользователей появляется своего рода выбор и заинтересованность, а с другой стороны контроль со стороны антимонопольных органов требует новых разработок-пресечения для оценки влияния такого эффекта.

Во-вторых, к особенностям также относится, что органы ФАС вынуждены проводить сжатые проверки, чтобы не останавливать и не тормозить процесс-инноваций, который вызван скоростью развития цифровых рынков.

В-третьих, к регулированию антимонопольного законодательства также можно отнести, что развитие цифровых рынков породило новый эффект «ценообразования». Ранее указанный эффект подразумевает собой, что программы в сфере ID технологий самостоятельно изучают какие сегменты товаров актуальны, тенденции, спрос и даже цены у других конкурентов-продавцов, автоматически анализируя и проставляя наилучшее цену, тем самым облегчая бизнес-процесс и увеличения прибыли. Данную особенность регулирования, также можно отнести к положительной стороне, глобализация цифровизации не стоит на месте, огромными скачками двигается к усовершенствованию, а с дугой стороны, как в дальнейшем антимонопольным органам трактовать и обозначить превентивный перечень действий на законодательном уровне. Не приводит ли эффект «ценообразования» к злоупотреблению доминирующим положением [1]. на цифровом рынке или к новому эффекту «слияния и поглощения»?

Главной целью антимонопольного контроля, для решения вышеуказанных особенностей регулирования и пресечения неблагоприятных порогов развития, является- усовершенствование нормативной базы, внесение поправок в правовое поле, а также обозначение и разработка новых дефиниций, это все необходимо для того чтобы предотвратить новые так называемые «лазейки» и изучить более глубоко специфику цифровых рынков.

Следует обратить внимание на эффект «слияний и поглощения». Указанный ранее эффект был позаимствован в британском праве, это было необходимо для того, чтобы понимать, как трактовать: слияние, разделение, выделение, присоединение и преобразование конкурентных позиций. Вышеуказанная трактовка относится к формам реорганизации юридического лица, которая закреплена действующими нормами ГК РФ [6, с.78], а вот эффект «слияний и поглощения» — это объединения компаний или активов, в одно «целое» с использованием цифровых технологий для реализации своих целей.

Антимонопольным органам ещё только предстоит разобраться с данным эффектом и разработать, а также внести поправки такого рода дефиниции на законодательном уровне, но одно из решений данного эффекта уже нашло свое отражение среди смежных связей между правовыми нормами.

Приведем пример- эффекта «слияний и поглощения», «Сбербанк» в сентябре 2025 года продал долю в соотношении 45%, онлайн-ритейлеру «Еаптека». Данный пример на прямую нам показывает все таинства данного эффекта, суть заключается в том, что российский финансовый конгломерат «разделся» и появилась «Еаптека» и продолжалось такое разделение, под видом «слияния», пока законодатель не обозначил, что это незаконно, что в дальнейшем и поспособствовало продажи непрофильного актива.

Еще одной проблемой, на которой следует сделать акцент – это картельные соглашения. В правовом поле не закреплено определение «картельные соглашения», но есть схожие по смыслу обозначения. Под катерными соглашениями понимается, так называемые «трест», то есть письменное или устное соглашение между участниками, уже с заранее распланированными ролями и действиями, проводимыми на онлайн-аукционе.

Онлайн-аукцион - это интернет пространство, где покупатели из любой точки мира могут подключиться и сделать свои ставки, одно из положительных новелл в правовом поле, которое не тормозит процесс развития, роста онлайн-пространств, но агитирует к новым превентивным процессам, таким как: искусственный рост цен, злоупотребление доминирующим положением, отсутствие новых предложений и товаров, вытеснение новых игроков на рынках, а также сговор участников.

Из вышеуказанного, можно выделить проблемные аспекты, такие как:

- в правовом поле не обозначены многие дефиниции, что способствует и порождает юридические пороги,

- антимонопольное законодательство предотвращает превентивные процессы [5]., но все же допускает «лазейки»,

- искусственный интеллект, не является вспомогательным и опорным инструментальным средством, что порождает отрыв между законодательной базой и интернет пространством,

- маленький опыт обмена «рождаемых» приступных схем на онлайн-площадках.

В качестве решения вышеуказанных проблемных аспектов можно выделить следующее. Выпускать больше специалистов в «узких» отраслях права и юриспруденции, которые поспособствовали развитию уникальных открытий в области антимонопольного регулирования и контроля. Делиться и развиваться с дружественными зарубежными странами, опытом и уникальными случаями. Заимствовать опыт из смежных отраслей науки. Повышать уровень образования у специалистов, а также проводить: тренинги, курсы, конференции и круглые столы. Использовать искусственный интеллект для реализации и выполнения вспомогательных функций органов антимонопольного регулирования, а также разработать и выпустить новые программы, которые бы способствовали пресечению превентивных процессов и облегчали процесс работы антимонопольных органов, в том числе сокращали время для устранения последствий, а также можно реализовать новые программы обучения для новых специалистов, которые бы разрабатывали и устраняли пробелы в антимонопольном правовом поле.

Помимо отрицательных и положительных сторон антимонопольного регулирования в условиях глобализации и развития цифровизации, также были достигнуты и стабилизирующие меры, такие как, создание равных условий на цифровых рынках, с помощью интернет-пространств, повысилась эффективность работы антимонопольных органов и выявление редких и уникальных случаев, а также усиленная защита потребителей.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации —URL: http://pravo.gov.ru, (дата обращения:06.10.2022). — Текст: электронный.
2. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "О защите конкуренции" // "Российская газета", N 162, 27.07.2006.
3. Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" // "Российская газета", N 159, 22.07.2011.
4. Федеральный закон от 03.07.2016 N 236-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Российская газета", N 146, 06.07.2016.
5. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) "Об акционерных обществах" // "Российская газета", N 248, 29.12.1995.
6. Гражданское право: учебное пособие для вузов / Е. Г. Шаблова, О. В. Жевняк; под общей редакцией Е. Г. Шабловой. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 131 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16272-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: **https://urait.ru/bcode/538852**.
7. omclick Digital Forum [Электронный ресурс]. - URL: **https://ddd.click/events/2025/moscow/** (дата обращения: 01.12.2025). — Текст: электронный.

Кравцов Илья Павлович
студент 2 курса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

Деркач Диана Александровна
Студентка 2 курса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА[1]

Ilya Pavlovich Kravtsov
2nd year student,
Smolensk Branch of the International
Law Institute,
Smolensk, Russia
Derkach Diana Aleksandrovna
2nd-year student,
Smolensk Branch of the International Law Institute,
Smolensk, Russia

THE LEGAL NATURE OF INFORMATION AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

***Аннотация*:** настоящая работа посвящена анализу трансформации правового статуса информации в условиях стремительной цифровизации общественных отношений в Российской Федерации. Исследуется переход от

[1] Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Смоленский филиал Международного юридического института, Сенкевич Виктория Валерьевна.

традиционной индустриальной модели к цифровой эпохе, который сопровождается активным внедрением коммуникационных и информационных технологий, не только в общественную жизнь, но и в другие сферы жизни человека. Особое внимание уделяется взаимодействию научно-технического прогресса и гражданского права, в частности, проблеме определения информации как объекта гражданских правоотношений. Так же данная статья анализирует законодательные изменения в Гражданском кодексе РФ, повлекшие исключение информации из перечня объектов гражданских прав. Проводится анализ различных точек зрения правоведов на это решение, затрагивающих природу и статус информации. Отмечается, что такой подход вызвал возникновение правовой коллизии между Гражданским кодексом РФ и другими федеральными нормативно правовыми актами, а в частности Федеральным законом “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”, Данный нормативно правой акт, даёт определение информации как объекту правовых отношений. Так как приведённый выше Федеральный закон продолжает рассматривать информацию как самостоятельный объект правоотношений, в системе права выявляются сложности в вопросе правоприменения.

Так же в статье на фоне стремительного развития цифровизации и появления новых феноменов, таких как искусственный интеллект, поднимается вопрос о его правовом статусе и авторских правах на созданные им объекты. Авторы приходят к выводу о необходимости восстановления понятия “информация” в статье 128 Гражданского кодекса РФ для гармонизации правового поля и предотвращения дальнейших противоречий в условиях динамичного развития цифрового общества.

Abstract: this paper is dedicated to the analysis of the transformation of the legal status of information in the context of the rapid digitalization of social relations in the Russian Federation. It examines the transition from the traditional industrial model to the digital era, which is accompanied by the active implementation of communication and information technologies, not only in public life but also in other spheres of human existence. Special attention is paid to the interaction between scientific and technological progress and civil law, particularly the issue of defining information as an object of civil legal relations. Furthermore, this article analyzes legislative changes in the Civil Code of the Russian Federation that led to the exclusion of information from the list of objects of civil rights. It also analyzes various legal scholars' viewpoints on this decision, touching upon the nature and status of information. It is noted that this approach has caused a legal conflict between the Civil Code of the Russian Federation and other federal normative legal acts, specifically the Federal Law "On Information, Information Technologies, and Information Protection." This normative legal act defines information as an object of legal relations. Since the aforementioned Federal Law continues to consider

information as an independent object of legal relations, complexities arise in the application of law within the legal system.

Ключевые слова: гражданское право, право, информация, цифровизация искусственный интеллект, авторское право.

Key words: civil law, law, information, digitalization, artificial intelligence, copyright.

В сегодняшнем этапе развития Российской Федерации прослеживается одна из наиболее значимых и определяющих черт - активный процесс перехода от традиционной индустриальной модели к формированию всеобъемлющего информационного общества. Данная трансформация осуществляется посредством глубокого и последовательного внедрения передовых информационных и коммуникационных технологий, которые проникают в каждый аспект человеческой жизнедеятельности: от повседневного быта и межличностного общения до сложнейших государственных и экономических систем. Этот переход затрагивает не только технологические инструменты, но и кардинально меняет подходы к организации труда, получению знаний, управлению ресурсами и взаимодействию граждан, что обусловливает новые вызовы и открывает уникальные возможности для развития страны.

В контексте современного российского государства наблюдается неуклонное и интенсивное ускорение научно-технического прогресса, ставшего одним из ключевых и неотъемлемых двигателей развития социума. Эта стремительная динамика технологического совершенствования не только определяет вектор экономических преобразований, но и глубоко влияет на социальную структуру. Вследствие беспрецедентного внедрения и повсеместного распространения новейших технологий затрагивается широкий спектр областей, в числе которых - и юриспруденция. А, в частности, развитие современного мира очень тесно взаимодействует с гражданским правом, а иногда и определяет его дальнейшее развитие.

Информация как объект гражданского права представляет собой значимый и ключевой аспект научного исследования. В современном мире она становится не только предметом правовых отношений, но и явлением, охватывающим вопросы авторских прав, коммерческой тайны и интеллектуальной собственности.

Понятие «информация» законодатель закрепляет в статье 2 Федерального закона № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2]. Исходя из данного нормативно правового акта, информация стоит определять как — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Отсюда следует, что информацию стоит рассматривать в текстовой, графической, или звуковой модели передачи. Так же нельзя не отметить, что определение информации до 1 января 2008 года законодателем так же определилось и гражданском

кодексом и определялось как объект гражданских правоотношений, но после вступления в юридическую силу Части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации законодатель перестал рассматривать информацию в качестве объекта гражданских правоотношений. Данное решение об исключении информации из статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации было основано на статье 17 Федерального закона от 18.12.2006 №231-ФЗ «О введении в действие части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3]. Законодатель мотивирует своё решение об исключение информации из статьи 128 гражданского кодекса, введением Части 4 Гражданского кодекса, а в частности, включением в неё таких понятий, как интеллектуальная собственность, коммерческая тайна и других объектов права, которые, по мнению законодателя, ранее составляли понятие информации. Стоит отметить, что данное решение законодателя вызвало бесчисленные споры [1]. Так, исходя из мнения правоведа Л. Б. Ситдиковой, законодатель не без обоснований исключил информацию из списка объектов гражданского права, «тем самым растворив информацию среди объектов гражданских прав, при этом сохраняя её значимость и сам факт её существования» [8, с.49]. Так же здесь стоит отметить, что с мнением Л. Б. Ситдиковой согласились далеко не все правоведы, а многие правоведы вступили в правовую дискуссию.

Так, С. К. Резников в своих работах говорил, что «исключение информации из состава объектов гражданского права нецелесообразно на современном этапе развития общества, так как информация —- востребованный объект гражданского права» [7, с.81]. Так же в этом вопросе стоит учитывать мнение такого значимого правоведа как Е. А. Суханов, который в свою очередь утверждая, что «самостоятельным объектом гражданских прав может быть только охраноспособная информация, то есть она обязательно должна выступать объектом имущественного права» [9, с. 21]. Стоит также отметить, что Е. А. Суханов хоть и встал на защиту информации как объекта гражданских правоотношений, но даже в этой позиции есть правоведы, которые несколько уточняют или вовсе искажают мнения Е.А. Суханова. Так, В. А. Дозорцев в своих работах неоднократно говорил, о том, что «информацией следует считать только ту, что представляет ценность для экономического оборота. То есть информацией в гражданско-правовом смысле могут быть лишь конфиденциальные, недоступные сведения» [5, с. 21].

Исходя из мнений правоведов, можно сделать вывод, что единой позиции нет, но мнение законодателя по данному вопросу остаётся в силе, хоть и противоречит само себе. Таким, образом учитывая ранее приведённый нами Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а в частности анализа данного закона можно выделить статью 5. В рамках данной статьи

законодатель прямо определяет информацию как объект гражданских правоотношений говорит. Таким образом, рассматривая данный федеральный закон, мы можем сделать вывод, что законодатель образует правовую коллизию. Также нельзя не сказать, что с переходом к информационному обществу регулирование отношений, объектом которых непосредственно выступает информация, становится более актуальным, особенно в юридическом контексте. В результате воздействия информационно-правовых норм на информационные отношения последние приобретают форму правоотношения.

Общество на современном этапе своего развития живет в потоке информации, ее объем растет очень быстро и, в связи с ускоренным развитием процессов цифровизации, информация требует дополнительных форм закрепления, поскольку в своём понимании она уже давно вышла за пределы тех терминов, что законодатель определяет в части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, с усилением цифровизации появляются всё новые, ранее не известные законодателю и праву, объекты правоотношений. Так, в частности, стоит отметить появление, а затем и укрепление искусственного интеллекта. Определение искусственного интеллекта закреплено в законодательстве РФ с 2019 года, а именно в Указе Президента Российской Федерации от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [4].

Исходя из данного указа, можно понять, что искусственный интеллект следует понимать, как комплекс технологических решений, способных имитировать человеческие когнитивные функции (с самообучением и автономным поиском решений), достигающих сопоставимых результатов. В связи со всем вышесказанным нам представляется, что ИИ не может быть субъектом гражданских правоотношений. Наше мнение по этому вопросу разделяет Председатель Конституционного суда Российской Федерации Валерий Зорькин, который говорит, что «признание ИИ субъектом права вступает в противоречие со всеми канонами правовой догматики». Делая вывод из слов В.Д. Зорькина, искусственный интеллект стоит рассматривать не как субъект, а скорее, как объект производства информации [5, с. 8]. Здесь также стоит отметить нерешённый вопрос о наличии авторского права на объекты, созданные искусственным интеллектом. Совершенно точно можно определить, что искусственный интеллект не может владеть правом на созданный им объект, но и человек, под руководством которого искусственный интеллект создал объект, не владеет правом интеллектуальной собственности на этот объект, так как владение человеком этим объектом противоречило бы статье 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации «Автор результата интеллектуальной деятельности», а в частности, рассмотрения части первой этой статьи. «Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание

такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ». Таким образом, исходя из всего вышесказанного, стоит задать вопрос: как же рассматривать объект, созданный искусственным интеллектом?

Совершенно точно можно сказать, что интеллектуальное право не может полноценно существовать, не имея субъекта, которому оно принадлежит. Отсутствие такого автора в случае с искусственным интеллектом делает невозможным применение традиционных норм об авторстве. Тем не менее, хоть у нас и нет собственника этого объекта, созданного искусственным интеллектом, у нас всё же есть сам объект, который сам по себе может являться и является информацией. Как следствие, на современном этапе развития цифровых технологий грань между интеллектуальным правом и информацией крайне размыта, несмотря на то что ранее законодатель и считал, что информация может быть рассмотрена только в контексте интеллектуальных, коммерческих и иных прав, предусмотренных законодателем в Части 4 Гражданского кодекса.

В свете беспрецедентной цифровой трансформации и динамичного развития всеобъемлющего информационного общества, где передовые информационные и коммуникационные технологии проникают в каждый аспект человеческой жизнедеятельности и кардинально меняют подходы к взаимодействию и управлению, мы приходим к настоятельной необходимости законодательного восстановления категории "информация" в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Стоит отметить, что несмотря на то, что законодатель даёт чёткое определение информации в Федеральном законе № 149-ФЗ как сведений, независимо от формы их представления, исключение информации из перечня объектов гражданских прав после 2008 года продолжает вызывать ожесточённые споры в правовом сообществе. В условиях, когда информация становится значимым и ключевым аспектом правовых отношений, охватывая вопросы авторских прав, коммерческой тайны и интеллектуальной собственности, в то время как научно-технический прогресс стремительно формирует новые объекты права, такое возвращение представляется критически важным. Оно позволит не только разрешить существующую несогласованность в законодательстве относительно статуса информации, но и, что принципиально, заблаговременно предотвратить возникновение множества новых коллизий, неизбежно связанных с появлением и регулированием цифровых активов и отношений в стремительно развивающемся информационном обществе.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ. // [Электронный ресурс] – URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102032906 (дата обращения: 19.10.2025). — Текст: электронный.
2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // [Электронный ресурс] – URL:: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.10.2025). — Текст: электронный.
3. Федеральный закон от 18.12.2006 N 231-ФЗ (ред. от 13.06.2023) "О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – ст. 5497.
4. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" // СЗ РФ. – 2019. – № 41. – ст. 5735.
5. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации / В. А. Дозорцев. – 2-е изд. – Москва: Статут, 2024. — С. 414.
6. Зорькин, В. Д. Право в условиях цифровой реальности / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2021. – № 7. – С. 5–19.
7. Резников, С. К. Исключение информации из состава объектов гражданского права: дискуссионные аспекты / С. К. Резников // Российское правосудие. – 2019. – № 5. – С. 78-85.
8. Ситдикова, Л. Б. Информация как объект гражданского права: pro et contra / Л. Б. Ситдикова // Вестник гражданского права. – 2018. – № 3. – С. 45-52.
9. Суханов, Е. А. Объекты гражданских прав / Е. А. Суханов // Гражданское право: учебник: в 2 т./отв. ред. Е. А. Суханов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут,2022. Т. 1. – С. 21

Ломов Сергей Андреевич
студент 3 курса,
Королевский филиал Международного
юридического института,
г. Королев, Россия

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ВИКАРНОГО И ПАУЛИАНОВА ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ[1]

Lomov Sergey Andreevich,
3rd year student
Korolev branch International law Institute
Korolev, Russia

ON THE APPLICATION OF VICARIOUS AND PAULIAN CLAIMS IN CIVIL LAW

Аннотация: *автором предпринимается попытка сформулировать научную позицию по поводу новых нетипичных для российской правовой системы способов защиты прав кредиторов посредством Викарного и Паулианова иска.*

В статье анализируются пределы применения исков, нашедших успешное отражение в иностранном законодательстве.

В статье освещаются проблемные аспекты соотношения применения сроков исковой давности по оспаривании сделок в конкурсном и во внеконкурсном производстве. Обращено также внимание на проблемные аспекты реализации права требования в чужом интересе.

В процессе написания использовались методы эмпирического анализа и синтеза, сравнительного правоведения, формально-юридический и системный.

В результате исследования сделан вывод о необходимости интеграции вышеназванных исков в отечественное законодательство.

[1] Научный руководитель - преподаватель отделения среднего профессионального образования, Королевский филиал Международного юридического института, Гайдуков Дмитрий Андреевич

Abstract: *the author attempts to formulate a scientific position on new methods of protecting the rights of creditors that are not typical for the Russian legal system, such as the Vicarious and Paulian claims.*

The article analyzes the limits of application of these claims, which have been successfully reflected in foreign legislation.

The article highlights the problematic aspects of the application of the statute of limitations for challenging transactions in bankruptcy proceedings and non-bankruptcy proceedings. It also draws attention to the problematic aspects of exercising the right of claim in the name of another person.

In the process of writing, the methods of empirical analysis and synthesis, comparative legal studies, formal-legal and systemic were used.

As a result of the study, the conclusion is made about the need to integrate the above-mentioned claims into domestic legislation.

Ключевые слова: *гражданское право, банкротство, Паулианов иск, Викарный иск, сроки.*

Key words: *civil law, bankruptcy, Paulian claim, Vicarious claim, deadlines.*

Современное гражданское право среди таких классических способов защиты прав кредиторов как требование возмещения убытков, взыскания процентов, требования исполнения обязательств в натуре знает и иные незапрещенные законом. Кредитор, приобретая право требования к должнику, приобретает и право защиты своего субъективного права требовать исполнения обязательства. Средства защиты этого субъективного права закрепляются законодательно. В частности, кредитору предоставляются механизмы защиты от недобросовестных действий должника, заключающихся в отчуждении своих активов [11, с.52].

Савин Д. В. отметил, что в дореволюционной России Паулианов иск был известен, но правовая норма лишь упоминала возможность оспаривания фраудаторных актов должника без конкретики. Возникали вопросы, в том числе о внеконкурсном оспаривании сделок, что ослабляло позиции кредиторов. Законодатели и правоведы искали компромисс для улучшения ситуации [16, с.49-50].

Изначально предлагалось ускорить признание должника несостоятельным. Позже возникла идея дать кредиторам право внеконкурсного оспаривания фраудаторных актов должника. И. И. Карницкий отметил, что ни польско-французское, ни российское право не требуют признания юридической несостоятельности в конкурсном процессе для оспаривания сделок, достаточно фактической несостоятельности должника [15, с.5-64].

И. Карницкий и А. О. Гордон отмечали, что кредитор без права внеконкурсного оспаривания вынужден ждать окончания процедуры банкротства, тогда как должник может выводить активы. Паулианов иск по ст.

1529 Свода законов гражданских отличался от французского права тем, что недействительность акта должника распространялась на всех, без разделения возмездных и безвозмездных сделок.

Российская правовая система не учитывает международную практику, предоставляющую кредиторам специфические инструменты для обжалования соглашений вне процедур конкурсного производства, включая возможность суброгации долговых обязательств. В ряде государств кредиторы могут воспользоваться Паулиановым иском – правовым механизмом, позволяющим оспаривать операции должника, причиняющие ущерб интересам кредитора. Данный правовой инструмент характеризуется четырьмя ключевыми элементами: отчуждение имущественных ценностей, наличие материального вреда, мошеннические действия и осведомлённость о противоправности. Важно подчеркнуть, что в отечественном гражданском праве этот иск функционирует лишь как инструмент защиты кредиторских прав исключительно в контексте банкротных процедур.

В свою очередь, иностранные правопорядки, например Германия, Франция и др., предусматривают его использование и вне банкротных процедур [2]. Суды вынуждены самостоятельно вырабатывать подходы к внеконкурсному оспариванию из-за отсутствия законодательного регулирования, что приводит к решениям, основанным на субъективном мнении конкретной судебной инстанции, при этом Верховный Суд РФ выступает координатором такой практики.

В рамках внеконкурсного оспаривания сделок Верховный Суд РФ оценивает добросовестность через анализ истинных намерений, полномочий контрагентов и юридических последствий для заинтересованных лиц [4]. Однако точный период оспаривания, аналогичный периоду подозрительности, пока определить сложно [5].

Суды признают недействительными сделки, совершённые как после решения о взыскании задолженности, так и до него, если доказывается их цель — причинение вреда кредитору. Например, сделка за 5 месяцев до решения была оспорена [12, с.123].

При оспаривании важно соблюдать сроки: сделки с предпочтением — за 1–6 месяцев до заявления о банкротстве, фраудаторные — за 3 года [17, с.13-16].

Оба типа сделок могут быть оспорены и после принятия судом заявления о банкротстве. При внеконкурсном оспаривании сделки считаются ничтожными (ст. 10 и 168 ГК РФ), а по Закону о банкротстве — оспоримыми. Срок оспаривания при банкротстве — 3 года, а по ГК РФ — 1 год, что создает правовое противоречие и нарушает принцип равенства участников [1].

Существует точка зрения, согласно которой определённые категории сделок исключаются из сферы применения Паулианова иска. В частности, исследователь В. Люке (W. Lüke) обосновывает позицию о том, что решения

относительно наследственной массы – как вступление в наследство, так и отречение от него – представляют собой неотчуждаемые личные полномочия несостоятельного должника. Управляющий в деле о банкротстве (Insolvenzverwalter) лишён возможности оспаривать подобные действия, поскольку необходимо обеспечить защиту интересов правопреемника и гарантировать автономию его волеизъявления независимо от того, совершены ли такие действия до или после инициирования процедуры несостоятельности [19, с.99]. Аналогичную позицию занимает С. Смид (S. Smid), который выделяет круг глубоко персональных юридических действий, находящихся вне досягаемости механизма Паулианова иска: заключение брачного союза, вступление в права наследования и отказ от наследственного имущества.

Если применить концепцию С. Смида к российскому правовому полю, становится очевидным существование ограничений в применении Паулианова иска. Данный правовой инструмент неприменим к ряду специфических обязательств: претензиям, связанным с завещательными отказами, возмещением морального ущерба, материальным компенсациям за ущерб жизни и здоровью, алиментным обязательствам, а также требованиям о предоставлении материального обеспечения [18, с.195].

Кредитор, не являясь стороной в сделке, не имеет право требовать применения последствий признания сделки недействительной (п. 3 ст. 166 ГК РФ), но в силу того, что для него гражданским законодательством не установлен иной способ защиты права этого лица, то этот формальный запрет нивелируется [3].

Необходимо отметить, что в судебной практике отсутствуют какие-либо положения о возможности оспаривания некоторых сделок – мировое соглашение, отказ от иска, прощение долга, признание долга и других – по причине причинения вреда кредиторам [4, с.161]. Судебная практика придерживается позиции, что если у должника отсутствует иное имущество для удовлетворения требований кредиторов, то только в этом случае возможно внеконкурсное оспаривание сделки, в других случаях внеконкурсное оспаривание допускаться не должно, поскольку это является необоснованным ограничением прав должника и его контрагентов [7].

Оспаривание сделки по банкротным основаниям предполагает наличие особого порядка распределения бремени доказывания. В частности, если конкурсный кредитор обосновал существенные сомнения, подтверждающие наличие признаков мнимости сделки, совершенной должником и другим конкурсным кредитором, на последних возлагается бремя доказывания действительности сделки [6]. Дополнительный аргумент в пользу внеконкурсного оспаривания сделок – повышенный стандарт доказывания в конкурсном оспаривании.

На основании изложенного считаем необходим сформулировать статью 306.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в следующей редакции:

«1. Кредитор вправе обратиться в суд с иском о признании недействительной сделки, совершенной с намерением причинить вред кредитору.

2. Положения предыдущего пункта не применяются к сделкам должника, предметом которых являются сделки, неразрывно связанные с личностью.

3. Кредитор вправе обратиться в суд в течение трех лет с момента причинения вреда имущественным правам кредитора».

Ещё одним нетипичным способом защиты прав кредиторов выступает Викарный иск, который нашёл отражение в частном праве Франции в ст.1166 Гражданского кодекса [10]. Примечательна данная правовая конструкция тем, что кредиторы могут осуществлять все права на иски и другие права их должника кроме тех, что неразрывно связаны с личностью. Правовая природа вышеназванного механизма подразумевает своей основой бездействие должника или непринятие им, в ущерб кредиторам, адекватных мер в отношении имеющихся у него прав требования. Такой иск предъявляется кредиторами от имени и за счет их должника. Примечательно также то, что право на этот иск у кредиторов возникает независимо от наличия у должника умысла на причинение ущерба. Правовыми последствиями удовлетворения такого иска является возможность для кредитора обратить взыскание на имущество или на денежные средства их должника, полученные в результате исполнения судебного решения, вынесенного по этому иску.

Таким образом, под Викарным иском следует понимать иск, на основании которого кредитор вправе осуществить право требования, принадлежащее должнику, при этом указанный иск не применяется к обязательствам, неразрывно связанным с личностью должника. Выделим характерные иску признаки: бездействие должника, должник имеет неисполненное право требования, переход права требования от должника к кредитору, возникает независимо от умысла, под действие иска не подпадают требования, неразрывно связанные с личностью должника, осуществляется лишь в том объеме, который соответствует размеру собственного требования кредитора к должнику.

Согласно ст. 423 Гражданского кодекса Японии, Викарный иск получил обоснование в виде суброгации требований [14, с.120].

Возможно ли, чтобы конкурсный кредитор предъявил иск к контрагенту должника от имени самого должника, например, с требованием компенсации убытков по договору? Как правило, подобные иски рассматриваются вне процедуры банкротства и регулируются общими нормами искового производства, например, при взыскании дебиторской задолженности. В решении Арбитражного суда Поволжского округа от 31 июля 2024 года по делу № А55-14944/2019 была выражена позиция, что закон о банкротстве не наделяет конкурсного кредитора правом инициировать судебное разбирательство с целью взыскания убытков в интересах должника с третьих лиц [8].

Этот метод вызывает некоторые вопросы. Взыскание ущерба, привлечение к субсидиарной ответственности и оспаривание сделок служат инструментами защиты интересов кредиторов и имущества банкрота. Аналогично, задача взыскания дебиторской задолженности заключается в пополнении конкурсной массы за счёт получения средств от тех, кто нарушил права несостоятельного должника [8].

В процессе рассмотрения дела № А55-14944/2019 суд кассационной инстанции пришёл к выводу о невозможности подачи исковых требований о компенсации ущерба во время процедур банкротства. Заявитель получил отказ во всех судебных органах. При этом кассационный суд особо подчеркнул неприемлемость таких исковых заявлений именно в контексте банкротных производств, однако остаётся открытым вопрос: касается ли данная позиция только дел о несостоятельности или может применяться шире. Несмотря на то, что законодательство о банкротстве напрямую не предусматривает возможности для кредиторов инициировать судебные разбирательства от имени должника в конкурсном производстве, существующая арбитражная практика иногда допускает такую возможность.

В решении Арбитражного суда Волгоградской области по делу № А12-26195/2024 был удовлетворён иск одного из участников общества, которое выступало должником. В иске содержалось требование о привлечении бывшего руководителя контрагентской организации к субсидиарной ответственности на основании пункта 3 статьи 3.1 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Суд подчеркнул, что даже при отсутствии у участника статуса конкурсного кредитора, он вправе защищать интересы общества в рамках конкурсного производства, особенно в ситуации, когда арбитражный управляющий ещё не назначен.

На момент подачи иска конкурсный управляющий еще не был официально назначен. Несмотря на отсутствие прямого закрепления в законе права участника общества предъявлять требования к контрагентам должника, находящегося в состоянии несостоятельности, в процессе конкурсного производства, арбитражный суд допустил рассмотрение подобного иска, признав его обоснованным.

В случае если конкурсный кредитор не имеет полномочий самостоятельно обращаться с исками к третьим лицам, он может оспорить бездействие арбитражного управляющего, признав его действия противоправными и требуя компенсацию ущерба. В этом случае конкурсный кредитор вправе подать заявление о признании незаконным бездействия управляющего и взыскании убытков [9].

В то же время если кредитор доказывает обоснованность иска к контрагенту должника для успешного иска к управляющему, целесообразнее сразу допустить иск к контрагенту. Это избавит от необходимости

одновременно доказывать и обоснованность иска, и правонарушения арбитражного управляющего.

Полагаем целесообразным ввести статью 306.2 Гражданского кодекса Российской Федерации в следующей редакции: «1. Кредитор вправе от имени и за счет должника осуществлять право требования должника.

2. Положения предыдущего пункта не применяются к сделкам должника, предметом которых являются сделки, неразрывно связанные с личностью».

Исходя из вышеуказанного, следует подвести итог настоящему исследованию. Во-первых, хотя приведенные иски напрямую не поименованы в Гражданском кодексе Российской Федерации, некоторые их положения выведены судебной практикой, особенно банкротной.

Во-вторых, цивилистическая наука в России только подбирается к осознанию и формулированию общих положений о Викарном и Паулиановом исках.

В-третьих, по нашему мнению, эти иски могут являться весьма полезными и заслужат свое место в правоприменении и доктрине.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СЗ РФ. – 1994 г. – № 32 – ст. 3301; СЗ РФ – 2024 г. – № 46. – ст. 7029.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2002 г. – № 43. – ст. 4190; СЗ РФ. – 2025 г. – № 31. – ст. 4706.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: **https://clck.ru/3QM8wc** (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда от 1 декабря 2015 г. № 4-КГ15–54. // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: **https://clck.ru/3QM8md** (дата обращения: 16.11.2025). — Текст: электронный.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда от 8 декабря 2015 № 5-КГ15–179. // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: **https://clck.ru/3QM8nK** (дата обращения: 16.11.2025). — Текст: электронный.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784 // Официальный

сайт Верховного Суда РФ. – URL: **https://clck.ru/3QM98e** (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 78-КГ19-4 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: **https://clck.ru/3QM92g** (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 31.07.2024 № Ф06-6843/2024 по делу № А55-14944/2019 // Официальный сайт Арбитражного суда Поволжского округа. – URL: **https://clck.ru/3QM9BG** (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
9. Решении Арбитражного суда Волгоградской области от 05.06.2025 по делу № А12-26195/2024 // Официальный сайт Арбитражного суда Волгоградской области. –URL: **https://clck.ru/3QM9EL** (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
10. Гражданский кодекс Франции от 11 августа 2025 года (с изм. и доп. 17.11.2025 г.// Официальный интернет – ресурс — URL: **https://clck.ru/3QJd26**. (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
11. Амбарцумов Р. А. К вопросу об оспаривании сделок должника посредством Паулианова иска // Евразийская адвокатура. – 2023. – №1 (60). – С. 52. — URL: **https://clck.ru/3QM8dQ**. (дата обращения: 16.11.2025). — Текст: электронный.
12. Замякина Е. П. Оспаривание сделок в процедуре банкротства // Вестник науки. – 2025. – №2 (83). – С. 123. — URL: **https://clck.ru/3QM8ju** (дата обращения: 16.11.2025). — Текст: электронный.
13. Кагальницкова Н. В., Толстова О. С. Теоретико-правовые проблемы внеконкурсного оспаривания сделок должника, совершенных с целью причинения вреда его кредиторам // Legal Concept. - 2023. - №1.- С. 161. — URL: https://clck.ru/3QM8vY (дата обращения: 15.11.2025). — Текст: электронный.
14. Кратенко М.В. Гражданский кодекс Японии / М.В. Кратенко. — Издательство «Проспект», 2024. – С.120.
15. Протоколы гражданского отделения С.-Пб. юридического общества за 1881 год. Реферат И. И. Карницкого «О праве кредиторов опровергать сделки, заключенные должниками с третьими лицами». Прения по реферату. Заключение // Журнал гражданского и уголовного права. – 1882. – Кн. 6. – С. 5–64.
16. Савин Д. В. Становление и развитие внеконкурсного оспаривания в европейских правовых системах и в дореволюционной России // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 1. – С. 49 – 50.

17. Цыкунова, А. А. Анализ судебной практики по внеконкурсному оспариванию сделок / А. А. Цыкунова. — Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. — 2020. — № 1 (15). — С. 13-16. — URL: **https://clck.ru/3QM8o9**. (дата обращения: 16.11.2025). — Текст: электронный.
18. Шишмарева Т. П. К проблеме оспариваемости сделок отказа от наследства в процедурах несостоятельности в России и Германии // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. – 2021. – №41. – С. 195. — URL: https://clck.ru/3QM8pf (дата обращения: 16.11.2025). — Текст: электронный.
19. InsO. Kommentar zur Insolvenzordnung / Herausgeber Rechtsanwalt B.M. Kuebler, H. Pruetting, R. Bork. Koeln: RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH, 1998. Bd. 2. C. 99. URL: **www.kpd-inso.de** (дата обращения: 16.11.2025).

Лыткин Константин Викторович
студент 4 курса,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия

Наймушин Даниил Алексеевич
студент 4 курса,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия

О ПЕРСПЕКТИВАХ ВЛИЯНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

Lytkin Konstantin Viktorovich
4th-year student,
St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

Naymushin Daniil Alekseevich
4th-year student,
St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Порохов Михаил Юрьевич.

ON THE PROSPECTS FOR THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON CIVIL PROCEDURE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: *в статье рассмотрены перспективы влияния искусственного интеллекта на гражданский процесс в России. Проанализирована текущая ситуация развития гражданского процесса и технологий искусственного интеллекта.*

Abstract: *this article examines the potential impact of artificial intelligence on civil procedure in Russia. It also analyzes the current state of development of civil procedure and artificial intelligence technologies.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, гражданский процесс, правовая система, система законодательства.*

Key words: *artificial intelligence, civil procedure, legal system, legislative system.*

Несомненно, что в XXI веке, времени общемировой модернизации, эпохе эволюции от экстенсивных методов к интенсивным, от изживших себя технологий – к прорывным разработкам, повсеместное распространение и закрепление ноу-хау в различных сферах жизни производится всеми странами мира.

Тренд на внедрение инноваций «созрел» не только у наиболее очевидных выгодоприобретателей, таких как высокотехнологичные отрасли промышленности (химическая отрасль, фармакология, производители оборудования и др.), банковский сектор – но и множество иных отраслей социальной жизни, среди которых можно выделить судебные системы всех государств мира, и, в частности, Российской Федерации.

Использование любого рода инноваций связано с преобразованием существующих общественных отношений, а преобразование - с конфликтами участников этих отношений, для урегулирования которых в течение всей цивилизованной истории человечества и функционирует судебная система. Помимо того, даже без учета ожидаемых социальных преобразований, судебные системы всего мира, в целом, и Российской Федерации, в частности, в настоящее время уже давно испытывают перегрузку, обусловленную большим объемом рассматриваемых ими дел, для снижения которой многие полагают разумным повышать уровень информатизации, применять передовые технологии, в особенности - искусственный интеллект (далее - ИИ), возлагая на него технические, а в перспективе - и процессуальные функции.

Однако, любое новшество вызывает скепсис, и ИИ не является исключением из данного правила. Да, возможности ИИ, лишенного физиологических ограничений, свойственных человеку, представляются куда

более широкими, но означает ли это его безусловное превосходство над человеческим разумом, которым можно было бы обосновать необходимость его использования в судопроизводстве, говорит ли это о том, что ИИ сможет без нареканий исполнять возложенные на него функции?

В данной связи возникает вопрос: в состоянии ли ИИ на настоящей стадии развития в полном объеме следовать вышеуказанным предписаниям, сможет ли он эффективно помогать судьям при принятии решений (речь о полноценной замене судей ИИ в данный момент даже не ведется, о чем говорят приведенные далее примеры из практики) или же его применение лишь затруднит их работу?

Для начала следует понять, что из себя представляет исследуемый ИИ. Формированию понимания природы ИИ и его основных характеристик будут содействовать определения, выработанные в науке или нормативно закрепленные.

Наиболее простой дефиницией ИИ в научной литературе можно считать его понимание как цифровой программы на базе заложенных ее разработчиками математических алгоритмов, вырабатывающей «новые» решения [1]. Стоит отметить наличие на порядок более комплексных подходов: например, ИИ определяют как полностью или частично автономную самоорганизующуюся компьютерно-программную виртуальную, киберфизическую или биокибернетическую систему [2]. Необходимо уточнить, что в литературе имеет место трехэлементная классификация ИИ, базирующаяся на степени исключения человеческого участия из процесса функционирования - сильный, умеренный и слабый, первый из которых способен действовать автономно, а последний выступает лишь средством повышения уровня эффективности работы человека.

Разделение ИИ на три вида зафиксировано и в нормативно-правовых актах - например, в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» выделяются слабый и универсальный (сильный) ИИ, причем внедрение сильного ИИ связывается с наличием серьезных рисков. В рассматриваемом Указе ИИ понимается как система технологических решений, позволяющая повторять когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. Достойно внимания, что имитация включает в себя самообучение и поиск решений без предварительно заданного алгоритма. Это определение в достаточной степени охватывает имеющиеся в настоящее время виды ИИ в их широком толковании: ИИ, функционирующий на базе заранее определенных задач (имеющихся знаний), и ИИ, функционирующий самостоятельно, то есть технология, обладающая возможностью подменять собой для выполнения поставленных целей человека, в том числе и судью.

Исходя из проделанного анализа основополагающих характеристик ИИ, можно говорить о том, что по меньшей мере «сильный» ИИ имеет приемлемую степень развитости и достаточный потенциал для активного применения в гражданском судопроизводстве. Однако, сильного ИИ до сих пор не создано. Понимая это, стоит перейти к следующему вопросу - были ли кем-либо предприняты попытки использования ИИ в судопроизводстве, и если были, то каковы были результаты?

Наглядным примером использования ИИ в судебных системах служат наиболее технологически развитые страны мира – Китайская Народная Республика и Соединенные Штаты Америки. Так, в Китае с середины 2010-х годов активно внедряется модель электронного правосудия с проведением онлайн-заседаний. Немаловажным компонентом данной системы является интеллектуальная система «Умный суд», эволюционировавшая за несколько лет из базы данных (т.е. слабого ИИ) в «коллегу» китайских судей, с которым они обязаны консультироваться по принимаемым им решениям по гражданским делам, вытекающим из потребительских споров, предоставляя письменную аргументацию в случае несогласия с позицией «Умного суда». Помимо того, «Умный суд» осуществляет самостоятельный анализ дел на предмет выявления фактов коррупции, что позволило сэкономить до 300 миллиардов юаней в течении последних лет.

Активно используются возможности ИИ и в США; к примеру, система Public Safety Assessment (PSA) производит оценку вероятности рецидива либо неявки в судебное заседание лиц, освобожденных до суда, принимая решения на основе анализа информации о возрасте, социальном положении, предыдущих проблемах с законом, подсказывая судьям, возможно ли освобождение лица под залог или же его надлежит содержать в условиях изоляции от общества. Помимо PSA, американские правоприменители работают с системой Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions (COMPAS), представляющей собой аналог PSA, применяемый, как следует из названия, при выборе вида наказания осужденным [3].

Что касается РФ, внедрение ИИ в ее судебную систему осуществляется умеренными темпами и имеет преимущественно локальный характер применительно к отдельным регионам и конкретным задачам. Начавшись в середине 2000-х годов с создания сайтов судов, автоматизированных систем и баз данных, продолжившись в 2013 году посредством создания единой информационно-правовой базы актов, налаживания взаимодействия между судами и иными органами власти, внедрение ИИ к сегодняшнему дню привело к старту работы постоянно совершенствуемой ГАС «Правосудие» и, судя по всему, имеет перед собой еще немало амбициозных задач.

Развивая вопрос о том, не осложнит ли применение ИИ при принятии решений в гражданском судопроизводстве работу судей, стоит отметить, что ГПК РФ предусматривает различные виды гражданского судопроизводства,

каждый из которых характеризуется своими особенностями, среди которых можно выделить степень его интеллектуальной сложности.

Так, приказное производство, предусмотренное главой 11 ГПК РФ, не связано с необходимостью проведения судьей глубокого анализа изложенных в заявлении о вынесении судебного приказа обстоятельств и аргументов, поскольку представляет собой более упрощенную форму рассмотрения гражданских дел по бесспорным требованиям. ГПК РФ в рамках приказного производства не предъявляет большого множества требований к судьям, поскольку судья в данном случае выполняет весьма ограниченный набор действий.

Исходя из этого, можно говорить о теоретической возможности использования искусственного интеллекта в рамках гражданского процесса как минимум в приказном производстве, поскольку степень сложности процессуальных действий в данном виде производства существенно снижена. Полезность реализации данной идеи представляется несомненной, ведь судьи будут избавлены от части возложенной на них нагрузки, что позволит им более эффективно подходить к рассмотрению других находящихся в их компетенции дел.

Впрочем, данная позиция не может считаться бесспорной. Возвращаясь к зарубежному опыту использования технологий ИИ в судопроизводстве, нельзя не упомянуть, например, выступление окружного судьи 6-го апелляционного судебного округа США Джона Налбандяна, в ходе которого он объяснял, почему полагает любой запрет на использование ИИ в судопроизводстве «неуместным», указывая на то, что применение ИИ сделает юридическую помощь более доступной и ускорит процесс рассмотрения дел [4]. Сам факт наличия подобного выступления свидетельствует о том, что даже в зарубежных странах, являющихся пионерами в эксплуатации возможностей ИИ, присутствуют сомнения и дискуссия относительно допустимости применения и тем более расширения присутствия ИИ в судопроизводстве.

Споры ведутся и в российском юридическом сообществе. Критики указывают, что ИИ не будет идеальной заменой человеку, лишенной каких-либо недостатков, поскольку он является продуктом деятельности «неидеальных» людей, способных допускать ошибки при создании программного обеспечения, и потому безупречное функционирование ИИ нереально. Аналогичное верно в отношении не только самого ИИ, но также тех баз данных, на основе которых будет производиться обучение ИИ [5]. Наличие ошибок в информации, которой будет руководствоваться ИИ в своей деятельности, повлечет за собой осуществление действий на основании устаревших, неверно истолкованных или вовсе никогда не существовавших норм, во избежание чего судье придется перепроверять деятельность ИИ, фактически удваивая объем своей работы.

Кроме того, беспристрастность ИИ означает не только его свободу от негативных качеств наподобие предвзятости и коррумпированности, но и от позитивных качеств вроде разумного сочувствия к тем лицам, которые допустили нарушения гражданско-правовых норм не в силу пренебрежения ими или прямого намерения злоупотребить своими правами, а в силу стечения жизненных обстоятельств [6]. Опора на принцип справедливости, затруднительная даже для судей в силу сложности трактовки справедливости применительно к конкретным ситуациям, будет невозможна для беспристрастного ИИ, лишенного личного жизненного опыта и понимания морально-нравственных категорий, полагающегося в своих действиях преимущественно на нормативные правовые акты, вследствие чего возникнет риск подготовки ИИ проектов шаблонных, стандартизированных решений по различным ситуациям без учета конкретных фактов, что не будет содействовать упрощению работы судей, реализации предусмотренных статьей 2 ГПК РФ задач гражданского судопроизводства по правильному рассмотрению и разрешению гражданских дел, а также формированию уважительного отношения к закону и суду [7].

Исходя из этого, для решения проблем, связанных с применением ИИ при отправлении гражданского судопроизводства, необходимо реализовать широкий комплекс мер, направленных на упорядочивание баз данных, потенциально предназначенных для обучения ИИ, по возможности максимально исключив из них все устаревшие, спорные и неверные положения, способные сформировать у ИИ неправильный подход к осуществлению своих функций, а также решить вопрос освоения ИИ базовых моральных ценностей, общепринятых в российском обществе, без понимания которых он не сумеет эффективно помогать судье в осуществлении возложенных на него функций [8]. Ни одна из указанных мер на сегодняшний день не воплощена в жизнь, а потому и говорить о возможном широком внедрении ИИ в судопроизводство преждевременно [9].

Таким образом, подводя итоги, мы можем говорить о том, что на данном этапе своего развития ИИ теоретически может быть применен судьями при принятии решений по гражданским делам в порядке приказного производства в силу его относительной простоты, однако в иных формах гражданского судопроизводства ИИ вследствие отсутствия у него понимания основных морально-нравственных категорий и невозможности справедливой индивидуализации при осуществлении им процессуальных действий ставит под сомнение возможность применения ИИ в качестве вспомогательного инструмента, поскольку вся его деятельность будет нуждаться в перепроверке, влекущей дополнительную трату времени, что нивелирует любые потенциальные преимущества от его использования. Впрочем, нельзя сказать о том, что ИИ в дальнейшем не претерпит модернизаций, достаточных для его полноценного допуска к участию в отправлении правосудия, и в том случае,

если развитие технологий позволит установить надлежащий баланс между инновациями и соблюдением этических принципов, вопрос, вынесенный нами в заглавие как мы полагаем, будет успешно разрешен.

Библиографический список

1. **О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации** [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL:: **http://pravo.gov.ru/** (дата обращения: 26.10.2025). — Текст: электронный.
2. Амиянц К.А. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // М.: Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2019. — С. 49–52.
3. Бедняков И.Л. Возможности применения искусственного интеллекта в судопроизводстве // Вестник Самарского юридического института. — 2019. — № 2. — С. 11–14.
4. Габайдуллина Э.Х., Барабошкина А.А. Искусственный интеллект в судебной деятельности //Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» — URL: **https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sudebnoy-deyatelnosti**. — Текст: электронный.
5. Курочкин С. А. Цифровые технологии и эффективность правосудия // Lex Russica. — 2022. — № 10 (191). — URL: **https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-i-effektivnost-pravosudiya**. — Текст: электронный.
6. Лебедев З.С. Некоторые вопросы применения искусственного интеллекта в уголовном процессе России // М.: Основы ЭУП. — 2021. — № 4. — С. 45–48.
7. Мохат П.М. Использование искусственного интеллекта при осуществлении правосудия как способ преодоления судейского усмотрения // М.: Юридическая техника. — 2018. — №5. — С. 6-11.
8. Порохов М.Ю. Искусственный интеллект в судебной деятельности: баланс инноваций и этики // КриминалистЪ. — 2024. — №2 (47). — URL: **https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sudebnoy-deyatelnosti-balans-innovatsiy-i-etiki**. — Текст: электронный.
9. Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // М.: Юридическая техника. — 2019. — № 13. — С. 350–356.
10. Степанов О. А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 475. — С. 229–237.

Митин Даниил Владимирович
студент 3 курса,
Смоленский филиал
Международного юридического института,
г. Смоленск, Россия

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАХОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ РИСКОВ[1]

Mitin Daniil Vladimirovich
3rd year students
Smolensk branch International Law Institute
Smolensk, Russia

CIVIL LAW REGULATION OF INNOVATION INSURANCE AS A TYPE OF ENTREPRENEURIAL RISKS

Аннотация: *в рамках данной статьи проведен анализ основных гражданско-правовых механизмов, позволяющих снизить негативные последствия возникновения новых, ранее неизвестных рисков, а также рассматриваются современные подходы к разработке страховых продуктов для сферы инноваций. В заключение обосновывается необходимость адаптации законодательства, регулирующего страхование такой деятельности, к быстро меняющимся условиям инновационного рынка. Особое внимание уделено инструментам управления неопределённостью посредством гражданско-правовых средств защиты интересов субъектов инновационного предпринимательства.*

Abstract: *this article analyzes the main civil law mechanisms that can reduce the negative consequences of new, previously unknown risks, and examines modern approaches to developing insurance products for the innovation sector. The article concludes that it is necessary to adapt the legislation governing the insurance of such*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук,доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Сирик Наталия Валериевна.

activities to the rapidly changing conditions of the innovation market. Special attention is given to the tools for managing uncertainty through civil law means of protecting the interests of innovative entrepreneurs.

Ключевые слова: *инновации, страхование, предпринимательские риски, гражданское право, страховые продукты, правовое регулирование, защита инвестиций.*

Key words: *innovation, insurance, business risks, civil law, insurance products, legal regulation, investment protection.*

В современных условиях перехода к инновационной экономике всё более заметной становится потребность в создании эффективных механизмов защиты участников процессов внедрения новых технологий от возможных неблагоприятных последствий. Одной из ключевых задач выступает выработка надёжной системы гражданско-правовых гарантий, способствующих снижению финансовых потерь при наступлении непредвиденных событий, угрожающих реализации инновационных проектов. Научная новизна статьи заключается в концептуальном обосновании страхования инновационной деятельности как самостоятельного инструмента управления предпринимательскими рисками, отличающегося от традиционных видов страховой защиты особыми объектами и требованиями к страховым событиям.

В качестве центральной проблемы рассматривается отсутствие четко закреплённых в законодательстве норм, регулирующих особенности страхования рисков, возникающих именно при разработке и коммерциализации инновационной продукции. Пробелы наблюдаются как в определении самого объекта страхования, так и в соотношении инновационных и предпринимательских рисков, что затрудняет формирование адекватных условий страховых договоров и снижает привлекательность подобных инструментов для потенциальных страхователей.

В методологическом аспекте работа строится на комплексном применении сравнительно-правового анализа, а также на исследовании доктринальных подходов к определению сущности инновационных рисков и их страховому обеспечению. Ключевое внимание уделено выявлению особенностей страхования последствий, которые могут возникнуть при реализации инновационных процессов. Такой подход позволяет предложить варианты усовершенствования действующей правовой базы, а также разработать рекомендации для дальнейшего развития страховых механизмов защиты субъектов инновационного предпринимательства.

Динамика технологических изменений в современной экономике усиливает потребность в эффективных механизмах управления рисками, свойственными инновационной деятельности. Запуск новых продуктов, внедрение передовых решений связан с рядом специфических, зачастую

трудно прогнозируемых угроз, способных негативно сказаться на деятельности как отдельных предпринимателей, так и отраслей в целом. Страхование инновационных рисков формируется как важнейший инструмент не только экономической защиты, но и стратегической поддержки инвестиционного климата в таких секторах [1, с.244].

Особенности инновационной предпринимательской среды предполагает наличие неопределённости, что предъявляет дополнительный запрос к совершенствованию нормативно-правового регулирования и поиску адекватных правовых форм взаимодействия между субъектами страховых отношений. Недостаточная разработанность законодательной базы в этой области затрудняет эффективную защиту интересов всех участников рынка, ограничивает возможности развития стартапов и замедляет технологический прогресс. Исследование гражданско-правовых аспектов страхования инноваций представляется своевременным, поскольку именно сейчас наблюдается ускоренное обновление подходов к регулированию рисков, связанных с созданием и коммерциализацией новых технологий [2, с.76].

Изучение правового регулирования процессов страхования инновационной деятельности приобретает всё большую значимость в современных условиях цифровизации экономики. Инвестиции в новые технологии сопровождаются различными рисками, существенно отличающимися по своему характеру от типичных традиционных угроз, поэтому для эффективного функционирования инновационной сферы требуется использовать гибкие страховые инструменты, обеспечивающие защиту инвесторов и иных участников рыночных отношений.

Как показывает практика, современное развитие инновационной деятельности неизбежно связано с возникновением новых, ранее неизвестных разновидностей предпринимательских рисков, специфика которых требует поиска новых правовых инструментов регулирования и защиты хозяйствующих субъектов. Особую роль в этой системе занимает гражданско-правовой инструментарий, так как именно он предоставляет наиболее гибкие и адаптируемые механизмы для урегулирования подобных отношений. Средства, формируемые в рамках гражданского права, ориентированы на прогнозирование и распределение последствий непредвиденных событий, что приобретает особое значение в условиях высокой степени неопределённости, присущей инновационной деятельности.

Гражданско-правовое регулирование страхования инноваций как разновидности предпринимательских рисков направлено на защиту предпринимателей от возможных непредвиденных негативных обстоятельств и факторов, мешающих достижению намеченной цели или получения прибыли.

Среди ключевых направлений формирования системы регулирования инновационных рисков можно выделить усиление нормативного обеспечения

гарантий для субъектов данной сферы. В условиях, когда реализация новых технологических решений сопряжена с повышенной степенью неопределённости и потенциально значительными издержками, существует объективная потребность в юридическом установлении обязанности по страхованию специфических предпринимательских рисков. Такой подход обеспечивает всестороннюю правовую защиту как инициаторам инноваций и их разработчикам, так и инвесторам, заинтересованным в финансировании передовых проектов, посредством снижения вероятности фатальных финансовых потерь [3, с.386].

Значительное место среди инструментов снижения ущерба занимает институт страхования, который рассматривается как структурный элемент, ориентированный на компенсацию негативных последствий при реализации новых идей и технологий. Применение этого института позволяет перераспределять возможные убытки между участниками процесса и предотвращать снижение инвестиционной активности в инновационной среде.

В практике современных хозяйствующих субъектов используется несколько основных разновидностей страхования, актуальных для реализации предпринимательской инициативы, включая защиту от коммерческих рисков, потенциальных потерь дохода, обусловленных вынужденными производственными перерывами, а также угроз, связанных с внедрением новейших технических решений, финансовых колебаний и изменений на биржах. Каждый из указанных видов страхования разрабатывается с учётом отраслевой специфики, что позволяет адаптировать страховые продукты к требованиям инновационных бизнес-процессов.

Особенность страховой защиты предпринимателей в инновационном секторе заключается не только в компенсирующей функции, но и в формировании особых условий, способствующих переносу и диверсификации рисков. Правовые механизмы, закрепленные в гражданском законодательстве, предусматривают возможность конструирования особых видов страховых договоров, ориентированных на адресный анализ угроз и максимально эффективное сочетание страхового интереса сторон. При этом важна дифференциация страховых случаев, специфичных для инновационных проектов, что требует участия экспертов разного профиля на этапе формирования страховых программ [4, с.12].

Требования к современным страховым продуктам, рассчитанным на инновационные предприятия, предполагают учёт технологических, организационных и рыночных особенностей такого типа деятельности. Используются не только стандартные положения о страховании имущественных и финансовых рисков, но и специальные положения, позволяющие минимизировать последствия наступления событий, которые невозможно было предвидеть на момент заключения договора. Для адекватной правовой защиты и повышения ответственности обеих сторон процесса

страхования необходима разработка индивидуальных страховых программ, гибко реагирующих на динамику инновационных процессов и адаптирующих защитные механизмы к конкретным условиям каждого проекта.

На текущем этапе гражданско-правовое регулирование страхования в описываемой сфере все более склоняется к внедрению моделей партнерства между страховщиками, страхователями и независимыми экспертами, что позволяет организовать более точную оценку инновационного риска и определить оптимальные параметры страхового покрытия. Существенное значение приобретает включение в страховые полисы расширенных оговорок, связанных с интеллектуальной собственностью, технологическим аутсорсингом и ответственностью за возможные убытки вследствие нарушения инновационных процессов, что отражает реальный профиль риска в данной сфере.

Несмотря на широкий спектр страховых инструментов, их применение в инновационной сфере сталкивается с рядом объективных ограничений. Прежде всего, значительный размер страховых взносов, а также ограниченность перечня рисков, реально принимаемых страховщиками к покрытию, затрудняют доступность страхования для отдельных участников рынка. Помимо этого, высокая степень новизны и нестандартности многих проектов приводит к тому, что отдельные риски оказываются вне сферы интересов страховых компаний, что требует поиска дополнительных форм правовой и экономической защиты для субъектов инновационного предпринимательства.

Помимо этого, регулирование процессов страхования инновационной деятельности осложняется отсутствием нормативной базы, способной отразить специфику возникающих при разработке и внедрении новых технологий рисков. Действующие положения гражданского законодательства не охватывают целый ряд обстоятельств, связанных с характером инновационных рисков, которые зачастую содержат элементы как имущественной, так и интеллектуальной природы. Это проявляется, во-первых, в отсутствии легального определения объекта страхования в рассматриваемой сфере: под инновационной продукцией могут пониматься как ноу-хау, патенты и результаты НИОКР, так и материальные активы, используемые в инновационном процессе. Во-вторых, проблематичным выступает разграничение предпринимательских и инновационных рисков. Сегодня страховые продукты фокусируются преимущественно на традиционных хозяйственных угрозах (имущественных или финансовых), игнорируя риски, специфичные для исследований, опытно-конструкторских работ, тестирования или коммерциализации новых разработок. Всё это ведёт к неоднозначности формулировок в договорах страхования, снижает прозрачность страховых случаев и, как следствие, уменьшает интерес представителей инновационного бизнеса к подобным услугам.

Эффективная организация гражданско-правового регулирования страхования инновационной деятельности требует не только совершенствования уже существующих механизмов, но и развития специализированных страховых инструментов, учитывающих сложную структуру и динамические изменения в инновационной экономике. Стремление к индивидуализации страховых продуктов, формированию гибких договорных условий и проработке особых правовых подходов способствует более надежной защите предпринимательских интересов в условиях неопределённости, характерной для развития инноваций.

Таким образом, проведённое исследование позволило выявить проблемы нормативного регулирования в данной области и показать, что эффективное страхование инновационных рисков невозможно без уточнения базовых юридических понятий, а также обязательной детализации порядка определения наступления страхового случая в контексте инновационной деятельности. На основании комплексного анализа был предложен ряд концептуальных положений, способных повысить уровень правовой определённости. К их числу относятся разработка отдельной категории страхования инноваций, внедрение унифицированных критериев идентификации застрахованных объектов и формализация процедуры признания риска страховым случаем.

Вышесказанное свидетельствует о необходимости реформирования существующих правовых норм с целью их адаптации к потребностям рынков, ориентированных на изобретения и развитие научно-технического прогресса. Расширение спектра страховых продуктов, ориентированных на специфику инновационной деятельности, будет способствовать росту устойчивости инновационных проектов и станет действенным инструментом управления сложными рисками современного предпринимательства [5, с.204].

Библиографический список

1. Ермасов, С. В. Страхование / С. В. Ермасов, Н. Б. Ермасова. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 244 с.
2. Каменская, О. В. Современные тренды и инновации в управлении страховой компанией: анализ рынка и перспективы развития в России / О. В. Каменская // Актуальные исследования. – 2023. – № 51 (181). – С. 76-82.
3. Каримкулов, Ж. И. Систематизация и страхование инновационных рисков / Ж. И. Каримкулов // Экономика и социум. – 2020. – № 4 (71). – С. 386-393.
4. Нарбин, В. А. Технологические инновации и их роль в развитии экономики / В. А. Нарбин // Актуальные исследования. – 2025. – № 40 (275). – С. 12-16.

5. Шупило, О. М. Технологические инновации в страховой отрасли / О. М. Шупило // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 7. – С. 204-207.

Одуденко Виктория Юрьевна
студентка 3 курса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ[1]

Odudenko Victoria Yurievna,
3rd year students
Smolensk branch International law Institute
Smolensk, Russia

INSTITUTE OF REPRESENTATION: RISKS AND PROSPECTS OF A LAWYER'S MONOPOLY IN CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация: *в статье исследуется проблема реформирования института судебного представительства в гражданском процессе РФ в контексте предполагаемого введения требования о обязательном наличии статуса адвоката для лиц, осуществляющих представительство в суде. Анализируются исторические предпосылки перехода от минимальных требований к представителям к идее адвокатской монополии, в результате чего определены перспективы и критически оценены риски, возникновение которых повлечет за собой реализация подобной практики. Методология исследования включает сравнительно-правовой анализ, исторический метод, метод системного и критического анализа законодательных инициатив. Автор приходит к выводу о поспешности предлагаемой реформы и предлагает альтернативный механизм обеспечения квалифицированной юридической помощи, не сопряженный с монополизацией рынка.*

[1] Научный руководитель - доцент кафедры "Гражданского права и процесса" (отделение Смоленского филиала) Международного юридического института, Сенкевич Виктория Валерьевна

Abstract: *the article examines the problem of reforming the institution of judicial representation in the civil procedure of the Russian Federation in the context of the proposed introduction of the requirement of mandatory lawyer status for persons representing in court. The historical prerequisites for the transition from minimum requirements for representatives to the idea of a lawyer's monopoly are analyzed, as a result of which the prospects are identified and the risks that the implementation of such a practice will entail are critically assessed. The research methodology includes comparative legal analysis, historical method, method of systematic and critical analysis of legislative initiatives. The author comes to the conclusion that the proposed reform is hasty and suggests an alternative mechanism for providing qualified legal assistance that does not involve market monopolization.*

Ключевые слова: *судебное представительство, адвокатская монополия, гражданское судопроизводство, доступ к правосудию, юридическая помощь, реформы*

Key words: *judicial representation, legal monopoly, civil proceedings, access to justice, legal aid, reforms*

Участие представителя в судебном процессе имеет первостепенное значение в гражданском судопроизводстве, обеспечивая реализацию конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь. На протяжении последних десятилетий российское законодательство находится в постоянном поиске наилучшего способа регулирования данной сферы, с целью повышения качества предоставляемой правовой помощи и защиты интересов лиц.

Одним из наиболее спорных и обсуждаемых предложений последних лет является планируемое введение так называемой «адвокатской монополии» в гражданском процессе. Суть идеи заключается в замене действующего требования о наличии высшего юридического образования у представителя обязательным наличием статуса адвоката. Данная инициатива, активно продвигаемая в последнее время, вызывает многочисленные обсуждения в юридическом сообществе и требует глубокого и критического анализа.

Исторически сложилось так, что российское процессуальное законодательство допускало широкое участие в судебных разбирательствах лиц, не имеющих специального юридического статуса. С одной стороны, это способствовало большей доступности правосудия, но, с другой, не гарантировало неизменно высокий уровень юридической квалификации. Признавая необходимость повышения требований к представителям, законодатель принял Федеральный закон от 28.11.18 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», установивший обязательное наличие высшего юридического образования для большинства судебных представителей.

В соответствии с ч. 2 ст. 49 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ, «…представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми и районными судами, могут выступать адвокаты и иные, оказывающие юридическую помощь лица, при условии наличия у них высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности» [1]. Эти требования не распространяются на законных представителей. Юридическое сообщество расценило введение обязательного юридического образования как необходимый, но недостаточный шаг в направлении повышения стандартов, поскольку наличие диплома не является безусловной гарантией квалификации и добросовестности, в связи с чем именно этот аргумент стал одним из ключевых доводов в пользу продвижения концепции адвокатской монополии.

Сторонники монополии, «…признавая разумность требования о наличии высшего юридического образования представителя в гражданском процессе» [2, с.106], подчеркивают, что только адвокатское сообщество, благодаря строгой системе квалификационных экзаменов, механизмам дисциплинарной ответственности и обязательному членству в профессиональной организации, может обеспечить действительно квалифицированную помощь. В связи с этим, идея внедрения монополии рассматривается как закономерное, хотя и значительное, завершение процесса профессионализации судебного представительства. Несмотря на скептическое отношение к этой инициативе, следует признать, что она направлена на достижение ряда важных целей, которые могут принести определенные положительные результаты. Введение адвокатской монополии потенциально ведет к повышению минимального стандарта квалификации. В отличие от специалистов, работающих в частном порядке, адвокаты подвергаются тщательному квалификационному экзамену, оценивающему не только теоретическую подготовку, но и практическое применение знаний. Кроме того, адвокатская деятельность требует постоянного профессионального совершенствования (повышения квалификации), что гарантирует актуальность юридических знаний в быстро меняющемся законодательстве и обеспечивает в перспективе предсказуемый и высокий уровень качества услуг для потребителя.

Преимуществом также выступает и дальнейшее усиление дисциплинарной ответственности. Адвокаты, в отличие от обычных юристов, обязаны соблюдать Кодекс профессиональной этики, а их деятельность контролируется адвокатской палатой, что служит дополнительной защитой для доверителя. В случае недобросовестного или некомпетентного ведения дела существует возможность инициирования дисциплинарного производства, вплоть до лишения адвокатского статуса, что подтверждается конкретными примерами из судебной практики - прекращение статуса адвоката на основании решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы из-за систематического введения доверителя в заблуждение касательно

оказываемой юридической помощи. Получив оплату за услуги по представлению интересов лица по спору о разделе имущества, адвокат длительное время бездействовал в суде, в то же время предоставляя недостоверную информацию о ходе дела. Подобные действия были расценены как нарушение профессиональной этики, повлекшее лишение статуса, что демонстрирует серьезность ответственности и утрату доверия со стороны сообщества [5]. Частный юрист в аналогичной ситуации, как правило, несет лишь гражданско-правовую ответственность, что существенно снижает защиту клиента от недобросовестности. Таким образом, монополия способствует установлению ответственности за качество оказываемых услуг на уровне профессиональной корпорации.

Введение адвокатской монополии в судопроизводство по гражданским делам, несмотря на предполагаемые благие намерения, представляется преждевременным шагом, способным вызвать серьезные отрицательные последствия, превышающие потенциальные положительные перспективы. Наиболее существенная угроза заключается в ущемлении конституционного права граждан на доступ к правосудию, предполагающего в том числе и свободу выбора представителя. Введение обязательного квалификационного критерия, как справедливо отмечает Яковенко Я.В., «…фактически лишает граждан такого выбора, в результате чего право превращается в обязанность» [6, с.257].

Установление монополии неминуемо приведет к уменьшению конкуренции на рынке юридических услуг по представлению интересов сторон, кроме того, адвокатская деятельность связана с дополнительными расходами (к примеру, членские взносы), что, в соответствии с экономическими законами, вызовет увеличение стоимости услуг для потребителя. Для граждан с небольшими доходами, особенно в регионах с ограниченным числом адвокатов, квалифицированная юридическая помощь может стать недосягаемой. Безусловно, они сохраняют возможность представлять свои интересы самостоятельно, однако сложность современного гражданского процесса часто делает это право неэффективным без помощи профессионала.

Еще один риск касается положения юристов-практиков, на данный момент не являющихся членами адвокатского сообщества. На рынке юридических услуг в России работают тысячи специалистов, накопивших многолетний опыт успешной судебной практики, но не имеющих статуса адвоката по разным причинам, включая нежелание следовать корпоративным правилам или нести значительные финансовые издержки. После реформы значительное число юристов потеряет доступ к привычному роду деятельности, что нарушит их конституционное право распоряжения своими навыками и выбирать род деятельности, делая, как отмечают Манаев И.А. и Потапенко О.В., «…правовую систему закрытой от новых

квалифицированных кадров» [4, с.157]. Вынужденное вступление в адвокатскую корпорацию может наложить на них дополнительные, нерелевантные ограничения и снизить их продуктивность в основной сфере деятельности.

Особое беспокойство вызывает непоследовательность и противоречивость предлагаемых исключений, которые ставят под вопрос саму цель повышения качества юридической помощи. Законопроект оставляет право представлять интересы близким родственникам с высшим юридическим образованием, а также ряду профессиональных групп, чья работа регулируется профильным законодательством, таким как патентные поверенные, арбитражные управляющие и сотрудники государственных юридических бюро. Если основная задача реформы – обеспечение универсального высокого стандарта квалификации через статус адвоката, то подобные исключения наводят на мысль, что реформа направлена на перераспределение рынка в пользу профессиональной корпорации.

Одной из острых проблем все так же остается предоставление юридической помощи социально незащищенным слоям населения. Судья ВС РФ Т. Вавилычева обратила внимание на то, что в проекте закона, разработанном Минюстом России, «…не затрагивается та категория граждан, которым в силу закона не предоставлено право на бесплатное оказание квалифицированной юридической помощи, а также не учитываются права тех граждан, которые в силу возраста, состояния здоровья и финансового положения…» [3], в связи с чем этим лицам будет фактически исключена возможность получить квалифицированную правовую защиту без разработанных и действующих на практике механизмов компенсации.

Очевидно, что улучшение качества юридического представительства требует не полной монополизации, а создания сбалансированной системы, сочетающей существующий профессиональный опыт и доступность услуг, для чего необходимо рассмотреть альтернативные, менее радикальные подходы к повышению качества юридической помощи. Вместо привязки к статусу адвоката, представляется необходимым внедрить многоуровневую систему представительства, основанную на сложности дела и уровне судебной инстанции. Такая модель позволит сохранить конкуренцию там, где это наиболее необходимо для удержания цен, и одновременно обеспечит высокий уровень квалификации в стратегически важных процессах.

Согласно предлагаемой концепции, в спорах с суммой требований, не превышающей установленный предел (к примеру, до 250 тысяч рублей), а также в упрощенном судопроизводстве, интересы сторон могут представлять как адвокаты, так и аккредитованные судебные представители (АСП). АСП – это юрист с высшим юридическим образованием, успешно прошедший специализированную государственную аттестацию (в рамках предлагаемых изменений) для исполнения обязанностей представителя, с обязательным

страхованием профессиональной ответственности и документальным подтверждением регулярного повышения квалификации. Для кассационных и надзорных обжалований, а также для дел, требующих повышенного уровня юридической компетенции, право представлять интересы сохраняется исключительно за адвокатами. Такое разделение призвано минимизировать риск значительных убытков при увеличении сложности процесса и высокой юридической значимости рассматриваемых требований. В законодательстве целесообразно использовать следующую формулировку: «Представлять интересы в гражданском судопроизводстве вправе лица, обладающие статусом адвоката или прошедшие аккредитацию представителей в установленном государством (или уполномоченной организацией) порядке; исключительное право адвокатов остается за делами, квалифицируемыми как сложные на основании законодательно закрепленных критериев, или рассматриваемыми в кассационном и надзорном порядке». Необходимо также установить правила сертификации, страхования ответственности, ведения реестра аккредитованных представителей и предусмотреть переходные положения. Предлагаемая дифференциация обеспечивает сбалансированный подход: повышает требования к компетентности там, где потенциальный ущерб значителен, и поддерживает доступность и конкурентную среду в основном сегменте рынка юридических услуг, при этом в меньшей степени ограничивая право на судебную защиту и способствуя повышению качества представительства в судах.

Реформа института представительства, направленная на введение адвокатской монополии, является сложной задачей, но несмотря на то, что цель - повышение качества юридической помощи, оно не должно достигаться за счет ограничения конституционных прав граждан. Как показывает анализ, жесткая монополия может ограничить доступ к правосудию, повысить стоимость услуг и исключить квалифицированных юристов.

Для того, чтобы реформа стала подлинным шагом вперед, необходимо отказаться от подхода «адвокат или никто, за исключением некоторых аспектов». Внедрение гибкой профессионализации, основанной на дифференциации статусов, многоуровневом допуске к представительству в зависимости от сложности дела и уровня суда, а также разработка эффективных механизмов государственной компенсации и субсидирования, являются ключевыми условиями для успешной реализации реформы. Только комплексный и сбалансированный подход позволит обеспечить высокий уровень юридической помощи, сохранив при этом доступность правосудия для всех граждан.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – ст. 4532
2. Арзуманова, В. Б. Актуальные проблемы профессионального представительства и адвокатской монополии в гражданском процессе в Российской Федерации / В. Б. Арзуманова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 31 (478). — С. 104-108. — URL: **https://moluch.ru/archive/478/105208**. (дата обращения: 12.11.2025). — Текст: электронный.
3. Гусев С., Стрельчук Т. «Судебное представительство – это вершина юридической работы» // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. – URL: **https://fparf.ru/news/fpa/sudebnoe-predstavitelstvo-eto-vershina-yuridicheskoy-raboty/** (дата обращения: 12.11.2025). — Текст: электронный.
4. Манаев Ислам Абубакарович, Потапенко Ольга Вячеславовна АДВОКАТСКАЯ МОНОПОЛИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ // Право и государство: теория и практика. — 2024. — №9 (237). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/advokatskaya-monopoliya-vyzovy-i-perspektivy-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 12.11.2025). — Текст: электронный.
5. Павлова З. Намеренное введение доверителя в заблуждение привело к прекращению статуса адвоката // Адвокатская газета. – URL: **https://www.advgazeta.ru/novosti/namerennoe-vvedenie-doveritelya-v-zabluzhdenie-privelo-k-prekrashcheniyu-statusa-advokata/** (дата обращения: 12.11.2025). — Текст: электронный.
6. Яковенко Е. В. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — №2-2 (77). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-instituta-sudebnogo-predstavitelstva-v-grazhdanskom-protsesse (дата обращения: 12.11.2025). — Текст: электронный.

Поль Алёна Денисовна
магистрант 2 курса,
Сибирский юридический университет
г. Омск, Россия

СЕРВИСЫ ФИКСАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ БОРЬБЫ ЗА АВТОРСКИЕ ПРАВА[1]

Pol Alyona Denisovna,
Master's student
Siberian Law University
Omsk, Russia

EVIDENCE CAPTURE SERVICES IN THE AGE OF DIGITAL COPYRIGHT INFRINGEMENT

Аннотация: *в условиях массового размещения контента в сети Интернет перед авторами и правообладателями становится вопрос о способах защиты своего интеллектуального труда. В работе исследуется нестандартный способ доказывания нарушения авторских прав, а именно, автоматическая фиксация доказательств. Анализируется ее применимость и эффективность на основе судебной практики, выделяются плюсы и минусы. Автор приходит к выводу о высоком потенциале данного способа доказывания, однако отмечает необходимость его дальнейшего совершенствования.*

Abstract: *in the context of mass posting of content on the Internet, authors and copyright holders are faced with the question of ways to protect their intellectual work. The paper explores a non-standard way of proving copyright infringement, namely, automatic recording of evidence. Its applicability and effectiveness are analyzed on the basis of judicial practice, the pros and cons are highlighted. The author comes to the conclusion about the high potential of this method of proof, but notes the need for its further improvement.*

Ключевые слова: *защита, авторские права, судебная практика, доказательства, Интернет.*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Сибирского юридического университета, Донец Наталья Александровна.

Keywords: *protection, copyright, judicial practice, evidence, Internet.*

Согласно статье 10 высшего нормативно-правового акта Российской Федерации- Конституции (далее- Конституция РФ), каждый человек имеет право на все виды творческой деятельности в соответствии со своими интересами и способностями [1].

Право человека заниматься творческой деятельностью может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной (любительской) основе.

Профессиональный и непрофессиональный творческий работник равноправны в области авторского права и смежных прав, права на интеллектуальную собственность, охрану секретов мастерства, свободу распоряжения результатами своего труда, поддержку государства.

Согласно статье 44 Конституции РФ интеллектуальная собственность охраняется законом [1].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что государство на законодательном уровне гарантирует каждому возможность творить, делиться своим творчеством с другими, а также на охрану со стороны государства в случае возникновение умысла на неправомерное использование результатов интеллектуальной деятельности.

Однако при буквальном толковании нормы возникает логический вопрос – если законодатель говорит лишь об охране прав, то кто осуществляет их защиту?

Охрана прав – деятельность, которая направлена на предотвращение нарушений, а также на устранение причин, непосредственно порождающих такие нарушения. В то время как защита прав – деятельность, осуществляемая уже после нарушения прав, с целью их восстановления и наложения юридических санкций на виновное лицо.

Для запуска юридической конструкции по защите интеллектуальных прав необходимо активное волеизъявление их обладателя. Поскольку без его самостоятельных действий государственные органы, как правило, остаются пассивными наблюдателями. И только при наличии его активной позиции, выраженной в претензиях, исках и других юридических действиях, система защиты интеллектуальной собственности начинает функционировать в полную силу.

Следовательно, можно констатировать, что, предоставляя правовую основу для охраны интеллектуальной собственности, государство перекладывает на главного субъекта авторских правоотношений – автора, значительную часть работы по её мониторингу, обнаружению и пресечению нарушений, а также восстановлению своих прав.

Иначе говоря, государство предоставляет «право», но воспользоваться им можно лишь при условии самостоятельной «борьбы» за него.

Способы и средства доказывания прав, в том числе авторских, всегда были и будут продолжать быть насущными вопросами в гражданско-процессуальной науке, а в условиях увеличения числа пользователей и массового использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее – Интернет), когда каждый из посетителей интернет-среды может либо создавать и вкладывать, либо потреблять предложенный контент, данная тема приобретает особую сложность.

Актуальность исследования достаточно высока, поскольку помимо очевидных преимуществ Интернета для авторов – возможность поделиться творчеством, увеличить количество заинтересованной аудитории, а также обсудить свой работу, цифровая среда имеет и свои существенные недостатки – контент становится чрезвычайно доступным по всему миру, происходит неправомерное использование чужого интеллектуального труда, а первоначальное авторство стирается и маскируется за образом другого лица, либо вовсе обезличивается.

Законодательство и судебная практика должны постоянно адаптироваться к быстро меняющимся цифровым реалиям, с целью формирования новых подходов к решению споров об авторском праве в цифровой среде, а также созданию у авторов уверенности в защите их интеллектуального труда.

Данное исследование призвано изучить такой «нестандартный» способ доказывания нарушения авторских прав как автоматическая фиксация доказательств, проанализировать его, рассмотрев его применимость и эффективность на основании судебной практики, а также предложить возможные способы его модернизации.

Поскольку цифровые файлы легко копируются, редактируются и уничтожаются без следа, то традиционные методы фиксации становятся менее надежными и теряют необходимые для доказательств свойства.

Поэтому в ряде случаев правообладатели для подтверждения нарушения своих прав обращаются к сервисам автоматической фиксации доказательств.

Наиболее популярным из них является «Webjustice», которой буквально переводится как «веб-правосудие» («интернет-правосудие»).

Онлайн-сервис является связующим звеном между подключенными к нему нотариусами и заявителями. Его цель – предоставить каждому правообладателю возможность сгенерировать онлайн-проект нотариального протокола осмотра (сайта, переписки, социальных сетей) и, после оплаты и фактического заверения, получить готовый документ без личного посещения нотариальной конторы.

Кроме того, при возникновении необходимости и для пояснения возникших вопросов, по предложению суда, в отношении нотариального протокола может быть представлено письменное пояснение нотариуса или обеспечена явка в суд технического специалиста сервиса.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод об активном использовании сервиса в защите интеллектуальных прав, в том числе и авторских.

Под протоколирование попадают не только стандартные объекты авторского права, такие как изображения, рисунки и видео, но и целые сайты, приложения, а также дизайн, тексты, сценарии и прочие произведения.

Так в судебном деле №А40-223909/2023 [4] Индивидуальный предприниматель (далее – ИП, Истец) обратился в Арбитражный суд города Москвы к ООО «Издательство ДЖЕМ» (далее – ООО «Издательство Джем») и Обществу с ограниченной ответственностью «Яндекс музыка» (далее – ООО «Яндекс музыка) (вместе – Ответчики) с исковыми требованиями о защите авторских и смежных прав, взыскании компенсации в общем размере 1 400 000 рублей.

В обоснование своих требований Истец указал, что является автором и обладателем исключительных прав музыки и текста произведений – «Холодный след», «Шутник», которые входят в состав сложного объекта (видеоклипов), а Ответчики осуществляют бездоговорное использование произведений путем их доведения до всеобщего сведения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и размещения на сервисе «Яндекс Музыка».

Согласно пункту 1 статье 1240 Гражданского Кодекса Российской Федерации, лицо, организовавшее создание сложного объекта, включающего несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, приобретает право использования указанных результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров [3].

Истец указал, что лицензий путем заключения соответствующего договора от автора/третьего лица на произведения Ответчик не получал, таким образом, имеет место внедоговорное использование произведений в составе аудиовизуальных произведений («видеоклипов»), что является нарушением прав Истца.

В качестве доказательств неправомерного использования и нарушения исключительных прав Истец предоставил протокол нотариального осмотра доказательств, на основании которого были зафиксированы адреса неправомерного размещения.

Позиция Ответчика ООО «Издательство Джем», выраженная в утверждении об отсутствии в представленном Истцом нотариальном протоколе указаний на интернет-ресурсы, по которым размещены объекты интеллектуальной собственности, не была принята судом, поскольку нотариальный протокол содержит детальное описание всех действий нотариуса, включая последовательное фиксирование открытых веб-страниц, создание графических (экранных) записей для каждой композиции и

последующее сохранение указанных записей на электронный носитель, являющийся приложением к протоколу.

Суд принял протокол нотариального осмотра в качестве надлежащего доказательства по делу, сославшись на часть 5 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном статьей 161 этого Кодекса, или если нотариальный акт не был отменен в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством для рассмотрения заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении [2], и пришел к выводу, что использование произведения в составе сложного объекта являются самостоятельными способами использования произведения и требуют получения соответствующего разрешения у правообладателя.

Поскольку Ответчик ООО «Издательство Джем» не получил соответствующего разрешения у автора (Истца), то он тем самым нарушил его исключительные права.

Исходя из вышеизложенного, суд решил взыскать с ООО «Издательство ДЖЕМ» в пользу ИП компенсацию за нарушение исключительных прав в размере 1 400 000 рублей.

В другом деле № А55-41943/2024 [5] Индивидуальный предприниматель С. (далее Истец) обратился в Арбитражный суд Самарской области к Индивидуальному предпринимателю Я. (далее – Ответчик) с исковыми требованиями о взыскании компенсации за незаконное использование инфографики в товарных карточках на Wildberries в размере 240 000 рублей.

Истец, являясь правообладателем исключительных прав на инфографику, размещенную на изображениях, в частности на цветовое решение, шрифт, значки и описание товара, обнаружил, что Ответчик разместил на онлайн-платформе изображения, включающие в себя элементы инфографики, исключительные права на которые принадлежат истцу.

Факт нарушения зафиксирован с помощью сервиса «Вебджастис», протокол от 30.07.2024 № 36 АВ 4453802, что является допустимым и достоверным доказательством по делу.

Суд отметил, что Ответчик не представил возражений против достоверности протокола, что усилило позицию Истца. Однако поскольку Ответчик разместил спорные изображения с инфографикой Истца на Wildberries с единой экономической целью – привлечения покупателей, суд расценил это как единую совокупность действий, и снизил размер компенсации до 30 000 рублей.

Проанализировав судебную практику, можно резюмировать, что использование сервиса «Webjustice» позволяет получить цифровые

доказательства, которые, благодаря автоматизированной фиксации с указанием времени, даты, URL-адреса и других технических параметров, создают прочную доказательственную базу.

Для пользователей, сталкивающихся с необходимостью фиксации онлайн-доказательств, сервисы автоматической фиксации предлагают неоспоримые плюсы, среди которых можно выделить следующие.

Во-первых, это время и цена. Если в обычной ситуации поиск нотариуса, занимающегося обеспечением доказательств, и само заверение занимают много времени, а окончательная стоимость остается неопределенной до самого конца, то в данном случае правообладателю не нужно в спешке искать нужного специалиста, поскольку подбор осуществляет самим сервисом, а заказчик лишь согласовывает кандидатуру и определяет области деятельности.

Что касается стоимости, то информация о минимальной стоимости заверения уже содержится на электронном сайте сервисов, а также можно рассчитать стоимость заверения, исходя из имеющегося количества интернет-страниц, файлов или участников переписки.

Во-вторых, доступность. Нет никаких территориальных ограничений. Автоматизированный нотариальный протокол составляется независимо от места нахождения самого заказчика, его юридическая сила распространяется на территории Российской Федерации, в странах СНГ, а в случае необходимости использования протокола за пределами СНГ необходимо лишь произвести его апостилирование.

В-третьих, возможность получения пакета документов лично на руки не выходя из дома или офиса.

И, в-четвертых, это признание их судом. Сервисы автоматической фиксации доказательств завоевывают доверие судов, поскольку предоставляют надлежащие доказательства, подкрепленные автоматизированной фиксацией времени, даты и других технических параметров, что делает их весомым аргументом в судебном процессе.

К тому же, благодаря особому законодательному статусу, нотариально заверенные доказательства обладают «иммунитетом» – презумпцией достоверности, что даёт клиентам сервисов дистанционного нотариального обеспечения существенное преимущество.

Однако, несмотря на явные преимущества, стоит учитывать и потенциальные недостатки таких доказательств.

Во-первых, имеется возможность фальсификации. Так недобросовестный заявитель может представить на своем устройстве недостоверную информацию, которая будет заранее подготовлена и отредактирована с помощью фоторедакторов.

В результате становится невозможно установить реального участника переписки, источник публикации или точное расположение информации в сети.

Во-вторых, сервис предоставляет возможность фиксировать внешний вид и содержимое приложений, что в идеале позволяет доказать факт размещения определенной информации на конкретном ресурсе. Однако существование «сайтов-зеркал» и зеркальных приложений сводит на нет потенциал этой функции,

В-третьих, сервис фиксирует метаданные и другие сведения о фотоизображении и техническом устройстве. Однако недобросовестный заявитель может предоставить изображение, скопированное с другого фото, искусственно установив желаемое время и дату. Сервис в данном случае не сможет проверить подлинность исходного изображения и метаданных, просто зафиксировав предоставленные искаженные сведения.

И, в-четвертых, несмотря на автоматизацию, противоположная сторона спора может попытаться оспорить достоверность или подлинность доказательств, ссылаясь на возможные фальсификацию, ошибки сервиса или неполноту фиксации.

Исходя из выявленных недостатков, можно сделать вывод, что сервисы автоматической фиксации доказательств – это мощный доказательственный инструмент, но не панацея. Они значительно упрощают и ускоряют процесс получения доказательств, но объективно нуждаются в доработке и пока не являются совершенными.

Для преодоления изложенных недостатков предлагается ввести процедуру проверки истории действий пользователей непосредственно в самом приложении перед фиксацией спорного контента.

Помимо этого, необходимо предусмотреть алгоритмы, которые будут фиксировать попытки изменить время, дату и другие характеристике в системе технического устройства.

Для борьбы с «сайтами-зеркалами» необходимо производить комплексную фиксацию информации. Так при фиксации сайта, сервис должен пытаться определить и зафиксировать несколько потенциальных «зеркал» или основных ресурсов, связанных с доменным именем.

Во избежание фальсификации метаданных вместо простого фиксирования, сервис может анализировать EXIF-данные (метаданные, встроенные в JPEG-файлы) на предмет их целостности, соответствия информации о фото и техническом устройстве (телефоне).

Оспаривание достоверности доказательств (фальсификация, ошибки, неполнота) могут быть нивелированы при использовании цифровых подписей и хеширования данных.

Каждая зафиксированная запись должна иметь цифровую подпись, сгенерированную сервисом, что подтверждает неизменность и подлинность данных, а применение хеширования эффективно в целях создания уникального «отпечатка» зафиксированной информации, который легко проверить на предмет изменений.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что автоматическая фиксация доказательств демонстрирует свою применимость и эффективность при рассмотрении судебных споров, однако для обеспечения безопасного существования и функционирования авторских прав в современном цифровом мире, дальнейшая модернизация сервисов автоматической фиксации доказательств является неизбежной и необходимой.

Данная работа призвана подчеркнуть то, что автоматическая фиксация доказательств обладает значительным потенциалом для укрепления защиты авторских прав в цифровой среде. Дальнейшее развитие и совершенствование технологий и законодательной базы позволит превратить этот «нестандартный» способ доказывания в надежный и повсеместно признанный инструмент, способствующий справедливому разрешению споров и стимулированию творческой деятельности в эпоху цифровых технологий.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет- портал правовой информации — URL: http: // www. pravo.gov.ru. (дата обращения 09.11.2025). — Текст: электронный.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации —URL: http: // www. pravo.gov.ru. (дата обращения 09.11.2025). — Текст: электронный.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Официальный интернет- портал правовой информации —URL: http: // www. pravo.gov.ru. (дата обращения 09.11.2025). — Текст: электронный.
4. Решение Арбитражного суда города Москвы от 20.09.2024 по делу № А40-223909/2023 // Доступ из справ. – правовой системы «КАД». — URL: https://kad.arbitr.ru/Card/31ed946f-f643-4e7c-820f-3076f7be7105 (дата обращения 09.11.2025). — Текст: электронный.
5. Решение Арбитражного суда Самарской области от 12.05.2025 по делу №А55-41943/2024 // Доступ из справ. – правовой системы «КАД». — URL: https://kad.arbitr.ru/Card/ea575c04-64a7-487e-be9c-d96179299459 (дата обращения 09.11.2025). — Текст: электронный.

Поспелов Александр Алексеевич
студент 3 курса,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

Федоров Дмитрий Сергеевич
студент 3 курса,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ОТ НАВЯЗЫВАНИЯ НЕСПРАВЕДЛИВЫХ УСЛОВИЙ В ДОГОВОРАХ ПРИСОЕДИНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ[1]

Pospelov Alexander Alekseevich
3rd year student,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia
Fedorov Dmitry Sergeevich
3rd year student,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

CIVIL LAW MECHANISMS FOR PROTECTING AGAINST THE IMPOSITION OF UNFAIR TERMS IN ADHESION AGREEMENTS: ISSUES OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Аннотация: *данная работа посвящена комплексному исследованию гражданско-правовых механизмов защиты от навязывания потребителям*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Сирик Наталия Валериевна.

несправедливых условий в договорах присоединения. Распространенность договоров в секторах экономики порождает системное неравенство между исполнителем и потребителем. Анализируются специальные защитные инструменты российского права, выявляются их ключевые различия. В работе детально рассматриваются доктринальные и правоприменительные критерии выявления несправедливых условий, такие как нарушение баланса интересов, недобросовестность и неясность формулировок. Особое внимание уделено проблемам правоприменения, скрытые формы навязывания в цифровой среде («клип-рапп») и дуализм правовых режимов защиты.

Abstract: *this work is devoted to a comprehensive study of civil law mechanisms for protecting consumers from unfair terms in adhesion contracts. The prevalence of adhesion contracts in various sectors of the economy creates systemic inequality between the contractor and the consumer. The paper analyzes the specific protective tools of Russian law and identifies their key differences. It also examines the doctrinal and legal criteria for identifying unfair terms, such as a violation of the balance of interests, unfairness, and unclear language. Special attention is paid to the problems of law enforcement, hidden forms of coercion in the digital environment ("clip-rap"), and the dualism of legal protection regimes.*

Ключевые слова: *Договор присоединения, навязывание условий потребителю, защита прав потребителей, злоупотребление правом, баланс интересов сторон, цифровая среда (click-wrap), проблемы доказывания.*

Key words: *Adhesion contract, imposition of terms on consumers, consumer protection, abuse of rights, balance of interests, digital environment (click-wrap), and problems of proof.*

Тема навязывания условий потребителю актуальна в связи с распространением договоров в рыночной экономике, заключаемых путем присоединения к условиям, заранее разработанным одной из сторон. Экономическое и информационное неравенство между продавцом и потребителем является прямым следствием повсеместного использования договоров присоединения в розничной торговле, финансовом секторе, коммунальных и цифровых услуг. Прямым следствием сложившегося неравенства сторон довольно часто выступает злоупотребление со стороны исполнителя, выражающееся в навязывании потребителю кабальных, несправедливых или ущемляющих его права условий. Наличие в российском гражданском праве специальных защитных механизмов (ст. 428 ГК РФ, ст. 16 Закона «О защите прав потребителей») не устраняет сохраняющихся на практике проблем доказывания навязывания, квалификации несправедливых условий и их действенного пресечения. Комплексное исследование механизмов гражданско-правовой защиты от навязывания условий потребителю является крайне актуальной задачей. Наибольшую сложность эти

вопросы представляют в цифровом пространстве, где акцепт оферты зачастую осуществляется в упрощенном порядке – одним кликом.

Статьей 428 Гражданского кодекса Российской Федерации регламентируется особый гражданско-правовой институт – договор присоединения [1]. Стандартные формы и формуляры, содержащие условия, разработанные одной стороной и принимаемые контрагентом только через присоединение к договору в целом, определяют правовую природу договора присоединения [5, с. 47-48]. В российском законодательстве данная правовая конструкция появилась как инструмент регулирования отношений, где имеет место существенный дисбаланс переговорных возможностей сторон.

Принципиальное отличие договора присоединения заключается в отсутствии у принимающей стороны возможности изменять его условия, тогда как в обычных договорах содержание формируется в процессе переговоров. Договор присоединения классифицируется по способу заключения и может быть предложен любой стороной, тогда как публичный договор определяется субъектным составом и предполагает обязанность коммерческой организации заключить его с каждым контрагентом. В отличие от предварительного договора по ст. 429 ГК РФ, договор присоединения не создает для сторон обязательства по заключению в будущем основного договора на определенных условиях.

Объективное экономическое и информационное неравенство сторон как основная предпосылка возникновения договоров присоединения проявляется в комплексе преимуществ профессионального участника оборота. К таковым относятся: информационное превосходство в понимании содержания и последствий договора; доступ к квалифицированной юридической помощи для разработки оптимальных условий; обладание специальными отраслевыми знаниями; наличие существенных материальных и организационных ресурсов.

Потребность в специальных защитных механизмах для слабой стороны договора возникает из-за создаваемых предпосылок для злоупотреблений составителя, использующего ограниченность присоединяющейся стороны в ведении переговоров и оценке последствий договора. Дуализм правовой природы договора присоединения проявления в сочетании классических гражданско-правовых характеристик с элементами публично-правового регулирования, где ограничение свободы договора служит инструментом защиты экономически уязвимой стороны.

Ущемление прав экономически слабой стороны через включение в договор условий, грубо нарушающих баланс интересов, составляет суть навязывания, которое является следствием эксплуатации другой стороной своего доминирующего положения. Данное понятие, несмотря на отсутствие прямого легального определения в гражданском законодательстве РФ, раскрывает свое содержание через системное толкование доктринальных подходов и сложившейся правоприменительной практики.

Заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, а также использование с исключительной целью причинения вреда другому лицу – так определяется злоупотребление правом в соответствии с правовой позицией, сформулированной в ППВС РФ № 25 [3]. Действию статьи 10 ГК РФ подпадает навязывание условий, которое в системе российского гражданского права рассматривается как одна из форма такого злоупотребления. Особую форму недобросовестного поведения представляет собой навязывание несправедливых условий, которое проявляется в том, что экономически сильная сторона: ограничивает свободу волеизъявления присоединяющейся стороны; намеренно создает информационную асимметрию; эксплуатирует вынужденное положение контрагента; использует свое доминирующее положение на рынке.

Судебная практика последовательно относит к нарушениям требований добросовестности, разумности и справедливости (п. 3 ст. 1 ГК РФ) случаи, когда более сильная в экономическом отношении сторона прибегает к манипуляции стоимостью товара для принуждения контрагента к заключению дополнительных соглашений. Такая правовая позиция получила отражение в решении по делу № 2-31/2024, где суд констатировал, что предоставление скидки на автомобиль в зависимости от заключения договора об услугах AUTOSAFE с условием ее автоматического аннулирования представляет собой навязывание невыгодных условий через создание мнимой выгоды. Орджоникидзевский районный суд г. Уфы в своем акте от 09.01.2024 года признал такие действия злоупотребления правом, что иллюстрирует сложившийся судебный подход к квалификации подобных практик [4].

Доктрина гражданского права дифференцирует две основные формы навязывания условий. С одной стороны, это прямое навязывание (imposition), характеризующееся открытым принуждением, таким как требование заключить договор страхования для получения кредита. С другой стороны – скрытое навязывание (imposition deguisee), маскирующее несправедливые условия через: фиктивный выбор, двусмысленные формулировки, скрытие ключевых положений и сложные юридические конструкции [6].

К числу дополнительных критериев выявления несправедливых условий относятся исключение или ограничение ответственности за нарушение обязательств, возложение несоразмерных обязанностей, а также ограничение существенны прав стороны. В соответствии с правовой позицией, изложенной в Постановлении Пленума ВС РФ №25, «неясные условия договора толкуются в пользу контрагента стороны, которая их подготовила», что соответствует критерию неясности формулировок, когда условие изложено непонятно для среднего потребителя и допускает двусмысленное толкование (ст.431 ГК РФ). Критерий недобросовестности, противоречащий принципу добросовестности (ст.1, 10 ГК РФ), проявляется в использовании обстоятельств, затрудняющих согласование иных условий, намеренном введении контрагента в заблуждение

относительно последствий условия, а также несоблюдении профессиональной осмотрительности при включении условий в договор. Явный дисбаланс прав и обязанностей в ущерб присоединившейся стороне, например, установление чрезмерно высокой неустойки, несоразмерной возможным убыткам (ст. 333 ГК РФ), характеризует критерий нарушения баланса интересов. Указанная система критериев, сформировавшаяся в доктрине и правоприменительной практике, используется для выявления несправедливых условий.

Ключевой характеристикой договора присоединения выступает нарушение баланса интересов сторон, достигаемое через различные формы недобросовестного поведения, что в своей совокупности формирует комплексный правовой феномен навязывания условий.

Для правоприменительной практики особую важность имеют два ключевых аспекта, выявляемые при анализе статьи 16 Закона «О защите прав потребителей» (далее – Закон). Эта статья выполняет фундаментальную функцию обеспечивая баланс интересов сторон, поскольку содержит прямой запрет на наущающие закон условия договора и устанавливает комплекс мер защиты для потребителей.

В соответствии с императивным предписанием пункта 1 статьи 16 Закона, недействительными подлежат признанию любые договорные условия, которые ущемляют права потребителей по сравнению с правилами, установленными российским законодательством в данной области [2]. Превентивная и защитная функции данной нормы основаны, а её правовой природе, устанавливающей приоритет императивных положений Закона над договорными условиями. Это лишает предпринимателя возможности ссылаться на свободу договора для ограничения установленных законом прав потребителя.

Тремя ключевыми критериями признания условий договора, ущемляющими права потребителя, являются: возложение не предусмотренных законом обязанностей (например, оплата дополнительных сборов при отказе от договора), что неправомерно расширяет его обязательства; снижение уровня гарантий, предоставляемых Законом (например, ограничение выбора мастерской для гарантийного ремонта); а также прямое противоречие императивным нормам, как, например, установление сокращённого срока для предъявления претензий против сроков, исчисляемых годами по ст.19 и 29 Закона.

В полном объёме подлежат возмещению причинённые потребителю убытки, а на основании п. 2 ст. 13 Закона взысканные денежные средства, например, незаконный штраф, подлежат возврату в двойном размере. Потребитель не обязан следовать такому условию, поскольку оно является ничтожным и не порождает никаких прав и обязанностей с момента заключения договора – таково правовое последствие обнаружения ущемляющего условия.

Прямым нарушением принципа свободы договора и одной из форм недобросовестной конкуренции через практику навязанного сервиса (tying arrangement) призван бороться специальный запрет, установленный пунктом 2 статьи 16 Закона, на обусловленность основной покупки обязательным приобретением дополнительных товаров.

Правонарушение проявляется в различных формах: навязывание кредитных или страховых услуг, подключение дополнительных платных опций к основным услугам, принуждение к покупке аксессуаров при приобретении техники. Объединяет эти случаи злоупотребление предпринимателем своим рыночным положением, вынуждающее потребителя приобретать ненужные сопутствующие товары для получения доступа к основному желаемому продукту.

Нарушение основополагающего принципа гражданского права является согласие потребителя на сделку под влиянием вынужденных обстоятельств, а не по доброй воле. С правовой точки зрения это представляет собой одностороннюю подмену продавцом предмета договора, на который была направлена воля потребителя. Заключение договора под влиянием существенно искажающих волю обстоятельств предоставляет потребителю право на отказ от его исполнения. Дополнительной гарантией выступает возможность требовать полного возмещения убытков по ст. 15 ГК РФ, понесенных в связи с исполнением договора, нарушающего п. 2 ст. 16 Закона.

Эффективным инструментом в борьбе с недобросовестными практиками выступает статья 16 Закона, которая запрещает включение в договоры навязанных условий и обеспечивает защиту прав потребителей через недействительность таких условий, возврат сумм и возмещение убытков.

Специальный механизм судебной защиты, установленный законодателем для оспаривания несправедливых условий, призван нейтрализовать потенциальную угрозу для экономически слабой стороны договора присоединения. Данный институт, регламентированный статьёй 428 ГК РФ, представляет собой соглашение с условиями, определёнными одной стороной в стандартных формах, и сочетает в себе преимущества унификации гражданского оборота с рисками для присоединяющейся стороны.

Для обращения за судебной защитой достаточно наличия одного из оснований, сформулированных как отягчающие условия и носящих кумулятивный характер. Исчерпывающий перечень таких оснований, по которым присоединившаяся сторона вправе требовать изменения или расторжения договора, предусмотрен статьёй 428 ГК РФ.

Критерий «явной обременительности», выступая оценочным и гибким инструментом, позволяет оспорить условие договора присоединения при существенном нарушении баланса интересов, что проявляется в возложении на контрагента нетипичных рисков, предоставлении другой стороне непропорционально широких прав на одностороннее изменение условий или

установлении чрезмерных штрафных санкций. Другими основаниями для оспаривания являются ограничение ответственности за нарушение обязательств (например, стоимостью товара), противоречащее императивным нормам, а также лишение присоединившейся стороны существенных прав, обычно предоставляемых договорами такого вида. Оценка указанных оснований осуществляется судом с учётом императивных норм и сложившейся деловой практики.

Ключевое значение имеет осведомлённость контрагента. Если присоединившаяся сторона, особенно являясь предпринимателем в данной области, знала или должна была знать о содержании условий, она лишается права оспаривать договор.

При рассмотрении споров о договорах присоединения бремя доказывания факта заключения договора присоединения и наличия оснований для его оспаривания по ст. 428 ГК РФ возлагается на присоединившуюся сторону. Однако суд, обеспечивая процессуальный баланс, может учитывать очевидный характер злоупотреблений со стороны составителя договора. Ответчик вправе обосновать правомерность оспариваемых условий их соответствием закону, обычаям или спецификой правоотношений. Выработанное судебной практикой такое распределение бремени доказывания имеет ключевое значение для защиты слабой стороны договора.

Ст. 16 Закона и ст. 428 ГК РФ, имея общий объект регулирования – договоры присоединения, различаются по правовой природе. Ст. 16 Закона является специальной нормой, устанавливающей императивный запрет и ничтожность несправедливых условий в потребительских отношениях. В отличие от неё, ст. 428 ГК РФ – общая норма, применяемая ко всем договорам присоединения и предусматривающая их оспоримость через суд. Соотношение этих норм имеет фундаментальное значение для защиты слабой стороны в правоприменительной практике.

Специализированные нормы ст. 16 Закона и ст. 428 ГК РФ выступают предпочтительным механизмом защиты, тогда как применение ст. 179 ГК РФ о кабальных сделках остаётся исключительным ввиду необходимости доказывания стечения тяжёлых обстоятельств у потребителя и их умышленного использования контрагентом для заключения заведомо невыгодного договора. В отличии от этого, ст. 169 ГК РФ о ничтожных сделках, противоречащих основам правопорядка, применяется при грубых нарушениях публичных интересов с конфискационными последствиями. Таким образом, использование общих норм недействительности в потребительских отношениях требует особой квалификации противоправного поведения и носит резервный характер.

Фактическое отсутствие у потребителя возможности ознакомиться с объёмными и сложными правилами в цифровой среде представляет собой скрытую форму навязывания условий, обретающую новые формы, такие как

«клик-рапп» (click wrap) и «браузер-рапп» (browser wrap). Стремительное развитие цифрового рынка требует постоянного совершенствования контрольно-надзорной деятельности, в рамках которой ключевая роль по пресечению недобросовестных действий отводится Роспотребнадзору и ФАС России, использующим для этих своих полномочий, включая право подачи исков в защиту неопределённого круга потребителей.

Создание действенной системы защиты от навязывания условий требует перехода к системным решениям, включающим: достижение единства судебной практики через детальные разъяснения Верховного Суда РФ; смещение акцента на предупредительный контроль посредством предварительного одобрения типовых договоров в цифровой и финансовой сферах; формирование гибкой законодательной базы путём введения в ГК РФ открытого перечня несправедливых условий. Реализация указанных мер позволит обеспечить системное совершенствование законодательства и правоприменительной практики для эффективной защиты потребителей.

Ряд фундаментальных проблем ограничивает практическую эффективность специализированных защитных механизмов российского правопорядка, таких как ст. 428 ГК РФ и ст. 16 Закона «О защите прав потребителей». При этом, как показывает проведённый анализ, сама проблема навязывания условий носит системный характер и порождена объективным экономическим и информационным неравенством сторон в договорах присоединения.

Ключевыми проблемами защиты от навязывания условий выступают: адаптация права к цифровым реалиям, требующая пересмотра подходов к оценке добровольности согласия; дуализм правовых режимов, где наиболее эффективны специальные нормы Закона «О защите прав потребителей», объявляющие ущемляющие условия ничтожными, в отличие от общей ст. 428 ГК РФ; а также трудность квалификации и доказывания, обусловленная оценочным характером законодательных определений и тяжёлым бременем доказывания, возлагаемым на потребителя.

Таким образом, проблема навязывания несправедливых условий потребителю в договорах присоединения является прямым следствием объективного экономического и информационного неравенства сторон. Для создания действенной системы защиты необходим переход к системным решениям, включающим как совершенствование законодательства, так и унификацию судебной практики. Только комплексный подход, сочетающий четкие законодательные критерии, единообразную судебную практику и усиление превентивного контроля, позволит обеспечить реальный баланс интересов в условиях массового стандартизированного оборота.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СЗ РФ. — 1994 — №32 — ст. 3301.
2. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 15. – ст. 766.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
4. Решение Орджоникидзевского районного суда г. Уфы от 09.01.2024 по делу № 2-31/2024. – URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 01.11.2025).
5. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 3-е изд. – М.: Статут, 2011. – 476 с.
6. Сазонов Илья Александрович ДОГОВОР ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАК ОСОБАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА // E-Scio. – 2021. – №9 (60). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-prisoedineniya-kak-osobaya-raznovidnost-grazhdansko-pravovogo-dogovora (дата обращения: 04.11.2025). — Текст: электронный.

Посадская Дарья Антоновна
студентка 3 курса
Саратовская государственная
юридическая академия,
г. Саратов, Россия

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[1]

Posadskaia Daria Antonovna,
3rd year student
Saratov state law academy
Saratov, Russia

JUDICAL PRECEDENT IN CURRENT RUSSIA

Аннотация: *в данной статье судебный прецедент рассматривается как актуальная правовая практика. Дается теоретическая и практическая трактовка судебного прецедента. Раскрываются некоторые особенности его использования в странах с прецедентной системой права. Особое внимание уделяется проблеме использования судебного прецедента в современной России. Показано назревшее противоречие между положением в этой области де-факто и де-юре. Обращается внимание на то, что, несмотря на традиционное понимание российской правой системы как не использующей судебный прецедент, он оказался фактически востребованным в современной отечественной практике. Это положение в статье обосновывается данными научных эмпирических исследований. Обозначен ряд проблем, порождаемых использованием прецедента и предложены некоторые решения. В частности, обращается внимание на опыт Великобритании по использованию судебных прецедентов в законодательной практике, ставится проблема о применении понятия "прецедент" к отдельным формам современной практики судов в России, предлагается скорректировать само понятие "прецедент",*

[1] Научный руководитель - доктор социологических наук, профессор кафедры философии, Саратовская государственная юридическая академия, Сивова Светлана Анатольевна.

оптимизировать режим использования судебных решений в качестве прецедента. Затрагивается вопрос о роли прецедента в обеспечении эффективности судебной деятельности и правовой системы в целом.

Abstract: *in this article, the judicial precedent is considered as an actual legal practice. A theoretical and practical interpretation of the judicial precedent is given. Some features of its use in countries with a case law system are revealed. Special attention is paid to the problem of the use of judicial precedent, and in modern Russia. The urgent contradiction between the de facto and de jure situation in this area is shown. Attention is drawn to the fact that, despite the traditional understanding of the Russian legal system as not using judicial precedent, it has actually proved to be in demand in modern domestic practice. This position in the article is justified by the data of scientific empirical research. A number of problems caused by the use of precedent are identified and some solutions are proposed. In particular, attention is drawn to the UK's experience in the use of judicial precedents in legislative practice, the problem of applying the concept of "precedent" to certain forms of modern court practice in Russia is raised, it is proposed to correct the very concept of "precedent", optimize the mode of using court decisions as a precedent. The question of the role of precedent in ensuring the effectiveness of judicial activity and the legal system as a whole is raised.*

Ключевые слова: *судебный прецедент, правосудие, суд, прецедент, источник права, Конституционный суд РФ, судебная практика.*

Keywords: *judicial precedent, justice, court, precedent, source of law, Constitutional Court of the Russian Federation, judicial practice, source of law*

Правовые системы постоянно развиваются. Новые проблемы подталкивают правоприменителя отходить от привычных механизмов его правовой системы и заимствовать черты других правовых систем. Россия входит в континентальную правовую систему, которая традиционно не признаёт судебный прецедент как источник права. Однако анализ российской судебной практики ставит под сомнение этот взгляд. В данной статье мы проанализируем проблему использования в современной российской практике судебного прецедента.

Судебный прецедент – это вынесенное судом решение, которое может выступать источником права и применяться по аналогии. На него можно ссылаться в обосновании решения суда по аналогичным делам. Судебный прецедент официально является одним из источников права в англосаксонской системе.

Необходимо заметить, что не весь текст судебного решения составляет прецедент. Каждое решение можно разделить на части [2, с. 29].

Первая часть включает в себя установление существенных фактов (perceptible) дела и заключение судьи, основанное на них.

Вторая часть – это изложение правовых принципов по данному вопросу. Она носит название ratio decidendi и, с точки зрения прецедента, является наиболее существенной. содержит прецедент.

Третья часть является основной. В ней окончательно устанавливаются права и обязанности сторон.

Задача прецедента - устранять пробелы в законодательстве, делать право более гибким, ориентированным на реальные ситуации. Использование прецедента может приводить к тому, что решения суда могут не соответствовать смыслу закона. Существуют разные механизмы решения этой проблемы. В Великобритании такие решения можно ликвидировать изданием нового закона, который отменяет положение прецедента. Если прецедент противоречит закону, то применяется закон.

При этом, нет чётких рекомендаций, когда какой прецедент применять, следовательно, у судей есть некоторая свобода в следовании прецеденту. С. Льюис отмечает двоякость прецедентной системы: существуют «слабые» и «крепкие» прецеденты [4, с. 887]. Слабым суд следует только в том случае, если решение было принято правильно, а крепким – в любом случае, даже если суд не согласен с решением. Но тут же встаёт проблема: если система прецедентная, то прецеденту нужно следовать всегда. В то же время, должен ли суд выносить решение, которое считает несправедливым? «Слабый» прецедент, по мнению С. Льюиса, ставит подсудимых в неравные условия, а сильный заставляет одинаково неправильно поступать со всеми в стремлении уравнять.

Де-юре в Российской Федерации нет судебного прецедента, но ряд исследователей утверждают, что де-факто он практикуется. Председатель Высшего Арбитражного суда (на данный момент не существует) А.А. Иванов считал, что в последние десятилетия российское судопроизводство переходит к прецедентной системе [3, с.30]. Особенностью российского прецедента является то, что здесь прецедент — это не решение суда, а официальное толкование закона. Например, интерпретационные акты Конституционного Суда РФ. Однако с этим можно поспорить, прецедент – судебное решение по конкретному делу, по аналогии с которым принимаются другие судебные решения. Решения Конституционного суда РФ – толкование, а не рассмотрение дела по существу, и они не используются по аналогии. Следовательно, они не являются прецедентом.

В 2020 году Верховный суд РФ [1] постановил, что суды кассационной инстанции должны проверять решения судов первой и апелляционной инстанций на соответствие правовым позициям верховного суда: «Судебная практика должна быть единой по всей стране. Не может быть каких-то особенных - рязанских или уральских - трактовок закона». Хотя положение ВС РФ является толкованием и не используется по аналогии, это означает, что суд сам может искать решение в рамках закона, что, как и в случае с КС РФ, похоже

по сути на прецедент. Об этом можно говорить, потому что суд, а не законодательный орган толкуют закон.

В ряде текстов решений арбитражных судов есть отсылки к предыдущим решениям. Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге провел эмпирическое исследование, посвященное проблеме использования прецедента в решениях арбитражных судов. Было проанализировано 6,9 млн текстов решений арбитражных судов по 5,4 млн делам [2, с.7] (не являющимся делами о банкротстве) за 2009–2019 гг. В каждом деле были определены отсылки к другим арбитражным делам. В ходе исследования были установлены дела, на которые ссылаются чаще всего. Так больше всего отсылок к делу №А56-1486/2010 (10 904 отсылки) [2, с.12]. Также исследователи пришли к выводу, что чаще всего ссылаются первые инстанции (50% от всех отсылок) [2, с.9]. А ссылаются чаще всего на кассацию (48,47%). В данном случае ссылки на решения судов используются тогда, когда есть пробел в праве, а в определённом деле было проведено тщательное исследование проблемы, которое может нейтрализовать этот пробел. Это однозначно является ярким примером прецедента.

К преимуществам прецедента можно отнести разгрузку судов и предсказуемость их решений. Также существует мнение, что прецедент способствует равенству, хотя это спорно.

Но мы можем выделить ряд проблем прецедентной системы.

Во-первых, если в решении, создавшем прецедент, будет допущена ошибка, она будет дублироваться в судебных решениях, принятых на основе этого прецедента.

Во-вторых, в прецедентной системе судья наделяется правотворческой функцией. Из этого следует, что один человек принимает решение о новом толковании закона на основе своего понимания права, что может не отражать мнения других специалистов и приводить к решениям. Это может приводить к ошибкам в толковании законов.

Данную проблему можно решить, если считать за прецедент не одно, а определённое количество схожих решений, принятых разными судьями, не связанными друг с другом. Эти решения должны быть самостоятельными и не основываться друг на друге, как на прецедентах.

В-третьих, жизнь общества и мораль меняются быстрее чем прецедент. Это ведёт к судебным решениям несоответствующим принципам современного общества. Это можно решить, введя срок для прецедента. Для определения оптимального срока должна быть разработана специальная методика. Для разных отраслей права необходимы разные сроки. В уголовном праве - более длинный, чем в гражданском. Это нововведение решит и проблему накапливания и противоречивости прецедентов по схожим случаям, приводящее к неудобству использования.

В-четвёртых, не все случаи, охватываемые одним прецедентом абсолютно идентичны. Следовательно, решения по ним должны быть разными. А схожесть может не всегда оцениваться правильно. На данный момент у судьи есть возможность решать. Пока этот вопрос частично остаётся на усмотрение судьи. Эту проблему можно решить, разработав чёткую систему критериев, основываясь на которых судьи будут оценивать схожесть дел, и которой будут обязаны придерживаться.

Подводя итоги, можно сказать, что официально РФ не признаёт прецедент как источник права, но фактически пользуется им в ряде случаев. Россия использует судебный прецедент и явления, близкие к нему. К этому прибегают, чтобы нейтрализовать пробелы в праве. Как можно увидеть, и прецедентная система, и континентальная несовершенны. И пытаясь компенсировать свои недостатки, они прибегают к опыту друг друга. Задача юридической науки - изучать меняющиеся правовые реалии, давая им адекватное категориальное осмысление.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2020 г. N 13 "О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции" // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2020. – № 9. – URL: https://www.vsrf.ru/files/29432/ (дата обращения: 16.11.2025). — Текст: электронный.
2. Савельев, Д. А. «Аналогичная правовая позиция»: отсылки к другим делам в текстах судебных актов арбитражных судов: аналитическая записка / под ред. Д. А. Скугаревского. — СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2021. — (Аналитические записки по проблемам правоприменения; вып. 1(2021)). — 17 с. — URL: **https://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/saveliev_links_to_cases.pdf**. (дата обращения 14.11.2025). — Текст: электронный.
3. Тонков, Е.Н. Английский прецедент и Российский прецедент толкования: соотношение феноменов / Е.Н. Тонков // Вестник Московского университета МВД России. — 2013. —№10. – С. 27-32. — URL: **https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-pretsedent-i-rossiyskiy-pretsedent-tolkovaniya-sootnoshenie-fenomenov** (дата обращения 14.11.2025). — Текст: электронный.
4. Lewis S. Precedent and the Rule of Law // Oxford Journal of Legal Studies. - 2021. - Volume 41 (4). – P. 873–898. — URL: **https://www.researchgate.net/publication/350003868_Precedent_a**

nd_the_Rule_of_Law (дата обращения 14.11.2025). — Текст: электронный.

Поляничев Николай Алексеевич
студент 1 курса магистратуры,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ [1]

Polyanichev Nikolay Alekseevich,
1st year master's student, Smolensk State University, Smolensk, Russia

JUDICIAL REVIEW AND ITS LIMITS IN THE PROCESS OF DISPUTE RESOLUTION

Аннотация: *в работе проводится анализ судейского усмотрения в РФ, исследуется противоречие между необходимой свободой суда в применении права и риском ее перерастания в произвол. Судейское усмотрение определяется как интеллектуально-волевая деятельность судьи по выбору правового решения из нескольких законных альтернатив. Оно является важным инструментом, обеспечивающим гибкость правоприменения и связь между абстрактной нормой и обстоятельствами конкретного дела. В работе рассматриваются пределы усмотрения, такие как принципы законности и обоснованности, а также риски, вызванные отсутствием его легального определения. Это приводит к противоречивой судебной практике и потенциальному произволу. В заключении предлагается оптимизировать применение института через законодательное закрепление его понятия и пределов, а также через усиление роли Верховного Суда в выработке единых подходов. Делается вывод, что эффективное функционирование судейского усмотрения возможно лишь при наличии четких законодательных границ, обеспечивающих баланс между независимостью суда и верховенством закона.*

Abstract: *this paper analyzes judicial discretion in the legal system of the Russian Federation. The central issue is the contradiction between the necessary freedom of the court in applying the law and the risk of it becoming arbitrary.*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско – правовых дисциплин Смоленского государственного университета Сенкевич Виктория Валерьевна

Judicial discretion is defined as the judge's intellectual and volitional activity in choosing a legal solution from several legal alternatives. It is an important tool that ensures the flexibility of law enforcement and the connection between the abstract norm and the circumstances of a particular case. The paper examines the limits of discretion, such as the principles of legality and reasonableness, as well as the risks caused by the lack of a legal definition. This leads to contradictory judicial practice and potential arbitrariness. In conclusion, it is proposed to optimize the application of the institution through the legislative consolidation of its concept and limits, as well as through strengthening the role of the Supreme Court in developing unified approaches. It is concluded that the effective functioning of judicial discretion is possible

Ключевые слова: *судейское усмотрение, принятие решения, правовые рамки, дискреционные полномочия.*

Key words: *judicial discretion, decision-making, legal framework, and discretionary powers.*

Правосудие по своей сути не может быть сведено к механическому применению абстрактных юридических норм, в Российской Федерации оно базируется на принципах верховенства права и независимости судебной власти, дискреционные полномочия суда представляют собой ключевой, но в то же время проблемный элемент. Формулируя нормативные акты, законодатель зачастую сознательно использует общие и оценочные категории, делегируя суду право наполнять их конкретным содержанием с учетом всех обстоятельств дела. Таким образом, судейское усмотрение выступает неотъемлемым компонентом судебной деятельности, связующим звеном между буквой закона и индивидуальной спецификой каждого правового конфликта.

Однако эта необходимая свобода порождает ряд фундаментальных вопросов. Где проходит грань между законным усмотрением и судебным произволом? Каковы критерии и пределы, в рамках которых судья может проявлять свою волю? Насколько обширны полномочия суда в интерпретации правовых норм, особенно учитывая принадлежность России к романо-германской правовой семье, где традиционно доминирует закон, а не прецедент? Отсутствие единого легального определения судейского усмотрения и четкого закрепления его границ создает почву для правовой неопределенности, рисков злоупотребления и формирования противоречивой судебной практики.

Целью настоящей работы является комплексный анализ теоретических и практических аспектов института судейского усмотрения в правовой системе Российской Федерации, а также разработка предложений по оптимизации его применения.

Толковый словарь позволяет выявить сущностные характеристики понятия усмотрение. Так, С.И. Ожегов [6] определяет его как «решение, заключение или мнение», акцентируя возможность принятия официального решения. Считаю необходимо расширить трактовку, включая в содержание как процесс действия, так и его результат, и подчеркивая аспект единоличного решения должностного лица, основанного на собственном мнении, а не на прямом предписании закона, усмотрение представляет собой процесс мыслительной деятельности субъекта, направленный на принятие определенного решения.

В цивилистике существует дискуссия о разграничении терминов «судейское» и «судебное» усмотрение. П.А. Гук различает их по субъекту: «судебное» включает деятельность всего аппарата суда, а «судейское» – только судей [3 с. 280-281]. Н.Н. Тарусина видит разницу в объеме: «судебное» – более широкое понятие, а «судейское» – его вид, связанный с личными качествами судьи [7 с.50-53]. О.А. Папкова связывает «судейское» с единоличным, а «судебное» – с коллегиальным рассмотрением дела [6].

В рамках настоящей работы данные понятия используются как тождественные.

Усмотрение определяется как действие органа или должностного лица по собственной инициативе, не связанной при принятии решения конкретной нормой, но в пределах предоставленных полномочий. Из этого определения выводятся ключевые признаки. Субъектом выступает лицо, наделенное государственно-властными полномочиями (судья, следователь, прокурор) и деятельность происходит в строго очерченных законом границах.

Однако говорить о полной свободе воли в рамках полномочий представляется дискуссионным, поскольку сами полномочия и их пределы детально регламентированы правом. Следовательно, усмотрение, хотя и содержит волевой компонент, не является безграничным и реализуется строго в пределах правового поля. Усмотрение за пределами правовых норм это действия, не связанные с правом. Действия, выходящие за правовые рамки, квалифицируются не как реализация усмотрения, а как нарушение законности. Значит, правовое усмотрение однозначно предполагает действие в границах, установленных законом.

Усмотрение, будучи волевым и мыслительным процессом, протекает в сознании правоприменителя, завися от его субъективных суждений, восприятия и профессионального опыта. Более того, сама возможность его применения создается волей законодателя, который формулирует правовые нормы.

Следовательно, усмотрение, хотя и существует в объективных нормах права, по своей сути является субъективным явлением, реализуемым в процессе применения законодательства, выступая волевой стороной соотношения целесообразности и законности.

Усмотрение как законное полномочие по выбору между несколькими законными альтернативами рассматривается его как правомочие, предоставленное суду для принятия оптимального решения на основе относительно определенных указаний закона.

Однако отождествление усмотрения с полномочием представляется не вполне точным. Усмотрение – это не само право, а интеллектуально-волевой процесс, который это право сопровождает и реализует. Его можно определить как мыслительную деятельность по выбору решения среди формально равно законных вариантов, оно связано с несовершенством законодательства. Часто такие конструкции правовых норм подтверждают сознательный выбор законодателя, обеспечивающий гибкость правоприменения и использование усмотрения как инструмента. Любое законное решение, даже основанное на усмотрении, должно вытекать из закона, который в данном случае предлагает не единственный, а несколько допустимых вариантов.

Нередко судейское усмотрение определяют как мотивированную правоприменительную деятельность по выбору варианта решения, с данным определением о том, что применение усмотрения не только право, но и обязанность суда, согласиться нельзя. Законодатель часто использует диспозитивную формулировку «суд может», предоставляя именно право выбора, а не безусловную обязанность.

Определения, предлагающие властный и правоприменительный характер судейского усмотрения, а также признаки его законности, обоснованности и мотивированности при принимаемом решении, служат противовесом упрекам в произвольности.

Существует позиции, сводящие усмотрение к «субъективному мнению», однако это сужает его содержание. Усмотрение – это не просто мнение, а сложный процесс выбора в рамках, заданных нормой права, и справедливо подчеркнуть роль правосознания правоприменителя как неотъемлемого элемента этого процесса.

На основе проведенного анализа можно сформулировать, что судейское усмотрение – это интеллектуально-волевая деятельность судьи, осуществляемая при рассмотрении дела и заключающаяся в выборе решения из числа законных альтернатив, предоставленных правовой нормой в ситуациях, когда жесткая регламентация невозможна или нецелесообразна, и направленная на достижение справедливости с учетом конкретных обстоятельств.

Отправление правосудия объективно сопряжено с творческим, интеллектуальным компонентом. Каждый раз, применяя абстрактную норму к уникальным обстоятельствам конкретного спора, суд в определенной мере интерпретирует волю законодателя. Более того, формулируя правовые предписания, законодатель во многих случаях изначально осознает, что буквального текста закона будет недостаточно для охвата всего многообразия

жизненных ситуаций. Используя такие общие понятия, как «добросовестность», «разумность», «существенное нарушение», «справедливость», он сознательно передает суду полномочия по их конкретизации. Именно через эту конкретизацию происходит адаптация государственной воли, выраженной в законе, к реальным общественным отношениям. Этот процесс и составляет сущность судейского усмотрения.

Рассматривая усмотрение как инструмент, его можно охарактеризовать как форму правосознания. Учитывая, что оно применяется в условиях неопределенности и неоднозначности законодательства, его также можно понимать, как способ преодоления правовых пробелов и недостатков юридической техники. Кроме того, судейское усмотрение, объективированное в итоговом судебном акте, определяется как юридический факт, порождающий, изменяющий и прекращающий права и обязанности, а также как межотраслевой институт, объединяющий нормы различных отраслей права, регулирующие соответствующие отношения.

Дискреционный элемент в той или иной степени присущ каждому судебному акту и проявляется во всех судебных инстанциях.

Ключевым признаком судейского усмотрения является его специальный субъектный состав. Оно осуществляется судьей, действующим не как частное лицо, а как легитимный представитель государственного органа – суда. Следовательно, судейское усмотрение – это не личное усмотрение индивида, а реализация дискреционных полномочий, делегированных государством судебной власти. Эта деятельность строго регламентирована, судья действует в рамках процессуальных полномочий, а результат его усмотрения находит формальное выражение в мотивированных процессуальных актах (решениях, определениях, постановлениях), содержащих ссылки на законодательство и установленные по делу обстоятельства.

Таким образом можно дополнить сформулированное выше понятие судейское усмотрение тем, что это предоставленная законом и осуществляемая в установленной процессуальной форме возможность уполномоченного субъекта (судьи) самостоятельно, в пределах определенных правовых рамок, избирать вариант решения на основе всестороннего анализа конкретных обстоятельств дела, норм права и общих правовых принципов.

Примерами реализации усмотрения в процессуальной деятельности могут служить проверка соблюдения процессуальных требований, решение об оставлении без движения или возврате иска, вопрос о вызове сторон на стадии принятия искового заявления. При рассмотрении ходатайств в том числе об обеспечении иска, суд оценивает обоснованность заявления и риск затруднения исполнения будущего решения, а также при толковании оценочных понятий и интерпретация «добросовестности», «разумности расходов», «достаточности доказательств», «уважительности причин».

В тексте судебных актов наличие усмотрения маркируется стандартными формулировками: «суд исходит из того, что...», «исходя из смысла норм...», а также проявляется в виде правовых позиций и рекомендаций, формулируемых высшими судами.

Действующее российское законодательство демонстрирует дуалистичный подход к регулированию пределов судейского усмотрения, сочетая прямые дозволения со строгими запретами.

Дозволения устанавливают базовые процессуальные нормы, которые закрепляют свободу судейского убеждения, примером служит ст. 67 ГПК РФ [1], предписывающая оценивать доказательства по внутреннему убеждению суда. Этот принцип является краеугольным камнем самостоятельности судебной власти.

Запреты отражены в ряде случаев, когда законодатель полностью исключает усмотрение, устанавливая императивные предписания. Например, ст. 211 ГПК РФ [1] обязывает суд направить копию решения о расторжении брака в орган ЗАГС немедленно, не оставляя пространства для выбора.

Важно отметить, что система дозволений в российском праве количественно преобладает над прямыми запретами, что свидетельствует о признании законодателем необходимости предоставления суду определенной свободы маневра.

Следует отметить, что деятельность суда всегда заключала в себе элемент творчества, но творчества ограниченного. Основными системообразующими пределами, сдерживающими усмотрение суда, выступают принципы законности и обоснованности.

Принцип законности означает, что решение должно приниматься при точном соблюдении норм процессуального и материального права. Судья не может по своему усмотрению игнорировать императивные нормы или придавать им произвольное толкование, будучи ограниченным не только буквой, но и духом закона.

Принцип обоснованности заключается в том, что усмотрение должно базироваться на установленных в судебном заседании фактах, подтвержденных доброкачественными и допустимыми доказательствами. Решение, основанное на непроверенных данных или личном убеждении в ущерб доказательствам, является произвольным.

Особое место занимает проблема толкования права. Поскольку закон в силу своей природы не может быть абсолютно четким и исчерпывающим, суд вынужден интерпретировать его положения. В Российской Федерации системе разъяснения высших судов (Пленума ВС РФ) носят вспомогательный, ориентирующий характер, способствуя единообразию практики, но не создавая новых норм. Если судебное толкование начинает подменять нормативное регулирование, это ведет к нарушению принципа разделения властей.

Нельзя отрицать, что судейское усмотрение не только интеллектуальный, но и в определенной степени субъективный процесс, зависящий от профессиональных и личностных качеств судьи (беспристрастность, чувство справедливости, жизненный опыт, правосознание). Именно эти качества определяют, как судья применяет предоставленную ему свободу в сложных, неоднозначных ситуациях.

Широкие пределы усмотрения порождают правовую неопределенность. Суды, формально не выходя за рамки компетенции, могут принимать по схожим фактическим составам противоположные решения. Например, ст. 33 ГПК РФ [1], позволяющая передать дело в другой суд по «иным причинам», оставляет их определение на усмотрение суда, что расширяет дискреционные полномочия и создает риски произвола.

Пример из практики (Дело № А76-5261/2017) Суды апелляционной и кассационной инстанций снизили налоговый штраф до нуля Их решения были отменены. Верховный Суд РФ указал, что они противоречили императивным нормам НК РФ (п. 3 ст. 114). Суды, используя свое право на снижение санкции, вышли за законные пределы усмотрения, подменив собой законодателя [4]. Этот случай иллюстрирует, как отсутствие четких ограничителей может трансформировать законное усмотрение в противозаконный произвол.

Современный тренд в законодательстве отражает активное внедрение оценочных категорий («добросовестность», «разумные меры»), что объективно расширяет сферу судейского усмотрения. В этой ситуации ключевую роль в выработке единых подходов играют высшие суды через постановления Пленума ВС РФ (например, Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, разъясняющее критерии добросовестности [2]).

В цивилистике сохраняется дискуссия о природе судейского усмотрения, однако внимание акцентируется на том, что его основой является неопределенность правового регулирования, а гарантией от злоупотреблений – четкие законодательные пределы.

В настоящее время назрела необходимость легального закрепления понятия «судейское усмотрение» и его системных пределов в рамках ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» или процессуальных кодексах.

Проведенный в данной работе анализ позволяет констатировать двойственную природу судейского усмотрения в России. С одной стороны, это необходимый конструктивный инструмент, обеспечивающий гибкость правоприменения, преодоление неизбежной неполноты законодательства и реализацию справедливости. С другой – это потенциальный источник рисков, ведущий к правовой неопределенности и судебному произволу в условиях отсутствия четкого законодательного определения понятия «судейское усмотрение».

судейское усмотрение должно быть направлено на минимизацию негативных аспектов несовершенства правовой базы и реализовываться в нахождении баланса между свободой суда и верховенством закона.

В качестве основного вектора совершенствования института видится комплекс мер видится законодательное закрепление понятия и пределов судейского усмотрения. Активная работа Верховного Суда РФ по обобщению практики и даче разъяснений. Только в условиях понятных и предсказуемых границ судейское усмотрение сможет в полной мере выполнять свою позитивную роль в укреплении законности и построении правового государства.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – ст. 4532.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8. – С. 2–23.
3. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 31.08.2017 по делу № А76-5261/2017 // Официальный сайт Картотеки арбитражных дел – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/578ca9b5-bbe9-4646-b462-415631d5b7f1 (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
4. Гук, П. А. Независимость судей / П. А. Гук // Независимость и судейское усмотрение: монография / отв. ред. Н. А. Колоколов. – М.: Юрист, 2008. – С. 280–286. – (Библиотека судьи).
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/253570 (дата обращения: 15.10.2025). — Текст: электронный.
6. Папкова, О. А. Судейское усмотрение в гражданском и арбитражном процессе [Электронный ресурс] / О. А. Папкова // Журнал «Вестник гражданского процесса». – 2022. – № 2. – С. 77-95. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kategorii-sudeyskogo-usmotreniya-retsenziya-na-monografiyu-o-a-papkovoy-usmotrenie-suda-m-statut-2005-412-s (дата обращения: 01.11.2024). — Текст: электронный.
7. Тарусина, Н. Н. Об актуальных рисках судебного усмотрения по семейным делам [Электронный ресурс] / Н. Н. Тарусина // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Серия Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 50–53. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-aktualnyh-riskah-sudebnogo-usmotreniya-po-semeynym-delam (дата обращения: 05.11.2025). — Текст: электронный.

Синиченкова Светлана Сергеевна
студентка 1 курса магистратуры,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ[1]

Sinichenkova Svetlana Sergeevna,
1st year Master's student,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

THE PROBLEM OF DETERMINING THE LIMITS OF CASE REVIEW IN AN ARBITRATION COURT OF APPEAL

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу проблемы определения пределов рассмотрения дела арбитражным судом апелляционной инстанции. Автор исследует противоречие между принципом состязательности, ограничивающим проверку доводами жалобы, и правом суда на выход за эти пределы в целях исправления существенных судебных ошибок. В работе прослеживается эволюция данного института, анализируется сложившаяся трехзвенная модель регулирования и выявляются ключевые коллизии, возникающие в правоприменительной практике. На основе изучения доктринальных позиций и тенденций судебной практики предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства и унификации подхода судов.*

Abstract: *the article is devoted to a comprehensive analysis of the problem of defining the limits of case review by an arbitration court of appeal. The author examines the contradiction between the adversarial principle, which limits the*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, Сенкевич Виктория Валерьевна.

review to the arguments of the appeal, and the court's right to go beyond these limits in order to correct significant judicial errors. The study traces the evolution of this legal institution, analyzes the existing three-tier model of regulation, and identifies key conflicts arising in law enforcement practice. Based on the study of doctrinal positions and trends in court practice, specific measures are proposed to improve legislation and unify the approach of the courts.

Ключевые слова: *арбитражный процесс, апелляционная инстанция, пределы рассмотрения дела, принцип состязательности, судебное усмотрение.*

Keywords: *arbitration process, court of appeal, limits of case review, adversarial principle, judicial discretion.*

Эффективность апелляционного производства в арбитражном процессе во многом определяется четкостью установленных границ проверки судебного акта. Исторически в российской системе арбитражных судов доминировал строго состязательный подход, в соответствии с которым суд апелляционной инстанции был связан доводами, изложенными в апелляционной жалобе. Однако в последние годы наблюдается отчетливая тенденция к расширению полномочий суда, что продиктовано стремлением обеспечить безусловную законность и исправить фундаментальные ошибки, даже если стороны на них не ссылаются. Этот сдвиг породил серьезную теоретическую и практическую проблему, связанную с поиском баланса между двумя фундаментальными ценностями: с одной стороны, уважением к воле сторон и стабильностью гражданского оборота, а с другой — необходимостью поддержания единообразия судебной практики и исправления грубых нарушений закона.

Понятие пределов рассмотрения дела в апелляционной инстанции имеет комплексный характер и включает несколько взаимосвязанных аспектов. Это предметные пределы, определяющие круг обжалуемых судебных актов и возможность проверки решений в части, не обжалованной сторонами. Это инстанционные пределы, устанавливающие объем полномочий апелляционного суда по отношению к выводам суда первой инстанции. Это процессуальные пределы, регламентирующие порядок представления и исследования доказательств, заявления новых требований и возражений.

Теоретический анализ показывает, что современная доктрина арбитражного процесса выработала три основные модели определения пределов апелляционного пересмотра. Полная апелляция предполагает повторное рассмотрение дела по существу с возможностью представления новых доказательств и изменения предмета иска. Ограниченная апелляция ориентирована на проверку законности и обоснованности решения в рамках доводов жалобы. Смешанная модель, которая в настоящее время действует в российском арбитражном процессе, сочетает элементы обоих подходов, что и порождает системные противоречия в правоприменении, а также оказывает

непосредственное влияние на реализацию фундаментальных процессуальных начал в проверочных инстанциях [4, с. 281]. Отсутствие четкого законодательного закрепления понятия и границ этой смешанной модели создает правовую неопределенность, что отмечается в современной научной литературе [5, с. 30] и приводит к сложностям в единообразном применении норм судами.

Первоначальная редакция Арбитражного процессуального кодекса РФ 2002 года [1] закрепляла классическую состязательную модель. Часть 2 статьи 268 АПК РФ в ее исходной версии недвусмысленно устанавливала, что суд апелляционной инстанции проверяет законность и обоснованность решения, исходя из доводов, содержащихся в апелляционной жалобе и возражениях на нее. Данный подход полностью соответствовал роли сторон как основных двигателей процесса и возлагал на них ответственность за полноту и обоснованность своей позиции. Такой порядок основывался на презумпции профессиональной компетентности участников арбитражного процесса, которые предполагались способными самостоятельно формулировать свою правовую позицию и нести риски ее неполноты.

Значительную трансформацию в этот вопрос внесла судебная практика, в частности, Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28.05.2009 № 36, которое впоследствии было заменено Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» [2]. Несмотря на отсутствие прямых указаний в законе, Пленум ВАС РФ счел необходимым обязать суды апелляционной инстанции по собственной инициативе проверять наличие безусловных оснований для отмены решения, перечисленных в части 4 статьи 270 АПК РФ. Эта позиция была обоснована публичным характером правосудия, в рамках которого грубые процессуальные нарушения не могут оставаться без внимания, даже если стороны их игнорируют. Данная правовая позиция знаменовала собой принципиальный поворот от чисто состязательной модели к модели, сочетающей частные и публичные начала в процессе.

Следующим этапом стало законодательное закрепление новых возможностей для выхода за пределы жалобы. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ ввел в АПК РФ часть 5.1 статьи 268, предоставившую суду апелляционной инстанции право проверить решение суда первой инстанции в полном объеме, если лицо, участвующее в деле, заявит об этом ходатайство в связи с неправильным применением норм материального права. Эта новелла ознаменовала собой компромиссный подход, позволивший сочетать инициативу стороны с дискреционными полномочиями суда. Однако, как показала последующая практика, отсутствие детальной регламентации

процедуры рассмотрения таких ходатайств создало почву для новых проблем в правоприменении.

На сегодняшний день статья 268 АПК РФ формирует сложную систему, состоящую из трех основных элементов, взаимодействие которых порождает ряд практических проблем. Во-первых, базовое правило о проверке в пределах доводов жалобы. Хотя эта норма выглядит простой и ясной, ее применение вызывает вопросы, поскольку суд апелляционной инстанции, осуществляя повторное рассмотрение дела, проверяет правильность установления обстоятельств, но не проверяет факты, признанные сторонами, если иное не предусмотрено законом. В частности, остается дискуссионным, что следует считать доводом жалобы. Ограничивается ли суд лишь теми аргументами, которые изложены в жалобе эксплицитно, или он вправе исследовать все правовые последствия заявленных доводов? Строгое толкование этой нормы может привести к тому, что очевидная судебная ошибка останется без исправления из-за недостаточной юридической грамотности представителя стороны. Во-вторых, факультативная проверка по ходатайству стороны. Институт, предусмотренный частью 5.1 статьи 268 АПК РФ, оказался недостаточно регламентированным. Закон не содержит четких критериев, которым должно соответствовать такое ходатайство, и не определяет порядок его рассмотрения. Это создает риск его недобросовестного использования для затягивания процесса, когда сторона, подав краткую и формальную жалобу, впоследствии ходатайствует о полной проверке, по сути, представляя новые доводы. Кроме того, отсутствие единообразия в подходах судов к оценке обоснованности таких ходатайств ведет к непредсказуемости судебной защиты.

В-третьих, императивная проверка безусловных процессуальных нарушений. Это наиболее проблемный элемент всей системы. Обязанность суда апелляционной инстанции проверять наличие оснований, указанных в части 4 статьи 270 АПК РФ, независимо от доводов жалобы, порождает фундаментальную коллизию с принципами состязательности и правовой определенности. В доктрине и практике сложились два противоположных подхода к реализации этой обязанности. Подход тотальной проверки предполагает, что суд в каждом деле должен по собственной инициативе исследовать все материалы на предмет любого из безусловных оснований для отмены. Сторонники этого подхода ссылаются на то, что подобные нарушения затрагивают основы правопорядка и не могут быть оставлены без внимания. Сигнальный подход исходит из того, что активность суда в этой части должна быть обусловлена конкретными обстоятельствами — например, прямым указанием на нарушение в материалах дела или в заявлениях лиц, участвующих в деле. Этот подход в большей степени соответствует состязательной природе процесса, но может привести к тому, что некоторые грубые нарушения останутся неисправленными.

Теоретические коллизии, присущие трехуровневой модели, находят прямое отражение в судебной практике, порождая системные нарушения, которые подрывают стабильность гражданского оборота и принцип правовой определенности. Яркой иллюстрацией проблемы является Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.05.2025 № Ф06-59937/2020 по делу № А72-8796/2019. В данном деле о привлечении к субсидиарной ответственности суд первой инстанции удовлетворил требования, установив факт не передачи руководителем должника полного комплекта документов. Суд апелляционной инстанции, рассматривая жалобу ответчика, полностью отменил решение и отказал в удовлетворении заявления. Ключевой проблемой, приведшей к отмене постановления апелляции, стало то, что суд принял и положил в основу своего решения целый массив новых доказательств, представленных ответчиком, не разрешив вопрос об уважительности причин их непредставления в суд первой инстанции. Как отметил суд кассационной инстанции, доказательства подавались на протяжении всего рассмотрения без приведения уважительных причин и без направления копий процессуальным оппонентам, а суд апелляционной инстанции не разрешал вопросов о приобщении этих доказательств надлежащим образом. Данный пример демонстрирует классическое превышение пределов рассмотрения, когда суд апелляции вышел за рамки проверки законности и обоснованности решения, проведя фактически новое рассмотрение дела. Подобные случаи, когда суд апелляционной инстанции, проверяя решение, выходит за пределы рассмотрения апелляционной жалобы и ухудшает положение лица, его подавшего, являются грубым нарушением, на что неоднократно указывал Верховный Суд РФ [3].

Другой аспект проблемы раскрывает Постановление АС Северо-Западного округа от 16.10.2024 по делу № А56-130783/2022 по виндикационному иску. Суд апелляционной инстанции, отменяя решение первой инстанции и частично удовлетворяя требования, принял дополнительные документы от истца непосредственно в судебном заседании без предоставления копий ответчику. Суд кассационной инстанции указал на грубые нарушения принципов состязательности и равноправия сторон, поскольку ответчик был лишен возможности ознакомиться с доказательствами, представить возражения и заявить ходатайство о фальсификации. Также было отмечено несоблюдение правил оценки доказательств — суд апелляции не проверил достоверность документов, содержавших явные признаки недостоверности. Этот кейс показывает системную проблему целесообразности в ущерб законности, когда стремление исправить ошибку первой инстанции привело к игнорированию фундаментальных процессуальных принципов, а также демонстрирует взаимосвязь пределов проверки с гарантиями справедливого правосудия и процедурный нигилизм как следствие размытости регулирования пределов

апелляционного пересмотра. Совместное рассмотрение этих дел свидетельствует о системном характере проблемы: выход за пределы апелляционной жалобы проявляется как в неправомерном принятии доказательств, так и в их ненадлежащем исследовании, что в обоих случаях ведет к отмене судебных актов и нарушению принципа процессуальной экономии.

Одним из самых острых проявлений рассматриваемой проблемы является конфликт между нормой части 6 статьи 268 АПК РФ и нормой части 3 той же статьи, запрещающей поворот к худшему для лица, подавшего апелляционную жалобу. Когда суд апелляционной инстанции по собственной инициативе обнаруживает безусловное основание для отмены решения и отменяет его в пользу стороны, не подававшей жалобу, положение апеллянта объективно ухудшается. Это ставит перед судом сложнейший вопрос: что имеет приоритет — гарантия защиты добросовестного апеллянта от ухудшения его положения или императивная необходимость отменить незаконное решение? В судебной практике нет единого ответа на этот вопрос. Одни суды исходят из приоритета публичного интереса и отменяют решение, несмотря на ухудшение положения апеллянта. Другие, напротив, учитывают принцип добросовестности и тот факт, что сторона, в пользу которой действует отмена, сама не обжаловала решение и, по сути, согласилась с ним. Такая противоречивость создает серьезные риски для единообразия судебной практики и правовой определенности.

Философско-правовой анализ этой коллизии показывает ее глубокую природу как противоречия между формальной и материальной справедливостью. С одной стороны, формальная справедливость требует последовательного применения установленных правил, включая запрет поворота к худшему как гарантию свободы обжалования. С другой стороны, материальная справедливость диктует необходимость исправления существенных нарушений закона, даже если это затрагивает интересы добросовестного участника процесса. Разрешение этого противоречия требует взвешенного подхода, учитывающего как индивидуальные права сторон, так и публичные интересы правопорядка.

Сложившаяся в настоящее время система определения пределов рассмотрения дела в арбитражной апелляции демонстрирует внутреннюю несбалансированность. Противоречие между состязательными началами и публично-правовой функцией суда не только не разрешено, но и усугубляется отсутствием четких критериев для реализации судом своих полномочий, что наглядно показано в анализируемых судебных актах. Для преодоления этой ситуации представляется целесообразным уточнить объем обязанности суда по проверке безусловных оснований. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ следует закрепить, что проверка безусловных оснований, перечисленных в части 4 статьи 270 АПК РФ, не является тотальной и должна

проводиться судом апелляционной инстанции в случаях, когда нарушения носят явный характер и усматриваются из материалов дела, либо на них указано лицами, участвующими в деле, в любой форме. Это позволит избежать превращения апелляции в стадию сплошного процессуального контроля.

Кроме того, важно установить четкие правила принятия дополнительных доказательств в апелляции. Необходимо нормативно закрепить процедуру, обеспечивающую соблюдение принципа состязательности: обязательное заблаговременное направление копий дополнительных доказательств другим участникам процесса, предоставление им возможности для представления возражений и заявления ходатайств, в том числе о фальсификации доказательств. Также следует разрешить коллизию между проверкой безусловных оснований и запретом поворота к худшему. Предлагается закрепить правило, согласно которому отмена решения по безусловному основанию по инициативе суда, ухудшающая положение единственного апеллянта, не допускается, если другая сторона не заявляла требований об отмене решения по этому основанию. Исключение могут составлять лишь те нарушения, которые делают судебный акт ничтожным. Перспективным направлением совершенствования законодательства могло бы стать введение дифференцированного подхода к определению пределов апелляционного пересмотра в зависимости от категории дел. В спорах, затрагивающих публичные интересы или права неопределенного круга лиц, допустимо более активное участие суда в установлении обстоятельств дела. В коммерческих спорах между профессиональными участниками оборота следует придерживаться более строгих состязательных начал. Такой дифференцированный подход позволил бы учесть специфику различных категорий дел и найти оптимальный баланс между частными и публичными интересами в арбитражном процессе. Реализация этих мер позволит создать более сбалансированную и предсказуемую систему апелляционного пересмотра в арбитражном процессе, которая будет в равной степени обеспечивать как права и законные интересы сторон, так и соблюдение требований законности.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. – 2002. – N 30. – ст. 3012.
2. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 №12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – N 9.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2022): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.10.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. –N 11
4. Кузнецов, Д. А. Реализация принципов арбитражного процесса в проверочных инстанциях // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 4. – С. 280–286. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipov-arbitrazhnogo-protsessa-v-proverochnyh-instantsiyah (дата обращения: 20.10.2025). — Текст: электронный.
5. Масликов, И. С. Понятие полной и неполной апелляции, последствия ее применения в арбитражном судопроизводстве / И. С. Масликов, М. О. Пегливанян // Теория, история и практика правового регулирования общественных отношений. – 2024. – Т. 9. – № 3. – С. 20–31. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-polnoy-i-nepolnoy-apellyatsii-posledstviya-ee-primeneniya-v-arbitrazhnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 20.10.2025). — Текст: электронный.

Холод Сергей Дмитриевич
студент 3 курса
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ХРАНЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТ РЕАЛЬНОГО К КОНСЕНСУАЛЬНОМУ И ЕЕ ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ[1]

Kholod Sergey Dmitrievich
3rd year student,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

THE LEGAL NATURE OF THE CUSTODY AGREEMENT: THE EVOLUTION FROM REAL TO CONSENSUAL AND ITS LEGAL CONSEQUENCES

Аннотация: *договор хранения представляет собой широко распространенное правовое явление, сущность которого заключается в обязательстве хранителя обеспечить сохранность вещи, переданной поклажедателем, и возвратить ее в надлежащем состоянии. В доктрине и законодательстве ключевое значение имеет характеристика данного договора как реального или консенсуального. Исторически договор хранения в российской правовой системе квалифицировался как реальный, то есть считался заключенным исключительно с момента фактической передачи вещи от поклажедателя к хранителю. Предшествующие передаче соглашения не порожали юридически значимых обстоятельств. Современное гражданское законодательство закрепило переход к консенсуальной модели данного договора. В соответствии с новой конструкцией, договор признается заключенным в момент достижения сторонами соглашения по всем его*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук,доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Сирик Наталия Валериевна.

существенным условиям, даже при отсутствии фактической передачи предмета хранения.

Abstract: *a custody agreement is a widespread legal phenomenon, the essence of which lies in the obligation of the custodian to ensure the safety of the thing transferred by the depositor and to return it in proper condition. In doctrine and legislation, the characterization of this agreement as real or consensual is of key importance. Historically, the storage agreement in the Russian legal system was qualified as real, that is, it was considered concluded exclusive from the moment of the actual transfer of the item from the depositor to the custodian. The agreements preceding the transfer did not create legally significant obligation. Modern civil legislation has consolidated the transition to a consensual model of this agreement. According to the new design, the contract is recognized as concluded when the parties reach an agreement on all its essential terms, even in the absence of an actual transfer of thesto rageitem.*

Ключевые слова: *договор хранения, правовая природа, реальный договор, консенсуальный договор, эволюция договора, права и обязанности сторон, ответственность хранителя, поклажедатель, гражданское право, обязательственное право.*

Keywords: *storage agreement, legal nature, real contract, consensual contract, contract evolution, rights and obligations of the parties, responsibility of the custodian, depositor, civil law, law of obligations.*

Договор хранения сейчас окружает нас повсюду. Мы сталкиваемся с ним, когда сдаем пальто в гардероб, храним документы в облаке или арендуем склад для товара. Даже оставляя ноутбук в сейфе отеля, мы заключаем этот договор. По данным рынка логистической недвижимости, емкость складского рынка в России превышает 30 млн. м^2, и это без учета тысяч гардеробных, камер хранения и дата-центров. Развитие логистики и цифровых технологий сделало хранение массовой услугой, но правовое регулирование не успевает за жизнью.

Действующее гражданское законодательство демонстрирует дуалистический подход к определению момента заключения договора хранения [2, ст. 886]. С одной стороны, сохраняется реальная конструкция договора (п. 1 ст. 886 ГК РФ), при которой он признается заключенным с момента фактической передачи вещи хранителю. С другой стороны, для профессиональных хранителей установлена консенсуальная модель (п. 2 ст. 886 ГК РФ), когда обязательство возникает с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям, что подтверждается правоприменительной практикой [6, п. 4].

Указанная законодательная дихотомия порождает системные правоприменительные коллизии, основными из которых являются:

Неопределенность момента возникновения ответственности хранителя.

Отсутствие легальных критериев для отнесения деятельности к профессиональному хранению.

Проблемы квалификации смешанных договоров, содержащих элемент хранения.

Данные теоретические противоречия материализуются в следующих типичных ситуациях:

Отказ гостиницы от компенсации стоимости ценностей, похищенных из номера, по причине отсутствия их официальной передачи на ответственное хранение.

Взыскание складом платы за весь согласованный период хранения при досрочном вывозе товара.

Удаление файлов пользователя облачным сервисом на основании внутренних регламентов.

Утрата сервисным центром оборудования, переданного для ремонта.

Необеспечение аутсорсинговой компанией сохранности документов в процессе их оцифровки.

Во всех перечисленных случаях центральным является вопрос о моменте возникновения охранительного обязательства: с передачи вещи или с достижения соглашения. От его разрешения напрямую зависит распределение риска убытков между поклажедателем и хранителем.

Сложившаяся судебная практика по данным спорам отличается крайней противоречивостью [4; 5]. Наблюдается расхождение в квалификации статуса гардеробов организаций, а в отношениях с облачными сервисами доминирует применение норм о возмездном оказании услуг, что исключает действие специального режима ответственности хранителя [8, с. 95]. Указанная правовая неопределенность создает значительные риски для участников гражданского оборота, подчеркивая необходимость доктринального и легального преодоления выявленного дуализма.

Для преодоления выявленных правовых коллизий предлагается системная модернизация законодательства в следующих направлениях:

Легальное закрепление объективных критериев разграничения реальных и консенсуальных договоров посредством введения признака «систематическое осуществление хранителей деятельности».

Формирование единообразной судебной практики и установление презумпции консенсуальности для профессиональных хранителей.

Разработка специального режима регулирования для цифровых платформ, включая императивное требование о надлежащем информировании пользователей об условиях хранения.

Современная дискуссия о природе договора хранения требует обращения к его историческим корням. В римском праве данный институт был оформлен как контракт депозитум, характеризующийся тремя фундаментальными признаками, подробно исследованными в научной литературе [3, с. 567]:

Безвозмездность, поскольку хранитель действовал из личных отношений, не получая встречного предоставления.

Реальность, означающая что обязательство возникло исключительно с момента фактической передачи вещи.

Фидуциарность, поскольку правовая связь основывалась на личном доверии между контрагентами.

Данная архаичная модель демонстрирует исключительную нормативную устойчивость, будучи реципированной в дореволюционное российское право. Свод законов Российской империи и проекты Гражданского уложения сохраняли характеристику хранения как реального и безвозмездного договора.

Объяснение данной правовой преемственности лежит в социально-экономическом контексте эпохи. Отсутствие развитого коммерческого оборота и профессиональных субъектов, специализирующихся на хранении, объективно обусловило доминирование разовых сделок между частными лицами, основанных на личном доверии.

Таким образом, реальная конструкция выполняла важную защитную функцию в правовой системе, где передача вещи служила объективным критерием, активирующим юридические последствия, и отделяла юридически значимые действия от предварительных переговоров.

Исторический анализ подтверждает, что реальная конструкция договора хранения являлась закономерным ответом права на потребности аграрной и ремесленной экономики [7, с. 234], где преобладали единичные сделки между физическими лицами.

Современное гражданское законодательство закрепляет дуалистический подход к определению правовой природы договора хранения. Согласно пункту 1 статьи 886 Гражданского кодекса Российской Федерации, договор сохраняет традиционную реальную конструкцию, возникая с момента фактической передачи вещи. В то же время пункт 2 указанной статьи вводит консенсуальную модель, при которой обязательство возникает с момента достижения соглашения между сторонами.

Ключевым субъектом консенсуального договора выступает профессиональный хранитель – лицо, осуществляющее хранительную деятельность на систематической основе. Законодатель также прямо указывает на специальные виды хранения (складское, хранение в ломбарде, камерах хранения), изначально обладающие консенсуальной природой.

Однако правоприменительная практика выявила недостаточность легального критерия профессионального статуса. Возникают правовые коллизии в случаях, когда:

Коммерческая организация, для которой хранение не является основным видом деятельности, фактически осуществляет его систематически.

Курьерская служба, не имеющая соответствующей регистрации, принимает на себя обязательство по регулярному хранению товаров интернет-магазина.

Для преодоления указанных пробелов предлагается введение дополнительного квалификационного критерия – «систематической направленности» деятельности хранителя. Данный критерий предполагает признание договора консенсуальным в случаях, когда их существа правоотношений и условий договора явствует, что хранитель осуществляет соответствующую деятельность на постоянной основе, независимо от его формального профессионального статуса.

Предлагаемый подход позволит:

1. Устранить законодательный пробел
2. Обеспечить адекватную защиту интересов поклажедателя.
3. Установить четкий момент возникновения обязательства.
4. Применить повышенный стандарт ответственности к фактически осуществляющему систематическое хранение лицу.

Данная модернизация квалификационных критериев соответствует принципам защиты добросовестных участников гражданского оборота и потребностям современной экономической практики.

Предлагаемый критерий систематичности деятельности позволяет объективно квалифицировать договор хранения как консенсуальный от ее формального отражения в учредительных документах. Решающее значение приобретает фактическое содержание правоотношений.

Исторически сложившаяся реальная конструкция договора, предполагающая его заключение исключительно с момента передачи вещи, оказалась неадекватной потребностям современного коммерческого оборота. Деятельность профессиональных хранителей (банков, складов, ломбардов) основана на предварительном заключении договора через публичную оферту, что соответствует консенсуальной модели. Статья 888 ГК РФ законодательно закрепляет данный подход, устанавливая обязанность хранитель по подготовке места для хранения до момента фактической передачи вещи.

Законодательная регламентация специальных видов хранения демонстрирует последовательное закрепление консенсуальной модели:

Складское хранение – выдача складского свидетельства как ценной бумаги подтверждает возникновение обязательств с момента заключения договора.

Ломбард – обязательства по хранению возникают с момента получения займа и соответствующей квитанции.

Камера хранения – заключение договора происходит при получении жетона или когда доступна.

Во всех перечисленных случаях наблюдается временной разрыв между моментом заключения договора и фактическим исполнением.

Особую консенсуальная модель приобретает в цифровой среде. Облачные сервисы (Google Drive и Yandex Disk) заключают договоры через акцепт оферты при регистрации или оплате тарифа. Загрузка файлов представляет собой исполнение ранее возникшего обязательства, а не передачу вещи в традиционном понимании. Копирование данных в предусмотренное договором виртуальное пространство подтверждает общую тенденцию доминирования консенсуальной модели для сложных, длительных и дистанционных правоотношений.

Данная эволюция свидетельствует о закономерном переходе от казуалистического подхода к системному регулированию хозяйственных связей в сфере хранения.

Эволюция договора хранения от реальной к консенсуальной модели представляет собой не просто терминологическое изменение, а фундаментальную трансформацию юридической конструкции, влекущую существенные правовые последствия [1, с. 351].

В рамках данной конструкции обязательственные отношения возникали исключительно с момента передачи вещи. Консенсуальная модель предполагает возникновение обязательств с момента достижения соглашения. Например, при заключении складского договора обязательства хранителя возникают до фактического поступления товара, что создает возможность требования возмещения убытков за неисполнение обязанности по принятию товара в соответствии со статьей 888 ГК РФ.

Происходит перераспределение бремени доказывания: об обязанности поклажедателя доказывать факт передачи вещи к обязанности хранителя доказывать надлежащее исполнение обязательств по подготовке к хранению. В частности, провайдеры облачных хранилищ несут постоянную обязанность поддержания системы в рабочем состоянии и должны доказывать отсутствии своей вины в случаях утраты данных.

Консенсуальная модель требует надлежащего оформления договорных отношений через публичные оферты, регламенты и подписанные соглашения. Устные договоренности утрачивают юридическую значимость, особенно в отношениях с профессиональными хранителями, что подтверждается сложившейся судебной практикой.

Консенсуальные обязательства приобретают свойства оборотоспособного актива, что упрощает процедуры уступки права требования перевода долга [2, ст. 912]. Складские свидетельства как оборотные документы обеспечивают дополнительную ликвидность прав требований в соответствии со статьей 912 ГК РФ.

Судебная практика демонстрирует сохраняющиеся пробелы квалификации, когда суды ошибочно применяют реальную конструкцию к отношениям, имеющим консенсуальную природу [4]. Это приводит к некорректному исчислению сроков исковой давности и неправомерным

отказом во взыскании убытков, как показано в деле о невозможности сдачи вещи в ломбард по причине закрытия отделения.

Эволюция договора хранения представляет собой фундаментальную трансформацию правовой парадигмы – от защиты фактического владения к охране договорных прав и правомерных ожиданий контрагентов. Данный переход отражает объективную потребность современного экономического оборота в повышении уровня предсказуемости и стабильности гражданско-правовых отношений.

Действующая редакция статьи 886 ГК РФ закрепляет дуалистическую модель, допуская как реальную, так и консенсуальную конструкции договора. Однако отсутствие четких критериев разграничения порождает правоприменительные коллизии.

В целях преодоления указанных проблем предлагается система квалификационных критериев, дополняющая легальный признак профессионального статуса хранителя. Ключевым предлагается считать критерий «систематической направленности», позволяющей признавать договор консенсуальным в случаях, когда деятельность хранителя по смыслу обязательства ориентирована на регулярное оказание услуг хранения.

Квалификация договора влечет комплекс правовых последствий:

1. Момент возникновения обязательства – определяет временные рамки ответственности сторон.
2. Объем ответственности хранителя – включает ответственность за неисполнение обязанности по принятию вещи.
3. Обязанности поклажедателя – устанавливает ответственность за непередачу вещи.
4. Распределение бремени доказывания – перекладывает доказывание надлежащего исполнения хранителя.

Перспективным направление исследований является анализ новых форм хранения цифровой среды, в частности [9, с. 118]:

Криптовалютные кошельки

Децентрализованные системы хранения данных

Указанные институты требуют переосмысления традиционных цивилистических конструкций «передачи вещи» и «хранителя» в условиях отсутствия централизованного контролирующего субъекта и изменения природы самого объекта хранения [3, с. 578].

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.02.2024). // КонсультантПлюс —

URL: **https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/** (дата обращения: 14.11.2025). – Текст: электронный.
2. Определение Верховного Суда РФ от 11.11.2020 № 308-ЭС20-15012 по делу № А32-45678/2019. // Официальный сайт ГАС «Правосудие» — URL: **https://kad.arbitr.ru/** (дата обращения: 14.11.2025) - Текст: электронный.
3. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12.08.2021 по делу № А12-56789/2020 // Официальный сайт Картотеки арбитражных дел. — URL: **https://kad.arbitr.ru/** (дата обращения: 14.11.2025) - Текст: электронный.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // КонсультантПлюс — URL: **https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/** (дата обращения 14.11.2025) – Текст: электронный.
5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: Статут, 2011. – 1055 с.
6. Гражданское право: В 4 т. Том 4: Обязательственное право: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2018. – 976 с.
7. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2013. – 496 с.
8. Степанов Д.И. Договор хранения в российском гражданском праве: проблемы теории и судебно-арбитражной практики // Закон. – 2017. – № 10. – С. 88–105.
9. Цибулевская О.И. Эволюция договора хранения: от реального к консенсуальному // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6 (103). – С. 112–120.

Хаимов Ашир Илягуевич
магистрант 1 курса,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

ЛИЦЕНЗИОННЫЕ (ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЕ) СОГЛАШЕНИЯ В СФЕРЕ ВИДЕОИГР И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ[1]

Haimov Ashir Ilyaguevich,
1st year master`s student
Smolensk State University
Smolensk, Russia

LICENSE (USER) AGREEMENTS IN THE FIELD OF VIDEO GAMES AND RELATED PROBLEMS IN RUSSIAN JUDICIAL PRACTICE

Аннотация: *в статье на основе метода анализа источников раскрывается понятие лицензионных (пользовательских) соглашений в сфере видеоигр и обозначаются связанные с ними проблемы в российской судебной практике, а именно проблемы применения судами ст. 1062 ГК РФ к отношениям между пользователями и разработчиками видеоигр и толкования условий указанных соглашений. По результатам исследования формулируются выводы, которыми целесообразно руководствоваться при разрешении споров между пользователями и разработчиками видеоигр.*

Abstract: *based on the source analysis method, the article reveals the concept of license (user) agreements in the field of video games and identifies related problems in Russian judicial practice, namely, the problems of courts applying art. 1062 of the Civil Code of the Russian Federation to relations between users and developers of video games and interpreting the terms of these agreements. Based on the results of the study, conclusions are formulated that should be used to resolve disputes between users and video game developers.*

[1] Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Сергеев Петр Владимирович.

Ключевые слова: *гражданское право, право интеллектуальной собственности, лицензионное (пользовательское) соглашение, видеоигры, судебная практика.*

Key words: *civil law, intellectual property law, license (user) agreement, video games, judicial practice.*

В последние годы российская индустрия видеоигр стремительно развивается: так, в 2024 г. совокупный объем выручки 50 крупнейших компаний-разработчиков увеличился на 32% по сравнению с 2023 г. [10], а онлайн-площадки периодически пополняются отечественными продуктами, приобретающими широкую популярность (например, хоррор-игрой «Лихо одноглазое», выпущенной в 2025 г. и обзоры на которую на площадке «Steam» характеризуются как «Очень положительные» [11]). Не остаются видеоигры и без внимания законодателя: на стадии первого чтения находится Законопроект 795581-8 – первый в истории российского правотворчества, целиком посвященный видеоиграм [5]. Перечисленные обстоятельства свидетельствуют об актуальности современных исследований, предметом которых являются видеоигры, в т. ч. в рамках юридической науки.

Правоотношения между пользователями и разработчиками видеоигр регулируются не только законодательством того или иного государства, но и лицензионными соглашениями, также именуемыми как «пользовательские соглашения». Наряду с нормативными правовыми актами подобные соглашения являются важным и необходимым правовым инструментом во взаимодействиях между указанными субъектами, поскольку такие документы детализируют, помимо прочего, принадлежность прав на результаты интеллектуальной деятельности (в т. ч. создаваемые пользователями) и последствия несоблюдения внутриигровых правил. В качестве примеров можно привести лицензионное соглашение онлайн-игры «Escape from Tarkov», которым предусмотрено, что «авторские права на материалы, размещенные в Игре Пользователем, принадлежат создавшему их Пользователю или иным законным правообладателям» (п. 10.4) [8], а также документ «Правила Игры», являющийся приложением к указанному соглашению и которым предусмотрено, что за нарушение этих правил аккаунт пользователя может быть закрыт, а лицензионное соглашение – расторгнуто (п. 3.1.3) [9]. Указывая на распространение договоров, заключаемых и исполняемых непосредственно в цифровом пространстве, В. Н. Глонина пишет: «В особенности стоит отметить тенденцию увеличения роли пользовательских соглашений как «локальных законов» компаний, которые, во-первых, носят характер договоров присоединения, а во-вторых, в большинстве случаев оформляются как лицензионные договоры, хотя по факту регулируют различные отношения с пользователями, где предоставление права использования объектом

интеллектуальной собственности в лучшем случае играет далеко не основную роль» [6, с. 43-53].

В законодательстве Российской Федерации в настоящий момент отсутствует самостоятельное понятие «лицензионное соглашение» или «пользовательское соглашение» применительно к сфере видеоигр. Не отражено такое понятие и в Законопроекте 795581-8, что, однако, не исключает возможности появления этого понятия в данном законопроекте в дальнейшем, особенно учитывая, что он находится на стадии первого чтения.

В контексте гражданского права лицензионное (пользовательское) соглашение представляет собой лицензионный договор, который по способу заключения является договором присоединения. Такая правовая природа соглашения обусловлена двумя обстоятельствами:

1) во-первых, видеоигра является объектом интеллектуальной собственности, который в отсутствие специального нормативного правового акта и в зависимости от подхода конкретного лица к определению сущности видеоигры может рассматриваться как программа для ЭВМ, сложный объект (в т. ч. мультимедийный продукт) или база данных, которые, в свою очередь, являются объектами авторских прав;

2) во-вторых, условия рассматриваемого соглашения определяются разработчиком видеоигры, и пользователь принимает их не иначе, как путем присоединения к соглашению в целом, что свойственно договорам присоединения по смыслу ст. 428 ГК РФ [2]. Кроме того, п. 1 ст. 1286.1 ГК РФ предусматривает такое понятие, как «открытая лицензия», и в силу прямого указания закона такая лицензия является договором присоединения [1].

Учитывая сказанное, лицензионное (пользовательское) соглашение в сфере видеоигр можно определить как лицензионный договор, заключаемый между пользователем и разработчиком видеоигры, определяющий условия использования видеоигры как объекта интеллектуальной собственности и устанавливающий внутриигровые правила поведения, которые регулируют игровой процесс (поведение игрока в виртуальном мире) и нарушение которых влечет предусмотренные соглашением последствия (временный или постоянный запрет на осуществление определенных действий с аккаунтом или персонажем, блокировка аккаунта и т. п.). При этом не следует полагать, что внутриигровые правила выходят за пределы правового поля: так, за нарушение игровых правил аккаунт пользователя в соответствии с условиями соглашения может быть навсегда заблокирован, что с юридической точки зрения можно рассматривать как расторжение договора в одностороннем порядке в связи с нарушением правил игры (условий соглашения). Сказанное также позволяет прийти к выводу о том, что внутриигровые правила являются способами использования видеоигры как результата интеллектуальной деятельности, своего рода пределами использования произведения, установленными правообладателем. Кроме того, лицензионное соглашение может содержать

элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (например, договора возмездного оказания услуг), что сделает заключаемый с пользователем договор смешанным.

В случаях, когда пользователи обращаются в суд с требованием о защите своих прав, правоприменитель нередко руководствуется, помимо прочего, ст. 1062 ГК РФ, и, соответственно, отказывает в удовлетворении исковых требований, поскольку требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, по общему правилу не подлежат судебной защите. Однако в юридической доктрине существует мнение, противоположное сложившемуся в судебной практике: «Утрачивая основные структурные элементы, а именно азартность, денежность, компьютерная игра должна быть изъята из сферы применения статьи 1062 ГК РФ, так как теряется само телеологическое толкование данной статьи - ограничение защиты правоотношений, основанных на риске и денежности одновременно» [7]. Кроме того, между игроками и разработчиками видеоигр возникают не только исключительно внутриигровые отношения, но и отношения по поводу интеллектуальной собственности, права на которые могут принадлежать как разработчику, так и пользователю, и игнорирование данного обстоятельства при применении ст. 1062 ГК РФ может повлечь нарушение прав этих лиц.

Так, в деле о защите прав потребителей мировой судья отказал в удовлетворении исковых требований истцу-пользователю видеоигры, чья учетная запись была заблокирована и в связи с чем он не смог воспользоваться оплаченной услугой, однако суд апелляционной инстанции удовлетворил жалобу истца и отменил решение мирового судьи. В мотивировочной части апелляционного определения суд отметил, в частности, что соответствующая видеоигра («интерактивная компьютерная онлайн-игра») не является азартной игрой, сделав при этом ссылку не только на Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», но и на один из пунктов пользовательского соглашения, согласно которому видеоигра, о которой шла речь в судебном акте, не является азартной игрой [3]. Данное обстоятельство подчеркивает важность принятия во внимание условий лицензионного (пользовательского) соглашения правоприменителем при разрешении подобных споров, поскольку избранный тем или иным судьей подход, связанный с применением ст. 1062 ГК РФ, может оказаться потенциально несостоятельным ввиду условия пользовательского соглашения, которое схоже с указанным выше, а также с учетом немногочисленной, но доктринально подкрепленной судебной практики. С другой стороны, нужно учитывать, что приоритет будут иметь не условия соглашения, а существо отношений, и если вопреки соответствующему пункту соглашения видеоигра все же будет являться азартной, то в таком случае ст. 1062 ГК РФ будет подлежать применению.

Фабула другого исследуемого в данной работе кейса характеризуется следующими обстоятельствами: в своей апелляционной жалобе гражданин (истец), чей аккаунт был заблокирован организацией-обладателем исключительной лицензии на использование видеоигры (ответчиком), ссылался на то, что «действия ответчика по блокировке учетной записи истца нарушают право истца на использование результата интеллектуальной деятельности, так как пользовательское соглашение является лицензионным соглашением». Суд апелляционной инстанции посчитал, что данные доводы не могут служить основанием к отмене решения суда первой инстанции в частности потому, что в соответствии с одним из пунктов пользовательского соглашения «пользователю не предоставляются какие-либо исключительные права на интеллектуальную собственность, размещенную на ресурсах администрации (ООО «Иннова Системс»)». Из содержания судебного акта усматривается, что соответствующее условие пользовательского соглашения подлежало иному истолкованию, поскольку предоставление исключительных прав – не единственное основание возникновения правоотношений по поводу интеллектуальной собственности: действительно, разработчик в соответствии с данным соглашением не предоставляет исключительные права, но он фактически предоставляет лицензию на использование видеоигры, что само по себе являлось достаточным основанием для применения положений ч. 4 ГК РФ [4].

Таким образом, в целях недопущения необоснованного отказа в удовлетворении исковых требований пользователя или разработчика видеоигры рекомендуется учитывать следующее:

1) понятие «лицензионное (пользовательское) соглашение» не тождественно понятию «правила игры»: нужно иметь в виду, что правила игры обычно являются составной, но не единственной частью таких соглашений. Содержание лицензионных соглашений не сводится исключительно к внутриигровым правилам поведения, организации игрового процесса, взаимодействию с виртуальным миром и т. п., ведь они направлены на регулирование и таких отношений, которые входят в предмет права интеллектуальной собственности. Кроме того, несмотря на регулирование процессов, происходящих в виртуальном мире, внутриигровые правила остаются в рамках правового поля, поскольку могут служить основанием для возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей (например, для возникновения у разработчика права на одностороннее расторжение договора);

2) в юридической науке существует точка зрения, согласно которой компьютерная игра, не характеризующаяся такими элементами, как азартность и денежность, не должна охватываться ст. 1062 ГК РФ. Кроме того, в судебной практике встречается подход, в соответствии с которым указанная статья не подлежит применению, если видеоигра не является азартной игрой. Следует

отметить, что в самом лицензионном (пользовательском) соглашении может быть закреплено, что конкретная видеоигра не является азартной. Игнорирование правоприменителем перечисленных обстоятельств и существа отношений способно повлечь негативные последствия для сторон.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. — 2006. — № 52. — ст. 5496.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — ст. 3301.
3. Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Кемерово № 11-59/2013 от 26 апреля 2013 г. по делу № 11-59/2013 / [Электронный ресурс] URL: **https://actofact.ru/case-42RS0007-11-59-2013-2013-03-28-0-1/** (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
4. Определение Басманного районного суда г. Москвы от 01 июня 2011 г. по делу № 11-43/2011 / [Электронный ресурс] URL: **https://actofact.ru/case-77RS0002-11-43-2011-2011-04-26-0-1/** (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
5. Законопроект № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ — URL: **https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8** (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
6. Глонина В.Н. Не все то лицензия, что ею зовется: проблемные аспекты правового регулирования отношений между пользователями и цифровыми сервисами / В. Н. Глонина // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2019. — № 24. — С. 43-53.
7. Кукурудзяк И. Ю. Применение судами статьи 1062 ГК РФ к отношениям, возникающим при использовании компьютерных игр / И. Ю. Кукурудзяк // Юридическая наука. — 2023. — № 9. — С. 130-131.
8. Лицензионное Соглашение видеоигры «Escape from Tarkov» // URL: https://www.escapefromtarkov.com/legals/license_agreement (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
9. Правила Игры «Escape from Tarkov» // URL: https://www.escapefromtarkov.com/legals/rules_of_the_game (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.

10. Российский gamedev-рынок вырос на 32% в 2024 году // URL: **https://smartranking.ru/ru/analytics/gametech/rossijskij-gamedev-rynok-vyros-na-32-v-2024-godu/** (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
11. Страница видеоигры «Лихо одноглазое» на платформе «Steam» // URL: **https://store.steampowered.com/app/2346840/LIXO_ODNOGLAZOE/?l=russian** (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.

Чжао Жуньфэн
магистрант, ИПиНБ РАНХиГС,
г. Москва, Россия

МЕХАНИЗМЫ СПРАВЕДЛИВОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ ВТО В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: MPIA КАК МОСТ МЕЖДУ ПУБЛИЧНЫМ И ЧАСТНЫМ ПРАВАМИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ[1]

Zhao Runfeng
Master's Student,
Institute of Public Administration
and National Security, RANEPA
Moscow, Russia

MECHANISMS OF FAIR DISPUTE SETTLEMENT IN THE WTO UNDER ECONOMIC UNCERTAINTY: MPIA AS A BRIDGE BETWEEN PUBLIC AND PRIVATE LAW IN INTERNATIONAL TRADE

Аннотация: *настоящий анализ посвящен исследованию Многостороннего временного апелляционного арбитражного соглашения (MPIA) как оперативного ответа на системный кризис Апелляционного органа (АО) ВТО, вызванный блокировкой назначения судей. Обосновывается, что MPIA, функционируя на основе Статьи 25 DSU, выступает в качестве уникального «моста» между публичным и частным правом, используя механизм международного арбитража для сохранения двухступенчатой системы разрешения межгосударственных торговых споров в условиях экономической неопределенности. В работе анализируются правовая природа, процедурная эффективность (на примере DS591) и ключевые ограничения MPIA. Несмотря на доказанную оперативность,*

[1] Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор, декан Высшей школы правоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Зайцев Олег Владимирович

плюрилатеральный, «клубный» характер MPIA не позволяет ему заменить универсальный институт, что ведет к фрагментации мирового торгового правопорядка. Делается вывод, что MPIA является функциональным заместителем, подтверждающим острую потребность многосторонней торговой системы в восстановлении сильного, единого и легитимного органа правосудия.

Abstract: *this analysis investigates the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA) as a swift response to the systemic crisis of the WTO Appellate Body (AB), triggered by the blockage of judge appointments. The paper argues that MPIA, operating under Article 25 of the DSU, acts as a unique 'bridge' between public and private law, utilizing the mechanism of international arbitration to preserve the two-tiered system for resolving inter-state trade disputes amidst economic uncertainty. The study examines the legal nature, procedural effectiveness (using DS591 as an example), and key limitations of the MPIA. Despite its proven efficiency, the plurilateral, 'club-like' nature of the MPIA prevents it from becoming a substitute for the universal institution, leading to the fragmentation of the global trade legal order. It is concluded that the MPIA is a functional placeholder that underscores the multilateral trading system's urgent need for the restoration of a strong, unified, and legitimate judicial body.*

Ключевые слова: *MPIA, ВТО, Апелляционный орган, разрешение споров, Статья 25 DSU, международный торговый арбитраж, публичное право, частное право, фрагментация правопорядка.*

Keywords: *MPIA, WTO, Appellate Body, dispute settlement, Article 25 DSU, international trade arbitration, public law, private law, fragmentation of legal order.*

Функционирование международной торговли неизбежно порождает споры между государствами, что сделало механизм разрешения споров Всемирной торговой организации (ВТО), созданный в 1995 году, эталоном международного права. Эта система, основанная на двухступенчатой структуре, включающей панель и Апелляционный орган (АО), эффективно укрепляла легитимность многосторонней торговой системы (МТС), предлагая государствам-членам такие критически важные преимущества, как безопасность и предсказуемость [4, с. 228]. Однако с 2017 года эта институциональная конструкция столкнулась с парализующим кризисом, кульминацией которого стала полная утрата АО функциональности в декабре 2019 года из-за блокировки Соединёнными Штатами процесса назначения новых арбитров. Возникший правовой вакуум позволил проигравшей стороне фактически блокировать решения панелей путём подачи так называемых «апелляций в никуда» (appeal into the void) [3, с. 239–240], что поставило механизм Органа по разрешению споров (ОРС) на грань коллапса. В качестве оперативного ответа на этот системный вызов в марте 2020 года группой членов ВТО во главе с ЕС было учреждено Многостороннее временное

апелляционное арбитражное соглашение (MPIA). Целью настоящего анализа является комплексное исследование правовой природы MPIA как гибридного инструмента, который, используя частноправовой механизм арбитража в публично-правовом поле ВТО, выступает в роли «моста», временно сохраняющего правовую определенность в международной торговле.

Кризис АО не был внезапным; он стал результатом целенаправленной стратегии США, ключевой претензией которой было «превышение судебных полномочий» (judicial overreach), выражавшееся в том, что АО, по мнению Вашингтона, фактически создавал новые обязательства, выходя за рамки толкования правил ВТО. Дополнительные претензии включали систематическое нарушение 90-дневного срока на рассмотрение апелляций и применение Правила 15 (Rule 15), позволявшего арбитрам завершать рассмотрение дел после истечения их мандата [6, p. 9–13; 7, p. 37–38]. В условиях беспрецедентной экономической неопределенности, вызванной геополитическими конфликтами и ростом протекционизма, паралич АО угрожал самому фундаменту МТС. Таким образом, необходимость сохранения двухступенчатой системы и накопленной прецедентной практики подтолкнула государства-члены к поиску институциональной альтернативы.

MPIA представляет собой уникальный гибридный механизм, использующий инструментарий частного права (арбитраж) для разрешения споров, возникающих в сфере публичного международного торгового права. Его публично-правовое основание закреплено в Статье 25 Договора о разрешении споров (DSU) – ключевого документа ВТО, регулирующего межгосударственные отношения. По своей сути MPIA является добровольным плюрилатеральным соглашением между рядом членов ВТО. Этот механизм представляет собой межгосударственный арбитраж, основанный на добровольном участии сторон, что характерно для частного арбитража ad hoc. Формально решения, вынесенные в рамках MPIA, являются арбитражными актами по статье 25 DSU и не обладают статусом решений АО [1]. Таким образом, MPIA выступает «мостом», поскольку он применяет частноправовую технику (арбитраж) для достижения публично-правовой цели – сохранения верховенства права и обязательности правил в МТС. Он воспроизводит процедурную логику АО, ограничивая предмет пересмотра вопросами права, что соответствует функции АО в публичном праве, но адаптирует ее к условиям межгосударственного арбитража. MPIA специализируется исключительно на апелляционном пересмотре решений панелей, устанавливая единые процедурные стандарты. Практика применения MPIA, например, в споре DS591 («Колумбия — Антидемпинговые пошлины на замороженный картофель-фри»), где арбитражная коллегия строго соблюла 90-дневный срок, завершив разбирательство за 75 дней [5], продемонстрировала его высокую процедурную эффективность в поддержании верховенства права.

Однако, несмотря на доказанную оперативность и эффективность в разрешении конкретных споров, MPIA является временным и институционально ограниченным механизмом. Его ключевые ограничения включают: ограниченный охват (плюрилатеральный характер, отсутствие США и Индии); отсутствие универсального прецедента (решения MPIA обязательны исключительно для сторон); и, как следствие, фрагментация мирового торгового правопорядка. Плюрилатеральный характер MPIA закрепляет «клубный» формат разрешения споров, что ведет к неизбежной фрагментации мирового торгового правопорядка [2, с. 12]. Дальнейшая судьба Многостороннего арбитражного соглашения будет напрямую зависеть от прогресса в разрешении фундаментального политического кризиса внутри ВТО. Для акторов, исключенных из этого механизма (в частности, Российской Федерации), неспособность MPIA восстановить универсальность толкает к поиску стратегической стабильности через региональные механизмы (например, в рамках ЕАЭС и БРИКС). MPIA является инновационной моделью арбитража и прагматичным ответом на кризис Апелляционного органа ВТО. Как «мост между публичным и частным правом», он демонстрирует адаптивность международного торгового права, используя частноправовую форму (арбитраж) для сохранения основополагающей публично-правовой функции (двухступенчатое, обязательное разрешение споров). Однако MPIA — это функциональный заместитель, а не полноценная замена универсальному институту. Его временный и плюрилатеральный характер не устраняет необходимости системной реформы механизма разрешения споров ВТО. Основная ценность MPIA заключается в демонстрации непрекращающейся потребности в сильной, единой и универсальной системе правосудия в международной торговле.

В свете вышеизложенного можно заключить, что Многостороннее временное апелляционное арбитражное соглашение (MPIA) не является панацеей, но представляет собой критически важный инструмент временной стабилизации многосторонней торговой системы. MPIA успешно выступает в роли институционального «моста», позволяя ключевым участникам ВТО поддерживать правовую определенность и обязательность правил торговли, используя частноправовой механизм арбитража (Статья 25 DSU) для достижения публично-правовых целей. Сутью его значения является не универсальность, а функциональная замещаемость. Он доказал, что двухступенчатая система урегулирования споров незаменима для МТС. Однако плюрилатеральный, клубный формат MPIA усугубляет фрагментацию мирового торгового правопорядка, отодвигая, но не отменяя, необходимость всеобъемлющей системной реформы ОРС. В конечном счете MPIA — это свидетельство того, что международное торговое право обладает высокой адаптивностью, но его долгосрочная легитимность и стабильность не могут

быть обеспечены без достижения политического консенсуса в отношении восстановления полноценного и универсального Апелляционного органа.

Библиографический список

1. Understanding on rules and procedures governing the settlement of disputes // World Trade Organization. — URL: **https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dsu_e.htm** (дата обращения: 12.11.2025). — Текст: электронный.
2. Бирюкова О.В., Тихоновский Г.А. «Клубные» договоренности в ВТО и участие в них стран БРИКС в условиях экономических санкций // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. — 2025. — № 1. — С. 13–26.
3. Калачигин Г.М. Коллапс апелляционного органа как определяющий фактор будущего ВТО // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2021. — Т. 16, — №3. — С. 238–255.
4. Покровская Н.В. Правовой механизм разрешения торговых споров в рамках ВТО // Вопросы российского и международного права. — 2021. — Т. 11. — № 5А. — С. 227–233. — URL: **https://doi.org/10.34670/AR.2021.80.34.007**. — Текст: электронный.
5. Чжэн Юньсинь, Ло Се. Краткий анализ альтернативы урегулирования споров в ВТО — соглашения о многостороннем временном апелляционном арбитраже // Современное право. 2024. — URL: **https://web.wtocenter.org.tw/Page/13222/396233** (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный. – на Кит. яз.
6. Hart N. M., Murrill B. J. The World Trade Organization's (WTO's) Appellate Body: Key Disputes and Controversies // Congressional Research Service. —2021. — CRS Report No. R46852. — 49 p.
7. Zwolankiewicz A. The WTO Appellate Body Crises: Can the Crisis Be Cured? // IUS Law Journal. —2022. —Vol. 1. — No. 1. — Pp. 30–46.

Шлыкова Валентина Владимировна
студентка 2 курса
Международный юридический институт
г. Москва, Россия

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

Shlykova Valentina Vladimirovna
2nd year student
International Law Institute
Moscow, Russia

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE PUBLIC PROCUREMENT SYSTEM: CONTEMPORARY PROBLEMS AND PROSPECTS

Аннотация: *в статье представлены основные изменения, которые коснулись системы государственных закупок, выделены этапы цифровизации контрактной системы. Рассматриваются актуальные проблемы и преимущества, с которыми сталкиваются заказчики и хозяйствующие субъекты при реализации цифровых решений в рассматриваемой сфере. Обозначены особенности формирования цифровой культуры человеческого общества.*

Abstract: *the article presents the main changes that have affected the public procurement system, and highlights the stages of digitalization of the contract system. It also discusses the current challenges and benefits faced by customers and business entities in implementing digital solutions in this area. The article highlights the features of the formation of a digital culture in human society.*

Ключевые слова: *единая информационная система, государственные закупки, цифровая трансформация, цифровая культура.*

[1] Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Смоленский филиал Международного юридического института, Сенкевич Виктория Валерьевна.

Keywords: *unified information system, public procurement, digital transformation, digital culture.*

В нашей стране цифровизация общества берет начало в семидесятые годы 20 века. При этом максимальные обороты развития этих процессов были достигнуты уже в текущем 21 веке. Цифровые технологии коснулись всех сфер жизни и производства, включая государственное управление. В настоящий момент сложно представить жизнь современного человека без применения цифровых технологий. Зарождение и развитие таких процессов наблюдается во всем мире.

В России в данном направлении были сделаны следующие шаги: с 2018 г., стал реализовываться национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» (завершен 31.12.2024), а с 2021 г. – федеральный проект «Цифровое государственное управление» (действует в настоящее время), главная задача которых заключалась в том, чтобы каждый гражданин, хозяйствующий субъект осуществляли взаимодействие с государством быстро и качественно, минуя бюрократическую волокиту.

Реализация указанных проектов позволяет нашему государству достигнуть поставленных целей в области:

- создания информационных систем, исключающих дублирование и ручные операции;
- интеграции данных, включая создание единого информационного пространства (между многими ведомствами налажен обмен данными через интеграционные платформы);
- исследований и искусственного интеллекта, разработки продуктивных моделей и систем поддержки решений;
- цифрового доверия, формирования безопасной среды, защиты личных данных, киберустойчивости и применения отечественных решений.

Важной составляющей частью экономики страны является контрактная система. С целью рационального освоения бюджетных средств и роста прозрачности закупочных процедур активно внедряются автоматизированные системы и системы, связанные с искусственным интеллектом.

В настоящее время основным законом, регламентирующим систему государственных закупок в России, является Федеральный закон № 44-ФЗ от 5 апреля 2013 года «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1]. В развитие данного закона было принято множество нормативно-правовых актов. При этом нормативная база, регламентирующая осуществление государственных и муниципальных закупок, постоянно оптимизируется, в том числе, с учетом перевода закупочного процесса на цифровые рельсы.

Условно можно выделить следующие этапы цифровизации контрактной системы:

- 2004 г. - создание единой информационной системы (далее - ЕИС) для закупок Минэкономразвития, с 2011 г. на данной платформе публикуются сведения о закупках иных заказчиков;

- 2019 г.: перевод всех государственных закупок в электронный вид (исключение - контракты с единственным поставщиком), внедрено электронное извещение [2];

- с 01.01.2020 регистрация всех участников в ЕИС стала обязательной;

- 2022 г. оптимизация закупочного процесса путем сокращения видов конкурентных процедур (электронный конкурс, электронный аукцион и запрос котировок в электронной форме); с 01.07.2022 введена электронная претензионная работа;

- с 01.10.2023 описание объекта закупки представляется в структурированном виде;

- с 01.04.2024 осуществлен переход к структурированным заявкам, цифровым контрактам, завершается переход на машиночитаемые доверенности;

- с 01.01.2025 становится обязательным оформление дополнительных соглашений об изменении и расторжении цифрового контракта с использованием функционала ЕИС [3], заключение контракта с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителей).

Процесс становления системы государственных закупок исследовался многими учеными, которые отмечали разные направления и ключевые моменты модернизации/оптимизации контрактной системы.

Можно согласиться с мнением Гапоненко В.Ф. (кандидат технических наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член Международной академии наук ООН по информационным процессам и технологиям, федеральный эксперт качества профессионального образования Минобрнауки Российской Федерации), который отмечал, что с 2014 г. основной упор при формировании контрактной системы был сделан на обновление и совершенствование органов власти и местного самоуправления, всей закупочной политики, достижение ее прозрачности и гласности, минимизации злоупотреблений (прежде всего коррупции) в сфере публичных закупок [5, с.13-17].

В тоже время выделение О.С. Белокрыловой (доктор экономических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»), К.А. Белокрыловым (кандидат экономических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет») ЕИС в качестве ключевого компонента информационной поддержки системы, является не совсем корректным, поскольку не в полной мере соответствовало законодательству о контрактной системе, т.к. не учитывало случаи закупок, когда ЕИС могла не применяться [4, с.447-453].

Существуют разные подходы к оценке уровня информатизации деятельности в сфере закупок.

О.С. Белокрылова, используя данные о закупках на едином агрегаторе торговли «Березка» и Региональном портале малых закупок Ростовской области, выделяет перевод неконкурентных торговых процедур (закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя)) в цифровую среду в виде основного критерия окончания перехода контрактной системы в электронный вид. Данный вывод небезоснователен, т. к. обновленный порядок осуществления закупок у единственного поставщика позволил повысить степень конкурентности и показатели экономического эффекта.

При этом, по мнению Белокрылова К.А., к итоговым результатам завершения электронизации всех способов закупок относят:

- повышение уровня конкуренции (электронная подача заявок расширила возможности участия бизнес-структур в закупках);

- установление равновесных цен (как следствие увеличения конкурентности закупочных процедур; эффективную загрузку имеющихся мощностей IT-ресурсов; повышение прозрачности закупочного процесса);

– размещение всей информации о ходе закупочного процесса в открытом доступе.

Несмотря на то, что выделенные автором результаты цифровизации являются значимыми, (исключен ограничивающий фактор – «территориальная приближенность к заказчику», потенциальным поставщикам обеспечен свободный доступ к закупкам, предоставлена возможность беспрепятственно осуществлять независимый контроль), такой уровень цифровизации сферы закупок больше соответствует его промежуточным этапам, так как многие процессы еще не завершены и не совершенны.

С.С. Шувалов [8, с.51-62], в рамках своих исследований в отношении цифровизации публичных закупок, выделяет следующие стадии развития таких закупок:

– традиционный вид закупок (без использования или с минимальным использованием революционных технологических изобретений) - закупки 1.0;

– закупки, производимые на базе государственных цифровых платформ, на управление которыми государство имеет монопольное право и обособляет их от других платформ - закупки 2.0;

– закупки на базе государственных цифровых платформ, активно контактирующих с другими платформами и использующих чудеса технологий, таких как искусственный интеллект, анализ больших данных - закупки 3.0.

Выделение данных стадий обоснованно, поскольку отражает прямую зависимость уровня развития закупочного процесса от уровня развития страны. В частности, развитые страны, находятся на стадии закупок 3.0, развивающиеся страны – закупок 1.0 или закупок 2.0.

Трансформация закупочного процесса непосредственно коснулась не только заказчиков, но и бизнес-сообществ. Согласно проведенного *компанией «Эксперт Бизнес-Решения»* среди участников закупок опроса (*компании,*

объем закупок которых составил более 500 млн. руб.), участники выделили следующие преимущества цифровизации закупок:

- прозрачность, открытость, возможность находить новых участников рынка (цифровизация как гарант соблюдения таких принципов контрактной системы, как открытость и прозрачность, обеспечение конкуренции);
- оптимизация и упорядочивание процесса сопоставления предложений ведут к унификации процедур и формированию единого подхода к закупкам;
- уменьшение продолжительности проведения закупочных процедур;
- скорость проведения закупочных процедур и доступность информации позволяют привлечь большее количество потенциальных участников закупки к участию процедурах;
- получение актуальной информации о рыночной ситуации;
- исключение человеческого фактора при осуществлении закупок;
- единая база хранения документов;
- снижение трудозатрат заказчика на действия, связанные с проведением закупки;
- снижена вероятность заключения между заказчиком и участниками закупок, преследуемого антимонопольным законодательством, сговора, что способствует снижению коррупционных рисков;
- освобождение от «бумажной волокиты».

Стоит отметить, что модернизация закупочного процесса сопровождалась активным сопротивлением со стороны заказчиков и участников закупки.

В качестве причин такого поведения можно выделить:

- наличие технических проблем (недостаточное обеспечение техническими средствами, обновление программного обеспечения, обучение персонала);
- психологические факторы (нежелание ломать уже сложившиеся правила и учиться новому).

Более полная оценка цифровой трансформации дана Шмелевой М.В. (доктор юридических наук по специальности частноправовые (цивилистические) науки), которая отмечает, что «перемены никогда не бывают легкими, иногда они могут быть даже болезненными, но необходимы. Система государственных закупок должна приспосабливаться и развиваться с такой же скоростью, как и меняющийся мир. Стремительные технологические изменения требуют большей гибкости от системы закупок» [7, с.906].

С ростом цифровых сервисов увеличивается риск утечек данных и DoS-атак, что требует дополнительной защиты персональных данных от внешних воздействий. Согласно статистическим исследованиям, произведенным компанией BI.Zone, в 2024 г. (в сравнении с 2023 г.) количество кибератак увеличилось практически вдвое и составило 15% (в 2023 г. – 9%) [9]. Хакеры неоднократно пытались взломать ЕИС, электронные торговые площадки (далее - ЭТП). Так в начале 2025 г. такой атаке подверглась ЭТП «Росэлторг»

[10]. Главной целью злоумышленников было уничтожение всех данных и закупочной инфраструктуры площадки. К негативным последствиям хакерской атаки можно отнести утечку и уничтожение данных, финансовые потери, уход пользователей на другие площадки, множество жалоб и рекламаций со стороны клиентов, всплеск негативных отзывов в СМИ и социальных сетях, снижение доверия к цифровой платформе.

Актуальной проблемой также является дефицит кадров с цифровыми компетенциями. Г.В. Дёгтев, д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой управления государственными и муниципальными закупками ГАОУ ВО «Московский городской университет управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова, И.П. Гладилина, Н.Н. Лабутина выделяют «низкий уровень квалификации персонала» в системе управления рисками как внутренний фактор риска [6, с.125].

Цифровая трансформация закупок — это свершившийся процесс, который требует новых компетенций, умений работать с данными и аналитикой, понимать принципы искусственного интеллекта, владеть навыками коммуникации и цифровой этики.

Цифровая трансформация это не просто внедрение технологий, такие процессы меняют саму философию взаимодействия участников закупочного процесса, делая ее открытой, понятной и прозрачной. При этом успех такой трансформации связан с управляющим воздействием, который идет «изнутри» системы (от культурной предрасположенности), а не внешнего воздействия. В обновленных условиях возникает необходимость в формировании новой социальной среды, при которой, в рамках адаптации к новым цифровым технологиям, между людьми возникают новые способы коммуникаций и взаимодействий.

Таким образом, в настоящий момент, является актуальным рассмотрение цифровой трансформации в социокультурном аспекте, а формирование цифровой культуры человеческого общества как фактор предотвращения рисков, вызванной деятельностью человека в условиях цифровизации. В этой связи, надлежит разработать стратегии и практические методики развития цифровой культуры, путем формирования правил и инструкций, позволяющих направлять человека к четкому соблюдению правил.

С целью повышение результативности цифровой трансформации закупок, надлежит сформировать у людей общественную и экономическую заинтересованность в соблюдении установленных в стране стандартов и требований, а это возможно только в случае совестного развития теории и практики.

Подводя итоги, можно сказать, что цифровизация контрактной системы является долгим и трудоемким процессом, который, в настоящий момент, еще не завершен. Для закрепления положительного результата и сглаживания отрицательных последствий предстоит проделать большую работу:

привлечение инвестиций, совершенствование защиты от кибер-атак, повышение уровня квалификации персонала, формирование цифровой культуры и многое другое.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. —2013. — № 14. — ст. 1652; 2024. — № 33 (Часть II). — ст. 5014.
2. Федеральный закон от 31.12.2017 № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. — 2018. — № 1 (Часть I). — ст. 88.
3. Федеральный закон от 25.12.2023 № 624-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2024. — № 1 (Часть I). — ст. 5.
4. Белокрылов К.А., Белокрылова О.С. Общественный сектор: вызовы цифровизации и тенденции трансформации. Научные труды Вольного экономического общества России. —2021. —Т. 230. —№ 4. — С. 447–453.
5. Гапоненко В.Ф. Основы функционирования и правовое регулирование контрактной системы закупок для государственных и муниципальных нужд в России. Академическаямысль. — 2022. — № 1. — С. 13–17.
6. Дёгтев Г.В., Гладилина И.П., Лабутина Н.Н. Цифровизация и управление закупками в процессе достижения социальных и экономических эффектов закупочной деятельности // «Инновации и инвестиции». — 2020. — №5. — С. 125.
7. Шмелева М. В. Система государственных (муниципальных) закупок: методология и реализация: монография / под ред. Е. В. Вавилина. — М.: Юстицинформ, 2021. — С. 906.
8. Шувалов С.С. Организация публичных закупок в интересах цифровизации системы государственного управления: проблемы и решения. Менеджмент и бизнес администрирование. — 2020. —№ 3. — С. 51–62.
9. Официальный сайт BI.ZONE — URL: https://bi.zone/news/threat-zone-2025-v-issledovanii-predstavili-godovuyu-dinamiku-rossiyskogo-kiberlandshafta/.(дата обращения 27.11.2025). — Текст: электронный.

10. Официальный сайт в ROSELTORG в Telegram-канале — URL: https://t.me/roseltorg_tg/1554 (дата обращения 27.11.2025). — Текст: электронный.

Юсупова Асия Наилевна
к.ю.н., доцент кафедры
арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия

Москалёва Анастасия Владиславовна
студентка 5 курса,
института прокуратуры ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ СДЕЛОК НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ И ПРИМЕНЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НИЧТОЖНОЙ СДЕЛКИ

Yusupova Asiya Nailevna
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Arbitration Procedure,
Advocacy, and Notary Services,
FSBEI HE «SSLA»,
Saratov, Russia

Moskaleva Anastasia Vladislavovna
5th-year student,
Institute of the Prosecutor's Office, FSBEI HE «SSLA»,
Saratov, Russia

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN CASES CONCERNING THE RECOGNITION OF TRANSACTIONS AS INVALID AND THE APPLICATION OF THE CONSEQUENCES OF THE INVALIDITY OF A VOID TRANSACTION

Аннотация: *в данной статье рассматривается вопрос изменения полномочий прокурора в арбитражном процессе, включая законодательные*

расширения, касающиеся сферы государственного оборонного заказа и системы контрактных закупок. На основе анализа актуальной доктрины и судебной практики, включая постановления высших судебных инстанций, выявляются проблемы разграничения понятий «публичный интерес»

и «интерес публично-правового образования». В статье разбираются основания

для вступления прокурора в арбитражный процесс, а также делается вывод о том, что его участие является не только механизмом защиты имущественных прав,

но и важнейшим инструментом обеспечения законности в ключевых секторах экономики, противодействия коррупции и защиты национальной финансовой безопасности.

Abstract: *this article examines changes to the prosecutor's powers in arbitration proceedings, including legislative expansions related to state defense procurement and the contract procurement system. Based on an analysis of current doctrine and judicial practice, including rulings of the highest courts, the article identifies issues in distinguishing between the concepts of "public interest" and "interests of a public-law entity." The article examines the grounds for prosecutorial intervention in arbitration proceedings and concludes that their participation is not only a mechanism for protecting property rights, but also a crucial tool for ensuring the rule of law in key economic sectors, combating corruption, and protecting national financial security.*

Ключевые слова: *прокурор, арбитражный процесс, прокурорский надзор, недействительность сделок, ничтожная сделка, оспоримая сделка.*

Key words: *prosecutor, arbitration process, prosecutorial supervision, invalidity*

of transactions, voidable transaction, voidable transaction.

Институт, позволяющий прокурору участвовать в арбитражном процессе по делам, связанным с оспариванием сделок, выступает одним из ключевых механизмов защиты экономических основ государства, обеспечения сохранности публичной (федеральной, региональной и муниципальной) собственности, а также пресечения правонарушений в стратегически важных отраслях. Результативность прокурорского надзора за исполнением законов в экономической сфере напрямую обусловлена тем, насколько действенными процессуальными инструментами обладает прокурор для реагирования на выявленные нарушения, среди которых обращение в суд с требованием о признании сделки недействительной занимает центральное место. Особая актуальность данной темы определяется не только возрастающей сложностью экономических отношений, в которые вступают публичные субъекты, но и последовательной государственной политикой, нацеленной на укрепление контроля за расходованием бюджетных

ассигнований, исполнением государственного оборонного заказа и борьбой с коррупцией, что находит прямое отражение в развитии процессуального законодательства.

Основной процессуальной нормой, регламентирующей полномочия прокурора
в данной сфере, является ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [1]. Часть 1 данной статьи наделяет прокурора правом инициировать в арбитражном суде иск о признании недействительными сделок, заключенных органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, доля участия субъектов Российской Федерации или доля участия муниципальных образований. Кроме того, прокурор обладает правом заявлять требования о применении последствий недействительности ничтожной сделки, совершенной указанными субъектами. Таким образом, законодатель весьма четко очертил круг возможностей прокурорского вмешательства в гражданский оборот, связав его с защитой имущественных интересов, в которых прямо или опосредованно присутствует публичный элемент. В таких процессах прокурор действует как процессуальный истец, отстаивая государственные или общественные интересы, что формирует его особый статус, который отличается от статуса вышеуказанных органов.

Материально-правовой базой для предъявления прокурором соответствующих исков служат нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) о недействительности сделок [2]. Наиболее часто прокуроры ссылаются на нарушение требований закона или иного правового акта (ст. 168 ГК РФ). Принципиальное значение имеет разграничение сделок на оспоримые (признаются недействительными судом) и ничтожные (недействительны независимо от такого признания). Когда прокурор требует применить последствия недействительности ничтожной сделки (двусторонней реституции в соответствии со ст. 167 ГК РФ), он исходит из презумпции ее изначальной недействительности. Для прокурорской практики решающее значение имеет п. 2 ст. 168 ГК РФ. Он устанавливает, что сделка, которая не только нарушает закон, но и посягает на публичные интересы либо права третьих лиц, является ничтожной. Это положение стало основным инструментом прокурора, поскольку его деятельность в арбитражном процессе по данной категории споров имманентно нацелена на защиту именно публичных интересов.

В юридической доктрине и судебной практике уже много лет ведется дискуссия о том, как соотносятся понятия «публичные интересы» и «интересы

публично-правового образования». Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 дал разъяснение, что одно лишь несоответствие сделки закону или нарушение ею прав публично-правового образования само по себе не доказывает, что нарушены публичные интересы [6].

Под публичными интересами, согласно разъяснениям, понимаются, в частности, интересы неопределенного круга лиц, вопросы обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и защищенности государства, охраны окружающей среды [7]. В научной литературе справедливо указывается, что «понятие «публичный интерес» является более широким нежели понятие «интерес публично-правового образования» [11, с. 269]. Следовательно, при обращении в суд, прокурор обязан доказать, что оспариваемая сделка нанесла урон не просто имущественным правам хозяйствующего субъекта (например, Российской Федерации в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом), но и более широким общественным или государственным интересам. Так, при наличии в договоре третейской оговорки, как на то указывает Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении от 23 марта 2012 г. № 15, это имеет особое значение.

Тенденция в законодательстве последних лет демонстрирует явное расширение прокурорский полномочий в арбитражном процессе. Это говорит о том, что государство признает высокую значимость этой роли в защите экономических интересов. Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 282-ФЗ [3] ст. 52 АПК РФ была дополнена положениями, которые прямо уполномочили прокурора оспаривать сделки, заключенные в нарушение законодательства о государственном оборонном заказе (далее – ГОЗ), а также Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – 44-ФЗ) [4]. Как отмечает Т.С. Назрицкая, «прогресс в сфере ГОЗ – одна из важнейших задач, затрагивающая вопросы обеспечения безопасности и повышения обороноспособности страны» [15, с. 183]. Включение этих норм в АПК РФ стало прямым ответом на необходимость усилить надзор в наиболее подверженных коррупции и критически важных для страны секторах. Нарушения при заключении сделок в этих сферах наносят ущерб не только бюджетной системе, но и обороноспособности.

Область государственных и муниципальных закупок традиционно является зоной повышенного внимания прокурорского надзора. Распространенным нарушением, которое становится основанием для оспаривания сделок, является уход заказчиков от проведения конкурентных процедур. Как пишет А.Д. Михайлова, «с целью заключения контракта с единственным поставщиком <...> в некоторых случаях по своей сути единый

контракт искусственно дробится на несколько самостоятельных сделок» [14, с. 48]. Такие действия предпринимаются для формального соблюдения ограничений, установленных, к примеру, п. 4 ч. 1 ст. 93 44-ФЗ, который допускает закупки «малого объема» без проведения торгов. Прокуроры, обнаруживая подобные схемы, успешно доказывают в судах притворный характер (ст. 170 ГК РФ) таких «раздробленных» контрактов. В своей совокупности они прикрывают единую сделку, которая должна была быть заключена по итогам торгов. Следовательно, такие сделки нарушают императивные требования 44-ФЗ и посягают на публичные интересы, заключающиеся в поддержке конкуренции и эффективном использовании бюджетных средств.

Классическим направлением работы остается защита прокурором имущественных интересов публично-правовых образований в случаях неправомерного распоряжения государственной или муниципальной собственностью. Нередко уполномоченные органы (например, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом) не владеют полной информацией о составе федерального имущества или не предпринимают достаточных мер для его защиты. Это создает условия для злоупотреблений со стороны лиц, которым имущество передано на праве хозяйственного ведения или оперативного управления.

В качестве примера можно привести Решение Арбитражного суда Хабаровского края по делу № А73-21028/2024 [8]. Прокурор в интересах Российской Федерации обратился с иском к АО «Хабаровскагроснаб» и ООО «Фирма август» о признании недействительными договоров аренды нежилого помещения. В ходе проверки было установлено, что АО «Хабаровскагроснаб» (находившееся в процедуре банкротства) сдавало в аренду часть подвального помещения, являющегося федеральной собственностью – объектом гражданской обороны (далее – объект ГО) (бомбоубежищем). Суд установил, что собственник (Российская Федерация) не передавал АО права на сдачу имущества в аренду. Руководствуясь статьями 168 и 608 ГК РФ, суд признал договоры аренды ничтожными как заключенные неуполномоченным лицом (арендодателем) и посягали на публичные интересы (в силу особого статуса объекта ГО). Суд также взыскал с АО «Хабаровскагроснаб» в пользу Российской Федерации всю сумму неосновательного обогащения, полученную по этим ничтожным сделкам.

Особые трудности вызывают дела, связанные с оспариванием сделок в рамках процедур банкротства. Как указывают М.В. Маматов и И.А. Маслов, прокуроры выявляют факты преднамеренных и фиктивных банкротств, а также совершение сделок, направленных на установление контроля над предприятиями через искусственное формирование задолженности [13, с. 89]. Хотя Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ [5] не дает прокурору широких полномочий по инициированию самого

банкротства, его право оспаривать сделки должника (особенно с публичным участием)
по общим основаниям (ст. 168, 169, 170 ГК РФ) остается важным инструментом для борьбы с выводами активов и защиты интересов государства как кредитора.

Следует упомянуть и дискуссионный аспект, связанный с расширением прокурорских полномочий. Существует точка зрения, что избыточная активность прокуратуры в оспаривании сделок коммерческих организаций, пусть и с государственным участием, может отрицательно сказаться на стабильности гражданского оборота. Как отмечают А.Г. Гасанов и М.К. Кот, правомочие прокурора «позволяет прокуратуре анализировать широкий круг имущественных обязательств, в том числе коммерческих сделок», что «может иметь негативное влияние на существующую бизнес-среду» [10, с. 146]. Очевидно, что при реализации своих полномочий прокурор обязан соблюдать баланс между частнымии публичными интересами, не допуская необоснованного вмешательства в хозяйственную деятельность.

С процессуальной точки зрения, прокурор, обратившийся в суд на основании ст. 52 АПК РФ, пользуется всеми процессуальными правами и несет обязанности истца (ч. 3 ст. 52 АПК РФ), за исключением обязанности по уплате государственной пошлины. В учебной литературе подчеркивается, что прокурор в данном случае не является материальным истцом, а обладает «особым процессуальным статусом, который обусловлен его публичным интересом» [12, с. 18–19]. Важно, что отказ публично-правового образования (в лице уполномоченного органа) от иска, предъявленного прокурором, или заключение мирового соглашения не лишает прокурора права поддерживать свои требования, если, по его мнению, это необходимо для защиты публичных интересов.

Наиболее сложной и общественно значимой категорией являются дела об оспаривании сделок, которые заведомо противны основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ). Эти сделки являются ничтожными и влекут за собой особые, по сути конфискационные последствия: в доход Российской Федерации может быть взыскано все полученное сторонами по сделке. Участие прокурора в таких делах абсолютно необходимо, так как они напрямую затрагивают основы экономической безопасности страны.

Примером такого искового заявления является дело № А45-2700/2025, рассмотренное Арбитражным судом Новосибирской области. Прокуратура Новосибирской области обратилась с иском (в интересах РФ) о признании недействительными договоров аренды, субаренды и ипотеки, заключенных ООО «Меркас» в отношении имущества, ранее принадлежавшего стратегическому оборонному предприятию ОАО «НПО «Сибсельмаш». Ранее другим судебным актом по иску Минпромторга была признана недействительной

по ст. 169 ГК РФ сама сделка по приобретениюООО «Меркас» имущественного комплекса этого завода, поскольку покупатель использовал для участия в торгах лицензию, «выданную на основании заведомо ложных и недостоверных сведений». Суд квалифицировал эту сделку как совершенную с целью, заведомо противной основам правопорядка, так как она ставила под угрозу обороноспособность государства [9].

В рамках дела № А45-2700/2025 прокурор требовал применить последствия недействительности уже последующих сделок, которые ООО «Меркас» (незаконный приобретатель) заключило с третьими лицами (арендаторами, залогодержателями). Суд удовлетворил иск прокурора, указав, что «поскольку договор купли-продажи <...> признан недействительным в силу ничтожности, у ООО "Меркас" отсутствовало предусмотренное ст. 209 ГК РФ право распоряжения имуществом <...> и заключения вышеуказанных договоров аренды <...> [и] ипотеки». Суд применил последствия недействительности этих ничтожных сделок, обязав арендаторов освободить объекты о признании сделок недействительными представляет собой многогранный и динамично развивающийся институт. Он эволюционировал от роли простого участника арбитражного процесса до полноценного субъекта обеспечения законности в ключевых секторах экономики, таких как госзакупки, оборонный комплекс и процедуры банкротства. Статья 52 АПК РФ, особенно в ее обновленной редакции, предоставляет прокурору необходимые рычаги для пресечения сложных, завуалированных схем по выводу активов, уклонению от конкурентных процедур и противодействию действиям, которые наносят прямой ущерб национальной безопасности. Судебная практика, в том числе по сложнейшим делам с применением ст. 169 ГК РФ, подтверждает высокую эффективность прокурорского вмешательства для защиты публичных интересов, которые в современном праве трактуются значительно шире, чем исключительно имущественные интересы государства.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – ст. 3301.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 01 июля 2021 г. № 282-ФЗ // СЗ РФ. – 2021. – № 27 (ч. I). – ст. 5110.
4. Федеральный закон от 05 апреля 2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. – 2013. – № 14. – ст. 1652.

5. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – ст. 4190.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // «Российская газета», N 140, 30.06.2015.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 г. № 15 (ред. от 25.01.2013) «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» // Вестник ВАС РФ. – 2012.
8. Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 22 октября 2025 г. по делу N А73-21028/2024 // Справочно-правовая система Гарант.РУ. — URL: arbitr.garant.ru/#/document/582519424 (дата обращения: 09.11.2025). — Текст: электронный.
9. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 21 июля 2025 г. по делу № А45-2700/2025 // Справочно-правовая система Гарант.РУ. — URL: arbitr.garant.ru/document/redirect/582891384/0 (дата обращения: 09.11.2025). — Текст: электронный.
10. Гасанов, А. Г. Некоторые дискуссионные вопросы участия прокурора в арбитражном процессе на основании ст. 52 АПК РФ / А. Г. Гасанов, М. К. Кот // Проблемы развития предприятий: теория и практика. – 2024. – № 1-2. – С. 145-148.
11. Генералов, М. Ю. Участие прокурора в арбитражном процессе по делам о признании сделок недействительности и применении последствий недействительности указанных сделок / М. Ю. Генералов // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Том 9. – № 9А. – С. 267-273.
12. равцов, А. Ю. Участие прокурора в арбитражном процессе в порядке статьи 52 АПК РФ: Учебное пособие / А. Ю. Кравцов. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 84 с.
13. Маматов, М. В. Генезис процессуальных полномочий прокурора в сфере противодействия фиктивным и преднамеренным банкротствам / М. В. Маматов, И. А. Маслов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 2(106). – С. 84-91.
14. Михайлова, А. Д. Анализ теоретико-правовых и практических аспектов участия прокурора в делах об оспаривании сделок в сфере государственных и муниципальных закупок / А. Д. Михайлова // Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – № 1(18). – С. 42-50.
15. Назрицкая, Т. С. Изменения в ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации - шаг к дальнейшему расширению полномочий прокурора в арбитражном процессе? / Т. С. Назрицкая //

Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 6(118). – С. 180-186.

РАЗДЕЛ 3. КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН: ОТ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА ДО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Васеловская Александра Викторовна
доцент кафедры уголовного права,
старший научный сотрудник
лаборатории социально-правовых исследований,
кандидат юридических наук,
Юридический институт Национального исследовательского
Томского государственного университета,
г. Томск, Россия

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОДГОТОВКИ ОСУЖДЕННЫХ К ОСВОБОЖДЕНИЮ ИЗ УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ НАКАЗАНИЯ, В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ

Vaselovskaya Alexandra Viktorovna,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Senior Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research,
PhD in Law, Law Institute of the National Research
Tomsk State University,
Tomsk, Russia

ON SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PREPARATION OF CONVICTS FOR RELEASE FROM PENAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF THE USE OF PENITENTIARY PROBATION

Аннотация: в статье анализируются отдельные проблемные аспекты реализации подготовки осужденных к освобождению из исправительных учреждений как одного из основных направлений деятельности в рамках пенитенциарной пробации. Предлагается авторская дефиниция рассматриваемой категории, анализируется содержание мероприятий, входящих в подготовку к освобождению и практика осуществления данного направления пенитенциарной пробации.

Abstract: the article analyzes certain problematic aspects of the implementation of the preparation of convicts for release from correctional institutions as one of the main activities within the framework of penitentiary probation. The author offers a definition of the category under consideration, analyzes the content of the measures included in the preparation for release and studies the practice of implementing this area of penitentiary probation.

Ключевые слова: пробация, пенитенциарная пробация, клиенты пробации, социальная адаптация, ресоциализация осужденных.

Key words: probation, penitentiary probation, probation clients, social adaptation, resocialization of convicts.

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, https://rscf.ru/project/24-78-10043/.

Проблема подготовки осужденных к освобождению из мест лишения свободы является актуальной для науки уголовно-исполнительного права [2; 5]. От качества подготовки осужденных к жизни вне изоляции от общества зависит, в том числе, способность их быстрой и успешной адаптации в социуме после отбытия наказания, а также риск повторения ими своего криминального поведения. Таким образом, подготовка осужденных к освобождению влияет на рецидивную преступность, процент которой в нашей стране остается на достаточно высоком уровне. Согласно официальным статистическим данным МВД России о состоянии преступности за 2024 год «больше половины (57,1%) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления» [3].

Подготовка к освобождению играет важную роль и для самого осужденного, поскольку освобождение из мест лишения свободы представляет собой новый этап в жизни лица, ранее совершившего преступление и

отбывшего наказание за его совершение. От степени готовности лица жить самостоятельной жизнью вне изоляции от общества зависит его дальнейшая устроенность в социуме, способность адекватно реагировать на сложные жизненные ситуации в рамках законопослушного, а не преступного поведения.

Следует отметить, что ранее вопросы освобождения от отбывания наказания и оказания помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, регламентировались только уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

С принятием в 2023 году Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [1] (далее также – Закон о пробации) подготовка осужденных к освобождению из пенитенциарных учреждений стала предметом правовой регламентации не только Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Теперь вопросы подготовки к освобождению обозначены и как одно из основных направлений деятельности в сфере пенитенциарной пробации. Появление нового для данной сферы нормативного правового акта актуализирует заявленную тему исследования и обусловливает необходимость теоретического осмысления и анализа правоприменительной деятельности в указанной сфере на современном этапе, то есть после принятия Закона о пробации.

Итак, предметом настоящего исследования стал институт подготовки осужденных к освобождению из исправительных учреждений в контексте реализации пенитенциарной пробации в Российской Федерации.

Закон о пробации предусматривает три вида пробации: исполнительная, пенитенциарная и постпенитенциарная. Пенитенциарная пробация применяется в отношении осужденных, отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы. Основная цель пенитенциарной пробации видится в исправлении осужденного в период отбывания им наказания, а также в качественной и эффективной подготовке осужденных к их освобождению из пенитенциарных учреждений.

Анализ законодательного регулирования и практики реализации пенитенциарной пробации в части такого её направления, как подготовка осужденных к освобождению, позволяет выделить следующие важные, на наш взгляд, аспекты.

1. Понятие и содержание подготовки осужденных к освобождению из исправительных учреждений.

Важной частью государственной политики при реализации какого-либо нового направления деятельности является правильное, точное и корректное определение категориального (понятийного) аппарата. Сам термин «пробация» в законодательной и правоприменительной деятельности является новым для отечественной правовой системы. Законодатель в статье 5 Закона о пробации определяет отдельные понятия, используемые в данном законе. В

названной статье дается определению понятию «пенитенциарная пробация», однако термин «подготовка осужденных к освобождению» не раскрывается.

В статье 13 Закона о пробации, открывающей Главу 4 «Пенитенциарная пробация» термин «подготовка к освобождению» встречается дважды. В части 1 указанной статьи предусмотрено, что пенитенциарная пробация применяется в отношении осужденных к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы в период отбывания наказания, а также в период их подготовки к освобождению.

Законодатель в названной норме определяет подготовку к освобождению как определенный период, который как бы отделен от периода отбывания наказания, на что указывает фраза «в период отбывания, а также в период подготовки…». Полагаем, что использование такой словесной конструкции в анализируемой норме с точки зрения юридической техники изложения нормативного правового документа является неправильным, поскольку может привести к противоречивому толкованию. Подготовка осужденного к освобождению проводится в период отбывания последним наказания и не представляет собой самостоятельного этапа, отделенного от отбывания наказания.

Часть 2 статьи 13 Закона о пробации определяет подготовку осужденных к освобождению из учреждений, исполняющих наказания, как одно из трех основных направлений деятельности в рамках пенитенциарной пробации. Однако в названной норме подготовка к освобождению определена как направление пенитенциарной пробации не сама по себе, а вместе с оказанием осужденным содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также получении ими социальной помощи.

Таким образом, даже в пределах одной статьи закона институт подготовки осужденных к освобождению определяется законодателем по-разному, что при отсутствии законодательного определения указанной категории не позволяет однозначно определить, что понимается под подготовкой осужденных к освобождению из исправительных учреждений, что входит в содержание подготовки, какие цели ставятся в качестве приоритетных при подготовке и в какие сроки она должна осуществляться. Отсутствие легального определения указанного понятия и, как следствие, четких ответов на поставленные выше вопросы, не позволяет в конечном счете оценить эффективность реализации данного направления пенитенциарной пробации.

Представляется, что подготовка осужденных к освобождению из исправительных учреждений должна начинаться с момента начала отбывания лицом наказания, а не на заключительном этапе его отбывания. С начала отбывания лицом наказания возможно и необходимо изучение его социально-психологических характеристик, установление каких-либо острых социальных и бытовых проблем, «выявление социально-полезных связей, формирование позитивных ценностей и укрепление социально положительного потенциала

осужденного» [4, с. 90]. Указанная работа должна проводиться комплексно, поступательно и не ограничиваться несколькими месяцами, предшествующими освобождению осужденного из исправительного учреждения.

Таким образом, в широком понимании дефиниция рассматриваемой нами категории «подготовка осужденных к освобождению из учреждений, исполняющих наказания», может быть представлена следующим образом: это комплекс мер, проводимых в отношении клиентов пенитенциарной пробации в период отбывания ими наказания, которые направлены на формирование психологической готовности осужденных к жизни вне изоляции от общества и создание иных благоприятных условий для их ресоциализации после освобождения из пенитенциарных учреждений. При таком подходе оказание осужденному содействия в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве перед его освобождением также будет включаться в мероприятия в рамках подготовки осужденных к освобождению. Кроме того, к мероприятиям по подготовке в зависимости от индивидуальных потребностей и нуждаемости клиента пенитенциарной пробации могут быть отнесены и различные меры, направленные на формирование положительных нравственных установок, социально-бытовые мероприятия, помощь в установлении или восстановлении социально полезных связей, содействие в сфере охраны здоровья или получении отдельных навыков и компетенций в какой-либо профессиональной сфере и т.д.).

2. Анализ практики реализации подготовки осужденных к освобождению из исправительных учреждений в рамках пенитенциарной пробации.

В качестве эмпирической основы исследования нами было изучено 25 информационно-накопительных дел по пенитенциарной пробации осужденных, обратившихся с заявлением об оказании им содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

Анализ информационно-накопительных дел показал, что наиболее востребованной мерой поддержки у клиентов пенитенциарной пробации была потребность в организации выплаты им единовременной материальной помощи (84%). Еще одной мерой, за которой обращались осужденные (16%), была необходимость решения вопросов трудоустройства после отбытия наказания и освобождения из пенитенциарного учреждения. Индивидуальные программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, как правило, включали в себя несколько мероприятий, направленных на решение только одного конкретного вопроса (например, для оказания содействия клиенту пенитенциарной пробации в трудоустройстве в программу включались такие мероприятия, как обращение в УИИ после освобождения, обращение в службу занятости, посещение ярмарок вакансий и др.).

С учетом указанного выше подхода о необходимости более комплексного рассмотрения института подготовки осужденных к освобождению представляется, что индивидуальная программа также должна включать в себя мероприятия разной направленности, решающие не только конкретную («точечную») задачу (например, при успешной реализации лишь одного мероприятия по получению единовременной материальной помощи вряд ли можно судить об эффективности или неэффективности всей подготовки к освобождению), но в целом комплексно отражающие меры (психологические, социально-бытовые и т.д.) по созданию благоприятных условий для ресоциализации клиентов пенитенциарной пробации после отбытия ими наказаний и освобождения из исправительных учреждений.

Представляется, что такой подход, несмотря на свою большую трудозатратность по сравнению с «точечным» решением отдельных проблем заключенных, будет являться более эффективным в вопросах достижения целей пенитенциарной пробации, возвращения клиентов пенитенциарной пробации к нормальной жизни в обществе и в конечном итоге снижения уровня рецидивной преступности.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Российская газета: офиц.сайт. – URL: https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html (дата обращения: 19.11.2025). – Текст: электронный.
2. Аксенов А.А., Горкина С.А. Организационно-правовые основы деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы по подготовке осужденных к освобождению (на примере ГУФСИН России по Новосибирской области) / А.А. Аксенов, С.А. Горкина // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 4 (33). – С. 9–13.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: **https://мвд.рф/reports/item/60248328/** (дата обращения: 21.11.2025г.). — Текст: электронный.
4. Ларина Д.А., Петров С.В. Подготовка осужденных к освобождению, основные этапы социальной адаптации / Д.А. Ларина, С.В. Петров // Международный научный журнал «Вестник Науки». – 2024. – Т. 1. – № 1(70). – С. 89–94.
5. Южанин В.Е., Горбань Д.В. Институт подготовки осужденных к освобождению в прогрессивной системе отбывания наказания в виде лишения свободы / В.Е. Южанин, Д.В. Горбань // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – Т. 25. – № 3(82). – С. 338-344. – DOI: 10.24411/1999-6241-2020-13014.

Глушков Кирилл Евгеньевич
курсант 2 курса,
ФГКОУ ВО Московская академия
Следственного комитета имени А. Я. Сухарева,
г. Москва, Россия

Попов Дмитрий Алексеевич
курсант 2 курса,
ФГКОУ ВО Московская академия
Следственного комитета имени А. Я. Сухарева,
г. Москва, Россия

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ СТ. 318 УК РФ, В 2025 ГОДУ[1]

Glushkov Kirill Evgenievich
second-year cadet,
Moscow Academy of the
Investigative Committee of the Russian Federation
named after A.Ya. Sukharev,
Moscow, Russia
Popov Dmitry Alekseevich
second-year cadet,
Moscow Academy of the
Investigative Committee of the Russian Federation
named after A.Ya. Sukharev,
Moscow, Russia

ISSUES OF COUNTERACTING CRIMES, UNDER THE ARTICLE 318 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION, IN 2025

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева»,Савин Павел Тимурович

Аннотация: *в обществе складывается восприятие применения насилия к представителю власти как деяния, не относящегося к числу наиболее тяжких преступлений, что во многом связано с мягкостью фактической судебной практики и частым назначением наказаний по минимальному пределу. Цель исследования — на материале приговоров судов Москвы и Московской области за 2025 год показать, как сложившиеся подходы к назначению наказания по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 318 УК РФ, влияют на представления граждан о категории данного преступления и его превентивном потенциале. Выявляется устойчивая тенденция к назначению наказаний, не связанных с реальной изоляцией осуждённых от общества (штраф, обязательные/исправительные работы, условное лишение свободы), даже при наличии фактов реального насилия. Обосновывается необходимость пересмотра конструкции санкций и категории тяжести преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, в том числе за счёт повышения нижнего предела наказания.*

Abstract: *violence against public officials in public perception often appears as a less dangerous crime, which corresponds to current sentencing under Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation and the overall condition of law and order. The article aims to determine how the choice of sanctions in cases of violence against public officials influences assessment of offense gravity, legal category and preventive capacity of the norm. The study uses analysis of criminal legislation, Supreme Court clarifications and 2025 judgments of Moscow and Moscow Region courts. The results show a stable predominance of non-custodial and suspended sentences and frequent reclassification from Part 2 to Part 1 of Article 318. The conclusion stresses a reduction of preventive effect and the need to adjust sanctions and limit suspended sentences.*

Ключевые слова: *насилие в отношении представителя власти; правоприменительная практика; категория преступления; общественное восприятие; наказание; санкции.*

Key words: *violence against public officials; sentencing practice; offense category; public perception; punishment; sanctions.*

Статья 318 УК РФ защищает нормальную деятельность органов публичной власти от посягательств, связанных с применением насилия либо угрозой его применения к представителю власти в связи с исполнением им служебных обязанностей. В 2025 году сохраняется парадокс: при высокой общественной опасности деяний правоприменение по ч. 1 ст. 318 УК РФ часто сводится к мягким санкциям — штрафу, обязательным/исправительным работам или условному лишению свободы. Это снижает как частную, так и общую превенцию нормы [4; 5].

Следует учитывать, что сама статья 318 УК РФ исторически формировалась как ответ на необходимость обеспечить защиту

представителей власти при исполнении ими публичных функций, а не как инструмент для восстановления социальной справедливости в конкретных конфликтах. В современной практике данное разграничение часто теряется, поскольку суды склонны рассматривать нападение на представителя власти сквозь призму бытового конфликта или эмоционального срыва. Между тем, теоретическая доктрина уголовного права подчёркивает, что подобные посягательства носят характер преступлений против государственной власти, а не против личности, и потому должны оцениваться по уровню угрозы публичной стабильности и подрыву авторитета государственных институтов.

Основными задачами являлось выявление ключевых механизмов «незначительности» наказаний по ст. 318 УК РФ за 2025 год. А также показать, как квалификационные подходы и процессуальные решения (прекращение дела, судебный штраф, условное осуждение) трансформируют санкционный профиль. Также предложить изменения правоприменения для повышения превентивного эффекта. Новизна — фокус исключительно на практике 2025 года с привязкой к обзорам Верховного Суда Российской Федерации (далее ВС РФ) и локальной судебной практике судов Москвы и Московской области [8;9;2].

При написании научной статьи применялся метод нормативно-доктринального анализа (разъяснения Пленума и обзоров ВС РФ за 2025 год), качественный анализ судебных актов первой и апелляционной инстанций. Сопоставление с практикой кассационных судов (факты переквалификации с ч. 2 на ч. 1 и снижения наказаний). Для криминологического контекста использованы публикации 2025 года, критикующие диспропорцию между декларируемой охраной власти и фактической незначительностью наказания [11;13;10].

Дополнительно в рамках анализа обращено внимание на то, что сами правоохранительные органы нередко склонны минимизировать общественную опасность инцидентов, где потерпевшими выступают их сотрудники. Это связано как с попытками сохранить «внутренний имидж» стабильности ведомства, так и с нежеланием инициировать резонансные уголовные дела по фактам насилия против представителей власти. Подобная институциональная инерция приводит к тому, что уровень регистрируемых посягательств оказывается ниже фактического, а санкционная политика — менее строгой, чем требует ситуация.

Согласно результатам по делам ч. 1 ст. 318 УК РФ доминируют несвязанные с изоляцией наказания — штраф, обязательные работы, условное лишение свободы (сроки 1–2 года). В ряде приговоров суды прямо указывают на применимость ст. 73 УК РФ и положительные характеристики личности как основание для условного осуждения [8;9].По делам ч. 2 ст. 318 УК РФ заметна тенденция к переквалификации на ч. 1 при недостаточной доказанности реальной опасности для жизни/здоровья либо при наличии комплекса

смягчающих обстоятельств; это сопровождается существенным снижением наказания [12]. По делам с признаками психических расстройств часть эпизодов переводится в русло применения принудительных медицинских мер вместо наказания, что исключает тюремную изоляцию [3].

Указанные тенденции наглядно проявляются в конкретных приговорах 2025 года. Так, по делу, рассмотренному Люберецким городским судом Московской области, 37-летний подсудимый за нанесение ударов сотруднику полиции при исполнении служебных обязанностей был признан виновным по ч. 1 ст. 318 УК РФ, однако суд, учтя признание вины, раскаяние и иные смягчающие обстоятельства, ограничился штрафом в размере 80 000 руб. при формально возможном наказании вплоть до пяти лет лишения свободы. Реальная изоляция от общества фактически была заменена денежным взысканием, сопоставимым по восприятию с санкциями за отдельные административные правонарушения [12]. Схожий подход прослеживается и в практике районных судов города Москвы. По приговору Никулинского районного суда г. Москвы от 10.10.2025 г. подсудимой, признанной виновной по ч. 1 ст. 318 УК РФ, было назначено два года лишения свободы условно. Суд, ссылаясь на отсутствие прежних судимостей, положительные характеристики и наличие иждивенцев, признал возможным её исправление без реального отбытия наказания. Даже при установленном факте причинения физической боли сотруднику полиции наказание ограничилось испытательным сроком. исход [3]. Даже за пределами столичного региона суды нередко выбирают максимально щадящие меры. В одном из дел, рассмотренных судом Республики Татарстан, за удар участкового уполномоченного полиции был назначен штраф в размере 30 000 руб. Эти решения подтверждают общую линию на минимизацию карательного содержания санкции, когда реальные сроки лишения свободы используются как исключение [13;6].Причинами незначительности наказания выступает обширность санкций ч. 1 ст. 318 УК РФ (от штрафа до 5 лет лишения свободы) позволяет фактически «размывать» реакцию суда при позитивных данных о личности и заглаживании вреда. А также применение не реабилитирующих оснований (судебный штраф, особый порядок, соглашения) и условного осуждения при первичной судимости. Также неполная фиксация обстоятельств нападения, из-за чего «опасные» способы не всегда доказываются достаточным образом и дела уходят в ч. 1.

С точки зрения смежных составов и пределов их сравнения можно рассмотреть сопоставление со ст. 319 УК РФ (оскорбление представителя власти) показывает, что при отсутствии физического контакта практики смещаются в сторону административной/минимальной уголовной реакции, усиливая контраст с эпизодами реального насилия. Нельзя механически переносить санкционную логику ст. 319 УК РФ на ст. 318 УК РФ: объект защиты различается, а применение насилия против власти объективно подрывает безопасность публичной службы. Сравнение со ст. 317 УК РФ

(посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) подчёркивает, что при наличии опасных способов пределы наказуемости должны сближаться именно с более строгим подходом [4; 10].

Исходя из вышеизложенного, нужно предложить варианты решения описанных нюансов в правоприменении ст. 318 УК РФ: во-первых, стоит ужесточить наказание по ч. 1 вплоть до единственного вида наказания – лишение свободы. Во-вторых, надлежит последовательно применять ч. 2, исключать формальные ссылки на «отсутствие последствий», если опасность была реальной. В-третьих, исключить возможность применения в виде наказания условного осуждения. В-четвертых, реализовать программы информирования населения о неизбежности наказания, подчеркивая серьезность применяемых санкций, тем самым предупреждая такие преступления.

Подводя итог, можно отметить, что в 2025 году по делам, предусмотренным ст. 318 УК РФ, сохраняется доминирование наказаний, назначаемых по нижнему либо близкому к нему пределу, а также широкое использование условного осуждения и иных мягких мер. Такая практика не только снижает превентивный потенциал соответствующей уголовно-правовой нормы, но и формирует у населения искажённое представление о самом характере посягательства: насилие в отношении представителя власти воспринимается как «не слишком серьёзное» преступление, по своей тяжести сопоставимое с обычными бытовыми конфликтами. Между тем объективные признаки состава и место ст. 318 УК РФ в системе преступлений против государственной власти свидетельствуют о существенно более высокой общественной опасности такого рода деяний. В этой связи целесообразно обсуждать не столько механическое увеличение размеров наказаний, сколько пересмотр конструкции санкций и категории тяжести преступления, в том числе установление более высокого нижнего предела наказания по ч. 1 ст. 318 УК РФ. Закрепление более жёсткой минимальной санкции, в сочетании с выверенной судебной практикой, способно скорректировать общественное восприятие и восстановить баланс между декларируемой охраной авторитета публичной власти и фактической неотвратимостью ответственности за посягательства на её представителей [4; 5; 11].

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — ст. 2954.
2. Кассационные суды общей юрисдикции. Переквалификация с ч. 2 на ч. 1 ст. 318 УК РФ (подборка дел 2025 г.). / [Электронный ресурс]. URL: Офиц. портал sudrf.ru. URL: sudrf.ru/ (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.

3. Московский городской суд. Новости: приговоры по ч. 2 ст. 318 УК РФ (Бутырский райсуд, 01.10.2025) / [Электронный ресурс]. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/butyrskij/news/provozglashen-prigovor-figurantu-po-delu-o-huliganstve-i-primenenii-nasiliya-v-otnoshenii-predstavitelya-vlasti (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) / [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. — URL: https://vsrf.ru/documents/practice/34521/ (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025) / [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. — URL: https://vsrf.ru/documents/practice/34715/ (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
6. Приговор Никулинского районного суда г. Москвы от 10.10.2025 по делу № 01-0452/2025 (ч. 1 ст. 318 УК РФ, условное осуждение) / [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского городского суда. — URL: https://m.mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/services/cases/criminal/details/1ee81350-6c73-11f0-be7b-dd4d0bb110a4 (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
7. Рыбно-Слободский районный суд Республики Татарстан. Приговор в отношении лица, нанёсшего удар участковому уполномоченному полиции // Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Приволжскому федеральному округу. Сообщение для СМИ от 07.04.2025 / [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_pvfo/mass-media/news/archive/e5718831/ (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
8. Савёловский районный суд г. Москвы. Дело № 1-318/2025. ПРИГОВОР / [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. — URL: https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/cases/docs/content/0aef8450-1ead-11f0-a310-e19994fcb0b5 (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
9. Солнцевский районный суд г. Москвы. Приговор по ч. 1 ст. 318 УК РФ (назначение условного наказания) / [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. —

URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/solncevskij/cases/docs/content/c2a9aff0-c7d7-11ed-8cdc-57986f5fed1c (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
10. Вестник КЮИ МВД России. Выпуск 2025 г. (материалы по главе 32 УК РФ). // URL: https://vestnikkui.ru/ru/nauka/journal/ (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
11. Дубровина М.В. Анализ специальных норм уголовно-правовой охраны жизни и здоровья представителя власти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-spetsialnyh-norm-ugolovnopravovoy-ohrany-zhizni-i-zdorovya-predstavitelya-vlasti (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
12. Житель г.о. Люберцы осуждён за применение насилия в отношении представителя власти / [Электронный ресурс] // Администрация городского округа Люберцы Московской области: офиц. сайт. 04.03.2025 – URL: https://xn--90aiqw4a4aq.xn--p1ai/content/zhitel-go-lyubercy-osuzhden-za-primenenie-nasiliya-v-otnoshenii-predstavitelya-vlasti (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.
13. Рябченко О.Н. Посягательства на субъекты управленческой деятельности РФ в системе преступлений против порядка управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/posyagatelstva-na-subekty-upravlencheskoy-deyatelnosti-rf-v-sisteme-prestupleniy-protiv-poryadka-upravleniya-po-materialam-glavy-32 (дата обращения: 10.11.2025). — Текст: электронный.

Гольдштейн Адара Алексеевна
студентка 4 курса,
Российский Государственный
Педагогический Университет
им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СОГЛАСИЯ DE LEGE FERENDA[1]

Goldshtein Adara Alekseevna,
4rd year students
Russian State Pedagogical University A.I. Herzen
Saint Petersburg, Russia

DEFINES THE CONCEPT DE LEGE FERENDA

Аннотация: *статья посвящена разработке законодательной модели закрепления понятия «добровольного согласия» в уголовном законодательстве России с точки зрения желательного закона. Анализируются международные стандарты и зарубежный опыт криминализации половых актов без согласия. Предлагается авторская редакция нормы, исключающая необходимость доказывания физического сопротивления жертвы и ориентированная на установление добровольного волеизъявления. Предполагаются последствия предлагаемых изменений для следственной и судебной практики. Формулируются конкретные предложения по совершенствованию ст. 131 и 132 УК РФ.*

Abstract: *the article is devoted to the development of a legislative model for enshrining the concept of «voluntary consent» in Russian criminal law from the point of view of the desirable law. International standards and foreign experience of criminalization of sexual acts without consent are analyzed. The author's version of the rule is proposed, which excludes the need to prove the physical resistance of the victim and focuses on the establishment of voluntary expression. The implications of*

[1] Научный руководитель- кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Российский Государственный Педагогический Университет им. А.И. Герцена, Смелова Светлана Владимировна.

the proposed changes for investigative and judicial practice are anticipated. Specific proposals to improve art. 131 and 132 Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: *дела об изнасиловании, добровольное согласие, желаемый закон, de lege ferenda.*

Key words: *rape cases, voluntary consent, desirable law, de lege fereda.*

Актуальность темы реформирования уголовного законодательства в сфере защиты половой неприкосновенности личности сложно переоценить. В последние годы в законодательстве различных стран наблюдается усиление защиты прав потерпевших и признание ключевой роли добровольного согласия. Однако действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, фокусируясь на таких признаках объективной стороны, как применение насилия, угроза его применения или использование беспомощного состояния потерпевшего, оставляет без легального определения центральную категорию — «согласие». Этот пробел приводит к серьезным правовым последствиям: проблемам в квалификации деяний, судебному произволу, вторичной виктимизации потерпевших, вынужденных доказывать факт своего сопротивления, и, в конечном счете, к недостаточной эффективности защиты фундаментальных прав человека. В этих условиях вопрос о законодательном закреплении четкого понятия согласия переходит из плоскости теоретической дискуссии в практическую плоскость настоятельной необходимости.

Целью исследования является комплексное обоснование необходимости легального закрепления понятия «согласие» в уголовном законе и разработка конкретных предложений.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1. Проанализировать современное состояние уголовно-правового регулирования в сфере преступлений против половой неприкосновенности и выявить пробелы, связанные с отсутствием дефиниции согласия;
2. Исследовать и обобщить зарубежный опыт законодательного определения согласия, выделив наиболее эффективные модели и их применимость в условиях российской правовой системы;
3. Выявить и охарактеризовать ключевые сущностные элементы (добровольность, информированность, активность и др.), которые должны быть включены в легальное определение согласия;
4. На основе проведенного анализа сформулировать конкретные предложения по совершенствованию Уголовного кодекса РФ, предусматривающие введение четкого определения понятия «согласие».

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правового регулирования охраны половой неприкосновенности.

Предмет исследования составляют концепции возможного законодательного закрепления понятия «согласие».

Действующая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает правовую основу для криминализации посягательств на половую неприкосновенность, однако в этом процессе она акцентирует внимание на негативных обстоятельствах, оставляя ключевой аспект согласия в области правовой неопределенности.

Ключевые составы преступлений, предусмотренные статьями 131 («Изнасилование») и 132 («Насильственные действия сексуального характера») Уголовного кодекса Российской Федерации, формулируются вокруг понятия, включающего «половое сношение или иные действия сексуального характера, совершенные с применением насилия или угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) либо к другим лицам, либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)» [3, ст.131-132]. Такой подход имплицитно предполагает, что во всех ситуациях, где не доказаны насилие, угроза или беспомощное состояние, согласие потерпевшего презюмируется. Об этом пишет и А. А. Байбарин: «исторически в теории уголовного права насилие связывалось с преодолением сопротивления потерпевшей» [5, с.39]. Это создает обширную «серую зону», в которой действия виновного, совершенные вопреки воле человека, не оказавшего физическое сопротивление в силу каких-либо причин, могут остаться безнаказанными в силу недоказанности традиционных признаков насильственного преступления. Даже используемое в законе понятие «беспомощного состояния», раскрытое в судебной практике как состояние сна, сильного алкогольного или наркотического опьянения, психического расстройства, оказывается недостаточным. Оно не решает вопросов о способности дать осознанное согласие при психологическом давлении или в условиях зависимости, оставляя пространство для произвольного толкования. Так, А. Г. Гришин и А. В. Шахматов пишут, что «под насилием в ст. 131 и 132 УК РФ следует понимать как опасное, так и неопасное для жизни или здоровья насилие, включая побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему лицу физической боли либо с ограничением его свободы» [8, с.62].

Отсутствие четко сформулированного в законодательстве определения понятия «согласие» оказывает непосредственное влияние на формирование судебной практики, что приводит к возникновению противоречий и архаичных подходов к доказыванию. В ряде случаев суды фактически отождествляют отсутствие согласия с демонстративным физическим противодействием со стороны потерпевшей.

Часто встречаются формулировки, указывающие на то, что потерпевшая не проявляла признаков активного сопротивления, не кричала и не звала на помощь. Это может быть интерпретировано как молчаливое согласие, что

перекладывает бремя доказывания на жертву и требует от неё подтверждения факта «достаточного» сопротивления.

Проблема усугубляется тем, что молчание, пассивность или ступор, вызванные страхом или психоэмоциональным шоком, могут быть неверно истолкованы как знак согласия. Это может привести к ретравматизации потерпевшей в ходе следственных действий и судебного разбирательства, где ее поведение подвергается пристрастной оценке в контексте стереотипа об «идеальной жертве» [6, с.13], который сформировался в обществе.

Аналогичная неоднозначность возникает при толковании понятия «угроза», которое на практике часто сводится к непосредственной угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. При этом иные формы психологического давления, такие как шантаж или угроза уничтожения имущества, остаются за рамками состава преступления.

Кроме того, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» прямо указано, что состав преступления, предусмотренного ст., 131 и ст. 132 УК РФ сконструирован таким образом, что не охватывает случаи, когда половое сношение совершено помимо воли достигшей возраста согласия женщины, но без применения к ней физического или психического насилия [4], что создает обширную законодательную лакуну.

Действующая модель состава преступления отражает подходы, сформированные в иную историческую эпоху и не соответствующие современным концепциям сексуальной свободы и личной автономии: насилие, угроза или беспомощное состояние потерпевшей рассматриваются как наиболее очевидные способы преодоления воли, но не являются исчерпывающими. Правовая конструкция недостаточно защищает интересы жертвы, ставя степень защищенности в зависимость от ее физической способности оказать сопротивление, и создает правовую неопределенность.

Так, в уголовном кодексе Швеции изнасилование определяется как «совершение полового акта с лицом, не участвующим в нем добровольно» [1, kap.6], а в уголовном кодексе Украины изнасилование указано как «Совершение действий сексуального характера ... без добровольного согласия потерпевшего лица» [2, ст.152]. Приведенные формулировки являются примером современной модели, основанной на добровольном согласии. Этот подход кардинально меняет саму суть состава преступления.

В отличие от российской конструкции, где центральным элементом является применение насилия или угрозы, то есть способ преодоления воли, шведский и украинский законодатели сделали основным и ключевым признаком объективной стороны отсутствие добровольного согласия.

Такая формулировка приводит к принципиальному смещению фокуса доказывания в судебном процессе. Следствию и суду больше нет

необходимости концентрироваться на установлении факта физического насилия, конкретных угроз или поиске признаков беспомощного состояния. Основным вопросом, подлежащим доказыванию, становится выяснение, было ли получено добровольное согласие. Это позволяет перевести такие сложные ситуации, как пассивность потерпевшей, состояние ступора, легкого опьянения или психологического давления, из серой правовой зоны в поле прямой и полноценной правовой оценки.

Так, в действующем законодательстве очевидна недостаточность конструкции состава преступления. Системный дефект, заключающийся в акценте на внешних признаках насилия и отсутствии позитивного определения согласия, приводит к пробелам в правозащите, произволу в правоприменении и повторной виктимизации потерпевших. В этом случае необходимо закрепление понятия «согласие» в законодательстве для устранения выявленных недостатков и обеспечения более эффективной защиты прав и свобод граждан.

На основе проведенного анализа предлагается следующее комплексное определение понятия согласие для уголовного права: согласие представляет собой добровольное, осознанное и активно выраженное волеизъявление лица, переданное в четко воспринимаемой форме, на вступление в конкретное сексуальное взаимодействие. Согласие не может быть признано добровольным, если оно получено в результате применения или угрозы применения насилия, шантажа, использования зависимого или беспомощного состояния потерпевшего лица, либо обмана.

Например, Е. К. Газданова пишет, что «...им должно признаваться такое согласие, которое обладает признаками осознанности и добровольности. Содержание признака осознанности заключается в том, что лицо понимает характер и значение действий, на которые изъявляет согласие» [7, с.233]. Лицо считается неспособным дать действительное согласие, если оно в силу своего физиологического или психического состояния, включая состояние сна, оглушения, алкогольного, наркотического опьянения, психического расстройства, не понимало характера и значения совершаемых с ним действий. Молчание, пассивность или отсутствие сопротивления сами по себе не означают согласия. Изнасилованием необходимо признавать половой акт, произошедший без согласия потерпевшей.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о необходимости законодательного закрепления понятия согласия в российском уголовном праве. Анализ действующего регулирования выявил системные проблемы, связанные с отсутствием четкого определения данной категории. Нынешняя конструкция составов преступлений против половой неприкосновенности, сфокусированная на признаках насилия и беспомощного состояния, не обеспечивает надлежащей защиты потерпевших и создает

предпосылки для произвольного толкования в правоприменительной практике.

Реализация предложения обеспечит единообразие судебной практики, снизит риски вторичной виктимизации потерпевших и повысит эффективность уголовно-правовой защиты фундаментальных прав граждан. Законодательное закрепление понятия согласия в контексте ст. 131 и 132 станет важным шагом на пути гуманизации уголовного права и приведения его в соответствие с современными социальными реалиями и международными стандартами.

Библиографический список

1. Brottsbalk (1962:700) / Justitiedepartementet. [Text: electronic]. // Stockholm, 1962. – 6 kap. Om sexualbrott – URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/brottsbalk-1962700_sfs-1962-700/ (дата обращения: 23.05.2024).
2. «Кримінальний кодекс України»: [Принят Верхов. Радой України 5 апр. 2001 г.: вступает в силу с 1 сент. 2001 г.] // СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. - 391 с.
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ: [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.] (ред. от 17.11.2025) // Консультант: офиц. сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.11.2025). — Текст: электронный.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Консультант: офиц. сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 19.11.2025). — Текст: электронный.
5. Байбарин А. А. Половые преступления: учебное пособие [Электронная версия]. / А. А. Байбарин, А. А. Гребеньков // Курск: Юго-Зап. гос. ун-т. – 2013. – 110 с. – URL: https://swsu.ru/structura/up/uf/kup/ucebniki/polovye.pdf (дата обращения: 27.09.2025). — Текст: электронный.
6. Винокурова М. А. Виктимологический портрет: понятие, содержание, значение в условиях противодействия преступности [Электронный ресурс]. / М. А. Винокурова // Виктимология. — 2019. — №3 (21). — С. 12-18. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskiy-portret-ponyatie-soderzhanie-znachenie-v-usloviyah-protivodeystviya-prestupnosti (дата обращения: 27.09.2025). — Текст: электронный.

7. Газданова Е. К. Уголовно-правовое значение согласия лица в сфере сексуальных отношений [электронная версия]. / Е. К. Газданова // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – №1. – С. 230-235. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoe-znachenie-soglasiya-litsa-v-sfere-seksualnyh-otnosheniy (дата обращения: 27.09.2025). — Текст: электронный.
8. Гришин А. Г. Оперативно-розыскная характеристика личности преступника, совершающего половые преступления в отношении малолетних и несовершеннолетних / А. Г. Гришин, А. В. Шахматов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России: [электронная версия]. – 2019. – №2 (82). – С. 199-207. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknaya-harakteristika-lichnosti-prestupnika-sovershayuschego-polovye-prestupleniya-v-otnoshenii-maloletnih-i (дата обращения: 27.09.2025). — Текст: электронный.

Коваленко Татьяна Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права, экономики и сервиса,
научный сотрудник,
Тихоокеанский институт
предпринимательства, туризма и права,
г. Петропавловск-Камчатский, Россия

ПЕРСПЕКТИВЫ БОРЬБЫ С ДРОППЕРСТВОМ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ И ИНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Kovalenko Tatiana Sergeevna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department
of Law, Economics, and Service,
Research Fellow
Pacific Institute
Entrepreneurship, Tourism, and Law,
Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia

PROSPECTS FOR COMBATING DROPPING BY CRIMINAL AND OTHER MEANS

Аннотация: *дропперство представляет собой актуальную проблему в сфере киберпреступности, заключающуюся в использовании физических или юридических лиц для осуществления незаконных финансовых операций и легализации денежных средств. Анализ судебно-следственной практики выявляет актуальные проблемы борьбы с дропперством, а именно с оценкой объективных и субъективных признаков данного преступного деяния, что требует комплексного подхода в изучении исследуемого вопроса. Методы дропперства постоянно совершенствуются преступниками, что вызывает определенные сложности в следственной работе. В настоящем исследовании проанализированы наиболее распространенные на сегодняшний день способы вовлечения в дропперство, а также схемы вывода похищенных денежных средств. Автором акцент сделан на проблемах разграничения дропперства со смежными составами преступлений такими, как мошенничество, присвоение или растрата, легализация доходов, полученных преступным путем. В связи с чем отмечена необходимость в подробных разъяснениях со стороны*

Верховного суда Российской Федерации по наиболее сложным вопросам квалификации дропперства. В работе обозначена особая значимость совершенствования положений государственной политики, направленной на повышение цифровой грамотности населения в вопросах борьбы с дропперством, предложено учитывать позитивный международный опыт в данных вопросах. С учетом роста анализируемого преступления сформулированы меры его профилактики.

Abstract: *dropshipping is a pressing issue in the field of cybercrime, which involves the use of individuals or legal entities to carry out illegal financial transactions and money laundering. An analysis of judicial and investigative practices reveals the current challenges in combating dropshipping, particularly in assessing the objective and subjective elements of this criminal activity, which requires a comprehensive approach to studying this issue. The methods of dropshipping are constantly evolving, posing significant challenges for investigators. This study analyzes the most common methods of involvement in dropshipping, as well as the schemes for withdrawing stolen funds. The author focuses on the problems of distinguishing between dropshipping and related crimes such as fraud, embezzlement, and money laundering. In this regard, the need for detailed explanations from the Supreme Court of the Russian Federation on the most complex issues of droppership qualification has been noted. The paper highlights the importance of improving the provisions of state policy aimed at increasing the digital literacy of the population in the fight against droppership, and suggests taking into account positive international experience in these matters. Given the growing prevalence of this crime, measures have been formulated to prevent it.*

Ключевые слова: *дропперство, способы, мошенничество, политика, киберграмотность.*

Key words: *dropshipping, methods, fraud, policy, cyber literacy.*

Дропперство сегодня является актуальной проблемой, набирающей обороты изо дня в день, что требует серьезного научного подхода в исследовании особенностей проявления данного негативного явления и выработке актуальных предложений по борьбе с ним. Дропперство является разновидностью современных киберпреступлений, в процессе которого преступники обманывают потерпевших с целью получения денежных средств, персональных данных или несанкционированного доступа к личным данным.

Кто же такие дропперы? Дропперы — это обычные люди, которых преступники используют, чтобы обналичить украденные ими денежные средства. В частности, дропперу может быть поручено оформить на свое имя банковскую карту и передать ее доверенному человеку, на которую будут переведены денежные средства, полученные преступным путем. И в процессе расследования данных видов преступлений важно правильно дать оценку объективным и субъективным признакам дропперства. Ведь не исключены и

случаи передачи банковской карты между близкими родственниками без цели незаконного вывода денежных средств.

Предлагаем проанализировать наиболее распространенные на сегодняшний день способы вовлечения в дропперство:

1. Одним из наиболее распространенных методов киберпреступлений является социальная инженерия, с помощью которой преступники, используя психологические приемы, предлагают различные варианты заработка, которые максимально улучшат материальное положение потенциальных жертв.
2. Другим не менее распространенным методом выступают фишинг и мошеннические сайты, которые используются для введения в заблуждение потенциальной жертвы и побуждения ее ввести свои личные данные, которые могут быть использованы в дальнейшем в незаконных целях.
3. Мошенничество через криптовалюту является не менее распространенным способом дропперства.
4. Метод использования прямых переводов, в рамках которого могут заключаться договоры, на основании которых денежные средства переходят якобы на законных основаниях мошенникам [2].

Помимо сказанного выше следует привести пример наиболее распространенной схемы вывода похищенных денежных средств, включающей, как правило, несколько этапов:

1) получение денежных средств и их деление с последующим распределением на мелкие транзакции;

2) конвертация в криптовалюту или цифровые активы;

3) перемещение денежных средств;

4) монетизация [3, с. 184].

И данные этапы вывода похищенных денежных средств сопровождаются использованием подставных лиц для проведения финансовых операций. Кроме того, применяется метод маскировки преступных транзакций под легальную коммерческую деятельность, что зачастую усложняет процесс расследования анализируемого преступления.

Итоги дропперства сводятся к финансовым потерям, угрозе безопасности, и в конечном итоге к правовым последствиям, поскольку дропперы могут быть привлечены при наличии оснований к уголовной ответственности, даже если они не инициировали сам процесс обналичивания денежных средств.

Следует отметить, что законодатель после длительных научных дискуссий обозначил свою правовую позицию и предусмотрел 05 июля 2025 года уголовную ответственность за дропперство, которая нашла свое воплощение в части 3 статьи 187 Уголовного кодекса Российской Федерации [1].

Тем не менее, данная законодательная позиция не решает всех проблем, связанных с привлечением к ответственности за дропперство. Основные сложности по-прежнему вызывает не факт доказывания передачи человеком банковской карты другому человеку, а субъективная сторона анализируемого преступления. Важно доказать, что лицо сознательно из корыстной заинтересованности передает свои личные электронные средства платежа другому человеку и достоверно знает при этом, что данные средства платежа будут использованы им в неправомерных целях.

Практические проблемы борьбы с дропперством затрагивают и вопросы квалификации, поскольку на практике довольно сложно разграничить дропперство с мошенничеством, присвоением или растратой, легализацией доходов, полученных преступным путем. В связи с чем имеется необходимость в подробных разъяснениях со стороны Верховного суда Российской Федерации по наиболее сложным вопросам квалификации дропперства и разграничения его со смежными составами преступлений.

В вопросах борьбы с таким новым видом киберпреступлений, как дропперство, важную роль играют меры профилактики, среди которых ключевую роль необходимо отвести следующим [4].

1. Усовершенствование образовательных методик, направленных на повышение грамотности населения.

2. Непрерывное информирование граждан через средства массовой информации о способах и методах дропперства.

3. Совершенствование технических мер безопасности.

Несомненно, цифровизация экономики, рост использования онлайн-сервисов существенно расширили возможности для совершения киберпреступлений.

Обеспечение экономической безопасности государства напрямую зависит от уровня киберграмотности граждан, бизнеса и государственных структур. Многие ученые сходятся во мнении, что повышение уровня кибербезопасности населения является ключевым фактором обеспечения экономической безопасности общества [5, с. 45-60].

Несомненно, государственная политика, включающая программы по повышению уровня цифровой грамотности населения, будет выступать ключевым фактором, влияющим на снижение цифровых экономических преступлений.

Направления государственной политики по вопросам борьбы с дропперством и иными экономическими цифровыми преступлениями должны включать программы по повышению информационной осведомленности населения о рисках и угрозах в цифровом пространстве. В связи с чем требуется проведение регулярных информационных кампаний и образовательных программ по повышению цифровой грамотности граждан.

Например, в Сингапуре реализуется национальная программа «CyberSavvy», направленная на обучение населения основам кибербезопасности [6].

Аналогичные программы по повышению цифровой грамотности в России могли бы быть реализованы сотрудниками, прежде всего, Центрального банка Российской Федерации. Эти курсы должны помочь людям понять основные принципы защиты личных данных, паролей и аккаунтов в интернете, а также помочь самостоятельно распознавать фишинговые атаки и мошеннические схемы.

В целях повышения эффективности борьбы с дропперством следует использовать положительный международный опыт борьбы с данным криминальным явлением. Следует подчеркнуть, что еще в 2016 году в Европейском союзе был принят Закон о кибербезопасности, устанавливающий единые стандарты и требования к защите критически важной инфраструктуры. Документ обязывает государства-члены создавать национальные стратегии кибербезопасности, а также центры реагирования на инциденты. Реализация этого закона способствовала повышению уровня защищенности экономических систем Евросоюза.

В связи с чем целесообразно было бы с учетом роста кибератак в нашей стране разработать новый Федеральный закон о кибербезопасности, в который следовало бы включить положения, регламентирующие обязанности государственных и частных организаций по обеспечению кибербезопасности, проводить непрерывное обучение сотрудников и внедрять своевременно современные технологии защиты.

Помимо сказанного требуется доработка действующих нормативных правовых актов, актуализация существующих норм: пересмотр и обновление действующих законов, таких как Закон о персональных данных и Закон о информации, информационных технологиях и защите информации, с учетом новых угроз и технологий.

С учетом распространенности киберпреступлений в целом и дропперства в частности, в современной уголовной политике должно особое внимание уделяться вопросам борьбы с цифровыми преступлениями. Положения уголовного законодательства по вопросам борьбы с цифровыми преступлениями должны непрерывно совершенствоваться в целях повышения их эффективности.

Завершая настоящее исследование, стоит отметить особую значимость комплексного подхода в борьбе с дропперством, учитывая масштабность его проявления, который должен включать как меры общеобразовательного уровня, так и совершенствование правовой базы и усиление мер ответственности за совершение данного преступления.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025). // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru. - Текст: электронный.
2. Активное вовлечение подростков в мошеннические схемы // Коммерсант: сайт. – URL: **https://www.kommersant.ru/doc/6394792?ysclid=m4ro40w9ge213275306**. – Текст: электронный.
3. **Ошибка! Источник ссылки не найден.**
4. Клишков В. Б., Стебенева Е. В., Яковлева М. А. Киберпреступность: понятие, признаки, основные направления противодействия // Научная электронная библиотека КиберЛенинка: сайт. – URL: **https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-ponyatie-priznaki-osnovnye-napravleniya-protivodeystviya?ysclid=m4rmrg4xg3763923897**. –Текст: электронный.
5. Петров. А. В. Цифровая культура и киберграмотность: современные вызовы и направления государственной политики / А.В. Петров // Журнал информационной безопасности. – 2021. – № 5(2). – С. 45-60.
6. Насколько Сингапур кибер-подкован? Борьба с разногласиями с OCTO. // URL: **https://www.webintravel.com/how-cyber-savvy-is-singapore-tex-down-under-fighting-friction-with-octo-more/** - Текст: электронный.

Курносова Аделина Вячеславовна
студентка 1-го курса
Смоленского государственного университета
г. Смоленск, Россия

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СТАДИИ ПЕРЕСМОТРА ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПРИГОВОРОВ: ПРОБЕЛЫ И КОЛЛИЗИИ[1]

Kurnosova Adelina Vyacheslavovna,
1st year student at Smolensk State University
Smolensk, Russia

ON THE ISSUE OF THE PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF COMPETITION AT THE STAGE OF REVIEWING SENTENCES THAT HAVE ENTERED INTO FORCE: GAPS AND COLLISIONS

Аннотация: *в статье проводится комплексный анализ проблем реализации принципа состязательности в стадии пересмотра вступивших в законную силу судебных актов. На основе доктринальных источников и статистических данных выявляются системные коллизии и пробелы правового регулирования, ведущие к девальвации состязательных начал. Автор рассматривает асимметрию процессуальных прав сторон, ограничение непосредственности в исследовании доказательств и дисбаланс в праве на обжалование как ключевые факторы, трансформирующие кассационное производство в ревизионную процедуру с доминирующей ролью суда и государственного обвинения. В заключение предлагается комплекс мер по оптимизации процедуры, направленный на обеспечение подлинного равенства сторон и эффективной судебной защиты.*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Карпова Наталья Анатольевна

Abstract: *the article provides a comprehensive analysis of the problems associated with the implementation of the principle of adversarial proceedings at the stage of review of court decisions that have entered into force. Based on doctrinal sources and statistical data, the article identifies systemic conflicts and gaps in legal regulation that lead to the devaluation of adversarial principles. The author examines the asymmetry of procedural rights for the parties, the limitation of direct examination of evidence, and the imbalance in the right to appeal as key factors that transform the supervisory proceedings into a review procedure with a dominant role for the court and the public prosecution. In conclusion, a set of measures is proposed to optimize the procedure in order to ensure genuine equality of the parties and effective judicial protection.*

Ключевые слова: *принцип состязательности, кассационное производство, пересмотр приговоров, процессуальные гарантии, равенство сторон, уголовный процесс, судебная реформа.*

Key words: *the principle of adversarial proceedings, supervisory proceedings, review of sentences, procedural guarantees, equality of the parties, criminal proceedings, judicial reform.*

Принцип состязательности, будучи одним из системообразующих начал уголовного судопроизводства, закреплен в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2]. Его сущность заключается в построении судопроизводства на основе разделения функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела и обеспечении сторонам равных процессуальных возможностей для отстаивания своих интересов. Однако, как убедительно демонстрирует анализ судебной практики и доктринальные исследования, имплементация данного принципа в производстве в суде кассационной инстанции, а также ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, сопряжена с существенными правовыми коллизиями и пробелами, которые девальвируют его содержание и создают дисбаланс в процессуальных правах участников процесса. В контексте надзорного производства проблема усугубляется его исключительным характером, что создает дополнительные барьеры для доступа к правосудию и еще больше дистанцирует процедуру от классической состязательной модели. Статистический анализ свидетельствует, что лишь около 3-5% кассационных жалоб и представлений приводят к отмене или изменению приговора, что косвенно указывает на высокий порог доступа к данному виду судопроизводства и потенциальное ограничение прав осужденных на эффективную судебную защиту. При этом в структуре удовлетворенных жалоб превалируют те, что поданы официальными должностными лицами – прокурорами и председателями судов, в то время как ходатайства самих осужденных или их защитников удовлетворяются существенно реже, что ставит под сомнение реальное равенство сторон на данной стадии процесса.

Фундаментальной проблемой, порождающей системные коллизии, является имманентно ревизионный, несостязательный характер кассационного производства. Как справедливо отмечает профессор А.В. Смирнов, классическая состязательная модель, предполагающая наличие спорящих перед беспристрастным арбитром сторон, в кассационной инстанции трансформируется в процедуру проверки законности судебного акта по инициативе ограниченного круга уполномоченных субъектов [15, с.11]. Аналогичные черты ревизионности присущи и надзорному производству, где дискреционные полномочия суда по отбору дел для пересмотра, являются еще более широкими, а роль сторон практически нивелирована. Суд кассационной инстанции зачастую действует не как пассивный арбитр, а как активный субъект, проверяющий дело по собственному усмотрению, что сближает его функцию с розыскной. Данный тезис подтверждается процессуальным положением прокурора в кассационном производстве. Если в суде первой инстанции прокурор несет бремя доказывания обвинения, то в надзоре его представление формально не является актом обвинения, а представляет собой «требование об обеспечении законности». Однако на практике это приводит к асимметрии: прокурор, как представитель государства, обладает правом инициировать пересмотр и поддерживать свое представление, в то время как защитник лишен возможности непосредственного участия в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ для устного представления своих доводов, если его ходатайство об этом не было удовлетворено. Это создает ситуацию, когда одна из сторон de facto лишена равной процессуальной возможности повлиять на исход дела на ключевой стадии процесса.

Серьезной коллизией является ограничение принципа непосредственности в исследовании доказательств. В соответствии с частью 4 статьи 401.13 УПК РФ [2], суд кассационной инстанции проверяет лишь правильность применения норм материального и процессуального права судами нижестоящих инстанций. Он не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены судом первой или апелляционной инстанции, либо были отвергнуты ими, а также оценивать доказательства и принимать новые решения по вопросу о виновности или невиновности осужденного. Такой подход, с одной стороны, обусловлен задачами стадии пересмотра, а с другой – фактически выхолащивает состязательность, поскольку лишает стороны возможности представлять новые доказательства, которые могли бы кардинально изменить исход дела. Парадоксальным образом, производство ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (глава 49 УПК РФ), призванное исправлять подобные фундаментальные ошибки, также носит ярко выраженный розыскной характер, инициируясь по судебному определению и оставляя сторону защиты в роли пассивного заявителя, а не активного участника. Как указывает исследователь В.А. Лазарева, данное правило игнорирует тот факт, что не все

судебные ошибки могут быть выявлены и исправлены в рамках предшествующих стадий, особенно если они связаны с вновь открывшимися обстоятельствами или фундаментальными нарушениями, которые не были очевидны ранее [13, с.25]. Статистика показывает, что доля отмен приговоров по основаниям, связанным с неисследованием ключевых доказательств или нарушением права на защиту, в кассационной инстанции крайне мала, что свидетельствует о формальном подходе к оценке таких доводов сторон.

Еще одним пробелом, нарушающим равенство процессуальных возможностей, является дисбаланс в праве на обжалование. В соответствии с действующим законодательством, приговор, определение или постановление, вынесенные в пользу осужденного (например, оправдательный приговор или определение о прекращении уголовного дела), могут быть обжалованы в кассационном порядке лишь в течение одного года с момента их вступления в законную силу. В то же время, пересмотр обвинительного приговора в пользу осужденного никакими сроками не ограничен. Хотя данная норма продиктована гуманистическими соображениями и направлена на защиту прав личности, она создает процессуальное неравенство между стороной обвинения и стороной защиты. При этом пересмотр судебных решений в порядке надзора и ввиду новых обстоятельств демонстрирует схожую асимметрию: круг субъектов, имеющих право на возбуждение такого производства в пользу обвинения, существенно шире, а процедура носит более централизованный и закрытый характер. По мнению ученого-процессуалиста С. А. Шейфер, такой подход нарушает базовый принцип состязательности, согласно которому ни одна из сторон не должна находиться в привилегированном положении. Обвинительный приговор, будучи актом государственного принуждения, обладает повышенной устойчивостью, что оправдывает возможность его бессрочного пересмотра в пользу осужденного, однако это не отменяет коллизионности подобного регулирования с точки зрения симметрии процессуальных прав.

Проблема усугубляется отсутствием единообразной практики применения кассационных норм. Анализ постановлений Президиума Верховного Суда РФ демонстрирует значительный разброс в подходах к оценке одних и тех же видов нарушений. Например, нарушения уголовно-процессуального закона, не являющиеся по своей природе фундаментальными (такие как незначительные нарушения порядка вызова свидетелей), в одних случаях признаются существенными и влекущими отмену приговора, а в других – отвергаются как не повлиявшие на исход дела. В надзорном производстве и производстве по новым обстоятельствам непредсказуемость еще выше, поскольку решения принимаются в рамках исключительных полномочий, слабо формализованных в процессуальном законе. Подобная непредсказуемость судебной практики сама по себе является антитезой состязательности, поскольку стороны не могут в полной мере прогнозировать

последствия своих процессуальных действий и эффективно выстраивать линию защиты или обвинения на данной стадии. Исследования, проведенные под руководством профессора Т.Г. Морщаковой, показывают, что в более чем 60% случаев отказ в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании мотивируется формально, без детального анализа доводов заявителя, что лишает сторону защиты возможности для содержательной полемики с такой позицией [14, с.43].

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что современное регулирование стадии пересмотра вступивших в законную силу судебных актов содержит системные коллизии, препятствующие полной и последовательной реализации принципа состязательности. Эти коллизии проявляются в асимметрии процессуальных прав сторон, ограничении возможности исследования доказательств, дисбалансе в праве на обжалование и отсутствии единообразия судебной практики, что в равной степени характерно как для кассации, так и для надзорного производства и производства по новым обстоятельствам. В результате кассационное производство в значительной степени сохраняет черты ревизионной проверки, где доминирующая роль принадлежит суду и представителям официальных государственных институтов, а права частных лиц, в первую очередь осужденных, оказываются существенно ограниченными.

В целях преодоления выявленных проблем и оптимизации процедуры пересмотра в духе подлинной состязательности представляется целесообразным предложить следующие меры. Во-первых, необходимо законодательно закрепить гарантии обязательного и равного участия сторон в судебном заседании суда кассационной инстанции, предоставив защитнику и осужденному право на личное выступление и представление дополнительных письменных возражений на представление прокурора. Данная гарантия должна быть распространена и на стадию надзорного производства, а также на рассмотрение ходатайств о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств. Во-вторых, требуется расширить полномочия суда кассационной инстанции в части исследования доказательств, разрешив ему, в исключительных случаях, истребовать и приобщать к материалам дела новые доказательства, если имеются веские основания полагать, что они имеют решающее значение для дела и не могли быть представлены ранее по уважительным причинам. Это позволит сократить разрыв между кассационным производством и производством по новым обстоятельствам, создав более гибкий механизм исправления судебных ошибок. В-третьих, для обеспечения процессуального равенства, следует рассмотреть вопрос о введении разумного срока для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по любым основаниям, за исключением случаев, когда речь идет о реабилитирующих основаниях или о новых обстоятельствах, свидетельствующих о невиновности осужденного. Наконец, в-четвертых, для

унификации судебной практики и повышения предсказуемости правоприменения, Верховному Суду РФ надлежит активизировать работу по публикации разъясняющих постановлений Пленума и обзоров судебной практики, специально посвященных вопросам соблюдения принципа состязательности в кассационном и надзорном производстве, а также при пересмотре дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Только комплексный подход, направленный на гармонизацию интересов правосудия, государства и личности, позволит преодолеть существующие правовые коллизии и обеспечить действительную, а не декларативную состязательность на всех без исключения стадиях уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.12.2025). – Текст: электронный.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – ст. 4921.
3. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – ст. 7598.
4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 04.11.2023) // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – ст. 6724.
5. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации: федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // СЗ РФ. – 2001. – № 51. – ст. 4831.
6. О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном и надзорном порядке: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.09.2022 № 32 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 11.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 5.
8. Апелляционное постановление Вологодского областного суда от 16 ноября 2017 г. по делу № 22-2219/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: http://sudact.ru/regular/doc/V9eAgoLd11lN/ (дата обращения: 05.12.2025). – Текст: электронный.

9. Азаренок, Н. В. Проблемы обеспечения состязательности на стадии надзорного производства в уголовном процессе России / Н. В. Азаренок // Российский следователь. – 2022. – № 5. – С. 8–12.
10. Алексеев, Ю. Г. Анализ и оценка эффективности труда / Ю. Г. Алексеев // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – 2017. – Т. 1, № 3. – С. 175–177.
11. Безруков, С. С. Конституционные основы состязательности и их реализация в уголовном судопроизводстве / С. С. Безруков // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 40. – С. 174–182.
12. Давыдов, В. А. Уголовный процесс Российской Федерации: актуальные проблемы теории и практики: учебное пособие / В. А. Давыдов, В. В. Ершов. – Москва: Проспект, 2021. – 450 с.
13. Лазарева, В. А. Пересмотр вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам: проблемы и пути реформирования / В. А. Лазарева // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 45–58.
14. Морщакова, Т. Г. Право на справедливое судебное разбирательство и пересмотр судебных актов в уголовном процессе / Т. Г. Морщакова // Закон. – 2022. – № 7. – С. 32–44.
15. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса: монография / А. В. Смирнов. – Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2021. – 480 с.
16. Цоколова, О. И. Надзорное производство в уголовном процессе: тенденции и перспективы развития / О. И. Цоколова // Lex russica. – 2023. – № 1. – С. 22–35.

Кравцов Илья Павлович
студент 2 курса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УЯЗВИМОСТЬ КАК КРИМИНООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР И ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИНУЖДЕНИЕМ К АУТОАГРЕССИИ[1]

Ilya Pavlovich Kravtsov
2nd year student,
Smolensk Branch of the International
Law Institute,
Smolensk, Russia

PSYCHOLOGICAL VULNERABILITY AS A CRIMINAL FACTOR AND AN OBJECT OF CRIMINAL PROTECTION IN THE QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO COERCION TO AUTOAGGRESSION

Аннотация: *в статье исследуется роль психологической уязвимоти как криминообразующего фактора при квалификации преступлений, связанных с принуждением каутоагрессии. На примере феномена игры «Синий кит» демонстрируется механизм деструктивного воздействия на личность: показано, как системное психологическое давление, манипуляции и угрозы способны провоцировать самоповреждения и суицидальное поведение, причём наиболее уязвимой группой выступают несовершеннолетние.*

[1] Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Смоленский филиал Международного юридического института, Ревенко Яна Дмитриевна.

Так же в статье проведён анализ действующего уголовного законодательства РФ в сфере регулирования ответственности за доведения до самоубийства.

Abstract: *the article explores the role of psychological vulnerability as a criminogenic factor in the qualification of crimes related to the coercion of self-aggression. Using the phenomenon of the "Blue Whale" game as an example, the article demonstrates the mechanism of destructive influence on the individual, showing how systemic psychological pressure, manipulation, and threats can provoke self-harm and suicidal behavior, with minors being the most vulnerable group. The article also provides an analysis of the current criminal legislation of the Russian Federation regarding the regulation of liability for causing suicide.*

Ключевые слова: *уголовный кодекс, «синий кит», самоубийство, доведение до самоубийства, самоповреждения, принуждение к самоповреждению, несовершеннолетние, психологическое давление, социальная опасность.*

Key words: *criminal code, "blue whale", suicide, driving to suicide, self-harm, coercion to self-harm, minors, psychological pressure, social danger.*

Как говорил Аристотель, предположительно живший в 4 веке до нашей эры: “Человек по своей природе есть существо биосоциальное” [8, с 38]. Это было первым таким определением человека.

Стоит сказать, что именно Аристотель из всех античных деятелей науки сумел выявить крайнюю зависимость человека от двух факторов: своей биологической природы и социальной конструкции общества. Человек в своих биологических задатках вынужден подстраиваться под социальную структуру. Таким образом, общество в своей сути может не просто влиять на человека, а порой даже определять путь развития личностных задатков или даже акцентуацию характера.

Неумолимое влияние общества на человека осуществляется посредством двух важных факторов: влияния общественного мнения на индивида и нормативно-правовым актам (далее НПА), в которых отражены как диспозитивные, так и императивные нормы поведения человека в той или иной ситуации. Важно отметить, что в случае отсутствия определенных НПА в случае необходимости человек формирует собственный взгляд на условную ситуацию. Подобное формирование личностной позиции может привести к опасному прецеденту, который должен быть разрешён и сформулирован в НПА. Так, в качестве примера, на наш взгляд стоит привести федеральный закон от 07.06.2017 №120-ФЗ. Данным федеральным законом законодатель пополнил Уголовный Кодекс Российской Федерации двумя новыми составами преступления, регламентируемыми в статьях 110.1 и 110.2 УК РФ [1].

Законодатель вносит данные нормы исходя из ранее возникшего прецедента - некогда популярной на территории СНГ так называемой игры

«Синий Кит». Данная игра, по некоторым источникам, унесла 130 жизней детей [12]. Стоит отметить, что самоубийства в рамках данной «игры» были конечной целью так называемого «куратора», но перед самоубийством ребенку проходилось пройти ряд «заданий». Как раскрывает следствие, данные «задания» ребенок проходил под давлением, а в частности, под угрозой расправы над ребёнком и его родными. Здесь стоит более подробно разобрать, что из себя представляли эти самые «задания».

Одним из первых заданий «куратор Синего Кита» приказывал наносить ребёнку самоповреждения. К примеру, вырезать у себя на теле различные атрибуты этой самой игры. Несовершеннолетний под психическим давлением выполнял данное «задание». Как было сказано нами ранее, это одно из многих заданий, через которые ребёнок был вынужден проходить. К сожалению, были и другие «задания», направленные на причинение вреда ребёнку посредством его же действий в отношении себя. Позднее действия игры «Синий Кит» были прекращены на территории СНГ, а все причастные были привлечены к уголовной ответственности и получили свои заслуженные сроки, регламентируемые статьями 110.1 и 110.2 УК РФ [2]. Но в разборе приговора суда можно заметить, что так называемых «кураторов» осудили в своей общности за смерть ребёнка посредством противоправных действий, в частности, доведения до самоубийства. Потому мы можем утверждать, что действия причастных лиц к игре «Синий Кит», а именно принуждения ребёнка к самоповреждению, остались судом не замечены, поскольку общественности известно о 130 погибших детях и о более 200 детей, которые были вынуждены под угрозой расправы наносить себе повреждения. Следовательно, за принуждение детей к самоповреждению перед судом так никто и не ответил данные утверждения мы выдвигаем исходя из анализа приговоров суда [3], [5]. Здесь так же стоит сказать, что в Уголовном Кодексе Российской Федерации до сих пор отсутствует такой состав преступления, под который может подходить принуждение человека к самоповреждению.

Как ранее нами было сказано, отсутствие НПА, регламентирующего тот или иной аспект жизни, влечет к опасному прецеденту, в котором человек может легально заниматься опасной для общества деятельностью. Так что хоть игра «Синий Кит» более не проводится на территории СНГ, это не уменьшило количество людей, готовых и желающих принудить других к самоповреждениям, в особенности несовершеннолетних.

Вернёмся к определению, которое нам даёт Аристотель. Человек - существо биосоциальное. Исходя из этого, мы можем обратиться к пирамиде Абрахама Маслоу, который утверждает, что «для реализации личности человек должен удовлетворить все потребности, двигаясь от низших ступеней к высшим» [11 с, 29]. Но, к сожалению, на пути становления личности человек может задержаться на той или иной ступени или вовсе неправильно её интерпретировать. В случае этого человек становится, как минимум,

девиантом. Сам же Абрахам Маслоу подчёркивает, что психопат — это человек, утративший потребность в любви вследствие недостатка любви в раннем детстве [10, с 11]. Как показывает практика, среди кураторов «Синего Кита» часто были люди с личностным расстройством – психопатией, данное заявление мы так же делаем исходя из анализа приговоров суда, а в частности из анализа приговоров суда, где суд назначил осужденным принудительные меры медицинского характера [4], [6].

Здесь поясним, почему нам важно сопоставить таблицу Маслоу и такое понятие как “самоповреждение”. Таблица Маслоу формирует тот или иной “плацдарм”. Как для людей, которые будут склонять других к самоповреждению, так и для людей, что готовы к причинению себе вреда посредством внешних факторов (в нашем случае, посредством влияния людей, которым это понравится, то есть психопатов). Здесь, на наш взгляд, стоит более подробно раскрыть, что мы имеем в виду под словами «” плацдарм” для людей, что готовы к причинению себе вреда посредством внешних факторов». Здесь, в первую очередь, стоит ввести такое понятие как «акцентуация характера». Впервые это понятие даёт немецкий психиатр Карл Леонгард в своей монографии «Акцентуированные личности» [10 с. 23].

Под акцентуацией характера следует понимать чрезмерно выраженные черты характера и их сочетания, представляющие крайний вариант психической нормы. Сам Карл Леонгард выделял 12 типов акцентуаций характера, но наш советский психиатр Андрей Евгеньевич Личко выделил лишь 11 [9, с 12]. Некоторые из этих 11 типов мы сейчас и рассмотрим.

Стоит начать разбор с «истероидного» типа акцентуации характера. Данная акцентуация характера выражается театральностью поведения, жаждой внимания и признания, эмоциональной подвижностью. Всё это в совокупности способно сформировать плацдарм для нанесения себе повреждений, так как это является отличной игрой на публику, которая, с большей вероятностью, не останется к подобному безразличной. Именно этим фактором и может руководствоваться психопат, заставляя человека наносить себе самоповреждения, тем самым получая удовольствие от контроля над другим человеком.

Следующий тип акцентуации характера - «Сенситивный». Данный тип характера выражается в повышенной чувствительности, тревожности, склонности к самоанализу, а также в гиперрефлексии. То бишь данный тип акцентуации характера очень сильно подвержен чужому влиянию и, как следствие, шантажу со стороны психопата, установившего в условиях для сохранения взаимоотношений с ним требование нанести себе определенные увечья разной степени тяжести.

Целью разбора данных акцентуаций характера было указать на то, насколько сильно человек может быть уязвим, в особенности для психопатов,

способных грамотно оперировать психологическими приемами и взаимоотношениями в обществе.

Нельзя не отметить, что Государственная Дума России уже рассматривала вопрос о внесении нового состава преступления в Уголовный Кодекс Российской Федерации. А конкретно мы говорим о проекте № 1254708-7, внесённым Государственным Советом Республики Татарстан в 2021 году [7]. Данный законопроект предлагал пополнить УК РФ статьёй 207^3 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению насилия в отношении граждан и (или) нанесение вреда собственному здоровью». К сожалению, данный законопроект был отклонён государственной думой в 1 чтении.

Таким образом, мы можем заключить, что во избежание человеком самоповреждений под давлением исходящих извне факторов в Уголовный Кодекс Российской Федерации должен быть включен новый состав преступления. Мы предлагаем дополнить Уголовный Кодекс Российской Федерации статьёй 110.3 «понуждение к причинению вреда своему здоровью посредством психического или физического давления».

Библиографический список

1. Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // СЗ РФ. — 2017. — № 24. — ст. 3488.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ — 1996. — № 25. — ст. 2954.

3. Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 25 января 2018 г. по делу № 1-13/2018 // Басманный районный суд города Москвы: сайт. — URL: https://basmanny.mos-gorsud.ru (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.

4. Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 19 июля 2017 г. по делу № 1 285/2017 // Тобольский городской суд Тюменской области: сайт. — URL: **https://tobolsk** tmn.sudrf.ru (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.

5. Приговор Красногорского городского суда Московской области от 27 сентября 2017 г. по делу № 1546/2017 2018 // Красногорский городской суд Московской области: сайт. — URL: **https://krasnogorsk** mo.sudrf.ru/mo (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.

6. Приговор Таганского районного суда г. Москвы от 14 мая 2018 г. по делу № 1196/2018 // Таганский районный суд города Москвы: сайт.

— URL: **https://tagansky** msk.sudrf.ru/modules.php? name (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.

7. Проект федеральный закона № 1254708-7 // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. — URL: **https://sozd.duma.gov.ru/bill/125470** (дата обращения: 26.10.2023). — Текст: электронный.

8. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С.А. Жебелёва. — Москва: АСТ, 2017. — 384 с.

9. Личко, А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. 3-е изд. — Санкт-Петербург: Питер, 2009. — 256 с.

10. Леонгард, К. Акцентуированные личности / пер. с нем. В. М. Левина. — Ростов н/Д: Феникс, 2000. — 544 с.

11. Маслоу, А. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. — Санкт-Петербург: Питер, 2017. — 400 с.

12. Мурсалиева, Г. Группы смерти // Новая газета. — 2016. —16 мая. —№ 51 (24976). — URL: https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68424-gruppy-smerti-18(дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.

Колмыкова Олеся Анатольевна
студент 3 курса
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Россия

Щербаков Иван Антонович
студент 3 курса
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Россия

ВОЗРАСТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ УЖЕСТОЧЕНИЯ ИЛИ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ГУМАНИЗМУ?[1]

Kolmykova Olesya Anatolyevna
3nd year student
Smolensk State University,
Smolensk, Russia
Shcherbakov Ivan Antonovich
3nd year student
Smolensk State University
Smolensk, Russia

THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY: IS IT NECESSARY TO HARDEN OR IS IT A PRINCIPLE OF HUMANISM?

Аннотация: *данная статья посвящена комплексному анализу возраста уголовной ответственности в Российской Федерации. Рассматриваются юридические и социально-психологические аспекты установления нижнего возрастного порога, а также обоснованность его возможного пересмотра в условиях современного общества.*

Abstract: *this article is devoted to a comprehensive analysis of the age of criminal responsibility in the Russian Federation. The article considers the legal and*

[1] Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Карпова Наталья Анатольевна

socio-psychological aspects of setting the lower age threshold, as well as the validity of its possible revision in modern society.

Ключевые слова: *возраст уголовной ответственности, несовершеннолетние, субъект преступления, Уголовный кодекс РФ, акселерация, вменяемость, снижение возраста уголовной ответственности, практика зарубежных стран.*

Key words: *age of criminal responsibility, minors, the subject of the crime, the Criminal Code of the Russian Federation, acceleration, sanity, lowering the age of criminal responsibility, the practice of foreign countries.*

Возраст уголовной ответственности, по нашему мнению, можно толковать как наступление временного периода, с которого физическое лицо становится субъектом уголовной ответственности.

Для дальнейшей квалификации необходимо понимать, какие признаки присуще такому элементу состава преступления как субъекту. В данном случае необходима следующая совокупность признаков, чтобы признать лицо субъектом уголовной ответственности: наступление возраста уголовной ответственности, вменяемость, физическое лицо.

По уголовному закону Российской Федерации к уголовной ответственности по общему правилу на момент совершения преступления привлекается лицо, достигшие 16-летнего возраста. Но также согласно части 2 статьи 20 Уголовного кодекса Российской Федерации уголовной ответственности подлежат лица, достигшие 14-летнего возраста на момент совершения преступления по конкретным составам преступления, перечисленных в данной статье [2].

Также стоит отметить, что юридическое наступление возраста уголовной ответственности наступает не в указанный день рождения лица в паспорте, а с наступления нолей часов следующих суток.

При отсутствии возможности определить возраст лица, необходима экспертиза, проведенная соответствующим специалистом, по которой будет определен психологический возраст лица. В случае определения возраст лица может быть приблизительным, то есть специалист может дать заключение, что лицу примерно 13 - 14 лет. В такой ситуации при квалификации будет определен наименьший из предполагаемых возрастов. Но также необходимо отметить, что моментом наступления уже определенного возраста будет последний день месяца (если есть информация о месяце рождения, но нет информации о дне) или последний день текущего года.

Еще одним из важнейших квалифицирующих признаков будет являться вменяемость лица, то есть способность лица в полном объеме осознавать последствия своих действий и понимать общественную опасность, нанесенную данными действиями. Не будет являться субъектом уголовной

ответственности лицо вменяемое, но отстающее в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством [2].

И последний признак - физическое лицо. То есть в качестве субъекта уголовной ответственности не могут выступать юридические лица. Всегда будет нести ответственность руководство компании, так как все действия выполняются по его указаниям. В некоторых случаях уголовную ответственность могут нести и представители юридического лица. Но, так или иначе, отвечать будет непосредственно физическое лицо.

Теперь, когда мы определились с признаками субъекта преступления, хочется акцентировать внимание на таком вопросе как возможность снижения возраста уголовной ответственности, при наличии всех остальных обязательных признаков состава преступления.

В последнее время участились случаи совершения преступлений лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности. Для нашего общего понимания можно привести пример, который послужит доказательством необходимости понижения нижнего предела возраста уголовной ответственности. В сентябре 2025 года под Нижним Новгородом группа подростков на протяжении 3-4 дней жестоко избивала пожилую женщину - 63-летнюю Любовь Николаевну. Подростки записывали на видео акты насилия над женщиной, что также позже было прикреплено к материалам дела. По комментариям старшего помощника руководителя СУ СК России по Нижегородской области Ольги Кругловой, их деяние было квалифицировано по статье 112 Уголовного кодекса Российской Федерации - «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью». На момент предъявленной информации о данном преступлении проводился ряд следственных действий, направленный на установления всех обстоятельств произошедшего [4, с.1]. Присутствовала вероятность переквалификации дела на 111 статью Уголовного кодекса «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью». Это дело стало столь резонансным, потому что фигурантами по делу выступили несовершеннолетние. Известно, что двум подросткам было 13 лет и 12 лет, а самой младшей участнице было 8 лет. Опустив подробности дела и руководствуясь Уголовным закон РФ, мы понимаем, что за совершенное преступление группа подростков не понесет никакой ответственности, так как не один из них не является субъектом уголовной ответственности. В данном случае нести ответственность за совершенное преступление несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, будут родители. Но будет ли это справедливо? Можно сказать «да», но лишь отчасти, ведь родители несут ответственность за своих детей. И в данном случае перед нами возникает вопрос «могут ли понимать последствия своих действий лица, не достигшие возраста 14 лет?». Для ответа на этот вопрос нам необходимо рассмотреть такой термин как «акселерация» и мнение психологов.

Ссылаясь на мнение немецкого врача Е. М. Коха, «Акселерация» — это ускоренное физическое, интеллектуальное и/или сексуальное развитие в детском и подростковом возрасте [6, с.15]. И одним из факторов наступления акселерации это изменение окружающей среды, изменение бытовых и санитарно-гигиенических условий жизни. То есть из вышеуказанной информации можно сделать вывод, что с изменением окружающей обстановки, общество способно меняться в плане интеллектуального и психического развития. В нашей реалии продвинутых технологий дети очень быстро развиваются, что может влиять на уровень развития по сравнению с предыдущими поколениями. Таким образом, уровень психического развития идет на опережение. И тогда, исходя из данной информации, можно сделать вывод, что лицо, которое ранее, по мнению законодателя, начинало осознавать последствия своих действий, и было способно нести ответственность с 14 лет (в случаях, предусмотренных законом), то сейчас начинает осознавать последствия своих действий раньше. Отталкиваясь от данного умозаключения, нижний порог уголовной ответственности может быть снижен. Но стоит учитывать уровень акселерации, так как обычно он не превышает 1-2 лет. То есть если сейчас уголовная ответственность наступает с 14 лет, то с учетом акселерации при изменении законодательства, нижний предел не может опуститься ниже 12-13 лет.

Так как нынешний Уголовный кодекс вступил в силу 1996 году, и учитывал уровень развития общества на тот момент, то сейчас в 2025 году, спустя 29 лет, с развитием технологий и общества в целом, необходим пересмотр законодателем нижней границы уголовной ответственности.

Чтобы сказать насколько это будет эффективно, можно обратиться к практике зарубежных стран. Во многих странах возраст уголовной ответственности начинается с 10 лет (США, Австралия, Северная Ирландия и т.д.), а в некоторых странах, например, таких как Индия, Таиланд, Египет и Нигерия, даже с 7 лет, но наш взгляд, это слишком радикальное и не гуманное решение[7].

Более подробно разберем возраст 10-12 лет на примерах США и Австралии. Общие причины, способствующие установлению низкого возраста уголовной ответственности в некоторых штатах и территориях, включают доктрину doli incapax, согласно которой дети младше определенного возраста не способны осознавать противоправность своих действий. В системах, основанных на английском общем праве, таких как США и Австралия, возраст 10-12 лет исторически рассматривается как рубеж, когда ребенок может осознать серьезность своих поступков. Установление данного возраста не является «понижением», а представляет собой сохранение исторической нормы [1, с.4].

Кроме того, в 1980-90-е годы произошел сдвиг в философии ювенальной юстиции от реабилитационной к карательной модели. Это было вызвано

общественной паникой относительно «супер-преступников» среди несовершеннолетних, ростом насильственных преступлений и политикой «нулевой терпимости», что привело к акценту на наказание и защиту общества [8, с.1].

Важно отметить, что низкий возраст уголовной ответственности не означает автоматического судопроизводства по взрослым стандартам; он позволяет системе ювенальной юстиции вмешиваться в случае тяжких преступлений (например, убийства или тяжкого телесного повреждения) с целью установления надзора или применения воспитательных мер, а не только тюремного заключения[3, с.9].

Нельзя забывать, что к несовершеннолетним применяются меры воспитательного принудительного воздействия, а не уголовное наказание, что, так или иначе, смягчает ситуацию относительно уголовной ответственности. И мы, все-таки, не должны забывать, что основная цель уголовного права – это исправление.

Но можем ли мы сказать, что низкий возраст уголовной ответственности на примере США и Австралии как-то повлиял на сокращение преступности? Однозначно нельзя сказать, потому что на преступность влияют многие другие факторы помимо возраста. Но в данном случае нас не столько интересует сокращение преступности, хотя это, безусловно, является важным достижением, сколько наказание для виновного лица.

Но, тем не менее, опыт США и Австралии показали скорее отрицательные последствия с низким возрастом уголовной ответственности, что выражалось в: росте рецидивов, в негативных долгосрочных последствиях в виде судимостей и т. д. [5, с.6]. Но стоит сделать акцент, что у нас с предложенными странами разные правовые системы, что так или иначе будет влиять на результат.

При снижении возраста уголовной ответственности необходимо учитывать какие изменения могут произойти в системе воспитания и реабилитации несовершеннолетних правонарушителей. И вот что нам представляется:

Для младших возрастных групп самой частой мерой станет не лишение свободы, а процедуры примирения с потерпевшим. Подросток будет вынужден лицом к лицу столкнуться с последствиями своих действий - увидеть слезы, страх или гнев того, кому он навредил. Это мощнейший воспитательный момент, заставляющий прочувствовать эмпатию и ответственность.

Ответственность будет заключаться не в «отбытии срока», а в реальном заглаживании вреда, например, ремонте испорченного имущества, выполнении работ для потерпевшего (если это уместно и безопасно).

Снижение возраста уголовной ответственности заставит государство создать эффективные механизмы работы с «трудными» детьми и их семьями на самой ранней стадии. Появление 12-13-летнего ребенка в поле зрения

правоохранительных органов автоматически запустит механизм межведомственного взаимодействия. Будет проводиться глубокое психолого-педагогическое исследование: что в семье, в школе, в окружении толкает его на правонарушения. Это позволит не наказывать ребенка, а помочь ему, устранив причину.

Для каждого такого подростка будет разрабатываться персональный план коррекции поведения с привлечением школьных психологов, социальных педагогов, наставников из числа волонтеров или успешных взрослых. Цель - не изолировать, а вернуть на правильный путь.

Сейчас многие воспитательные меры носят рекомендательный характер. Снижение возраста УО потребует сделать их легитимными, структурированными и контролируемыми. Развитие службы пробации (уголовно-исполнительных инспекций для несовершеннолетних): появятся кураторы, которые будут закреплены за каждым таким подростком. Их задача - не карать, а сопровождать, объяснять, контролировать выполнение судебных решений (например: обязательное посещение школы, психолога, выполнение общественных работ).

Такие меры, как ограничение использования интернета, запрет на посещение определенных мест, обязанность учиться или работать, станут не просто словами, а официальными санкциями, за невыполнение которых последует эскалация. Это и есть та самая «управляемая ответственность»

Родителей будут обязывать проходить курсы по воспитанию детей, получать консультации психологов.

Могут появиться не колонии, а учебно-воспитательные центры с усиленным педагогическим подходом. Это будут не тюрьмы, а скорее строгие школы-интернаты, где упор делается на образование, психологическую коррекцию, профориентацию и отрыв от криминального окружения.

На наш взгляд снижение возраста уголовной ответственности допустимо. Так как, чем раньше лицу придется осознать на себе, что такое ответственность - тем больше вероятность исключения из жизни подростка дальнейшего девиантного поведения. Благодаря исправительной функции уголовного наказания несовершеннолетний научится нести ответственность за свои поступки, что в дальнейшем предотвратит совершение новых преступлений и в определенной степени дисциплинирует лицо. В данном случае не говорится о карательной функции уголовного наказания, а лишь об исправлении лица, находящегося в определенных условиях, созданных уголовным законом. Мы не предлагаем радикального и жестокого наказания, а лишь соразмерную возрасту и деянию ответственность.

Поэтому мы предлагаем понизить специальный срок уголовной ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений с 14 лет до 12 лет, что не будет противоречить принципу гуманности, но будет соответствовать принципу справедливости, а также будет соответствовать

уровню развития общества в связи динамичным развитием окружающего мира.

Библиографический список

1. Комитет ООН по правам ребенка. Замечание общего порядка № 24 (2019) о правах детей в системе правосудия в отношении детей. CRC/C/GC/24 // Организация объединенных акций: сайт. – URL: https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-242019-childrens-rights-juvenile (дата обращения: 24.05.2024) – Текст электронный.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Ст. 20 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.05.2024) – Текст электронный.
3. Австралийский институт здравоохранения и социального обеспечения. Ювенальная юстиция в Австралии, 2021–22 /2023 // Австралийский институт здравоохранения и социального обеспечения: сайт. – URL: https://www.aihw.gov.au/reports/youth-justice/youth-justice-in-australia-2021-22 (дата обращения: 24.05.2024) – Текст электронный.
4. Видеофрагмент с комментарием уполномоченного следователя // НТВ: сайт. – URL: https://www.ntv.ru/novosti/2937931/ (дата обращения: 25.05.2024) – Текст электронный.
5. Комиссия по реформе законодательства Австралии. Пути к правосудию – Исследование уровня тюремного заключения среди аборигенов и жителей островов Торресова пролива (Заключительный отчет № 133) / 2018 // Комиссия по реформе законодательства Австралии: сайт. – URL: https://www.alrc.gov.au/wp-content/uploads/2019/08/final_report_133_amended1.pdf (дата обращения: 24.05.2024) – Текст электронный.
6. Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
7. Проект «Вынесение приговоров» (The Sentencing Project). Ювенальная юстиция / 2022 // Проект «Вынесение приговоров»: сайт. – URL: https://www.sentencingproject.org/policy/issues/juvenile-justice/ (дата обращения: 24.05.2024) – Текст электронный.
8. Центр реформы ювенальной юстиции Джорджтаунского университета. Публикации и ресурсы // Центр реформы ювенальной юстиции Джорджтаунского университета: сайт. – URL: https://cjjr.georgetown.edu/our-work/publications-resources/ (дата обращения: 24.05.2024) – Текст электронный.

Каменева Мария Сергеевна
студент 3 курса Юридического института
Томского государственного университета,
г. Томск, Россия

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ[1]

Kameneva Maria Sergeevna
3rd year law student of Tomsk
State University,

PECULIARITIES OF QUALIFICATION OF SUICIDE IN RELATION TO MINORS

Аннотация: *проблема суицидального поведения среди несовершеннолетних является достаточно актуальной, поскольку создает угрозу жизни и здоровью детей и подростков, входящих в особую группу риска изменения их психоэмоционального состояния, в том числе под воздействием третьих лиц. Развитие глобализации и компьютеризации с новой силой актуализирует эту проблему. Анализ судебной практики выявляет определенные проблемы в привлечении к уголовной ответственности лиц за доведение несовершеннолетних до самоубийства, в частности, трудности в доказательстве причинно-следственной связи между действиями виновного и трагическим исходом. В данной статье мы рассмотрим ключевые вопросы квалификации преступлений, связанных с доведением подростков до самоубийства.*

Abstract: *the problem of suicidal behavior among minors is highly relevant, as it poses a threat to the life and health of children and adolescents who are in a special risk group for changes in their psycho-emotional state, including under the influence of third parties. The development of globalization and computerization further*

[1] Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического института Томского государственного университета, Васеловская Александра Викторовна.

exacerbates this issue. An analysis of judicial practice reveals certain problems in holding individuals criminally liable for driving minors to suicide, in particular, difficulties in proving the causal relationship between the actions of the perpetrator and the tragic outcome. This article will examine key issues in the qualification of crimes related to driving adolescents to suicide.

Ключевые слова: *уголовное право, доведение до самоубийства, психоэмоциональное состояние, эмоциональное давление, латентность.*

Keywords: *criminal law, driving to suicide, psycho-emotional state, emotional pressure, latency.*

В настоящее время большое внимание со стороны государства, в том числе в рамках уголовно-правовой политики, уделяется профилактике и предотвращению суицидального поведения несовершеннолетних. Развитие глобализации, компьютеризации, а также возникновение новых форм коммуникации среди подростков привели к увеличению преступлений, совершаемых в отношении подростков и детей, что в свою очередь послужило поводом для обращения внимания к данной проблеме.

На сегодняшний день статистика в отношении суицида несовершеннолетних остается довольно высокой, однако по сравнению с 2000-2010-ми годами число самоубийств подростков сократилось примерно в два раза. Одной из самых известных историй массовых суицидов среди детей и подростков стала опасная игра «Синий Кит», которая была популярна среди несовершеннолетних в 2016 году. Суть данной игры заключалась в выполнении различных заданий, которые наносили вред физическому и психическому здоровью подростков, в том числе приводили к многочисленным суицидальным попыткам несовершеннолетних. С этого времени государство начало усиливать меры по защите несовершеннолетних от негативного влияния Интернета и людей в сети, включая предотвращение доведения до самоубийства и содействия совершению самоубийства. «В середине 2023 года в докладе о работе Уполномоченной при Президенте РФ по правам ребенка Марии Львовой-Беловой сообщалось, что количество завершенных самоубийств среди детей в 2022 году снизилось почти на 10% по сравнению с 2021 годом, однако число суицидальных попыток несовершеннолетних растет. В частности, по данным Росстата, картина детских самоубийств по стране за последние годы выглядела так: 397 в 2018-м, 372 в 2019-м, 311 в 2020 году» [9]. Такая статистика указывает на то, что в течение нескольких лет прослеживалось уменьшение числа самоубийств среди детей и подростков.

Риск суицидального поведения среди подростков может быть обусловлен различными факторами, в том числе: конфликтами с близкими и друзьями, психопатологические проблемы и так далее. Однако совершение самоубийства подростком может быть связано с случаями, когда другие люди своими

действиями, словами имеют возможность повлиять на совершение самоубийства несовершеннолетним. Так, доведением до самоубийства является деяние, при котором одно лицо совершает определённые действия, направленные на то, чтобы убедить другое лицо совершить самоубийство.

Для дальнейшей квалификации преступления необходимо определить, что в научной литературе считается самоубийством. Так, Н.Н. Ильин в практическом пособии пишет, что «самоубийство представляет собой умышленное и сознательное лишение жизни лицом себя самого. О самоубийстве можно говорить лишь в том случае, когда наступили последствия в виде смерти лица» [4, с.16]. В соответствии с частью 1 статьи 66 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», «моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека)» [2].

Кроме того, дети и подростки более склонны к совершению суицида ввиду их наивности, беззащитности, доверчивости к взрослым людям, в связи с этим в силу психоэмоциональной незрелости, не имеют возможности оказывать им сопротивление, из-за чего преступления в отношении несовершеннолетних несут в себе, как правило, большую общественную опасность. Именно под психическим или физическим воздействием подросток способен принять решение совершить самоубийство.

В Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗчастью 2 статьи 110 предусмотрена ответственность за доведение до самоубийства несовершеннолетних, в соответствии с которой уголовно-наказуемым является «доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного» [1].

При анализе указанного состава преступления, необходимо отметить, что объектом такого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни несовершеннолетнего лица, в связи с чем потерпевшим может являться любой человек до 18 лет.

Указанный состав преступления является материальным, из-за чего для определения объективной стороны преступления обязательны три признака: общественно-опасное деяние, которое может выражаться в угрозах, жестоком обращении или систематическом унижении человеческого достоинства потерпевшего; общественно опасные последствия в виде самоубийства либо покушения на самоубийство; причинная связь между деянием и наступившим последствием. «Содержание угроз не влияет на квалификацию. Жестокое обращение может выражаться как в действии (нанесение побоев, вреда

здоровью различной степени тяжести), так и в бездействии (оставление без крова, пищи и др.). Систематическое унижение человеческого достоинства предполагает наличие не менее трех эпизодов действий оскорбительного характера» [6, с.39]. Для констатации факта совершения преступления необходимо, чтобы между действиями виновного и самоубийством (покушением на него) была установлена причинно-следственная связь.

Преступление, предусмотренное ст.110 может проявляться в разных формах посягательства против личности, в том числе включать иные преступления. Среди ученых распространено мнение, согласно которому действия, наносящие вред здоровью разной степени тяжести, подвергающие истязаниям, включающие угрозы убийством или аналогичные поступки, которые привели к самоубийству потерпевшего, полностью подпадают под действие статьи 110 Уголовного кодекса Российской Федерации и не нуждаются в отдельной квалификации. Кроме того, для квалификации преступления по этой статье необходимо доказать, что потерпевший имел намерение покончить с собой, а не инсценировать суицид.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъективная сторона предполагает прямой или косвенный умысел.

В науке уголовного права существуют различные подходы к определению субъективной стороны в преступлениях по ст. 110 УК РФ. Одна группа авторов (включая А. В. Наумова и А. А. Телегина) настаивает на том, что доведение человека до самоубийства возможно исключительно при наличии косвенного умысла, при котором виновное лицо, предполагая о суицидальных наклонностях несовершеннолетнего или подозревая о них, применяет психологическое давление через угрозы расправы, что может стать причиной суицида.

С другой стороны, в академических источниках встречается альтернативная концепция (отстаиваемая Г. Н. Борзенковым, М. А. Кирилловым и В. М. Лебедевым), которая допускает наличие как прямого, так и косвенного умысла в подобных деяниях. Согласно ей, «прямой умысел означает, что виновный намеренно желает причинить потерпевшему вред и довести его до самоубийства. Например, виновный может активно манипулировать потерпевшим, используя психологические методы, чтобы тот принял решение о суициде. С другой стороны, косвенный умысел подразумевает, что виновный осознает, что его действия могут привести к самоубийству, но он не является прямым инициатором этого решения» [5].

При этом на наш взгляд, форма вины в таком преступлении, как доведение до самоубийства несовершеннолетнего, может иметь как прямой, так и косвенный умысел. Лицо не всегда является прямым инициатором совершения самоубийства, оно может как запугивать, давать задания, которые будут иметь серьезные последствия в виде совершения или попытки самоубийства

подростком, у которого не сформирована психика или отсутствуют близкие люди, которым можно рассказать об этом. При этом в некоторых случаях лицо рассказывает о самоубийстве, о способах совершения суицида, а из-за внешних факторов в жизни подростка он начнет задумываться о таком способе избавления от проблем. Так, например, к преступлению, совершенному с прямым умыслом на доведение до совершения самоубийства несовершеннолетними, относят действия лиц в рамках трагически известной игры «Синий Кит», кураторы которой давали задания подросткам, угрожая им, их близким, тем самым доводя их до совершения суицида. К косвенному умыслу можно отнести случаи, когда родители, сверстники оскорбляют подростка, устраивают бойкоты, что подталкивает несовершеннолетнего к совершению самоубийства. Так, в 2019 году подросток совершил самоубийство из-за отношения мачехи и отца к нему, которые строго следили за его питанием и распорядком дня [10].

Кроме того, необходимо отметить, что на практике довольно тяжело квалифицировать самоубийство несовершеннолетнего как преступление с косвенным умыслом, совершаемое другим лицом в отношении этого подростка, из-за того, что чаще всего люди не замечают проблем у подростков, расследование начинается уже после самой смерти несовершеннолетнего, в связи с этим достаточно сложно найти признаки угроз, жестокого обращения обращенного к подростку, в силу которых лицо и совершает суицид. Трудности в установлении причинно-следственной связи между воздействием и самоубийством приводят к тому, что не каждое самоубийство несовершеннолетнего, совершенное под влиянием другого лица, квалифицируется как преступление, предусмотренное частью 2 статьи 110 УК РФ, что подтверждается статистикой. Как утверждает адвокат К.С. Ахильгов: «дела о доведении до самоубийства чаще заводят, если есть предсмертная записка, если же предсмертной записки не было, то следствие должно проверить все версии. У человека не было депрессии, признаков к совершению суицида, вдруг ни с того ни с сего [покончил с собой]. В этом случае следствие должно проверить все версии, помимо самоубийства, в том числе доведение до него» [8].

Поскольку до суда доходят единичные случаи совершения данного преступления, статистика по такому преступлению довольно низкая. Так, по официальной статистике за 2023 год по части 2 статьи 110 УК РФ было осуждено «10 человек, среди которых 7 получили наказание – лишение свободы, а 3 человека – условное лишение свободы» [12].

Так, в 2020 году за доведение и склонение к самоубийству была осуждена Ягодкина Ю.Е., которая на протяжении долгого времени общалась с несколькими несовершеннолетними, которые имели конфликты с близкими людьми, вызывая к ней доверительные чувства, рассказывала о способах

суицида, тем самым настраивая подростков на возможность совершения самоубийства [11].

А совсем недавно, 13 марта 2025 года «Октябрьский районный суд Липецка вынес приговор 39-летней женщине за совершение преступления в виде доведения несовершеннолетнего до самоубийства путем угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства» [7]. Она причиняла физические и психические страдания своей 12-летней дочери, что и послужило причиной совершения самоубийства девочкой.

Как отмечалось ранее, наиболее проблемной частью квалификации данного состава преступления является установление причинно-следственной связи между действиями виновного лица и самим суицидом или покушением на него. «Одним из необходимых признаков, устанавливающих причинно-следственную связь между противоправными действиями преступника и потерпевшего, традиционно считается промежуток времени между ними, в ходе которого действия со стороны потерпевшего обуславливают действия виновного» [3]. Однако законодатель не закрепляет, предполагается ли данным составом отсутствие разрыва во времени осуществления противоправных действий виновным лицом.

Так, например, в правоприменительной практике описывается случай, когда в классе происходил буллинг новой девочки. Как рассказывает девочка, которая довела новую одноклассницу до самоубийства, «я по-жесткому «буллила» в школе. Один раз довела одноклассницу до самоубийства. Зачем? Просто самоутверждалась. Но я не думала, что дойдет до такого» [13]. Своими действиями она делала так, чтобы над ней смеялась вся школа, после чего новая девочка ушла из школы и через некоторое время совершила самоубийства. Из-за того, что в этих действиях был большой промежуток времени, следователи не нашли причинно-следственной связи и никто не понес наказания за доведение до самоубийства.

Подводя итог изложенному в настоящей статье, можно отметить, что на сегодняшний день преступления против несовершеннолетних обладают высокой латентностью из-за сложностей в установлении причинно-следственной связи между угрозами, буллингом, иными формами воздействия и самим самоубийством, а также существуют сложности, которые возникают при квалификации доведения до самоубийства несовершеннолетнего, обусловленные, в частности, определением формы вины и возможностью совершения деяния в форме бездействия. Указанные сложности в правоприменительной практике при квалификации деяния по ст.110 УК РФ свидетельствует о необходимости выработки четких и однозначных разъяснений на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ, что позволило бы обеспечить единообразное применение уголовного закона на практике и повысить эффективность борьбы с преступностью в указанной сфере.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ (последняя редакция) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
3. Алексина К. Д. Проблемы квалификации доведения до самоубийства // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». Смоленск. — 2022. — №12(75). — С. 6-8.
4. Ильин Н.Н. Вопросы квалификации и расследования доведения до самоубийства несовершеннолетних с помощью сети Интернет: практическое пособие – М.: Московская академия Следственного комитета, 2022 – 88 с. – Текст: непосредственный.
5. Косыгина А. Ю. Доведение до суицида несовершеннолетних: уголовно-правовые аспекты // Молодежная наука: Сборник материалов Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Иркутск, 17 февраля 2024 года. – Иркутск: Российский государственный университет правосудия, 2024. – С. 44-50.
6. Прозуметов Л.М. / Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прозументова. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019 – С. 39
7. Мать 12-летней девочки осудили за доведение её до самоубийства // gorod48/ru: сайт. — URL: https://gorod48.ru/news/1968156/ (дата обращения: 15.10.2025). — Текст: электронный.
8. Почему в России почти не заводят уголовные дела по статье о доведения до самоубийства. Объясняют адвокаты // RTVI: [сайт]. — URL: https://rtvi.com/stories/pochemu-v-rossii-dela-po-state-o-dovedeniya-do-samoubiystva/ (дата обращения: 10.10.2025). — Текст: электронный.
9. Самоубийства среди детей: в 2023 году роста не было // nashgorod.ru: сайт. — URL: **https://nashgorod.ru/news/2024-02-25/podrostkovyy-suitsid-god-bez-rosta-5008276** (дата обращения: 09.10.2025). — Текст: электронный.
10. Суд вынес приговор семейной паре, доведшей подростка до самоубийства // РИА Новости: сайт. — URL: https://ria.ru/20250120/prigovor-1994623608.html (дата обращения: 09.10.2025). — Текст: электронный.
11. Судебные решения: сайт. – URL: https://судебныерешения.рф/55531712 (дата обращения: 18.10.2025). — Текст: электронный.
12. Уголовное судопроизводство Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ: сайт. — URL: https://stat.апи-

пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 12.10.2025). — Текст: электронный.
13. «Я довела одноклассницу до самоубийства». Монологи детей о буллинге // snob.ru: сайт. — URL: https://snob.ru/selected/entry/108903/ (дата обращения: 18.10.2025). — Текст: электронный.

Лунев Даниил Геннадьевич
аспирант 1 курса,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

DEEPFAKE-ТЕХНОЛОГИИ КАК ВЫЗОВ ГОСУДАРСТВУ И ПРАВУ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

Lunev Daniil Gennadievich
First-year graduate student,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

DEEPFAKE TECHNOLOGIES AS A CHALLENGE TO THE STATE AND LAW: FOREIGN EXPERIENCE OF COUNTERACTION AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: *в статье рассказывается история зарождения deepfake-технологий, освещаются сферы их применения. Сделан акцент на той опасности, которую они представляют для современного мира. Должное внимание уделяется мерам противодействия подобного рода контенту, изучается международный опыт в области борьбы с deepfake-технологиями и перспективы его адаптации под национальные реалии.*

Abstract: *the article tells the story of the origin of deepfake technologies, highlights the areas of their application. The emphasis is placed on the danger they pose to the modern world. Due attention is being paid to measures to counter such content, international experience in combating deepfake technologies and prospects for its adaptation to national realities are being studied.*

[1] Научный руководитель - доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, Лопатина Татьяна Михайловна.

Ключевые слова: *deepfake-технологии, противодействие, синтетический контент, нейросеть, маркировка, имплементация, угроза, искусственный интеллект.*

Key words: *deepfake technologies, countermeasures, synthetic content, neural network, labeling, implementation, threat, artificial intelligence.*

Разговор о таком явлении как deepfake-технологии стоит начать с конца 1990-х годов. На тот момент сложно было даже представить, какого уровня они смогут достичь всего за несколько десятилетий. Пальма первенства в вопросе создания deepfake-технологий принадлежит программе Video Rewrite, которая уже в 1997 году позволяла не только корректировать мимику человека, но и давала возможность наложить на неё любую голосовую аудиодорожку. По сути, это первый рабочий прототип deepfake-технологий, который получил дальнейшее развитие. Разумеется, попытки в том или ином проявлении были и до этого, но успеха они не получали. Долгое время широкой публики были недоступны возможности генерации подобного контента, но всё очень быстро поменялось. Рычагом популяризации послужил выход в свет в 2009 году легендарного фильма Джеймса Кэмерона «Аватар». Здесь активно использовалась технология facial motion retargeting, позволявшая перенести мимику актеров на трёхмерных персонажей. Первый шаг deepfake-технологий в широкие массы был сделан, картина имела грандиозный успех. Ещё одним хорошим примером их повсеместного внедрения может послужить нашумевшая реклама с шоколадом Galaxy со звездой Голливуда Одри Хепберн в 2014 году. И всё бы ничего, но сама актриса скончалось в 1993 году и только с помощью компьютерных технологий её смогли «вернуть» на телеэкраны. Вообще история с использованием образа ушедших из жизни актеров является довольно популярным рекламным ходом, однако порождает целый ряд этических проблем. Дальнейший процесс развития deepfake-технологий пошёл столь быстро, что на современном этапе даже экспертам порой тяжело отличить сгенерированный контент от настоящего. Сам термин, описывающий данное явление, появился ещё позже в 2017 году, когда анонимный пользователь под никнеймом «Deepfakes» на весьма популярном форуме Reddit опубликовал сгенерированные видео интимного содержания с рядом знаменитостей, например, Эммы Уотсон и Скарлет Йоханссон. Базовое определение дипфейка, которое предлагается многими авторами, следующее: методика синтеза изображения или голоса, основанная на искусственном интеллекте [8, с.4]. Уже здесь становится очевидным, что сферы использования подобных технологий можно разделить на две большие части: легальные и нелегальные. Первые не доставляют особых проблем, тут явный уклон на индустрию развлечений, например, уже упомянутый выше кинематограф, образование, медицина, маркетинг и реклама. Список можно продолжать долго, но куда важнее затронуть обратную сторону deepfake-

технологий, вернее сказать, их негативный или даже криминогенный потенциал. Дезинформация, мошенничество, шантаж и вымогательство, подрыв репутации – всё это только верхушка айсберга под названием deepfake-технологии. Поэтому основными задачами исследования является изучение уже существующих мер противодействия подобным явлениям в зарубежных странах, а также оценка пробелов в отечественном законодательстве и рассмотрение возможности их преодоления путём заимствования ряда идей. Об актуальности мер противодействия deepfake-технологиям говорит статистика, вот несколько красочных примеров:

количество дипфейковых файлов выросло с 500 тыс. в 2023 году до 8 млн. в 2025 году;

за 2023 год количество попыток мошенничества выросло на 3000%;

вероятность обнаружения человеком составляет всего 24,5% (для высококачественного видео), что касается изображений, то здесь ситуация лишь немного лучше – 62%;

0,1% - именно такое количество участников по данным исследования iProov 2025 года смогло правильно определить все фейковые и настоящие медиа, которые им показывали;

в то время как рынок инструментов для обнаружения ИИ растёт в среднем на 28–42% в год, сама угроза увеличивается на 900% или даже на 1740% в ключевых регионах;

эффективность этих средств защиты падает на 45–50 %, когда они используются не в контролируемых лабораторных условиях, а против дипфейков в реальном мире [12].

В Российской Федерации также отчетливо видна тенденция к росту подобного контента и его дальнейшего использования в противоправных целях. Так в сентябре 2025 года был зафиксирован исторический максимум распространения дипфейков, по данным АНО «Диалог Регионы» в российском сегменте интернета за январь–сентябрь выявлено 342 уникальных дипфейка, направленных на введение россиян в заблуждение и представляющих социальную опасность. Отмечается, что это в 4,1 раза больше, чем за весь 2024 год, когда было зафиксировано 84 подобных видео. Эксперты прогнозируют, что по итогам 2025 года количество дипфейков в России может превысить прошлогодние показатели в пять раз. Также в АНО «Диалог Регионы» отметили расширение аудитории дипфейковых видео: за неполный 2025 год выявлено в 5,9 раза больше копий дипфейков, чем за весь 2024 год, общее число просмотров таких материалов в 3,1 раза превысило показатели прошлого года [11]. Теперь к вопросу осведомленности населения России о том, что же такое deepfake-технологии. В сентябре 2025 года платформа МТС Линк провела подобный опрос, в котором поучаствовали 1000 респондентов из городов России с населением более одного миллиона человек. Так половина из них утверждает, что знакомы с понятием «deepfake», а 28% отмечают, что уже

встречали сгенерированные с помощью этой технологии видео, аудио или фото. Из них 93% говорят, что во всех (38%) или в некоторых случаях (55%) им удавалось распознать дипфейк. В большинстве случаев речь шла о дипфейках развлекательного характера в интернете (64%) или рекламе (27%), но есть и те, кто сталкивался с разными видами социальной инженерии. Пару слов о том, где чаще можно столкнуться с подобными технологиями. Первое место здесь занимают общедоступные мессенджеры, а именно WhatsApp и Telegram (82%), на втором месте — социальные сети (27%) [10]. Всё это лишь подтверждает тезис о том, что deepfake-технологии – реальный вызов государству и праву. На данный момент в Российской Федерации не существует специальных норм, которые напрямую затрагивают тематику борьбы с подобной угрозой. Иными словами, сейчас создание deepfake-контента само по себе законно, хотя при этом порождает целый ряд сложностей. Например, нарушение интеллектуальных и личных нематериальных благ в виде чести, достоинства, деловой репутации или даже права на имя и частную жизнь. К тому же интересным представляется тот факт, что даже если самый безобидный deepfake-контент, созданный в развлекательных целях, действительно будет легален, то вот способы получения информации для его создания далеко не всегда.

Одну из наиболее обсуждаемых попыток в данном направлении сделала Дания. Речь идёт о внесении поправок в закон об авторском праве. Такая инновация позволит каждому законодательно гарантировать право на собственное тело, будь то голос или черты лица. Подход поражает тем, что рассматривает уникальное сходство человека с самим собой как интеллектуальную собственность. Предложение получило широкую поддержку, ведь по своей сущности означает незаконность имитации человека посредством искусственного интеллекта. В случае публикации подобного контента без согласия человека у граждан Дании также появится законное право требовать его удаления. Важно заметить, что подобная защита от deepfake-технологий будет активна даже в течение 50 лет после смерти человека, право на удаление такого контента возлагается на родственников. Однако положения закона оставляют ряд исключений для сатиры и пародии, как это будет работать на практике, будет понятно уже в скором будущем. Ещё совсем недавно регулирование deepfake-технологий в США отдавалось на откуп отдельным штатам. К примеру, 1 июля 2024 года вступил в силу закон штата Теннесси «Об Элвисе». Чистого рода новаторство, нацеленное на защиту голоса человека от постороннего использования. Вводится запрет на создание так называемых голосовых клонов для их использования в коммерческих целях без специального разрешения. Затем 19 мая 2025 года вступил в силу закон «TAKE IT DOWN», который является первым федеральным законом, напрямую ограничивающим использование вредоносного deepfake-контента. Закон запрещает создание интимных

изображений без согласия человека, по сути, вводит наказание за выдачу себя за другое лицо. Примечательно, что владельцы онлайн-площадок и сервисов теперь обязаны удалять материалы интимного содержания, опубликованные без согласия изображённых на них людей, в течение 48 часов с момента получения жалобы. За неисполнение этого требования Федеральная торговая комиссия США сможет налагать штрафы в размере 50 120 долларов за каждое нарушение. Физическим лицам грозит до двух лет лишения свободы, а если речь идёт о несовершеннолетних — до трёх лет [7]. Закон «TAKE IT DOWN» не остается одинок, на рассмотрении находятся ещё несколько смежных с ним законопроектов, и их количество будет только расти. Хорошим примером здесь будет внесенный в Сенат 31.03.2025 года проект закона о защите выборов от мошеннического использования искусственного интеллекта. Он запрещает распространение аудио- и видеоматериалов, созданных искусственным интеллектом (ИИ) и вводящих в заблуждение в отношении федеральных кандидатов [3]. Интересно к вопросу регулирования deepfake-контента подошли в Китае. С 1 сентября 2025 года вступили в силу меры «По маркировке синтетического контента, созданного искусственным интеллектом». Они позволяют отслеживать файлы, созданные искусственным интеллектом. Идея для Китая не новая, в её основе лежит документ, обнародованный ещё 25 ноября 2022 года, речь идёт про положение «Об управлении информационными службами глубокого синтеза в Интернете». Указанные меры предполагают наличие маркировки как видимой, так и скрытой на любом контенте, созданном с помощью ИИ. Первый вариант предполагает размещение водяного знака или подписи к видео, что сразу поможет определить синтетический характер такого продукта. Со скрытой маркировкой интереснее, обычно это встроенная цифровая подпись или метка в метаданных файла, которую можно обнаружить даже в случае удаления видимых символов. То есть одновременно такой контент должен содержать и видимую составляющую, и зашифрованный знак в коде. Запрещается не только удалять водяные знаки ИИ, но и изменять их, в подобном случае контент сразу будет помечен, как «предположительно синтетический». Франция тоже не осталась в стороне, тут тоже активно развивается идея с маркировкой произведений, созданных искусственным интеллектом. В конце 2024 года в Национальное собрание Франции был внесён законопроект №625, согласно которому сгенерированный и опубликованный контент обязательно должен быть помечен соответствующим образом. Основные цели - борьба с дезинформацией и повышение прозрачности за счёт требования к пользователям социальных сетей указывать, было ли опубликованное ими изображение сгенерировано или изменено с помощью искусственного интеллекта. В пояснительной записке к законопроекту говорится, что регулирование необходимо в связи с ростом числа дипфейков и манипулятивного контента, которые могут распространять политическую,

экономическую или социальную дезинформацию, срывать выборы, вызывать социальную панику и наносить ущерб репутации отдельных лиц [4]. За отсутствие маркировки пользователям грозят штрафы до нескольких тысяч евро, для платформ куда выше - до 50 тыс. евро за одну публикацию. Примечательно, что с 23 мая 2024 году вступила в силу новая редакция статьи 226-8-1 Уголовного кодекса Франции. Так доведение до сведения общественности или третьей стороны любым способом визуального или звукового контента сексуального характера, созданного с помощью алгоритмической обработки и воспроизводящего образ или слова человека, грозит лишением свободы сроком на два года и штрафом в размере 60 000 евро. Если при этом использовалась услуга связи с общественностью в Интернете, то наказание увеличивается до трех лет тюремного заключения и штрафа в размере 75 000 евро [1]. В Великобритании в 2025 году активно вносились изменения в закон «О безопасности в интернете», принятый в конце 2023 года. В частности, ужесточили ответственность за использование deepfake-контента интимного характера, теперь наказанию подлежит не только его распространение, но и создание. Нельзя не отметить и первые в мире правила по регулированию искусственного интеллекта, принятые ЕС в июне 2024 года. Закон об искусственном интеллекте вступит в полную силу через 24 месяца после принятия, но некоторые его положения начнут действовать раньше. Например, запрет на использование систем искусственного интеллекта, представляющих неприемлемый риск, вступил в силу 2 февраля 2025 года [2].

Теперь о том, как обстоят дела в борьбе с deepfake-контентом в Российской Федерации. Специальных норм по регулированию подобных технологий законодательство пока не содержит, поэтому правовой статус deepfake-технологий продолжает оставаться неопределённым. Приходится довольствоваться в каком-то роде общими правами, к примеру, защите на основе норм гражданского права, а в случае совершения общественно опасных деяний уже положениями УК РФ. О полноценной имплементации говорить, безусловно, рано, но рассмотреть возможность заимствования лучших инноваций вполне стоит, разумеется, с учётом национальных реалий. Без преувеличения речь идет о вопросах установления административной, гражданско-правовой и даже уголовной ответственности за создание и распространение deepfake-контента в противоправных целях. При этом с 1 июля 2020 года вступил в силу Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 N 123-ФЗ. Его нормы лишь частично регулируют вопросы, связанные с искусственным интеллектом, однако его положения на частных лиц не распространяются. Возникает очевидный

пробел, который и может быть преодолен путем заимствования зарубежного опыта. Перейдём к основным результатам и выводам. В зарубежных странах вопрос регулирования deepfake-технологий на данный момент более глубоко развит. Где-то акцент делается на маркировке подобного контента, где-то на мерах ответственности, так почему бы не обратить на это внимание. Например, усложнить процедуру верификации размещаемых в сети материалов на предмет их синтетического характера. Зарубежный опыт позволит существенно продвинуться в данном вопросе, ведь повсеместное использование системы маркировок действительно упростит борьбу с deepfake-контентом, что уже подтверждается на практике. Опыт Дании в области защиты от deepfake-технологий наводит на мысль о возможности внесения изменений в ГК РФ, а именно в сферу наследования. Так решение проблемы с использованием цифрового образа личности и прав на её использование позволит избежать ряда неприятностей, разумеется, не только этического характера. Подобные технологии действительно могут существенно подорвать честь, достоинство и деловую репутацию человека, а значит, их применение в противоправных целях должно пресекаться и наказываться. В этой связи интересна идея внесения изменений в статью 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан». Так предлагается добавить определение, что обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, так же является и распространение поддельных видео-аудио материалов с использованием технологии «DeepFake» [9, с.3].

Было бы несправедливо умолчать о том, что на рассмотрении Государственной Думы уже находится несколько законопроектов. В частности, один из них № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» направлен на защиту чести и достоинства личности, а также собственности от потенциальных посягательств путем создания фальшивых материалов с использованием изображения или голоса, а также биометрических данных [5]. Другой под № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» предлагает закрепить право на голос и его охрану в законодательстве Российской Федерации [6]. В ходе исследования использовались общенаучные методы: анализ, синтез и прогнозирование, ряд специальных юридических методов, например, сравнительно-правовой формально-юридический, междисциплинарный подход отражал метод социологического анализа. В конце хочется сказать, что deepfake-технологии представляют собой реальную угрозу, с которой просто необходимо считаться. Пока рано говорить о принятии указанных выше законопроектов, а потому важно использовать все средства в борьбе с таким новым врагом: от качественной системы верификации и информационной работы с населением до маркировки контента

и усовершенствования законодательной базы. Только так можно минимизировать негативный эффект от такого продукта технологического прогресса как deepfake-технологии.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс: Статья 226-8-1 / [Электронный ресурс] URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000049567458 (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.
2. Закон ЕС об искусственном интеллекте / [Электронный ресурс] URL: https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20230601STO93804/eu-ai-act-first-regulation-on-artificial-intelligence (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.
3. Закон о защите выборов / [Электронный ресурс] URL: https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1213/text (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.
4. Французский законопроект / [Электронный ресурс] URL: https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2025-03-07/france-bill-introduced-to-require-labeling-of-ai-generated-images-on-social-networks/ (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.
5. Законопроект №718538-8 / [Электронный ресурс] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8 (дата обращения: 23.11.2025). — Текст: электронный.
6. Законопроект №718834-8 / [Электронный ресурс] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8 (дата обращения: 23.11.2025). — Текст: электронный.
1. 7. TAKE IT DOWN / [Электронный ресурс]. – URL: https://www.securitylab.ru/news/559507.php (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
7. Воронин И. А., Гавра Д. П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyki-sovremennoe-ponimanie-podhody-k-opredeleniyu-harakteristiki-problemy-i-perspektivy (дата обращения: 19.11.2025). — Текст: электронный.
8. Данилова В. А., Левкин Д. М. Правовые аспекты регулирования «Deepfake» технологии в России // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-regulirovaniya-deepfake-tehnologii-v-rossii (дата обращения: 23.11.2025). — Текст: электронный.
9. Исследование осведомленности россиян о возможностях технологии DeepFake // URL: https://dsmedia.pro/company/webinar/analytics/issledovanie-osvedomlennosti-

rossijan-o-vozmozhnostjah-tehnologii-deepfake (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.
10. Исторический максимум распространения дипфейков // URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/06/26892920.shtml?updated (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.
11. Статистика дипфейков за 2025 год // URL: https://deepstrike.io/blog/deepfake-statistics-2025 (дата обращения: 20.11.2025). — Текст: электронный.

Макаров Иван Александрович
студент 4 курса,
Юридический институт
Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Россия

ТЕОРИЯ «РАЗБИТЫХ ОКОН»: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ[1]

Makarov Ivan Aleksandrovich
4th year student,
Law Institute
Yaroslav the Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

THE THEORY OF «BROKEN WINDOWS»:

FOREIGN EXPERIENCE OF PRACTICAL IMPLEMENTATION

Аннотация: *в данной статье проводится комплексный анализ теории «разбитых окон» как криминологической концепции, вышедшей за рамки академических дискуссий и оказавшей значительное влияние на правоохранительную политику во многих странах. Автор прослеживает генезис теории от ее формулировки до экспериментальных проверок и детально исследует наиболее известные случаи ее имплементации — масштабную реформу в Нью-Йорке 1990-х годов и адаптированный подход в японском округе Адачи. Отдельное внимание уделено успешному опыту применения теории в законодательстве Казахстана. Наряду с демонстрацией статистически подтвержденной эффективности, статья содержит систематизированный обзор критики теории, включая аргументы о*

[1] Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории государства и права, Юридический институт Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Макарова Елена Александровна.

корреляционном, а не причинно-следственном характере ее успехов, социальной несправедливости и игнорировании глубинных причин преступности. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о перспективности интеграции принципов теории «разбитых окон» в правоохранительную практику вместе с концепцией «защищаемого пространства».

Abstract: *this article provides a comprehensive analysis of the theory of «broken windows» as a criminological concept that has gone beyond academic discussions and had a significant impact on law enforcement policy in many countries. The author traces the genesis of the theory from its formulation to experimental tests and examines in detail the most famous cases of its implementation — the large-scale reform in New York in the 1990s and the adapted approach in the Japanese district of Adachi. Special attention is paid to the successful experience of applying the theory in the legislation of Kazakhstan. Along with demonstrating statistically proven effectiveness, the article provides a systematic review of criticism of the theory, including arguments about the correlational rather than causal nature of its success, social injustice, and ignoring the underlying causes of crime. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that it is promising to integrate the principles of the theory of «broken windows» into law enforcement practice along with the concept of «protected space».*

Ключевые слова: *теория «разбитых окон», политика нулевой терпимости, профилактика преступности, концепция «защищаемого пространства», вандализм, социальная профилактика.*

Keywords: *theory of «broken windows», zero tolerance policy, crime prevention, concept of «protected space», vandalism, social prevention.*

Теория «разбитых окон» (broken windows theory) представляет собой одну из наиболее влиятельных и одновременно дискуссионных концепций в современной криминологии, которая внедряется в архитектуру уголовного законодательства разных правовых систем. Сформулированная в 1982 году американскими социологами Джеймсом Уилсоном и Джорджем Келлингом, она вышла за рамки академических дискуссий и оказала значительное влияние на формирование правоохранительной политики во многих странах мира. Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления эффективности различных моделей профилактики преступности в условиях ограниченности ресурсов правоохранительной системы.

Генезис теории «разбитых окон» основывается на простом, но фундаментальном наблюдении: видимые признаки беспорядка и несоблюдения социальных норм провоцируют дальнейшее антисоциальное поведение. Основная метафора теории формулируется следующим образом: «Если в здании разбито одно оконное стекло, и никто его не заменяет, то через

некоторое время в этом здании не останется ни одного целого окна». Этот пример иллюстрирует ключевой тезис авторов теории: незамеченные и безнаказанные небольшие преступления создают среду, благоприятную для совершения более серьезных.

Психологический механизм данного феномена заключается в том, что человек, наблюдая нарушения правил поведения другими членами социума, которые не пресекаются, перестает считать эти правила обязательными для себя. Формируется установка: «Если другим можно, то разве мне нельзя?» Это приводит к постепенному понижению планки допустимости нарушений в общественном сознании.

Важным методологическим основанием теории стали эксперименты психолога Филипа Зимбардо, проведенные еще в 1969 году. В ходе эксперимента он оставил два автомобиля без номерных знаков в разных районах: в неблагополучном Бронксе (Нью-Йорк) и в благополучном Пало-Альто (Калифорния). Автомобиль в Бронксе был быстро разграблен, в то время как в Пало-Альто автомобиль оставался нетронутым. Когда Зимбардо сам нанес повреждения автомобилю в Пало-Альто, ситуация резко изменилась: вслед за исследователем прохожие начали разрушать автомобиль, который через несколько часов был разграблен аналогично автомобилю в Бронксе. Этот эксперимент наглядно продемонстрировал, что даже в благополучной среде видимые признаки беспорядка могут провоцировать девиантное поведение.

Наиболее системная экспериментальная проверка теории «разбитых окон» была проведена в 2008 году группой ученых из Университета Гронингена (Нидерланды) под руководством Кеса Кейзера [10]. Серия из шести экспериментов позволила верифицировать основные положения теории в контролируемых условиях. Нарушения распространяются по принципу цепной реакции: наблюдение несоблюдения правил другими людьми значительно повышает вероятность девиантного поведения. При этом важно отметить, что нарушители не просто копируют конкретное правонарушение, а делают общий вывод о допустимости несоблюдения правил в данной локации в принципе.

Наиболее известным примером практической имплементации теории стала реформа правоохранительной системы Нью-Йорка, начатая в 1994 году мэром Рудольфом Джулиани и комиссаром полиции Уильямом Браттоном. Столкнувшись с крайне высоким уровнем преступности, городские власти решили сосредоточиться на борьбе с мелкими правонарушениями, такими как граффити, безбилетный проезд в метро, попрошайничество, публичное пьянство. Особое внимание было уделено метрополитену, где около 250 тысяч человек ежедневно не платили за проезд, а вагоны были покрыты надписями. На улицах города полиция стала проявлять нулевую терпимость ко всем, даже самым незначительным нарушениям [3, с. 325].

Результаты этой политики оказались впечатляющими: к концу 1990-х годов количество преступлений против личности в Нью-Йорке снизилось на 56%, количество убийств сократилось вдвое, а общее число уголовных преступлений уменьшилось на 40%. По оценкам Келлинга и Соузы, благодаря новой политике с 1989 по 1998 год было предотвращено более 60 тысяч насильственных преступлений [5].

Интересный пример адаптации теории демонстрирует Япония. В округе Адачи в Токио, который имел самый высокий уровень преступности в городе, власти инициировали «Движение за красивые окна», сосредоточившись на двух аспектах: предотвращении мелких преступлений и облагораживании округа посредством привлечения волонтеров. Через 2 года Адачи перестал быть самым неблагополучным округом Токио, а через 11 лет количество преступлений в Адачи снизилось на 62 процентных пункта [2].

Системного применения теории «разбитых окон» на постсоветском пространстве не было, однако элементы нулевой терпимости встречаются в различных сферах правового регулирования Казахстана. Наиболее показательным примером является усиление ответственности за вандализм. В январе 2023 года президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев подписал закон об усилении ответственности за вандализм. Был снижен порог для уголовной и административной ответственности (ранее она наступала только при ущербе свыше 200 МРП – месячного расчетного показателя, базовой единицы измерения для расчета налогов, штрафов, пособий, социальных выплат и других обязательных платежей в Казахстане), установлен минимальный штраф в 50 МРП (статья 147-1 КоАП республики), введены квалифицированные составы с отягчающими обстоятельствами. Статистика показывает определенную эффективность этих мер: в 2024 году было выявлены свыше 360 фактов вандализма на сумму 17 млн 112 тыс. 420 тенге.

Другими примерами применения подхода, близкого к теории «разбитых окон», в Казахстане являются ужесточение антинаркотической политики (в 2021 году удельный вес, остаточный для уголовного преследования, для синтетических наркотиков снизили с 50 до 1 грамма) и введение в 2020 году допустимой нормы 0 промилле для водителей [1].

Однако теория неоднократно подвергалась критике со стороны правоведов и криминологов. Многие исследователи оспаривают причинно-следственную связь между политикой нулевой терпимости и снижением преступности, объясняя, что данная динамика прослеживалась в 1990-е годы не только в Нью-Йорке, но и в целом по США, включая города, где такая политика не применялась. Среди альтернативных факторов, повлиявших на снижение преступности, исследователи называют снижение уровня безработицы в Нью-Йорке на 39% в 1992-1999 годах, более интенсивное использование ареста лиц, совершающих тяжкие преступления, ослабление

проблемы тяжелых наркотиков, а также техническое переоснащение правоохранительных подразделений [7, с. 116].

«Часть исследований была построена в логике корреляционного, а не регрессионного или экспериментального дизайна. В результате были упущены или неверно восприняты причинно-следственные связи между повреждениями городской среды и совершаемыми в ней преступлениями, поскольку не учитывались факторы, значимые как для качества среды, так и для поведенческой активности людей, находящихся в ней. Так, например, Р.Дж. Сэмпсон и С.В. Рауденбуш обнаружили, что беспорядок умеренно взаимосвязан с хищническими преступлениями, но эта связь может быть обусловлена бедностью жителей района и миграционными процессами», – отмечает О.В. Кружкова [4, с. 30].

Кроме того, криминологической науке известны кейсы, когда политика нулевой терпимости приводила к обратному эффекту. Ярким примером служит опыт бразильского Белу-Оризонти, в котором противостояние райтерам только спровоцировало развитие способов нанесения нелегальных изображений и привело к эскалация повторного восстановления уничтоженных графических объектов [4, с. 31].

Колумнистка «The Washington Post» Бенч Эсфильд обвиняет авторов теории в ложной интерпретации эксперимента Зимбардо, утверждая, что вместо борьбы с социальным неравенством теория ведет к расизму и жестокости полиции, поскольку беспорядок концентрируется в бедных районах, где живет цветное население [8].

Теория «разбитых окон» предлагает бороться с симптомами, а не с причинами преступности. Многие небольшие правонарушения, такие как безбилетный проезд в метро, происходят из-за бедности населения, а штрафы только усугубляют их материальное положение. Социологические исследования показали, что применение теории крайне неэффективно в регионах, где значительная часть населения уже давно смирилась с существованием беззакония и воспринимает его как единственный способ выживания [9].

Рабочей альтернативой считается активное привлечение горожан к благоустройству общественных пространств – в таком случае сами жители начинают следить за порядком. Этот подход корреспондируется с концепцией «защищаемого пространства» (defensible space) Оскара Ньюмана, который утверждал, что люди склонны защищать и беречь те пространства, которые они считают своими [6, с. 714]. Важным элементом профилактики является и создание условий для социально одобряемой активности молодежи: если она не будет иметь доступа к культурной инфраструктуре, она найдет развлечение на улице.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Теория «разбитых окон» имеет серьезное научное обоснование, подтвержденное

экспериментальными исследованиями, которые демонстрируют влияние визуальных признаков беспорядка на распространение девиантного поведения. Практическая имплементация теории в форме политики нулевой терпимости показала свою эффективность в снижении уровня преступности, что наиболее наглядно проявилось в Нью-Йорке 1990-х годов. Вместе с тем, теория имеет существенные ограничения и подвергается обоснованной критике, связанной с ее социальными последствиями, потенциально дискриминационным характером и недооценкой социально-экономических причин преступности. На современном этапе развития криминологии наиболее перспективным представляется комплексный подход, сочетающий элементы теории «разбитых окон» с социально ориентированными программами, направленными на устранение причин преступности и создание комфортной городской среды.

Таким образом, теория «разбитых окон» не должна рассматриваться как универсальное решение проблем преступности, но ее принципы могут быть эффективно использованы в составе сбалансированной правоохранительной стратегии, сочетающей контроль с социальной профилактикой и участием граждан в поддержании правопорядка.

Библиографический список

1. В Астане нарушителей оштрафовали почти на 18 млн тенге за вандализм в 2024 году // Kazakhstan Today: сайт. – URL: **https://www.kt.kz/rus/crime/v_astane_narushiteley_oshtrafovali_pochti_na_18_mln_tenge_za_13___7974307.html** (дата обращения: 26.11.2025). — Текст: электронный.
2. Инструкция к применению // Рамблер: сайт. – URL: **https://news.rambler.ru/community/52415343-instruktsiya-k-primeneniyu/** (дата обращения: 26.11.2025). — Текст: электронный.
3. Коляда М. В. Проблема ответственности за вандализм в свете «теории разбитых окон» // Право, общество, государство: проблемы теории и истории: сборник статей Всероссийской студенческой научной конференции, Москва, 28–29 апреля 2017 года / Российский университет дружбы народов. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. – С. 324-326.
4. Кружкова О.В. Вандализм. Почему не работает теория «разбитых окон»? // Психология и право. – 2024. – Т. 14 – № 3. – С. 26-38.
5. От граффити до преступления один шаг: что такое теория разбитых окон // РБК: сайт. – URL: **https://trends.rbc.ru/trends/social/637233089a794776c9acdfdc** (дата обращения: 26.11.2025). — Текст: электронный.
6. Разогреева А. М. Предупреждение преступлений при помощи средового проектирования: защищающее пространство и

защищенное пространство // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11 – № 4. – С. 706-716.
7. Сергевнин В. А. Роль теории разбитых окон в декриминализации городской среды обитания // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2014. – № 2(2). – С. 112-118.
8. How a 50-year-old study was misconstrued to create destructive broken-windows policing // The Washington Post: сайт. – URL: **https://www.washingtonpost.com/outlook/2019/12/27/how-year-old-study-was-misconstrued-create-destructive-broken-windows-policing/** (дата обращения: 26.11.2025). — Текст: электронный.
9. Moving to Opportunity: An Experiment in Social and Geographic Mobility // U.S. Department of Housing and Urban Development Office of Policy Development and Research: сайт. – URL: **https://www.huduser.gov/Periodicals/CITYSCPE/VOL5NUM2/shroder.pdf** (дата обращения: 26.11.2025). — Текст: электронный.
10. The Spreading of Disorder // Science: сайт. – URL: **https://www.science.org/doi/abs/10.1126/science.1161405** (дата обращения: 26.11.2025). — Текст: электронный.

Моисеев Артем Дмитриевич
студент 4 курса,
Смоленского филиала
Международного юридического института,
г. Смоленск, Россия

ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ДИПФЕЙКОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ[1]

Moiseev Artem Dmitrievich,
4th year student,
Smolensk Branch International Law Institute,
Smolensk, Russia

PROTECTING PERSONALITY IN THE ERA OF DEEPFAKES: CRIMINAL LAW MECHANISMS

Аннотация: *данная статья посвящена бурно обсуждаемому и неоднозначному феномену, появившимся в результате развития искусственного интеллекта – дипфейкам. В статье рассматриваются их понятие, сущность. Автором исследуется вопрос установления уголовной ответственности за совершение преступлений, с помощью технологии искусственного интеллекта. Анализируется использование дипфейков в таких сферах, как политика, экономика и др. Автором был предложен алгоритм действий по проверке достоверности информации в сети Интернет. В результате проведенного исследования автором было предложено внести изменения в Уголовный Кодекс РФ.*

Abstract: *this article is devoted to a hotly debated and controversial phenomenon that has emerged as a result of the development of artificial intelligence – deepfakes. The article discusses their concept and essence. The author examines the issue of establishing criminal liability for crimes committed using artificial intelligence technology. The use of deepfakes in such fields as politics, economics, etc. is analyzed. The author proposed an algorithm of actions to verify the accuracy*

[1] Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Международного юридического института, Карпова Наталья Анатольевна.

of information on the Internet. As a result of the research, the author proposed amendments to the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: *дипфейк, искусственный интеллект, дезинформация, уголовная ответственность, цифровые технологии.*

Key words: *deepfake, artificial intelligence, disinformation, criminal liability, digital technologies.*

В эпоху стремительного развития цифровых технологий, искусственный интеллект становится все более интегрированным в нашу жизнь. Вследствие этого, государство разработало большое количество нормативно-правовых актов в области цифровизации (Например, Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы"). Данная стратегия определяет меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества [2]. Безусловно, современные технологии значительно улучшают нашу жизнь, а именно: образовывают нас, используются в развлекательных целях, являются средством коммуникации, но, одновременно с этим, их использование становится угрозой распространения информации, несоответствующей действительности. Одним из самых бурно обсуждаемых и неоднозначных феноменов, появившихся в результате развития искусственного интеллекта (ИИ) являются дипфейки. В современном мире данные технологии все чаще используются обычными людьми, а не людьми, обладающими специальными знаниями в этой области, что создает серьезную угрозу для неправомерного использования. В связи со сложившейся ситуацией, мы рассматриваем и анализируем дипфейк с точки зрения уголовного закона.

Под дипфейком понимается технология, которая позволяет с помощью искусственного интеллекта подделать изображение человека, его фото, голос и даже видео. В последующем, сфабрикованные материалы будут восприниматься окружающими за действительные. Использование данной технологии оказывает потенциальное воздействие на политические процессы, общественное мнение и на доверие к информации в целом. М. Б. Добробаба отмечает, что «дипфейки представляют собой технологии изготовления поддельных фото и видеоматериалов, а также аудиозаписей, основой которых является методика компьютерного синтеза. Иными словами, искусственный интеллект переносит черты человека на чужое фото или видео с высокой степенью правдоподобия» [4, с. 2]. На сегодняшний момент, понятие «дипфейк» на законодательном уровне не урегулировано, однако, законопроект, который был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в прошлом году, должен это исправить. Целью данного законопроекта является внесение в ряд таких статей УК РФ,

как: клевета, кража, мошенничество в сфере компьютерной информации и др., дополнительного квалифицирующего признака – совершение преступления с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) и (или) биометрических данных гражданина. Мы согласны с предложенным законопроектом, т.к. в уголовном законодательстве отсутствует регламентация об уголовной ответственности за совершение преступлений с помощью дипфейков. Данный факт вызывает необходимость урегулирования в УК РФ уголовной ответственности, потому что технологии искусственного интеллекта позволяют распространить информацию, которая не соответствует действительности, с использованием другого человека, что посягает на честь и достоинство личности.

Сегодня, искусственный интеллект создает огромное количество фейков и дезинформации настолько качественно, что, практически, невозможно заподозрить, где обман, а где истина. Отличить «подделку» с каждым разом становится все сложнее. Дипфейки стали ключевым инструментом в попытках манипуляции массовым сознанием. В руках грамотных политтехнологов подобный инструмент открывает безграничные возможности для манипулирования общественным мнением. Для понимания всей глубины проблемы, давайте рассмотрим конкретные примеры использования дипфейков в различных сферах. Это позволит нам увидеть, как они становятся мощным оружием подрыва доверия в современном информационном пространстве.

В политической сфере технологии искусственного интеллекта могут быть использованы для создания и распространения ложной информации, и даже дискредитации политических деятелей. Создание дипфейк-видео, в которых они делают противоречивые заявления или высказывают позиции, которых политические деятели на самом деле не придерживаются, может использоваться для манипулирования общественным мнением или даже для разжигания конфликтов. Распространение дипфейков перед выборами с целью дезинформации избирателей может повлиять на их выбор, а, соответственно, и на результаты голосования. Создание политической напряженности и даже общественных разногласий в период электоральной кампании – это традиционная задача желающих оказать влияние на ход и результаты избирательной кампании. В Соединенных Штатах Америки достаточно активно набирают свою работу предвыборные кампании. Помимо игры компроматов, обвинений кандидатов друг друга, т.е. имеется ввиду, что ведется активная конкуренция между республиканцами и демократами, за пост дальнейшего правления США, применяются различные методы информационной провокации, вплоть до создания фейков. Например, в 2024 году, в период предвыборной кампании, команда Дональда Трампа использовала технологии искусственного интеллекта для дискредитации политики Джо Байдена. Был создан видеоролик, который, в последующем, был

выложен на видеохостинге YouTube (заблокирован на территории РФ), с целью показать избирателям, какие серьезные и масштабные проблемы будут в США, в случае переизбрания действующего на тот момент Президента [5]. Использование искусственного интеллекта в политике может быть также направлено на ухудшение отношений между странами. Например, в феврале этого года, в запрещенной на территории РФ, социальной сети распространился видеоматериал, в котором Президент США Дональд Трамп заявил, что провел с Президентом РФ Владимиром Путиным разговор, по вопросу урегулирования конфликта на Украине. В ходе телефонных переговоров Дональд Трамп угрожал российскому лидеру, если тот не заключит сделку, на выгодных для США условиях. Видеоматериал оказался созданным с помощью искусственного интеллекта [6]. Безусловно, дипфейк может нанести серьезный ущерб репутации политического деятеля. Во время предвыборной кампании злоумышленниками могут быть созданы аморальные видеоматериалы с участием кандидата, что становится эффективным способом, чтобы устранить оппонента в предвыборной гонке.

Проблема технологии искусственного интеллекта всегда будет соприкасаться с правом на свободу слова. Нельзя игнорировать тот факт, что дипфейк может быть использован для того, чтобы подать материал в жанре сатиры во время обсуждения общественно значимых проблем. Мы считаем, что необходимо создать обязательную маркировку материалов, которые были созданы с помощью ИИ. Таким образом, данная пометка «дипфейк» автором или лицом, который распространяет материал, должна исключать возможную ответственность.

Использование искусственного интеллекта в экономической сфере может повлечь за собой серьезные последствия, а именно: крупные финансовые потери, подрыв репутации компаний и др. Злоумышленники используют дипфейк-аудио или видео для имитации голоса или даже внешности руководителей крупнейших компаний, с целью получить доступ к конфиденциальной информации, осуществить мошеннические операции и т.д., например, в Гонконге мошенники провернули аферу, ограбив целую корпорацию. Финансовый менеджер одной транснациональной компании во время видеоконференции с коллегами и руководителем подразделения из Великобритании получил распоряжение совершить несколько платежей общей суммой 25,6 миллионов долларов на указанные банковские счета. Менеджер выполнил задание «руководителя». На конференции присутствовали коллеги, которых мужчина не первый год знал, правда, впоследствии все они оказались ненастоящими, а сгенерированными искусственным интеллектом (дипфейком). В результате проведенной аферы были украдены миллионы долларов у корпорации [3].

Технологии искусственного интеллекта оказывают значительное психологическое воздействие на человека и общество в целом. Масштабное

распространение дипфейков приводит к снижению доверия людей к любой информации. Человек начинает сомневаться в истинности, подлинности, достоверности всего, что он видит и слышит. Необходимо отметить, что такая категория населения, как дети и подростки, особенно уязвима перед психологическим воздействием искусственного интеллекта и легко могут быть подвергнуты манипуляциям. В современном мире, достаточно активное использование подростками социальных сетей создает для них угрозу, а именно, они потенциально становятся легкой «мишенью» для тех, кто распространяет ложную информацию. Дипфейки формируют искаженное представление о мире, в частности, искусственный интеллект может искажать определенные политические процессы, исторические события и факты, и иные явления, что, безусловно, представляет особую опасность для детей и подростков, которые только начинают формировать своё мировоззрение. На основе искаженной, несоответствующей действительности информации, они могут строить свои убеждения и ценности.

В ходе анализа проблемы распространения дезинформации с помощью технологии искусственного интеллекта, нами было проведено анкетирование обучающихся Международного юридического института. Исследование было направлено на выявление уровня осведомленности студентов о дипфейках, как явлении, и практических мер, которые обучающиеся предпринимают для того, чтобы фильтровать информацию, получаемую из Интернета. Результаты опроса демонстрируют довольно высокий уровень осведомленности о дипфейках среди респондентов: большинство опрошенных (90%) знают, что такое дипфейк и 10% респондентов не знают. Данный факт указывает на то, что тема технологии искусственного интеллекта достаточно широко обсуждается в обществе.

Несмотря на понимание термина, респонденты выражают обеспокоенность по поводу последствий распространения дипфейков. Наиболее серьезной угрозой видится распространение ложной информации (32%), за которым следует манипулирование общественным мнением (21%), ущерб репутации должностных лиц и организаций (20%). Подрыв доверия к СМИ и институтам власти также вызывает опасения (19%), хотя политическая нестабильность представляется респондентами менее вероятным последствием (8%).

Рассматривая вопрос о мерах противодействия дипфейкам, большинство опрошенных считают необходимым проверять информацию из нескольких источников (28%). Доверие только официальным источникам информации (23%) и нераспространение информации, в подлинности которой человек не уверен (22%) также являются популярными способами противодействия технологиям искусственного интеллекта. Менее распространенными, но, тем не менее, важными мерами являются критическая оценка всей информации в Интернете (17%) и игнорирование сомнительных новостей (10%).

В 2025 году главным и основным средством противодействия дипфейкам является критическое мышление. В связи с этим, мы считаем, что необходимо обучать детей, подростков и даже взрослых критически оценивать информацию, которую они получают на просторах интернета. Для того, чтобы проверить достоверность каких-либо полученных сведений, важно следовать данному алгоритму действий:

Для начала нужно определить, кто является автором информации (новостное агентство или это авторский блог)? Поищите сведения об авторе в интернете;

Проверьте адресную строку. Зачастую, это могут быть фейки, зеркальные сайты, которые полностью копируют данные с веб-страниц настоящих медиа, изменив при этом букву, добавив цифру или иной знак);

Определите тип источника информации, иными словами, нужно понять, данный источник является официальным (т.е. он опубликован на сайте органов государственной власти, на официальных новостных сайтах, таких как, «Вести.Ru», «Российская газета», «ТАСС» и другие) или неофициальным.

Проанализируйте содержание текста полученной информации (Подтверждается ли она другими источниками? Когда она была опубликована, т.е. актуальны ли сведения? Не содержит ли текст предвзятости и эмоциональных высказываний?).

Помимо предложенных действий, необходимо научиться распознавать дипфейки. Обратим внимание на признаки, свойственные технологии искусственного интеллекта:

Расхождение между движениями губ и речью, а также неестественная мимика. Тщательно анализируйте то, как двигается лицо во время речи.

Неестественная интонация, паузы в речи, неживое (механическое) звучание являются признаком того, что в видео используется поддельный голос.

Сгенерированная на видео маска может слететь в какой-то момент, например, когда человек поднес руку к лицу или повернул голову. Это является признаком того, что видео сфабриковано.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что тема технологии искусственного интеллекта достаточно широко обсуждается в современном обществе, что подтверждается результатами анкетирования. Данные результаты послужат основой для дальнейшего изучения влияния дипфейков на общество, разработки рекомендаций по снижению рисков, которые связаны с использованием данной технологии, в частности, проведение информационно-разъяснительной беседы с обучающимися учебных заведений. Дипфейк – это явление наказуемое, с которым нужно бороться мерами государства, посредством, например, установления уголовной ответственности, повышения её мер, за совершение преступлений с помощью дипфейков, т.к. технологии искусственного интеллекта позволяют

распространить информацию, которая не соответствует действительности, с использованием другого человека, что посягает на честь и достоинство личности. Конституция Российской Федерации регламентирует, что достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления [1].

Последствия дезинформации могут нанести урон интересам личности, общества и государства, соответственно, характер этих последствий должен влиять на юридическую силу ответственности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. — URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.10.2025). — Текст: электронный.
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы" // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
3. В Гонконге с помощью дипфейка украли миллионы долларов у крупнейшей корпорации // Российская газета. — URL: **https://rg.ru/2024/02/04/v-gonkonge-s-pomoshchiu-dipfejka-moshenniki-ukrali-milliony-dollarov-u-krupnejshej-korporacii.html?ysclid=mihiqnn9ms528920392** (дата обращения: 12.10.2025). — Текст: электронный.
4. Добробаба М. Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica. — 2022. — № 11 (192). — С. 112-119.
5. Неренц Д.В. Дипфейк как одна из главных информационных угроз XXI века // Филология: научные исследования. — 2025. — № 9. — С. 96-111.
6. Распространившееся в Сети заявление Трампа о диалоге с Путиным оказалось фейком // Вести.ру. — URL: **https://www.vesti.ru/article/4351246?ysclid=mihip45aic60601338** (дата обращения: 11.10.2025). — Текст: электронный.

Новокшонов Дмитрий Вячеславович
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры отраслевых и юридических дисциплин
факультета (командного) Военной ордена Жукова академия
войск национальной гвардии Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Россия

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Novokshonov Dmitry Vyacheslavovich
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Sectoral and Legal Disciplines
of the Faculty (Command) Military Order of Zhukov Academy
of the National Guard Troops of the Russian Federation
Saint Petersburg, Russia

TRENDS IN MODERN RUSSIAN CRIMINAL POLICY IN THE CONTEXT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Аннотация: *в статье автор рассматривает уголовную политику государства с началом проведения специальной военной операции. Анализирует действующее уголовное законодательство, ужесточающее и смягчающее уголовное наказание для некоторых категорий граждан в этот период. Выделяет основные направления совершенствования правовых основ государственной уголовной политики.*

Abstract: *In this article, the author examines the state's criminal policy in the context of the special military operation. The article analyzes the current criminal legislation that has both increased and decreased criminal penalties for certain categories of citizens during this period. The author highlights the main areas for improving the legal framework of the state's criminal policy.*

Ключевые слова: *уголовная политика, уголовное наказание, специальная военная операция, военное положение, военное время.*

Keywords: *criminal policy, criminal punishment, special military operation, martial law, wartime.*

Современная российская уголовная политика – это сложный, многогранный процесс, движущийся в направлении сбалансированного подхода, ужесточение уголовного наказания к реально опасным преступникам сочетается с гуманизацией и поиском альтернатив лишения свободы для тех, кто не представляет серьезной угрозы для общества. С началом проведения специальной военной операции (СВО), когда наши военнослужащие на передовой отстаивают будущее нашей страны, русского народа, традиции, историю, право на жизнь и в целом существование русского мира, актуальным становиться вопрос тенденции развития уголовной политики государства [3, с. 56].

На основе анализа текущей правоприменительной практики, законодательных инициатив и научных публикаций можно выделить несколько ключевых тенденций развития уголовной политики России. Дифференциация и индивидуализация ответственности, когда государство стремится не просто карать, а подходить к каждому случаю избирательно. Особо следует выделить, активное использование института освобождения от уголовной ответственности и применение статьи 75-76.2 УК РФ. Речь идет о преступлениях совершенных в первые, небольшой или средней тяжести. Одновременно ужесточается ответственность для рецидивистов, организаторов преступных сообществ, лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, а также для тех, кто представляет повышенную общественную опасность.

Еще одна закономерность в этот период, гуманизация уголовной политики, снижение роли тюремного заключения. Эта тенденция тесно связана с первой и проявляется в снижение доли лишения свободы, суды все чаще назначают наказания, не связанные с изоляцией от общества, особенно по экономическим составам и преступлениям небольшой тяжести. Расширение применения уголовных наказаний, штрафов и исправительных работ. Активно поощряется институт примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Если обвиняемый возместил ущерб и помирился с потерпевшим, дело часто прекращается. Отмена института условно-досрочного освобождения от наказания в виде ограничения свободы.

Важно отметить, криминализацию новых видов общественно опасных деяний. Пока одна часть уголовной политики смягчается, другая – ужесточается, реагируя на новые вызовы. Сфера IT и цифровой безопасности, появление новых составов преступлений, связанных с неправомерным воздействием на критическую информационную инфраструктуру (ст. 274.1 УК РФ), созданием и использованием вредоносных компьютерных программ. Постоянное расширение статей в уголовном кодексе, связанных с государственной изменой, шпионажем, диверсионной деятельностью. Ужесточение ответственности за фейки и дискредитацию армии в контексте специальной военной операции [4, с. 170].

Приведу примеры внесения изменений в уголовное законодательство с началом проведения специальной военной операции. Федеральным законом от 23 марта 2024 г. №64-ФЗ внесены изменений в УК РФ и УПК РФ, направленные на закрепление механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, которые заключили контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах РФ в период специальной военной операции. Уголовный кодекс дополнен новой статьей 78.1, которая предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

Внесены изменения в УК РФ статью 80.2 «Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время», которая разъясняет механизмы освобождения лиц, отбывающих наказание за совершение преступления, за исключением преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних либо преступлений, предусмотренных ст. 205–205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 275 , 275.1, 276–280, 281–281.3, 282.1–282.3, 360, 361 УК, от наказания условно. Поправки дополняют ст. 86 УК ч. 3.1, в которой указано, что в отношении лица, имеющего судимость, за исключением судимости за совершение вышеперечисленных преступлений, призванного на военную службу по мобилизации или в военное время в ВС РФ либо заключившего контракт о прохождении военной службы в ВС РФ в указанные период и время, судимость погашается со дня награждения государственной медалью либо увольнения с военной службы.

В свою очередь УПК РФ дополняется ст. 28.2 «Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время». Вносятся и другие корреспондирующие поправки.

Кроме того, указывается, что лица, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области до 30 сентября 2022 г., освобождаются от уголовной ответственности и наказания, а судимость в отношении таких лиц погашается.

Из приведенных примеров следует, что тенденция развития уголовной политики государства направлена на создание благоприятных условий для мобилизованных граждан, военнослужащих по контракту и добровольцев, участвующих в СВО. Она заключается в моратории на уголовное преследование за преступления небольшой и средней тяжести. Для участников СВО, находящихся в зоне проведения операции, приостанавливается течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Фактически это

означает, что пока человек участвует в СВО, его не будут привлекать к ответственности за старые бытовые преступления драки, причинение легкого вреда здоровью, мелкие хищения. Это позволяет им сосредоточиться на выполнении боевых задач [1, с. 23].

Особенно следует выделить, что участникам СВО предоставлены расширенные возможности освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (например, неуплата налогов ст.198 УК РФ), если они полностью возместят ущерб государству. Суды широко применяют отсрочку отбывания наказания для осужденных участников СВО, которые заключили контракт с Минобороны. После успешного завершения контракта и возвращения с фронта они могут быть освобождены от наказания. Важно отметить, что при назначении наказания участие в СВО, наличие государственных наград и ранений признаются обстоятельствами, смягчающими наказание. Основная цель этих мер, поддержать боевой дух, обеспечить социальную стабильность в тылу и дать шанс на ресоциализацию тем, кто защищает интересы государства [2, с. 32].

Параллельно с мерами поддержки действует жесткая линия в отношении преступлений, которые считаются особо опасными в условиях военного времени. Строгое преследование за преступления против военной службы гл. 33 УК РФ, ужесточена ответственность за дезертирство в период мобилизации или военного положения (ст. 338 УК РФ), самовольное оставление части (ст. 337 УК РФ), активно применяется в отношении военнослужащих, которые без уважительной причины покидают место службы, усилено уголовное преследование за отказ от выполнения боевых задач (ст. 332 УК РФ). Ужесточено наказание за хищение оружия, боеприпасов, имущества, находящегося в ведении воинских частей. Действует нулевая терпимость к любым проявлениям хулиганства и нарушению общественного порядка со стороны военнослужащих в тылу. Цель этих мер, поддержание строгой воинской дисциплины, недопущение разложения армии и обеспечение эффективности боевых действий.

В уголовном судопроизводстве широко применяется особый порядок судебного разбирательства, что ускоряет судебное разбирательство и отменяет выплату судебных издержек. Значительное количество уголовных дел в отношении участников СВО рассматривается военными судами, которые традиционно отличаются более строгим подходом. Появилась новая следственная и судебная практика по делам, связанным с уклонением от мобилизации (ст. 328 УК РФ).

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Уголовная политика в этой сфере неоднозначна и порождает ряд сложных вопросов. С одной стороны, участникам СВО прощаются старые преступления, с другой – за новые особенно воинские следует строгое наказание, это создает правовое

деление. Уголовная политика в отношении участников СВО – это инструмент гибридного управления, она одновременно поощряет и защищает для поддержания лояльности и мотивации и жестко карает для поддержания дисциплины и предотвращения развала. Она сильно зависит от текущей военно-политической обстановки и продолжает эволюционировать, оперативно реагируя на вызовы, возникающие в ходе проведения СВО.

Библиографический список

1. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса / А.И. Коробеев; Дальневосточный федеральный университет. – Москва: Издательство "Юрлитинформ", 2019. – 352 с.
2. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовная политика. Авторский курс / Н.А. Лопашенко. – Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. – 352 с.
3. Милюков С.Ф. Военно-полевая уголовная политика: основные контуры / С.Ф. Милюков // Вестник Владимирского юридического института. – 2025. – № 2(75). – С. 169-173.
4. Новокшонов Д.В. Некоторые вопросы уголовной политики государства в период военного положения / Д.В. Новокшонов // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 4(333). – С. 57-61.

Одуденко Виктория Юрьевна
студентка 3 курса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

КИБЕРСТАЛКИНГ И ЦИФРОВОЕ НАСИЛИЕ: ПРОБЕЛЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ[1]

Odudenko Victoria Yurievna,
3rd year students
Smolensk branch international law Institute
Smolensk, Russia

CYBERSTALKING AND DIGITAL VIOLENCE: GAPS IN CRIMINAL LAW

Аннотация: *в статье анализируются актуальные проблемы квалификации и пресечения актов цифрового насилия и киберсталкинга в условиях цифровизации общественных отношений. Отмечается, что действующие диспозиции статей Уголовного кодекса РФ, разработанные до массового распространения интернет-технологий и модернизируемые в настоящее время, не способны в полной мере охватить весь комплекс противоправных действий, таких как доксинг, сваттинг и создание дипфейков. Автор обосновывает необходимость криминализации данных деяний, рассматривает специфические проблемы доказывания, включая особенности защиты несовершеннолетних жертв, а также предлагает конкретные меры по совершенствованию законодательной практики. Методология исследования включает сравнительно-правовой анализ, метод системного и критического анализа.*

Abstract: *the article analyzes the current problems of qualification and suppression of acts of digital violence and cyberstalking in the context of*

[1] Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин (отделение Смоленского филиала) Международного юридического института, Лопатина Татьяна Михайловна.

digitalization of public relations. It is noted that the current dispositions of articles of the Criminal Code of the Russian Federation, developed before the mass spread of Internet technologies and currently being modernized, are not able to fully cover the entire range of illegal actions such as doxing, swatting and the creation of deepfakes. The author substantiates the need to criminalize these acts, examines specific problems of proof, including the specifics of protecting minor victims, and suggests specific measures to improve legislative practice. The research methodology includes comparative legal analysis, the method of systematic and critical analysis.

Ключевые слова: *киберсталкинг, цифровое насилие, доксинг, сваттинг, дипфейк, уголовное законодательство, цифровые доказательства, криминализация.*

Key words: *cyberstalking, digital violence, doxing, swatting, deepfake, criminal law, digital evidence, criminalization.*

-

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ - далее по тексту) кардинально трансформировало социальное взаимодействие, одновременно породив новые, специфические формы девиантного поведения. Одной из наиболее опасных тенденций стало экспоненциальное увеличение распространенности цифрового насилия и киберсталкинга, осуществляемые как напрямую, так и через использование вредоносных компьютерных программ. Сеть «Интернет», являясь пространством свободы информации, одновременно выступает платформой для совершения новых, изощренных и трудно доказуемых преступлений, а существующие механизмы уголовно-правовой ответственности оказались не в полной мере готовы к вызовам цифровой эпохи.

Цифровое насилие как комплекс умышленных, повторяющихся действий, направленных на причинение психологического вреда, унижение или запугивание жертвы обладает высокой латентностью, вызванной, в том числе, нежеланием потерпевших афишировать произошедшее. Современные реалии демонстрируют, что криминальное сообщество оперативно адаптировалось к новым ИКТ, сместив фокус значительной части противоправной деятельности в онлайн-пространство. Как отмечает Е.А. Русскевич, «…преступность приобрела качественно новые характеристики - экстерриториальность, виртуальность, гипертаргетированность…» [6, с.12-14]. С.А. Стяжкина, рассматривая цифровое насилие через призму понятия «информационное насилие», считает, что подобный термин уместен для уголовно-правового регулирования вопросов противодействия киберпреступности, вследствие чего возникла «…острая необходимость систематизации и единообразного подхода к вопросам криминализации «информационных» преступлений и дифференциации ответственности за их совершение» [7, с.727]. В этой связи

для дальнейшего анализа целесообразно рассмотреть зарубежный опыт регулирования ответственности за различные формы цифрового насилия.

Так, в Германии ответственность за кибersталкинг регламентирована § 238 German Criminal Code (StGB). Норма охватывает систематическое преследование (настойчивые попытки контакта (включая ИКТ), несанкционированное использование персональных данных, угрозы причинения вреда жизни/здоровью жертвы и др.). Отдельные элементы цифрового преследования квалифицируются по смежным статьям (онлайн-угрозы по § 241, диффамация - § 187 StGB). В Канаде кибersталкинг инкриминируется в рамках ст. 264 УК. Норма запрещает повторяющиеся и целенаправленные действия: навязчивые контакты, сбор и распространение персональных данных вплоть до домашнего адреса и сведений об трудоустройстве (доксинг), а также использование шпионского ПО и GPS-трекеров; организация компрометирующих веб-ресурсов и другие.

В Японии правовое регулирование кибersталкинга начало формироваться с принятия национального закона в 2000 году. Первоначальные запреты касались навязчивых телефонных звонков, затем были дополнены использованием электронной почты, социальных сетей, выявлением местоположения посредством GPS-оборудования и др. В 2022 году была ужесточена уголовно-правовая ответственность в виде лишения свободы или значительного штрафа.

Следовательно, прослеживается тенденция зарубежного законодательства к адаптации традиционных институтов уголовного права к специфике онлайн-угроз и к усилению мер защиты потенциальных жертв.

Российское уголовное законодательство не содержит норм, предусматривающих ответственность за подобные деяния, в связи с чем уполномоченные органы вынуждены квалифицировать подобные действия по общим нормам Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), которые изначально не были рассчитаны на специфику цифровой среды. В качестве примера может выступить ст. 119 УК РФ), о чем свидетельствует практика Королёвского городского суда.

Так, исходя из личных неприязненных взаимоотношений, гражданин отправлял бывшей сожительницы сообщения в виде угроз убийством и причинением тяжкого вреда здоровью. При этом, для должного подтверждения своих намерений, отправил фотографии ее личного автомобиля, после чего совершил его поджог. Как следует из материалов приговора суда гражданин, будучи физически сильнее потерпевшей, подвергал ее систематическим избиениям, в связи с чем угрозы убийством были восприняты буквально, как реальные. С целью оказания максимального психологического воздействия на потерпевшую, в период «…с 02 часов 40 минут до 03 часов 15 минут, осуществил умышленный поджог принадлежащего ей автомобиля <данные изъяты>, припаркованного на

неохраняемой стоянке у <адрес>, в результате чего автомобиль был уничтожен…» [2]. В связи с этим лицо было признано виновным в совершении преступления, подпадающего под ч. 1 ст. 119 УК РФ, поскольку было доказано, что угроза носила реальный характер и имела целью причинение физического вреда.

Обращаясь к цифровому насилию, включающему систематическое психологическое давление, следует сказать, что оно не содержат прямой угрозы подобного рода, а направлено на причинение репутационного или финансового ущерба, что не предусмотрено ст.119 УК РФ, в связи с чем значительная часть деяний кибersталкинга формально остается вне сферы уголовной ответственности.

Аналогичные сложности возникают при квалификации по статье 128^1 УК РФ, поскольку требуется «…распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию…» [1]. В случаях, когда преступник использует правдивую, личную информацию, к примеру, публичное распространение личной информации о жертве, полученной из открытых источников (домашний адрес, место работы, контакты родственников, финансовая составляющая) без ее согласия, с явным намерением причинить вред (доксинг), состав клеветы отсутствует. Объектом посягательства при доксинге, по нашему мнению, выступают не только честь, достоинство и репутация личности, но и ее фундаментальное право на неприкосновенность частной жизни и личную безопасность. С субъективной стороны состав клеветы охватывает осознание виновным целенаправленного использования подлинных персональных данных как инструмента для инициирования травли, шантажа, создания условий для психологического давления либо провокации реальных угроз в офлайн-пространстве. При этом присутствует явная атака на безопасность и приватность жертвы, но ответственность не наступает в виду пробела в действующем правовом регулировании.

Отдельного внимания заслуживает явление сваттинга - ложного сообщения о серьезном происшествии по адресу жертвы (захват заложников, угроза взрыва), что приводит к экстренному выезду спецподразделений. Данное деяние, с одной стороны, может выступать составным элементом совершения иного преступления. Подобными действиями происходит отвлечение правоохранительных органов и переключение их внимания на устранение мнимой опасности, тем самым выигрывается время для доведения другого преступления до конца. С другой стороны – эти действия могут быть квалифицированы по ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма». Однако диспозиция уголовно-правовой нормы не отражает субъективную сторону сваттинга в виде психологического давления и преследования конкретного лица, например, из мести, в отличие от ст. 207 УК РФ, предусматривающей хулиганские побуждения. Кроме того, если

последняя сфокусирована на дестабилизации общественного порядка, то анализируемое деяние характеризуется специфическим прямым персонифицированным умыслом на причинение вреда. Объект посягательства более широк: охватывает личную безопасность потерпевшего, а также конституционное право на неприкосновенность жилища. Злоумышленник использует механизм экстренного реагирования как инструмент для осуществления деструктивного воздействия и потенциального создания реальной опасности для жизни и здоровья конкретного лица, не преследуя при этом цели, к примеру, воздействия на принятие решений органами власти. В соответствии с действующим уголовным законодательством ответственность может наступить по ст. 207 УК РФ по факту заведомо ложного сообщения о готовящемся акте терроризма, по ст. 306 УК РФ по факту заведомо ложного доноса или по ст. 137 УК РФ за нарушение неприкосновенности частной жизни. Таким образом, хотя отдельной статьи за сваттинг нет, российское законодательство обладает всем необходимым арсеналом для наказания виновных за это крайне опасного и антисоциального деяния.

Особую угрозу представляют технологии дипфейков - злонамеренного создания и использования высоко реалистичных видео- и аудио материалов, имитирующих действия или высказывания жертвы (цифровое насилие нового уровня). Наиболее опасной формой является создание «специфических» материалов с изображением жертвы без ее согласия, выходящее за рамки клеветы, нарушения неприкосновенности частной жизни, унижения чести и достоинства личности в цифровом пространстве. Основные сложности привлечения к ответственности связаны - с невозможностью идентификации создателя дипфейка, который может использовать средства анонимизации, что делает прямую привязку действий к конкретному физическому лицу крайне сложной; с проблемой трансграничности совершения, поскольку преступник часто действует, используя серверы, расположенные за пределами РФ; с доказыванием того, что распространитель заведомо знал, что информация ложная; а также с вирусностью распространения дипфейка, который может нанести непоправимый репутационный ущерб жертве еще до того, как его успеют заблокировать или опровергнуть.

Доказательства того, что именно обвиняемый находился за компьютером в момент совершения преступления, требует сложной технической экспертизы и получение необходимых данных (IP-адресов, логов, информации об аккаунтах), в том числе и от иностранных провайдеров, что является длительным и сложным процессом, требующим международного правового сотрудничества и взаимной правовой помощи, что зачастую приводит к тому, что к моменту получения данных «следы» преступления уже уничтожены.

Кроме того, технические составляющие деанонимизации требуют значительных ресурсов и специализированных знаний, которыми не всегда располагают региональные следственные подразделения. Для работы с

технически сложными доказательствами, такими как алгоритмы дипфейков, требуется значительное развитие судебной компьютерно-технической экспертизы, возможно, путем формирования специализированных подразделений в экспертных учреждениях, укомплектованных специалистами, обладающими компетенциями в области анализа технологий искусственного интеллекта и облачных сервисов, что «…позволит зафиксировать максимальный объем информации, имеющей доказательственное значение, и повысить эффективность решения задач…» [3, с.94].

Без привлечения специалистов в области информационных технологий новые составы технологически совершаемых преступлений останутся нереализованными нормами из-за невозможности установления вину и причинно-следственных связей.

Уголовная ответственность за дипфейки в России существует, но она «рассыпана» по разным статьям УК РФ с учетом цели, с которой создавался и распространялся дипфейк. Например, ответственность может наступить по ст. 128^1 УК РФ при оспаривании чести и достоинства личности; по ст. 137 УК РФ за нарушение неприкосновенности частной жизни; по ст. 207.3 УК РФ при наличии цели повлиять на общественное мнение об использовании Вооруженных Сил РФ и др.

Законодательство в этой области продолжает развиваться, и можно ожидать появления специализированных норм об информационном подлоге с использованием технологий искусственного интеллекта, устанавливающих ответственность за создание и распространение убедительно подделывающих действия или высказывания лица, или введения в заблуждение, повлекшего существенный вред для чести, достоинства или деловой репутации личности, с учетом того, что что «…генерации контента посредством дипфейков с каждым днем достигают все большей результативности высокого уровня…» [4, с.176], а доказывание «заведомой ложности» в отношении цифрового контента крайне затруднено.

Помимо взрослого контингента, уязвимыми жертвами цифрового насилия выступают несовершеннолетние, подвергаясь таким формам цифрового насилия, как сексторшен (шантаж интимными материалами) и интернет-груминг (установление доверительных отношений с целью дальнейшей эксплуатации). Эти действия часто совершаются организованной группой с распределением ролей: «…одни собирают информацию, другие разрабатывают программы для взлома, третьи ведут диалог с жертвами…» [6, с.78]. Квалификация осуществляется в каждом конкретном случае индивидуально в зависимости от механизма совершения: если при осуществлении деяния преследуется цель вымогательства денежных средств или имущества, то по ст.163 УК РФ; если фотографии интимного характера были получены от несовершеннолетнего младше 16 лет в результате переписки - по ст. 135 УК РФ при условии достижения виновным совершеннолетия.

Общественная опасность обозначенных действий заключается в том, что преступники эксплуатируют несовершеннолетних, используя возрастные особенности психологического развития, а привлечение к ответственности за интернет-груминг затруднено, поскольку сам по себе факт общения не является преступлением до момента совершения конкретных действий. Кроме того, поскольку на данный момент нет соответствующей нормы уголовного закона, позволяющей квалифицировать подобные деяния, присутствует потребность в рассмотрении вопроса о целесообразности введения в законодательный оборот понятия груминга. Нами грумминг рассматривается как целенаправленное установление доверительных отношений с лицом, не достигшим возраста совершеннолетия, с использованием интернет-коммуникаций в целях последующей его эксплуатации. По нашему мнению, это позволит правоохранительным органам вмешиваться в процесс инфоманипуляций с жертвой до того, как будет причинен последней непоправимый вред.

В качестве перспективы развития уголовного законодательства представляется возможность включения в главу 17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» нормы, предусматривающей ответственность за «систематическое цифровое преследование» следующего содержания.

Ст. 128^2 Неправомерное вмешательство в личную или профессиональную сферу жизни

1. Систематическое совершение действий с использованием ИКТ, направленных на причинение значительного психологического вреда, подрыва репутации личности или иное нарушение прав и свобод гражданина, - наказывается (преступление небольшой тяжести).

2. Те же деяния, совершенные:

а) с использованием доксинга, в том числе сопряженного с применением дипфейков, направленого на неправомерное вмешательство в личную либо профессиональную сферу жизни потерпевшего, если это не образует самостоятельного состава преступления, предусмотренного статьей 128^1 настоящего Кодекса;

б) с иммитацией чрезвычайного происшествия (сваттинг), создающей реальную или мнимую угрозу безопасности потерпевшего, с привлечением служб экстренного реагирования, - наказывается (преступление средней тяжести).

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) лицом, использующим служебное положение или материальную либо иную зависимость потерпевшего, в том числе посредством интернет-груминга несовершеннолетнего;

б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, повлекшие вред здоровью и иные тяжкие последствия, – наказываются (преступление тяжкое).

Примечание.

1. Под доксингом в настоящей статье понимается распространение в информационно-телекоммуникационных сетях персональных данных о частной жизни потерпевшего, полученных из различных, в том числе открытых источников, с целью угрозы, оказания психологического давления, либо с целью побуждения третьих лиц к совершению противоправных действий в отношении потерпевшего и (или) членов его семьи.

2. Под интернет-грумингом в настоящей статье понимается совершение лицом действий, направленных на установление доверительных отношений с лицом, не достигшим возраста шестнадцати лет, с использованием ИКТ в целях дальнейшей эксплуатации.

Таким образом, цифровое насилие и кибersталкинг представляют собой серьезный вызов для правовой системы, требующий не только адаптации существующих норм, но и создания принципиально новых составов преступлений, отражающих специфику вредоносных действий в сети Интернет. Недостаточность существующих составов для охвата таких деструктивных практик, как доксинг, сватинг и создание дипфейков, приводит к безнаказанности преступников и незащищенность прав и свобод жертв, особенно несовершеннолетних. Только комплексный подход, сочетающий криминализацию новых форм цифрового насилия с введением соответствующих квалифицирующих признаков в существующие нормы уголовного кодекса РФ, позволит обеспечить надежную защиту граждан от угроз, возникающих в виртуальном пространстве.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Приговор Королёвского городского суда Московской области 1-473/2019 1-66/2020 от 19 февраля 2020 г. по делу № 1-473/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/KhpFI4qcIYZz/ (дата обращения: 16.11.2025). — Текст: электронный.
3. Валитова В.И. Проблема применения «электронных» доказательств в уголовном процессе // Шаг в науку. — 2025. — №3. — С. 90–95.
4. Лемайкина С.В. Актуальные вопросы противодействия использованию технологии дипфейков // Юристъ - Правоведъ. — 2022. — №3 (102). — С. 175–178.

5. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения / Е.А. Русскевич. - 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2022. — -227 с.
6. Сидоренко Э.Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации // Lex Russica. — 2024. — №12 (217). — С. 68–83.
7. Стяжкина С.А. Уголовная ответственность за информационное насилие: проблемы криминализации и систематизации // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2024. — №4. — С. 722–728.

Сидоров Максим Александрович
студент 5 курса,
Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Россия

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА[1]

Sidorov Maksim Aleksandrovich,
5th year student
St. Petersburg
Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
St. Petersburg, Russia

SOME ISSUES OF QUALIFICATION OF THE MURDER OF A NEWBORN CHILD BY A MOTHER

Аннотация: *настоящая статья посвящена проблемным вопросам квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка. Автором рассмотрены вопросы структуры состава рассматриваемого преступления, возрастной коллизии при недостижении матерью новорождённого ребёнка возраста, с которого может наступать уголовная ответственность, а также вопросы участия иных лиц совместно с матерью в убийстве новорождённого ребёнка. На основе анализа положений действующего законодательства, материалов судебной практики, позиций учёных автором*

[1] Научный руководитель – доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор, старший советник юстиции, Готчина Лариса Владимировна.

предложены теоретико-практические рекомендации по совершенствованию положений ст. 106 УК РФ, а также иных сопутствующих положений Общей части УК РФ.

Abstract: *this article addresses the complex issues of classifying the murder of a newborn child by a mother. The author examines the structure of the crime in question, the age limit when the mother of the newborn child has not yet reached the age of criminal liability, and the participation of others alongside the mother in the murder of a newborn child. Based on an analysis of current legislation, case law, and scholarly opinions, the author offers theoretical and practical recommendations for improving the provisions of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as other related provisions of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *убийство матерью новорождённого ребёнка, новорождённый ребёнок, убийство, соучастие, преступление.*

Keywords: *a murder of a newborn child by a mother, a newborn child, a murder, a complicity, a crime.*

Наличие указанного состава преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) оценивается учёным сообществом неоднозначно. Встречаются позиции учёных, предлагающих вовсе исключить указанную статью из особенной части УК РФ, что на наш взгляд, является радикальным, но все же подтверждает факт необходимости внесения изменений в диспозицию рассматриваемой статьи. Так, Н. С. Александрова предлагает «исключить психотравмирующую ситуацию из диспозиции статьи, т.к. она не может служить самостоятельным обстоятельством, позволяющим отнести деяние к убийству, совершённому при смягчающих обстоятельствах» [3, с.234].

Вынуждены не согласиться с данным тезисом, так как буквальное толкование действующей диспозиции ст. 106 УК РФ позволяет выделить четыре самостоятельных состава преступления:

1) убийство матерью новорождённого ребёнка во время родов;

2) убийство матерью новорождённого ребёнка сразу же после родов;

3) убийство матерью новорождённого ребёнка в условиях психотравмирующей ситуации;

4) убийство матерью новорождённого ребёнка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости [10, с.334]. Это значит, что наличие лишь психотравмирующей ситуации уже позволяет расценивать убийство новорождённого ребёнка как совершенное при смягчающих обстоятельствах.

С учётом изложенного, смягчение уголовной ответственности матери новорождённого ребёнка может быть обусловлено только временем

совершения преступления (во время родов или сразу после родов), а не её психофизиологическим состоянием.

На данный момент для квалификации деяния по привилегированному составу преступления не требуется установления взаимосвязи признаков времени совершения преступления и влияния психологического состояния виновной на совершаемые ей действия. Достаточно установить один из признаков либо времени совершения преступления – признака объективной стороны преступления, либо психологического состояния субъекта в момент совершения преступления – признака субъекта преступления.

В таком случае субъект рассматриваемого преступления может не находится в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, что явно искажает суть и назначение состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, в качестве привилегированного состава преступления.

На наш взгляд, при применении положений действующей диспозиции ст. 106 УК РФ обеспечивается чрезмерное смягчение ответственности матери, убившей своего новорождённого ребёнка. Так, вменяемая мать, способная осознавать общественную опасность своих действий или бездействий и руководить ими, может заранее спланировать и готовиться к совершению преступления, в том числе с момента, когда узнает о своей нежеланной беременности, распорядиться жизнью своего новорождённого ребёнка и понести за это минимальную ответственность.

Например, А., узнав о своей беременности, не желая рожать четвертого ребёнка, опасаясь того, что ребёнок родится с заболеванием, которым уже страдает один из её детей, приняла для себя решение, что не будет рожать ребёнка. Факт беременности от родственников и сожителя А. скрывала, на учёт в женскую консультацию не вставала. Убийство своего новорождённого ребёнка А. совершила сразу после родов путём сброса его в выгребную яму уличного туалета, расположенного на территории своего домовладения, тем самым оставив ребёнка в холодное время года без теплой одежды, не обеспечив своевременное оказание медицинской помощи новорождённому ребёнку, лишив его питания на длительный срок. При данных обстоятельствах смерть новорождённого ребёнка была неизбежной, что являлось осознанным и желанным результатом действий А., о чем свидетельствует умышленный характер действий виновной как в момент совершения преступного деяния, так и в момент сокрытия следов его совершения [2].

Как итог, действия вменяемой матери, заранее спланировавшей убийство своего новорождённого ребёнка, были квалифицированы по ст. 106 УК РФ, что обусловлено не изменениями психофизиологического состояния организма матери в период беременности, родов и послеродовой период, а временем совершения преступления. Несмотря на то, что имеются формальные основания для квалификации действий виновной как убийства

матерью новорождённого ребёнка, на наш взгляд, подобные случаи должны подлежать уголовно-правовой оценке не в рамках привилегированного состава преступления.

В целях обеспечения реализации концепции повышенного гуманизма к психофизиологическому состоянию матери в период беременности, родов и в послеродовой период, обусловившей включение рассматриваемого привилегированного состава преступления в УК РФ, считаем необходимым внести изменения в диспозицию ст. 106 УК РФ. Предлагаем предусмотреть признаки «в условиях психотравмирующей ситуации» и «в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости» в качестве альтернативных обязательных признаков, необходимых для квалификации деяния как убийства матерью новорождённого ребёнка.

С учётом вышесказанного, считаем необходимым изложить диспозицию ст. 106 УК РФ следующим образом: «Убийство матерью новорождённого ребёнка во время родов или сразу после родов, совершённое в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости».

В данном случае исключается возможность квалификации «предумышленного» [9, с.269] убийства новорождённого ребёнка, обусловленной лишь временем совершения преступления, по привилегированному составу преступления, а значит потребует установления не одного квалифицирующего признака, а их совокупности. Ведь, как справедливо утверждает И. Р. Шикула, для квалификации деяния как убийства матерью новорождённого ребёнка значимо не само время совершения преступления, а его сочетание «с особым психологическим состоянием женщины, обусловленным влиянием процесса родов и связанных с ним аспектов» [13, с. 29].

Таким образом, женщина, находящаяся в здравом уме и заранее спланировавшая совершить убийство своего ребёнка в процессе родов или сразу после его рождения, при успешной реализации своего преступного умысла будет подлежать уголовной ответственности не по привилегированному, а по особо квалифицированному составу преступления.

Вместе с этим необходимо также пересмотреть вопрос о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность за убийство матерью новорождённого ребёнка.

Согласно положениям ст. ст. 19, 20 УК РФ уголовной ответственности за убийство подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения преступления возраста 14 лет. В то же время уголовная ответственность за убийство матерью новорождённого ребёнка наступает при условии достижения матерью новорождённого ребёнка возраста 16 лет.

Изложенное свидетельствует о наличии правовой коллизии: как квалифицировать убийство матерью новорождённого ребёнка, если на момент

совершения преступления мать ребёнка достигла возраста 14 лет, но не достигла возраста 16 лет? В данном случае имеет место конкуренция привилегированного и особо квалифицированного составов преступлений, в которой, согласно правилам квалификации, применению подлежит уголовно-правовая норма, смягчающая уголовную ответственность виновной. Однако недостижение матерью новорождённого ребёнка возраста 16 лет препятствует применению привилегированной нормы (ст. 106 УК РФ).

В таком случае остается особо квалифицированный состав (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), который существенно ужесточает ответственность виновной, что с точки зрения принципов уголовного права будет несправедливым. Но, в то же время, правовых оснований, освобождающих не достигшую возраста 16 лет мать новорождённого ребёнка от уголовной ответственности за убийство своего ребёнка, законом не предусмотрено.

Данный вопрос является предметом доктринальных дискуссий. Так, действия матери, убившей своего новорождённого ребёнка и не достигшей возраста 16 лет, предлагают квалифицировать как убийство малолетнего, то есть по квалифицированному составу преступления [6, с.22]. В то же время имеет место быть позиция, согласно которой мать новорождённого ребёнка вообще не подлежит уголовной ответственности за совершенное ею деяние при аналогичных обстоятельствах [8, с.77]. Однако более целесообразными, по нашему мнению, являются предложения по пересмотру возраста, с которого может наступать уголовная ответственность за убийство матерью новорождённого ребёнка [7, с.221].

Решение данной проблемы нам видится в снижении возраста, с которого может наступать уголовная ответственность за убийство матерью новорождённого ребёнка, до 14 лет. Данное изменение позволит охватить все преступные посягательства на жизнь новорождённых детей со стороны их матерей, достигших к моменту совершения преступления возраста 14 лет, тем самым повысить правовую охрану жизни новорождённых детей. При этом отсутствие признаков привилегированного состава преступления потребует уголовно-правовой оценки действий матери ребёнка с позиции по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т.е. как убийство малолетнего.

Неоднозначен подход к квалификации действий соучастников матери, убившей своего новорождённого ребёнка. Фактически, совместно с матерью новорождённого ребёнка в выполнении объективной стороны рассматриваемого преступления могут участвовать и иные лица. Однако юридически мы не можем признавать указанных лиц соисполнителями.

Так, в соответствии с положениями ч. 4 ст. 34 УК РФ участвовавшее в совершении преступления лицо, не отвечающее признакам специального субъекта, предусмотренным диспозицией статьи УК РФ, подлежит уголовной ответственности в качестве организатора, подстрекателя или пособника. Однако в действительности данная норма не может носить универсального

характера, так как её применение к составам преступления, где признаки субъекта обусловлены исключительно личными характеристиками виновного, невозможно, равно как и соучастие в таких преступлениях [9, с.267].

При квалификации действий соучастников необходимо учитывать, что смягчение уголовной ответственности специального субъекта применительно к ст. 106 УК РФ – фактической матери новорождённого ребёнка, обусловлено её психофизиологическим состоянием в процессе беременности, родов и в послеродовой период. Указанные признаки неотделимы от её личности и составляют специальный «социально-правовой статус матери» [5, с.20]. В связи с этим считаем необоснованным распространение признаков, смягчающих уголовную ответственность специального субъекта, на иных соучастников преступления. Поэтому их действиям необходимо давать уголовно-правовую оценку с позиции ст. 105 УК РФ, учитывая роли в совершении преступления и все необходимые квалифицирующие признаки. Такой подход является справедливым с точки зрения уголовного закона и отвечает принципу вины.

Изложенное свидетельствует о невозможности применения положений ч. 4 ст. 34 УК РФ к ст. 106 УК РФ без каких-либо оговорок [4, с.12]. В связи с этим предлагаем дополнить содержание ст. 34 УК РФ оговоркой о том, что положения ч. 4 ст. 34 УК РФ не применяется к составу преступления, предусмотренному ст. 106 УК РФ, при оценке действий иных лиц, участвовавших совместно с матерью новорождённого ребёнка в его убийстве. Данное нововведение исключит возможность оценки действий организаторов, подстрекателей и пособников матери, убившей своего новорождённого ребёнка, по привилегированному составу преступления, а значит действия соучастников будут подлежать самостоятельной уголовно-правовой оценке.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о наличии группы лиц, если в выполнении объективной стороны убийства новорождённого ребёнка совместно с матерью участвуют иные лица. Если помимо матери новорождённого ребёнка в совершении преступления участвуют два и более лица, то при квалификации действий таких соисполнителей помимо квалифицирующего признака «убийство малолетнего» необходимо также учитывать признак совершения преступления в составе группы лиц [8, с.118].

По мнению В. П. Карлова, если в убийстве новорождённого ребёнка совместно с матерью участвует хотя бы одно лицо, то мать ребёнка утрачивает признаки специального субъекта, характерного для привилегированного состава, а значит совершает убийство в составе группы лиц [5, с.21]. Не можем согласиться с данным утверждением, так как формальным основанием для квалификации деяния по ст. 106 УК РФ является установление хотя бы одного квалифицирующего признака либо объективной стороны, либо субъекта преступления. Наличие такого признака независимо от причастности к совершению преступления иных лиц влечет за собой квалификацию действий

матери по привилегированному составу преступления, а действия иных лиц – по ч. 2 ст. 105 УК РФ с учетом необходимых квалифицирующих признаков.

Другой вопрос – имеются ли основания для вменения признака совершения преступления в составе группы лиц или группы лиц по предварительному сговору лицу, участвовавшему в убийстве новорождённого ребёнка совместно с матерью? С позиции ч. 1 ст. 35 УК РФ группа лиц будет иметь место при условии совместного участия в совершении преступления двух и более исполнителей, то есть лиц, отвечающих признакам субъекта конкретного преступления. Формально мать ребёнка, чьи действия подлежат квалификации по ст. 106 УК РФ, отвечает признакам субъекта преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, а значит может являться исполнителем указанного преступления. Фактически в совершении преступления участвуют двое лиц, но в силу наличия привилегированного состава действия матери подлежат квалификации с учетом смягчающих обстоятельств. На наш взгляд, в таком случае имеются основания для вменения признака группы лиц или группы лиц по предварительному сговору при квалификации действий соисполнителя.

Подобный подход, по нашему мнению, равно как вменение признака группы лиц при совершении преступления исполнителем совместно с негодным субъектом преступления, направлен на обеспечение защиты интересов потерпевшего [12, с.28] – новорождённого ребёнка.

Что касается оценки действий матери при совершении преступления в составе группы лиц или группы лиц по предварительному сговору, то, в отличие от квалифицированного состава, привилегированный состав не предусматривает соответствующего квалифицирующего признака, хотя в доктрине встречаются подобные предложения [11, с.15-16]. Учитывая специфику рассматриваемого состава преступления, мы считаем, что во введении указанного квалифицирующего признака, нет необходимости, однако сам факт совершения убийства новорождённого в составе группы лиц необходимо учитывать при назначении наказания матери по привилегированному составу преступления.

Для иных лиц, помимо матери новорождённого ребёнка, уголовная ответственность за убийство новорождённого ребёнка наступает по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, как убийство малолетнего. Однако в доктрине изложены позиции, согласно которым в данных ситуациях подлежит применению квалифицирующий признак «убийство лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии» [3, с.235].

В данной ситуации необходимо учитывать, что квалифицирующий признак «убийство малолетнего» нашел своё закрепление в УК РФ далеко не с момента его принятия. Так, до вступления в законную силу изменений, предусмотренных Федеральным законом от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», правоприменитель в

аналогичных ситуациях мог руководствоваться только квалифицирующим признаком «заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии», что при имевшихся на тот момент условиях не вызывает сомнений. Однако после вступления в законную силу вышеуказанных изменений, на наш взгляд, применению подлежит исключительно квалифицирующий признак «убийство малолетнего».

Дело в том, что указанные понятия соотносятся как общее и специальное: малолетний является частным (специальным) случаем лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии, что обусловлено возрастом потерпевшего. Применительно к ст. 106 УК РФ потерпевшим является новорождённый ребёнок – частный (специальный) случай малолетнего в силу более конкретизированных признаков продолжительности жизни [1].

Таким образом, наличие состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, имеет гуманистическую направленность по отношению психофизиологическому состоянию матери в период беременности, родов и в послеродовой период. Изложенные проблемные вопросы подтверждают необходимость законодательного совершенствования указанной статьи. В целях преодоления правовых коллизий и единообразного практического применения ст. 106 УК РФ, а также сопутствующих ей положений Общей части УК РФ, нами предложены соответствующие изменения применительно к действующей редакции диспозиции ст. 106 УК РФ, к возрасту, с которого может наступать уголовная ответственность за совершение данного преступления, а также к вопросу квалификации действий лиц, совместно с матерью участвовавших в убийстве новорождённого ребёнка.

Библиографический список

1. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, десятый пересмотр (МКБ-Х) от 02.10.1989 // Консорциум Кодекс. – URL: **https://docs.cntd.ru/document/420317970?marker=8QU0M8** (дата обращения: 25.10.2025). – Текст: электронный.
2. Приговор Ленинского районного суда Республики Крым от 01.09.2024 г. №. 1-211/2024 по делу № 1-211/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: **https://sudact.ru/regular/doc/wZazczsm9KJC/** (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
3. Александрова Н. С. О внесении изменений в статью 106 УК РФ // Известия ОГАУ. – 2014. №1. – С. 233-235.

4. Волженкин Б. В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. – 2000. – № 1 – С. 12-16.
5. Карлов В. П. Проблемы квалификации при убийстве матерью новорожденного ребенка, совершенном в соучастии с другим лицом // Российский следователь. – 2011. – № 7. – С. 19-22.
6. Кургузкина Е. Б. Убийство матерью новорожденного: природа, причины, предупреждение. // Е. Б. Кургузкина; под ред. Ю. М. Антоняна. – Воронеж: ВИ МВД России, 1999. – 151 с.
7. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа: Монография. / С. Ф. Милюков; Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Общество – «Знание» – Санкт-Петербург, 2000. – 279 с.
8. Попов А. Н. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка»: учебное пособие. / А. Н Попов. – Санкт-Петербург: СПб ЮИ (ф) УП РФ, 2021. – 136 с.
9. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – Санкт-Петербург.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 304 с.
10. Сидоров М. А. О некоторых проблемных вопросах квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка // Актуальные проблемы государства, права и экономики : мате-риалы XV Всероссийской научной конференции студентов с международным участием, Санкт-Петербург, 27 апреля 2024 года: – СПб ЮИ (ф) УП РФ, 2024. – С. 332-337.
11. Трясоумов М. А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с убийствами матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – 218 с.
12. Шевченко Е. Н. Соучастие в преступлениях, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков: проблемы квалификации: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. … к-та юрид. наук. – Москва, 2021. – 236 с.
13. Шикула И. Р. К вопросу квалификации насильственных преступлений, совершаемых матерью в отношении новорожденного ребенка (критерии беспомощности) // Юридическое образование и наука, – 2017. – № 9. – С. 29.

Тарасик Ольга Игоревна
студентка 2 курса,
Юридический институт
Томского государственного университета,
г. Томск, Россия

«БЕСПИЛОТНЫЙ ОБХОД»: НЕОБХОДИМОСТЬ УЧЕТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БПЛА В КАЧЕСТВЕ КВАЛИФИЦИРУЮЩЕГО ПРИЗНАКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 215.4 УК РФ[1]

Tarasik Olga Igorevna
2rd year students,
Law Institute
Tomsk State University,
Tomsk, Russia

"UNMANNED BYPASS": THE NEED TO ACCOUNT FOR THE USE OF UAVS AS A QUALIFYING FEATURE OF THE CRIME UNDER ARTICLE 215.4 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: *в статье анализируется проблема потенциально возможного использования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в преступных целях, проводится анализ законодательства, регулирующего правовые основы обеспечения национальной безопасности РФ. Рассматривается правовая природа БПЛА и возможность использования их в целях проникновения на охраняемые объекты, проводится анализ состава преступления, предусмотренного ст. 215.4 УК РФ. На основе исследования формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства путем введения нового квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 215.4 УК РФ.*

Abstract: *the article analyzes the problem of the potential use of Unmanned Aerial Vehicles (UAVs) for criminal purposes, conducting an analysis of the*

[1] Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт Томского государственного университета Васеловская Александра Викторовна.

legislation regulating the legal foundations of ensuring the national security of the Russian Federation. The legal nature of UAVs and the possibility of their use for penetrating secured facilities are examined, and an analysis of the elements of the crime under Article 215.4 of the Criminal Code of the Russian Federation is conducted. Based on the research, proposals are formulated for improving criminal legislation by introducing a new qualifying feature into Part 2 of Article 215.4 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: *беспилотные летательные аппараты (БПЛА), охраняемый объект, государственная тайна, квалифицирующий признак, национальная безопасность.*

Key words: *Unmanned Aerial Vehicles (UAVs), secured facility, state secret, qualifying feature, national security.*

Современный период времени характеризуется стремительной технологической трансформацией, которая порождает новые вызовы для национальной безопасности и суверенитета Российской Федерации. Данные вызовы во многом определяют необходимость своевременного и адекватного реагирования государства на них с помощью средств уголовно-правовой политики.

Одним из таких вызовов является широкое распространение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), которые потенциально могут применяться при совершении преступных деяний.

В данной работе мы постараемся ответить на ключевые вопросы: повышает ли такой способ совершения преступления как «использование БПЛА» общественную опасность совершаемого деяния при выполнении отдельных составов преступления, и если да, то какие изменения следует внести в уголовный закон.

Определение беспилотного летательного аппарата было дано в Глобальной эксплуатационной концепции организации воздушного движения. Так, «БПЛА – это воздушное судно без пилота в смысле статьи 8 Конвенции о международной гражданской авиации, которое выполняет полет без командира воздушного судна на борту и либо полностью дистанционно управляется из другого места (с земли, с борта другого воздушного судна, из космоса), либо запрограммировано и полностью автономно» [9, с.298].

В соответствии с Примечанием к Постановлению Правительства РФ от 19.07.2022 г. № 1299 «Об утверждении списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль», «беспилотные (воздушные) летательные аппараты – это любые летательные аппараты, способные взлетать и поддерживать контролируемый полет и аэронавигацию без какого-либо присутствия человека на борту».

Согласно ч. 5 ст. 32 Воздушного кодекса РФ, под беспилотным воздушным судном понимается «воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)».

Следует отметить, что в данном случае (в соответствии с определением, данным в Воздушном кодексе РФ) БПЛА, управляемые смешанным способом или полностью автономно, по сути, выпадают из поля зрения закона [10, с.105].

Тем не менее, соглашаясь с С.М. Кочои, мы приходим к выводу, что нет необходимости создавать новое определение беспилотного летательного аппарата специально для уголовного законодательства [6, с.129].

В отличие от традиционных орудий и средств совершения преступлений, БПЛА сочетают в себе следующие важные характеристики:

1) дистанционное управление, которое обеспечивает анонимность и безопасность преступника;

2) высокую мобильность, позволяющую преодолевать практически любые физические барьеры и периметры охраны весьма незаметно;

3) функциональную универсальность, а равно возможность оснащения воздушного судна различным оборудованием: видеокамерами, модулями для доставки грузов, взрывными устройствами и др.

Помимо вышесказанного, стоит отметить, что изначально БПЛА разрабатывались для военных и иных специальных применений, но затем они стали массово доступными, что расширило круг потенциальных преступников.

Перечисленные факторы, на наш взгляд, повышают общественную опасность ряда преступлений, которые потенциально могут быть совершены с использованием БПЛА. Также важно и то, что в некоторых случаях неправомерное использование БПЛА может ставить под угрозу национальную безопасность Российской Федерации.

В соответствии с пп. 6 п. 47 Указа Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение, в частности, такой задачи, как повышение уровня защищенности мест массового пребывания людей, объектов жизнеобеспечения населения, организаций оборонно-промышленного, атомного энергопромышленного, ядерного оружейного, химического, топливно-энергетического комплексов страны, объектов транспортной инфраструктуры, других критически важных и потенциально опасных объектов».

Вопросы защиты стратегически важных объектов находят отражение и в Уголовном кодексе РФ. Так, в частности, нормой ч. 1 ст. 215.4 УК РФ предусмотрена ответственность за «незаконное проникновение на подземный или подводный объект, охраняемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о ведомственной или

государственной охране, либо на важный государственный объект, сооружение на коммуникациях, к специальному грузу, охрана которых осуществляется войсками национальной гвардии Российской Федерации, если это деяние совершено неоднократно».

В соответствии с Примечанием 1 к данной статье, «данное деяние признается совершенным неоднократно, если оно совершено лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию».

В ч. 2 ст. 215.4 УК РФ предусмотрено два квалифицирующих признака данного состава преступления, а именно: совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а также совершение деяния, сопряженное с умышленным созданием угрозы распространения сведений, составляющих государственную тайну.

Использование БПЛА кардинально меняет традиционное представление о «проникновении». Так, теперь для проникновения не требуется физическое присутствие лица на территории объекта. Это создает ситуацию «дистанционного проникновения», при которой сбор сведений, в том числе составляющих государственную тайну, или совершение иных противоправных действий становятся возможными без непосредственного пересечения лицом охраняемого периметра, что не учитывается в полной мере конструкциями существующих составов преступлений.

Беспилотный летательный аппарат, как мы уже отмечали, многофункционален и мобилен. Так, с помощью него можно провести разведку местности, перехватить информационные сигналы, осуществить дистанционную съемку документов или оборудования. При совершении данных деяний БПЛА, благодаря своим особенностям, остается малозаметным и труднодостижимым для стандартных систем охраны.

Перечисленные действия с использованием БПЛА по своему характеру и потенциальным последствиям зачастую более опасны, чем аналогичные действия, совершенные при физическом проникновении, поскольку преступник получает возможность собирать информацию с меньшим риском, в больших объемах и на постоянной основе.

Повышенная общественная опасность возможного незаконного проникновения, совершенного с использованием БПЛА, позволяет нам сделать вывод о том, что является необходимым и целесообразным внесение изменений в ч. 2 ст. 215.4 УК РФ.

В целом, криминализация противоправного деяния признается обоснованной при учете пары важных моментов:

– появления нового общественно опасного деяния с достаточно высокой степенью общественной опасности (это может быть обусловлено появлением нового объекта посягательства);

– повышения степени общественной опасности уже закрепленного в уголовном законе деяния (это может быть обусловлено повышением степени общественной опасности способа совершения преступления или изменением социальной значимости вреда от этого преступления) [8, с.89-90].

Не подвергается сомнению то, что с возрастанием степени распространенности использования БПЛА, вышеперечисленные факторы актуализируются. Данная ситуация поставит перед законодательством вопрос о криминализации нового деяния, которое является результатом внедрения передовых технологий в общественную жизнь и их расширения [5, с.81].

Л.Л. Кругликов отмечает, что отягчающие обстоятельства – это факты, которые прямо относятся к преступлению и (или) к личности виновного и которые значительно усиливают ответственность и наказание по причине их существенного влияния на степень общественной опасности преступления и личности [7, с.470].

Так, исходя из вышесказанного, отсутствие в рассматриваемой нами норме особого обстоятельства, отягчающего наказание, а именно использования БПЛА, позволит потенциальному преступнику избежать более строгого наказания, так как деяние правоприменителю придется квалифицировать по ч. 1 ст. 215.4 УК РФ.

В целях устранения существующего правового пробела и приведения уголовного закона в соответствие с современными технологическими реалиями мы предлагаем дополнить часть 2 статьи 215.4 УК РФ новым пунктом следующего содержания:

«в) с использованием беспилотного летательного аппарата».

Введение данного квалифицирующего признака позволит решить обозначенные нами проблемы, а именно:

1) адекватно оценить общественную опасность проникновения на охраняемый объект с учетом использования БПЛА;

2) оказать превентивное воздействие на потенциальных преступников (что является одной из целей уголовного закона), рассматривающих БПЛА в качестве наиболее удобного инструмента для совершения преступления;

3) привести уголовный закон в соответствие с задачами Российской Федерации по обеспечению национальной безопасности;

4) адаптировать уголовный закон к научно-техническому прогрессу.

Таким образом, в результате нашего исследования мы приходим к выводу, что стремительное развитие и массовое распространение беспилотных летательных аппаратов и беспилотных технологий в целом на данный момент опережает текущее состояние уголовно-правового регулирования.

Существующая конструкция норм ст. 215.4 УК РФ, не учитывающая возможность «беспилотного обхода» стандартных систем охраны стратегически важных объектов, не в полной мере соответствует требованиям по обеспечению национальной безопасности.

Использование БПЛА для сбора сведений, в том числе составляющих государственную тайну, представляет собой качественно новую форму посягательства, характеризующуюся повышенной общественной опасностью. Отсутствие в законе квалифицирующего признака, который бы учитывал специфику преступлений, которые потенциально могут быть совершены с использованием беспилотного судна, приводит к такой уголовно-правовой оценке содеянного, которую вряд ли можно назвать адекватной самой природе деяний, совершаемых с использованием БПЛА, а также ослабляет превентивную функцию уголовного закона.

Внесение предложенного изменения, а именно дополнения ч. 2 ст. 215.4 УК РФ пунктом «в» – является весьма актуальным, обоснованным и необходимым шагом на пути приведения уголовного законодательства в соответствие с новыми вызовами. Данное нововведение позволит уголовному закону стать правовым барьером на пути использования современных технологий в ущерб безопасности Российской Федерации.

Библиографический список

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. N 60-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. — 1997. —№ 12. — ст. 1383.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СЗ РФ. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.
3. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации. — 03.07.2021. — Номер опубликования: 0001202107030001 — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202107030001 (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.
4. Постановление Правительства РФ от 19 июля 2022 г. N 1299 (ред. от 16.03.2024) «Об утверждении списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль» // Официальный интернет-портал правовой информации. — 22.07.2022. — Номер опубликования: 0001202207220041. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207220041 (дата обращения: 21.11.2025). — Текст: электронный.
5. Ананенко А.О. Основные направления совершенствования правового регулирования использования беспилотных транспортных средств / А.О. Ананенко // Транспортное право и безопасность. —2020. — № 2 (34). — С. 76–83.

6. Кочои С.М. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств / С.М. Кочои // Актуальные проблемы российского права. — 2021. —Т. 16. — № 7. — С. 125-135.
7. Кругликов Л.Л., Санташов А.Л. Теоретико-прикладные проблемы индивидуализации ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве / Л.Л. Кругликов, А.Л. Санташов // Пенитенциарная наука. — 2019. — Т. 13. — № 4. — С. 468-476.
8. Прозументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний / Л.М. Прозументов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2014. — № 4. — С. 81-91.
9. Рябов Д.А., Фарафонтова Е.Л. Правовой статус беспилотных летательных аппаратов в мировой практике и в Российской Федерации / Д.А. Рябов, Е.Л. Фарафонтова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2013. — Т. 2. — № 9. — С. 298-299.
10. Фокин М.С., Рязанов Н.С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств / М.С. Фокин, Н.С. Рязанов // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 1. — С. 103-110.

Резолюция конференции

1. Тематика представленных докладов затрагивает актуальные вопросы правового регулирования и дальнейшего развития юридической науки на современном этапе. В частности, в рамках работы конференции рассматривались вопросы по современным проблемам и перспективам трансформации государства и права в условиях цифровизации, проблемам правоприменения в сфере частного и публичного права, комплексным проблемам теории и практики уголовно-правовых дисциплин от законотворчества до правоприменения.

2. В выступлениях участников конференции была особо отмечена необходимость формулирования предложений по совершенствованию законодательства, а также по применению комплексного и системного подходов в качестве основных методов научного исследования при изучении конкретных актуальных проблем истории и теории государства и права, взаимодействие комплекса историко-правовых дисциплин с другими отраслями права, их соотношения с гуманитарными науками, в частности, с философией и социологией.

3. В рамках работы секции № 1 «Трансформация государства и права: современные проблемы и перспективы», определили, что трансформация государства и права представляет собой сложный процесс изменения формальных институтов власти и правовых норм, происходящих в результате экономических, политических и культурных изменений внутри общества.

4. Участниками конференции было обращено внимание, что процесс демократизации предполагает расширение участия граждан в принятии решений, укрепление системы местного самоуправления и развитие механизмов общественного контроля над деятельностью государственных органов. Децентрализация власти позволяет повысить эффективность управления путем передачи полномочий и ресурсов на региональный уровень.

5. Участники конференции отметили, что использование современных технологий позволит сделать государственные услуги более удобными и доступными для граждан. Развитие цифровых инструментов электронного правительства способствует повышению эффективности взаимодействия между гражданами и государством. На секции были представлены доклады, в которых исследованы мнения ведущих ученых

в области юриспруденции, социологии, политологии, экономики, направление научных исследований которых лежит в области познания правовых и этических аспектов использования искусственного интеллекта, правосубъектности роботов, роботизации юридической профессии. Отдельному анализу были подвергнуты вопросы правового противодействия угрозам кибербезопасности, затрагивались проблемы цифровых прав и управления большими данными, рисков тотального контроля и лишения приватности человеческой жизни.

6. Основной вывод, сделанный по итогам работы секции, заключается в том, что процессы и тенденции развития государства и права России приобретают в последние годы новую динамику и нуждаются в комплексном осмыслении.

7. В рамках работы секции №2 «Проблемы правоприменения в сфере частного и публичного права: теоретический и практический аспекты» участники обсудили такие актуальные темы, как проблемы правового регулирования применения современных технологий в предпринимательстве; вопросы о защите прав потребителей в отношении реализации цифровых продуктов; вопросы цифровизации правоприменения: пределы автоматизации и границы усмотрения в частноправовой и публично-правовых сферах; электронное правосудие в арбитражном процессе: проблемы правового регулирования и практики применения; правовые механизмы противодействия дропперству как элемент борьбы с мошенничеством.

8. В ходе обсуждений были затронуты следующие ключевые темы:

- **проблемы правового регулирования секретных изобретений в РФ;**
- **гражданско-правовые обязательства, возникающие из договорных отношений, сформированных посредством электронной коммуникации;**
- **правовые формы сделок купли-продажи бизнеса;**
- **происхождение термина “финансовый лизинг в России: проблемы перевода и правовой интерпретации;**
- **автономные интеллектуальные системы как новый субъект гражданских прав: перспективы регулирования в РФ;**

– **справедливость в гражданском праве и другие.**

9. В ходе конференции состоялся конструктивный, содержательный, интересный и творческий диалог и обмен передовым опытом и знаниями в сфере актуальных проблем права, отраслевых юридических наук, правоприменительной практики. На конференции также обсуждались и последние изменения российского права. В своих выступлениях участники обозначили пути разрешения рассмотренных проблем.

10. На основании представленных докладов и обсуждений, конференция приняла следующие рекомендации:

– **проведенная работа закладывает основу для дальнейшей эволюции научного знания и практических подходов в праве, необходимых для реагирования динамичных изменений цифровой эпохи;**

– **ее материалы и предложения будут содействовать обновлению юридической науки и модернизации правоприменительной деятельности.**

11. На конференции было принято решение продолжать дальнейшее изучение и обобщение отечественного и зарубежного опыта, направленного на исследование различных аспектов гражданских правоотношений в условиях цифровизации; способствовать решению проблем, стоящих на стыке гражданского и процессуального права; содействовать углубленному изучению вопросов, связанных с развитием трудового права на современном этапе развития общества; отметить положительный эффект совместной работы участников конференции в определении новых подходов к решению проблем и задач по дальнейшему изучению гражданского права, процесса, трудового права, семейного права, права социального обеспечения.

12. В рамках работы секции №3 «Комплексные проблемы теории и практики уголовно-правовых дисциплин: от законотворчества до правоприменения» участники обсудили актуальные темы, посвященные широкому спектру актуальных вопросов уголовного права, процесса и криминологии.

13. Несмотря на широкий тематический охват — от вопросов конституционного права 1849 года до преступлений против военной службы и проблем ювенальной юстиции — наибольший резонанс и самую оживленную научную дискуссию вызвал блок докладов, посвященных влиянию искусственного интеллекта и цифровых технологий на уголовно-правовую сферу.

14. Особое внимание участников привлек феномен дипфейков (deepfakes). В докладах Т.К. Гупаленко («Киберпреступления связанные с дипфейками...»), А.Д. Моисеева («Защита личности в эпоху дипфейков...») и М.Д. Новикова («Дипфейки в правоприменении...») была обозначена критическая проблема отставания законодательного регулирования от темпов развития технологий генерации контента.

15. В ходе обсуждения участники секции выделили следующие острые проблемы, связанные с «синтетическими медиа»:

- **угроза правосудию: высокий риск использования дипфейков для создания фальсифицированных доказательств, что ставит под угрозу объективность судебного процесса;**
- **сложности квалификации: отсутствие четких правовых механизмов для квалификации деяний, совершенных с использованием нейросетей (мошенничество, клевета, шантаж);**
- **кибersталкинг и цифровая личность: проблема защиты цифрового образа гражданина, поднятая в докладах В.Ю. Одуденко и Д.А. Бровченковой, показала необходимость пересмотра понятий «честь», «достоинство» и «безопасность» в виртуальной среде.**

16. Помимо цифровой повестки, живой интерес вызвали вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних, преступлений против государственной безопасности и статуса иноагентов, а также проблематика преступлений против военной службы.

17. Можно отметить следующие недостатки действующего уголовно-правового законодательства:

- **отсутствие специальных норм относительно информации о преступлении, имеющей электронную (цифровую) форму;**

– **неопределённость в вопросе о том, кто из участников процесса наделён правом изготовления документа в электронном виде и на каком этапе уголовного судопроизводства;**

– **односторонняя позиция законодателя по вопросу охраны персональных или идентифицирующих физических и юридических лиц данных.**

18. По итогам конференции было предложено принять следующие решения:

– **признать необходимость законодательной регламентации технологий дипфейков. Рекомендовать научному сообществу продолжить разработку определений и критериев, позволяющих разграничивать правомерное использование нейросетей и создание дипфейков в преступных целях.**

– **разработать методики верификации цифровых доказательств. В связи с угрозой фальсификации аудио- и видеоматериалов требуется совершенствование уголовно-процессуальных механизмов проверки доказательств на подлинность (экспертиза цифрового контента).**

– **усилить защиту личности в информационном пространстве. Отметить необходимость адаптации статей УК РФ (клевета, мошенничество) под реалии кибersталкинга и цифрового насилия.**

– **продолжить межотраслевые исследования. Констатировать, что современные вызовы требуют комплексного подхода на стыке уголовного права, IT-технологий, психологии и криминалистики.**

19. Работа конференции продемонстрировала высокий уровень подготовки участников и подтвердила актуальность междисциплинарного диалога в решении проблем современной юридической науки.